

ISSN 2949-124X

Российская история

5 2023

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская история

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

Монгольское правление на Руси в XIII в.

Русские города в завещании Ивана III

Дербентский правитель в Петербурге

*И.А. Вышнеградский
и последствия голода 1891–1892 гг.*

*Консервативный публицист
против столичной бюрократии*

*Госплан и конверсия военной промышленности
во второй половине 1940-х гг.*

*Коррупция среди региональных руководителей
на рубеже 1940–1950-х гг.*

«Крокодил» в годы холодной войны

«О спорт, ты — мир!»

МОСКВА

5
сентябрь
октябрь
2023

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Н. Захаров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Аракчеев, А.Н. Артизов, Б.В. Базаров, В.П. Булдаков, Р.Г. Гагкуев, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, В.В. Кондрашин, В.А. Кучкин, А.К. Левыкин, Д. Ливен, Е.А. Мельникова, С.В. Мироненко, К.В. Никифоров, Ю.А. Петров, Е.И. Пивовар, Р.Г. Пихоя, Д. Свак, А.В. Сиренов, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, Е.А. Тюрина, У Эньюань, В.С. Христофоров, В.В. Шелохаев, А.В. Юрасов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.Г. Агеева, А.Л. Беглов, О.В. Большакова, О.В. Будницкий, П. Бушкович, П.Г. Гайдуков, А.А. Горский, В. Дёнингхаус, С.В. Журавлёв, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, А.А. Иванов, Д.Ю. Козлов, Н.В. Козлова, Б.И. Колоницкий, М. Крамер, В.Н. Круглов, Д.В. Лисейцев (зам. главного редактора), П.В. Лукин, А.В. Мамонов (зам. главного редактора), Л.В. Мельникова, А.П. Павлов, Д.Б. Павлов, Д.А. Редин, К.А. Соловьёв, П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723 69 10
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: И.А. Всеволожский. Меркурий (И.А. Вышнеградский). [конец 1880-х гг.]

«Умиротворение и контроль»: монгольское правление на Руси в середине XIII в.

Александр Майоров

«Pacification and Control»: Mongol rule in Rus' in the mid-13th century

Alexander Maiorov
(Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X23050012, EDN: OWPMBC

В результате монгольских завоеваний русские князья признали верховную власть великого хана, а русские земли стали частью Монгольской империи. В русских летописях отразились многочисленные факты поездок князей к великим ханам и правителям Улуса Джучи с выражением покорности, проведение общеимперской переписи и введение нового налогообложения, а также случаи наказания князей, проявлявших нелояльность или уклонявшихся от проведения переписи.

Вместе с тем глобальный характер созданной монголами империи, которая в период своего максимального расширения (между 1240 и 1260 гг.) охватывала большую часть Старого Света, способствовал тому, что основные имперские институты, а также принципы власти и управления завоёванными территориями нашли отражение в более многочисленных источниках, созданных в различной культурно-языковой среде как на Востоке, так и на Западе и внешне никак не связанных друг с другом. Систематическое использование этих источников обусловлено значительными трудностями, прежде всего лингвистическими. Их полное преодоление, как и дальнейшее расширение круга доступных исторических свидетельств, — задача будущего. Однако уже сегодня с полной определённой можно говорить, что привлечение иностранных источников позволяет существенно уточнить и конкретизировать картину монгольского правления на Руси в середине XIII в.

В монгольской эпической хронике XIII в., известной как «Тайная история монголов», говорится, что сразу после завоевания Руси и других земель Восточной Европы в 1237–1240 гг. монгольские власти назначили специальных гражданских и военных администраторов в главных городах завоёванных территорий, в том числе в Киеве: они полностью покорили Асутов и Сесутов, а также население городов Белерман, Керман-кива и проч., поставили даругачинов (*daruγačīn*) и таммачинов (*tammačīn*) и возвратились на родину¹. Достоверность этого сообщения в целом не вызывает сомнений

© 2023 г. А.В. Майоров

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00166.

Выражаю благодарность С.В. Дмитриеву (Институт востоковедения РАН), П.О. Рыкину (Институт лингвистических исследований РАН) и С. Поу (Университет Калгари) за помощь в работе с китайскими и монгольскими источниками.

¹ Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. С. 194.

у исследователей, хотя некоторые содержащиеся в нём сведения и, в частности, используемая географическая и этническая номенклатура получают различные толкования².

«Даругачины» (даругачи) или баскаки — это, несомненно, монгольские администраторы, назначавшиеся имперским правительством для управления вновь завоеванными территориями или контроля за деятельностью местных правителей, признавших верховную власть хана³. Другой упомянутый в «Тайной истории» термин — «таммачи» — обозначал командиров специальных военных подразделений (*тамма*), использовавшихся как ударные части во время боевых действий, а в мирное время представлявших собой силы безопасности, поддерживавшие монгольскую власть над покорёнными странами⁴. Таммы создавались на границах империи, на вновь завоёванных территориях и были основным инструментом, с помощью которого эти земли присоединялись к империи. Они состояли из разноплемённых войск, набранных в различных регионах из личных контингентов каждого из четырёх старших сыновей Чингисхана, и сыграли важную роль в продвижении границ империи на запад. Таммачи обычно происходили из императорской гвардии (*кешиге*). Таммы располагались в районах с лучшими пастбищами, а таммачи являлись прямыми представителями великого хана и выполняли функции военных губернаторов⁵.

В главе «Войска» раздела «Трактаты» китайской истории империи Юань (Юань ши) сообщается, что с самого начала монгольская армия состояла как из регулярных войск, подчинённых хану и назначенным им темникам и тысячникам, так и из войск таммы (*танма*)⁶, которые набирались из всех народов и племён⁷. Другие сведения о тамме могут свидетельствовать о ней преимущественно как о гарнизонных войсках⁸.

Впервые появившиеся ещё при Чингисхане, таммы систематически стали использоваться в правление Угэдея. В «Тайной истории монголов» говорится,

² The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / Transl. with a hist. and philol. comment. I. de Rachewiltz. Leiden; Boston, 2004. P. 1009. Ср.: *Ostrowski D.* City Names of the Western Steppe at the Time of the Mongol Invasion // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1998. Vol. 61. P. 465–475.

³ *Vásáry I.* The Origin of the Institution of *Basqaqs* // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1978. Vol. 32. P. 201–206; *Vásáry I.* The Tatar Factor and Muscovy's Political Culture // Nomads as Agents of Cultural Change. The Mongols and Their Eurasian Predecessors / Eds. R. Amitai, M. Biran. Honolulu, 2015. P. 255–257; *May T.* The Mongol Empire. Edinburgh, 2018. P. 88–91. О соотношении терминов *баскак* и *даругачи* см.: *Маслова С.А.* Монгольская администрация на завоеванных землях: даруги и баскаки // Исторический вестник. 2014. Т. 10(157). С. 80–109.

⁴ *Allsen T.* Mongols and North Caucasia // Archivum Eurasiae medii aevi. 1987–1991. Vol. 7. P. 32.

⁵ См.: *May T.* Mongol Conquest Strategy in the Middle East // The Mongols' Middle East. Continuity and Transformation in Ilkhanid Iran / Eds. B. de Nicola, Ch. Melville. Leiden; Boston, 2016. P. 15–22; *May T.* The Mongol Empire. P. 80–82; *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. I. Wiesbaden, 1963. Nr. 130. S. 255–257; *Buell P.D.* Kalmyk Tanggaci people: thoughts on the mechanics and impact of Mongol expansion // Mongolian Studies. 1980. Vol. 6. P. 45–50.

⁶ По системе Палладия иероглиф 探 читается *тань*, но в древнемандаринском языке он читался *tham* (*Pulleblank E.* Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver, 1991. P. 301) и использовался для транскрипции монгольского слога *tam*. Благодарю П.О. Рыкина, указавшего на этот факт.

⁷ Юань ши. Пекин, 1976 (далее — изд. 1976 г.). С. 2508; перевод: Китайская династийная история «Юань ши (Официальная история [династии] Юань)» / Пер. и коммент. Р.П. Храпачевского // Золотая Орда в источниках. Т. 3: Китайские и монгольские источники. М., 2009. С. 211.

⁸ См.: *Hsiao Ch.* The Military Establishment of the Yuan Dynasty. Cambridge (Mass.); L., 1978. P. 85, 89, 96, 99, 102, 107, 109, 112, 115, 117, 120, 123.

что после завоевания Северного Китая этот правитель поставил повсюду алгинчи и таммачи, а в столичных городах поставил даругачи⁹. Ссылки на тамму и таммачи появляются в «Тайной истории» ещё несколько раз. Упоминания таммы встречаются также в «Джами ат-таварих» (Сборнике летописей) Рашид ад-Дина, в чьём распоряжении, как считается, были выписки из «Алтан дэбтэр» (Золотой книги), не дошедшей до наших дней официальной истории правящей династии, несколько копий которой хранились при дворах монгольских правителей. Кроме того, о таммачи упоминают армянские и грузинские источники¹⁰.

Хотя соотношение функций даругачи и таммачи вызывает различные толкования, большинство современных исследователей сходятся в том, что даругачи в период единой империи были тождественны баскакам и занимались преимущественно гражданским администрированием и финансами. В целом таммачи и даругачи можно считать ключевыми элементами созданной монголами дуальной (военно-гражданской) системы управления подчинёнными странами и народами¹¹. В этой системе таммачи играли не менее важную роль, чем даругачи: иногда командиры таммы, назначаемые на дальние рубежи империи, имели практически неограниченную власть над подчинённой им территорией, сами назначали даругачи и собирали налоги¹². Особым предназначением таммы как аванпоста, развёрнутого в приграничном районе, являлось выполнение разведывательных функций¹³.

В правление Угэдея таммы были созданы почти во всех завоёванных регионах — в Северном Китае и на границе Тибета, Кореи, Афганистане, Иране и Азербайджане. Их существование (с известными изменениями) продолжалось также в правление Гуюка и Мунке вплоть до распада единой империи, а в Северном Китае — и в эпоху Юань¹⁴.

⁹ The Secret History of the Mongols. P. 205; ср.: Козин С.А. Сокровенное сказание... С. 193. В переводе Козина термин *алгинчи* (*alginči*) передан как 'разведчик', но это — лишь одно из его значений. Другое, указанное И. де Рахевильцем (The Secret History of the Mongols. P. 276) и также реализованное в данном фрагменте, — 'авангард'. Таким образом, общий смысл фразы «*alginči tammačin talbiji*» следует понимать либо как 'поставил авангарды и командиров тамм', либо как 'поставил командиров передовых (авангардных) тамм'. Благодарю П.О. Рыкина за консультацию по данному вопросу.

¹⁰ См.: Ostrowski D. The Tamma and the Dual-Administrative Structure of the Mongol Empire // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1998. Vol. 61. P. 262–266. Среди источников, упоминающих таммачи, Островски называет некий «анонимный монгольский документ 1238 г.», что является недоразумением.

¹¹ См.: Ibid. P. 262–277.

¹² Atwood Ch. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. N.Y., 2004. P. 527.

¹³ См.: The Secret History of the Mongols... P. 1002–1003.

¹⁴ См.: Buell P.D. Kalmyk Tanggaci people... P. 45–50; Qu Dafeng. A new study concerning an explanation of the word «Tamaci» and the Tamaci army // Central Asiatic Journal. 2003. Vol. 47. P. 242–249; Jackson P. The Mongols and the Islamic World from Conquest to Conversion. Now Haven; L., 2017. P. 82, 86, 104, 149, 205, 253; May T. The Ilkhanate and Afghanistan // New Approaches to Ilkhanid History / Eds. B. Dashdondog, Ch.P. Atwood, T. May. Leiden; Boston, 2020. P. 272–320; Hope M. The Tamma of Azerbaijan in Regional and Imperial Contexts (1228–61) // Iran and the Caucasus. 2023 (forthcoming). В отечественной историографии вопрос о монгольской тамме специально не рассматривался. Коротко его касались архимандрит Палладий, В.В. Бартольд, А.Н. Насонов и недавно Р.П. Храпачевский. Однако сделанные ими наблюдения, в ряде случаев сохраняющие научную актуальность, не учитывают всей совокупности данных о тамме и расходятся с выводами западных исследователей (Палладий (Кафаров), архим. Старинное монгольское сказание о Чингисхане // Труды членов российской духовной миссии в Пекине. Т. 4. СПб., 1866. С. 255, примеч. 641; Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 1. М., 1963.

Как видим, приведённый здесь перечень территорий, где фиксируется существование таммы, охватывает почти все завоеванные монголами страны и регионы как на Востоке, так и на Западе. Тем не менее его нельзя признать полным. Сюда следует добавить по меньшей мере ещё одну тамму, созданную в южнорусских степях к западу от Днепра сразу после завоевания Киева и подчинения половцев в ходе Великого Западного похода. О создании этой таммы коротко упоминает «Тайная история монголов». Далее я рассмотрю свидетельства других источников, подтверждающих её существование.

Важнейшим из них является отчёт брата Иоанна (Джованни дель Плано Карпини), папского посланника к монголам, в 1246 и 1247 гг. дважды проезжавшего через Киев и другие южнорусские города. Он мог непосредственно наблюдать результаты военно-административной реформы, проведённой по приказу Угэдея в Южной Руси и прилегающих землях, упомянутой в «Тайной истории». Подробности, сообщаемые папским эмиссаром, дополняют и уточняют общую картину монгольского правления, установившегося здесь сразу после окончания Западного похода. Плано Карпини подтверждает существование в Южной Руси монгольских баскаков, именуемых *префектами*. Он воочию наблюдал или слышал от своих информаторов о нескольких подобных администраторах. Одним из них был некий мусульманин, названный *Саррацином* (*Sarracenus*), руководивший деятельностью переписных команд и обложивший русское население тяжёлыми поборами, распространявшимися даже на новорождённых детей¹⁵.

По словам Плано Карпини, «своих баскаков или префектов (*bascakos sive prefectos*) они размещают в земле тех, кому позволяют вернуться, и все должны подчиняться им, как вожди (*duces*), так и остальные. Если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они хотят, эти баскаки утверждают, что они неверны татарам, и таким образом разрушают их город и землю, а бывших там людей убивают могучей рукой татар, что без предупреждения приходят по приказу правителя (*principis*), которому та земля повинует, и внезапно бросаются на них; так недавно случилось, когда мы были ещё в земле татар, с одним городом, который они сами поставили в земле команов и заселили русскими»¹⁶.

Как видим, в качестве латинского эквивалента для обозначения баскаков Плано Карпини использует *prefectos*. Вместе с тем папский посланник заметил, что за спиной баскаков стоял ещё более могущественный правитель, обладавший реальной военной силой, которого он обозначил латинским термином *principis*, однако не указал монгольского эквивалента для этого термина. Из описания следует, что *principis* по своему статусу должен соответствовать *таммачи*. Если о префектах/баскаках Плано Карпини говорит во множественном числе, то о принципсе/таммачи — в единственном, его преимущество перед баскаками определялось именно наличием военной силы.

С. 534; Насонов А.Н. Монголы и Русь. М.; Л., 1940. С. 16–17; Храпачевский Р.П. Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М., 2011. С. 43–45.

¹⁵ Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli / Eds. E. Menestré et al. Spoleto, 1989. P. 285.

¹⁶ Ibid. P. 287. Ср. итальянский перевод на с. 370. Неясное сообщение о поставленном монголами русском городе в земле команов, возможно, следует понимать так, что монголы использовали часть русских пленников или беженцев, чтобы расселить их в землях, ранее принадлежавших половцам (Ibid. P. 466, n. 7). Ср.: Иоанн де Плано Карпини. История монголов: текст, перевод, комментарий / Пер. А.А. Вовина, П.В. Лукина; под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова. М., 2022. С. 84 (текст), 161 (перевод).

В сообщении папского эмиссара отчётливо видны признаки описанной выше дуальной системы управления, созданной монголами в завоёванных странах, основными элементами которой были баскаки (даругачи) и таммачи. В функции баскаков входил общий надзор за лояльностью местных правителей, подчинившихся монголам и оставленных ими при власти. Заметив любые проявления неповиновения, баскаки обвиняли таких правителей в неверности. После этого в дело вступала военная власть, которую на оккупированных территориях представляли таммачи. Из бывших в их распоряжении армейских частей таммы они составляли карательные отряды, которые могли внезапно атаковать и даже разрушить любой город, признанный мятежным, подвергая суровым карам его жителей.

В одной из включённых в Юань ши биографий Субэдея имеется свидетельство о том, что этот выдающийся полководец вскоре после победы монголов над объединёнными русско-половецкими войсками в битве на р. Калке предложил организовать в единую армию тысячу домохозяиств различных племён — меркитов, найманов, керейтов, канглы и кипчаков, — и Чингисхан разрешил это сделать¹⁷. В новейших исследованиях указанный факт интерпретируется как создание таммы для военного контроля над вновь завоёванными землями и продолжения завоеваний в западной Дешт-и-Кипчак¹⁸. Сведения, полученные из биографии Субэдея, можно сопоставить со свидетельством ещё одного источника — монгольской летописи XVII в., известной как Алтан Тобчи (Золотой свод), воспроизводящей сведения более ранних источников, в том числе несохранившихся древних летописей. Согласно Алтан Тобчи, управлять землей оросутов (русских) и чэркисутов (черкесов) Чингисхан поставил нойона Хукина (Хохин) или Кукина (*Qukin noyan*)¹⁹.

Л.В. Черепнин датировал это известие временем после похода Джэбэ и Субэдея в пределы Руси и оценил его как свидетельство «начала осуществления завоевательных планов монголов в отношении Восточной Европы»²⁰. Томас Оллсен, также с доверием воспринявший приведённое известие, пришёл к выводу, что в нём говорится о первом монгольском администраторе, подобном даругачи или баскаку, назначенном для управления землями Южной Руси и Северного Кавказа, который мог появиться уже во времена Чингисхана²¹. По мнению В.В. Трепавлова, данные Алтан Тобчи свидетельствуют о начале складывания крыльевой структуры в Улусе Джучи²².

¹⁷ Юань ши (изд. 1976 г.) С. 2976; пер.: Китайская династийная история... С. 228. См. также: Pow S., Liao J. Subutai: Sorting fact from fiction surrounding the Mongol Empire's greatest general (with translations of Subutai's two biographies in the Yuan Shi) // Journal of Chinese Military History. 2018. Vol. 7. P. 58.

¹⁸ May T. Conquest of the Dasht-i Qipchaq // The Mongol World / Eds. T. May, M. Hope. L.; N.Y., 2022. P. 156; Favereau M. The Horde. How the Mongols changed the World. Cambridge (Mass.), 2021. P. 80.

¹⁹ Лубсан Данзан. Алтан Тобчи / Пер. Н.П. Шастиной. М., 1973. С. 232.

²⁰ Черепнин Л.В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1977. С. 190.

²¹ Allsen T. Mongols and North Caucasia... P. 31.

²² Трепавлов В.В. Система крыльев и административное устройство. Проблема Ак-Орды и Кок-Орды // История татар с древнейших времён. Т. 3. Казань, 2009. С. 188–189. Возражения см.: Костюков В.П. Улус Джучи и синдром федерализма // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. Вып. 17. С. 454–455.

Конечно, свидетельство столь позднего источника вызывает закономерные сомнения в его достоверности²³. Тем не менее это известие мы не можем полностью сбрасывать со счетов. По мнению комментаторов Алтан Тобчи, упомянутый в интересующем нас сообщении нойон Хукин может соответствовать реальному лицу, известному по другим источникам²⁴. В перечне монгольских «эмиров» левого крыла, приведённом Рашид ад-Дином, упомянут нойон по имени Хуку (*Хуку-найан*) или Хукуту (*Huqutu noyan*), занимавший должность тысячника. Хуку был сыном правителя унгиратов Дэй-Сечена и родным братом Бортэ, старшей жены Чингисхана²⁵. В пользу отождествления упомянутых лиц говорит не только совпадение форм личного имени, но и близость к основателю империи, благодаря которой нойон Хукин/Хуку мог получить высокое назначение.

Последнее должно было состояться сразу после убедительной победы монголов над русскими и половцами в битве на р. Калке, закончившейся пленением и гибелью киевского и черниговского князей. Этому предшествовали победы над аланами и другими народами Северного Кавказа и Приазовья. В результате монголы некоторое время действительно могли считать завоёванными земли Южной Руси и прилегающие районы между Днепром и Волгой²⁶, следствием чего могло стать назначение имперского администратора, произведённое Чингисханом. По-видимому, уже в первой половине 1220-х гг. монголы имели реальный план и предприняли первые попытки создания в Восточной Европе своей системы управления с характерными для неё военными и гражданскими институтами, представленными тамгачи и даругачи.

Более того, если во главе оросутов и чэркисутов Чингисхан действительно поставил Хуку-найана, представителя правящего рода племени унгиратов, этот факт мог стать прецедентом для подобных назначений в будущем. Согласно официальной хронике правления великого хана Мунке, помещённой в разделе «Основные записи» Юань ши, в девятой луне седьмого года (8 октября — 7 ноября 1257 г.) император сделал Китая (*Ци-дай*), сына ханского зятя Лачина (*Лачэн*), даругачи для умиротворения и контроля над русскими и пожаловал ему 300 коней и 5 тыс. овец²⁷. В другом месте Юань ши — описании земель Узбека раздела «Трактаты» — находим ещё одно сообщение аналогичного содержания: в год дин-сы (1257) Китай, сын ханского зятя Лачина, был назначен даругачи для умиротворения и контроля над русскими и аланами²⁸. Последняя запись является частью комментария к основному тексту, сделанного составителями или редакторами Юань ши, работавшими в 1368–1370 гг., и в изданиях памят-

²³ Кушкумбаев А.К. Крылевая система в Улусе Джучи // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Казань, 2009. С. 84–85.

²⁴ Лубсан Данзан. Алтан Тобчи. С. 369, примеч. 55. Другую интерпретацию см.: Иоанн де Плано Карпини. История монголов. С. 267, примеч. 54 (коммент. В.В. Трепавлова).

²⁵ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. О.И. Смирновой; под ред. А.А. Семёнова. М.; Л., 1952. С. 271; Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-Tawarikh: Compendium of Chronicles — A History of the Mongols / Transl. W.M. Thackston. Cambridge (Mass.), 1998–1999. P. 276–277.

²⁶ См.: Maiorov A. V. The First Mongol Invasion of Europe: Goals and Results // Journal of the Royal Asiatic Society. Third Series. 2022. Vol. 32. P. 411–438.

²⁷ Юань ши. Тайбэй, 1965 (далее — изд. 1965 г.). С. 17; Юань ши (изд. 1976 г.). С. 50; пер.: Китайская династийная история... С. 195.

²⁸ Юань ши (изд. 1965 г.). С. 600; Юань ши (изд. 1976 г.). С. 1570; пер.: Китайская династийная история... С. 208.

ника она выделена как примечание редакторов. В подобных примечаниях использовались, как правило, подлинные документы имперского правительства, и, несмотря на некоторую поспешность и небрежность в оформлении примечаний, содержащиеся в них сведения в целом заслуживают доверия. Более того, благодаря отмеченной особенности редакторской работы в тексте примечаний сохранилось множество дословных заимствований и более или менее пространных фрагментов текстов подлинных документов XIII в.²⁹

На первый взгляд, оба приведённые здесь известия повторяют друг друга и кажутся взятыми из одного источника. Однако использование разных форм личного имени 乞靼 и 乞歹, а также двух систем датировки (по счёту лет правления хана Мунке и по 60-летнему циклу традиционного китайского календаря) наводят на мысль, что сообщения о Китае, читающиеся в разных частях Юань ши, могли быть заимствованы из разных монгольских документов, тем более что во втором сообщении содержится дополнительная информация о полномочиях Китая, назначенного даругачи для «умиротворения» не только русских, но и аланов.

Как известно, монголы унаследовали китайскую политическую теорию, которая, подобно теории имперского Рима, утверждала, что у «варваров» не может быть законных оснований сопротивляться императору, и поэтому любое неповиновение иностранцев рассматривалось как незаконный мятеж или бандитизм и требовало специальных мер по умиротворению и контролю. Используемые в китайских документах иероглифы 鎮 (*чжэнь*) и 守 (*шоу*) означали соответственно «умиротворить, сокрушить, охранять, овладеть» и «контролировать, охранять, управлять»³⁰. В период единой Монгольской империи и затем в империи Юань регулярно создавались различные бюро или управления по «умиротворению и контролю» (*сюаньфусы*), действовавшие, как правило, на вновь завоёванных территориях, где ещё оставались или заново возникали очаги сопротивления. Кроме того, существовала практика назначения отдельных лиц в качестве комиссаров или уполномоченных по «умиротворению и контролю» (*сюаньфуши*), подчинённых центральному правительству или лично императору³¹. Даругачи, назначаемые в беспокойные провинции или регионы, также фактически принимали на себя обязанности по умиротворению местного населения³².

Назначение Китая даругачи для «умиротворения и контроля» над русскими, произведённое ханом Мунке осенью 1257 г., может свидетельствовать о том, что вплоть до этого времени имперское правительство продолжало считать русских (и, в частности, жителей Владимиро-Суздальской земли и Новгорода) мятежниками, незаконно сопротивляющимися великому хану и проводимой им политике, в первую очередь связанной с переписью и налогообложением

²⁹ Благодарю С.В. Дмитриева и С. Поу за ценные комментарии по этому вопросу.

³⁰ Эти иероглифы могли употребляться и как компаунд с единым значением «охранять, нести военно-полицейскую охрану (местности)» (Большой китайско-русский словарь / Под ред. И.М. Ошанина. Т. 4. М., 1984. С. 665а), и такое значение в том числе выражает идею создания таммы.

³¹ Farquhar D.M. The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide. Stuttgart, 1990. N 126. P. 413–414; Atwood C.P., Struve L. The Rise of the Mongols: Five Chinese Sources. Indianapolis, 2021. P. 34.

³² Endicott-West E. Mongolian rule in China. Local administration in the Yuan Dynasty. Cambridge (Mass.), 1989. P. 35.

податного населения. Хотя в Юань ши нет прямых указаний на этот счёт, а формулировки, описывающие назначение Китая, носят трафаретный характер, свидетельства русских источников не оставляют сомнений, что перепись, проводимая по приказу Мунке, действительно вызвала массовое сопротивление на Руси (особенно в Новгороде)³³.

По всей видимости, Китай принадлежал к монгольской родовой аристократии и, как и упомянутый выше нойон Хукин, происходил из правящего рода племени унгиратов. Отцом Китая следует считать известного монгольского военачальника, чьё имя в Юань ши передано в двух формах *Лачин* (*Ла-чэнь*) и *Начин* (*На-чэнь*) (эти формы соответствуют тюркскому и монгольскому словам со значением «сокол»). Начин был внуком Дэй-Сечена и, подобно другим представителям этого рода, был женат на родственнице Чингисхана — одной из его внучек, — получив статус ханского зятя (*хургэн*)³⁴. Жизнеописанию Начина посвящена специальная глава в Юань ши: он и его сыновья верно служили нескольким императорам, в том числе Мунке и Хубилаю; в 1283 г. внучка Начина стала женой Хубилая и вошла в историю как императрица Нанби³⁵.

В генеалогических таблицах, представленных в Юань ши, Китай не значится среди сыновей Начина. Однако, как показал Луи Амбис, эти таблицы неполны, содержат пропуски и ошибки. Более полные и точные таблицы были составлены учёным эпохи Цин Ту Цзи (1856–1911) на основе исторических источников эпохи Юань. Здесь Китай значится как старший сын Начина, и этот последний тождественен Лачину, внуку Дэй-Сечена³⁶.

Пребывание в Южной Руси высокопоставленных монгольских администраторов, родственников Чингисхана, происходивших из правящего рода племени унгиратов, косвенно подтверждается присутствием их менее родовитых соплеменников на командных должностях среднего уровня. С одним из них непосредственно имел дело Плато Карпини. Ещё находясь в Киеве, он был проинструктирован в отношении дальнейшего путешествия киевским тысячником, назначенным монгольскими властями. Этот тысячник поручил некоему монгольскому сотнику сопровождать папских посланников к Коренце (*Куремсе*), который должен был определить их дальнейшую судьбу. В отчёте Плато Карпини приводится имя сотника — *Хонгрот* (*Hongrot*; в старших списках ошибочно *Nongrot*, *Nongreth*), — соответствующее монгольскому этнониму *унгират/хонгират*³⁷. Похоже, на западных окраинах Монгольской империи личные имена или, скорее, престижные прозвища, образованные от известных этнонимов

³³ Подробнее см.: *Майоров А.В.* Русские земли в фискальной политике хана Мунке // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. История. 2022. Т. 67. Вып. 4. С. 1033–1045.

³⁴ *Allsen T.* Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259. Berkeley, 1987. P. 104. О Начине и его потомках подробнее см.: *Hambis L.* Le chapitre CVIII du Yuan che: les fiefs attribués aux membres de la famille impériale et aux ministres de la cour mongole d'après l'histoire chinoise officielle de la dynastie mongole. Leiden, 1954. P. 17–20; *Zhao G.Q.* Marriage as Political Strategy and Cultural Expression. Mongolian Royal Marriages from World Empire to Yuan Dynasty. N.Y., 2008. P. 19–20, 103.

³⁵ *Zhao G.Q.* Marriage as Political Strategy... P. 241.

³⁶ *Hambis L.* Le chapitre CVIII du Yuan che... P. XIV и генеалогическая таблица 2b.

³⁷ *Giovanni di Pian di Carpine.* Storia dei Mongoli. P. 331, 494, № 72; *Иоанн де Плато Карпини.* История монголов. С. 124 (текст), 191 (перевод), 333 (комментарий). См. также: *Pelliot P.* Recherches sur les Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême Orient. P., 1973. P. 68–69; *Горский А.А.* Свидетели путешествия Плато Карпини: уникальная информация и ошибки прочтения // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 3(57). С. 120.

или политонимов, были распространены в многоэтнической среде служилой знати и употреблялись наряду с природными именами, иногда полностью замещая их. Примерами здесь могут стать также хорошо известные по русским источникам имена *Неврюй* и *Куремса*.

Итак, уже после первых крупных побед над русскими, половцами и аланами (первая половина 1220-х гг.) монголы, весьма вероятно, предприняли первую попытку создания в Восточной Европе своей системы управления с характерными для неё гражданскими и военными институтами. Однако тяжёлое поражение корпуса Субэдея в Волжской Булгарии и начавшаяся затем война с тангутами примерно на полтора десятилетия прервали эту деятельность.

В результате новая монгольская тамга, административным центром которой, вероятно, считался Киев, а основные пастбища располагались в степях к западу от Днепра, была создана только после полного завоевания Южной Руси и подчинения половцев, т.е. не ранее 1240 г. Помимо отчёта Плано Карпини свидетельства её существования мы находим также в сообщениях русских летописей, относящихся к проведению переписи податного населения на Руси, которая началась в 1252 г.

Похоже, в середине 1240-х гг. должность командира таммы, располагавшейся на западной границе Монгольской империи, исполнял монгольский военачальник по имени Куремса (Коренца), известный Плано Карпини и безымянному русскому летописцу, сообщавшему о военных действиях Куремсы против Даниила и Василька Романовичей. Идентификация личности Куремсы сталкивается с определёнными трудностями, обусловленными не столько обычным в таких случаях недостатком данных, сколько, наоборот, наличием нескольких форм соответствующего имени в источниках, происходящих из различных культурно-языковых сред. В них неоднократно встречается личное имя *Курумши/Курумчи* (*Qurumši*, *Qurimši*, *Qurimči*), распространённое у средневековых монголов, которое носили в том числе несколько Чингизидов³⁸.

Чаще всего Куремсу считают одним из монгольских военачальников или региональных правителей, чей небольшой улус располагался между Днепром и Днестром. О его взаимоотношениях с Бату ничего не известно. Высказывавшееся в литературе мнение, что Куремса был внуком Джучи (третьим сыном Орду) и соответственно племянником Бату, имеет слишком шаткие основания в источниках и, скорее всего, его следует признать ошибочным³⁹. Более вероятным представляется предположение, что Куремса не являлся Джучидом⁴⁰.

Замечено, что личное имя *Коренца* (*Choranca*, *Choranza*), как оно передано Плано Карпини, непосредственно встречавшимся с Куремсой, могло отражать монгольскую форму названия жителя Хорезма — хорезмийца (*ḫwārezmī*), от которой образовано и монгольское личное имя *Qurumši*⁴¹. В таком случае, кем бы

³⁸ Cleaves F.W. The Mongolian Names and Terms in the History of the Nation of the Archers by Grigor of Akanc // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1949. Vol. 12. P. 433–435.

³⁹ Иванова Е.Е. К вопросу об ордынской политике Даниила Романовича Галицкого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2(52). С. 41; Порсин А.А. История Золотой Орды конца XIII — начала XIV века в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-Фикра». Казань, 2018. С. 200–206.

⁴⁰ Трепавлов В.В. Административное устройство. Организация управления // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред. И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань, 2017. С. 154; подробнее см.: Иоанн де Плано Карпини. История монголов. С. 267–268, примеч. 55 (коммент. В.В. Трепавлова).

⁴¹ Pelliot P. Le nom du ḫwārizm dans les textes chinois // T'oung Pao. Second Series. 1938. Vol. 34. P. 150–152; Pelliot P. Recherches sur les chrétiens d'Asie centrale... P. 38–39.

ни являлся обладатель подобного имени (или прозвища), мы можем предполагать его тесную личную связь с Хорезмом; возможно, он был выходцем из этой страны, недавно завоеванной монголами, или особым образом проявил себя при её завоевании⁴². О положении Куремсы в качестве таммачи определённо свидетельствует характеристика, данная Плано Карпини: «Этот вождь является господином всех, которые поставлены на страже против всех людей Запада, чтобы те не набросились на них внезапно и неожиданно»⁴³.

Однако с предполагаемым статусом Куремсы не согласуется огромная численность подчинённой ему армии, существенно превышавшая размеры таммы и, по словам Плано Карпини, будто бы достигавшая 60 тыс. бойцов⁴⁴. Столь внушительная военная сила вполне могла быть сопоставима со всей монгольской армией, участвовавшей в Великом Западном походе под командованием Бату⁴⁵. Остаётся загадкой, каким образом подобная армия могла оказаться в подчинении малоизвестного военачальника или мелкого улусного правителя на дальней окраине империи, который к тому же был «самым младшим» среди всех татарских вождей⁴⁶.

Тем не менее сведения о 60-тысячной армии Куремсы широко вошли в научную литературу. Впервые их привёл Н.П. Дашкевич в биографии князя Даниила Галицкого, они постоянно используются и в работах новейших авторов⁴⁷. Как ни удивительно, все эти авторы оставляют без ответа очевидный вопрос: каким образом Даниилу Романовичу в течение нескольких лет удавалось успешно воевать с Куремсой, командовавшим огромным войском?

Ответ обнаруживается при текстологическом изучении свидетельства о Куремсе (Коренце), оставленного Плано Карпини. Сразу замечу, что ни в одной из известных ныне старших рукописей, содержащих полный текст его отчёта, нет сведений о 60-тысячной армии, состоявшей под командованием Куремсы. Самые ранние списки памятника — Кембриджский и Вольфенбюттельский, восходящие к общему протографу XIII в., — дают другое чтение, воспроизведённое в новейших критических изданиях: «Этот вождь, как мы слышали, имеет под своим началом шесть тысяч вооружённых людей (*sex milia hominum armatorum*)»⁴⁸.

О 60 тыс. вооружённых бойцов Куремсы нет сведений и в Лейденском списке (XIV в.), положенном в основу издания Мари-Армана д'Авезака, которым в свою очередь пользовался А.И. Малеин, переводя текст памятника на

⁴² Нельзя исключать, что монгольское личное имя *Qurumši* могло иметь другое происхождение и было связано, например, с тюркским *qorut* — «каменная осыпь».

⁴³ *Giovanni da Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*. Р. 307; *Иоанн де Плано Карпини. История монголов*. С. 100 (текст), 175 (перевод).

⁴⁴ *Джиованни дель Плано Карпини. История Монгалов* / Пер. А.И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Под ред. Н.П. Шастиной. М., 1957. С. 69.

⁴⁵ *Maierov A. V. The Mongol Conquest of Rus' // The Mongol World* / Eds. T. May, M. Hope. L.; N.Y., 2022. Р. 166.

⁴⁶ *Giovanni da Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*. Р. 267; *Иоанн де Плано Карпини. История монголов*. С. 67 (текст), 149 (перевод).

⁴⁷ *Дашкевич Н. П.* Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным известиям. Киев, 1873. С. 141; *Иванова Е. Е.* К вопросу об ордынской политике... С. 42; *Черкас Б.* Территориальное устройство Улуса Джучи (территория западнее Дона) // Золотая Орда в мировой истории. С. 162; *Селезнёв Ю. В.* Галицко-Волынская летопись как источник по истории Джучиева улуса // Золото-ордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 126.

⁴⁸ *Giovanni da Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*. Р. 307; *Иоанн де Плано Карпини. История монголов*. С. 100 (текст), 175 (перевод).

русский язык. В Лейденском списке, как и в других ранних рукописях, указаны те же 6 тыс. воинов. Десятикратное увеличение этой цифры — результат работы самого д'Авезака, как явствует из сделанного им примечания: численность в 60 тыс. была найдена им у Винсента из Бове, знаменитого учёного-энциклопедиста XIII в., использовавшего текст отчёта Плано Карпини в своём «Историческом зеркале» (*Speculum historiale*) — обширной компиляции по мировой истории. Эта цифра показалась исследователю более правдоподобной, так как она лучше соответствовала «организации татарских армий», состоявших из 10-тысячных подразделений. «Данное соображение, — заключает д'Авезак, — заставляет нас принять здесь цифру в шестьдесят тысяч, тем более что, как мы знаем, вся армия Бату-хана насчитывала шестьсот тысяч человек»⁴⁹.

Отдавая предпочтение версии Винсента из Бове, издатели отчёта Плано Карпини вплоть до начала XX в. последовательно принимали цифру в 60 тыс. при определении численности армии Куремсы⁵⁰. Однако обращение к ранним спискам памятника не оставляет сомнений в том, что папский эмиссар определял численность таммы, подчинённой Куремсе, в 6 тыс. воинов. Эту цифру можно признать вполне реалистичной, так как она примерно соответствует численности одного тумена средней категории в боевом составе⁵¹. Любые другие оценки являются результатом искажения исходных данных и неоправданного преувеличения численности монгольских армий, не имеющего отношения ни к исторической, ни к текстологической реальности.

Как видно из отчёта Плано Карпини, тамма Куремсы была единственным армейским подразделением монголов, имевшим постоянную численность, которое папский посланник отметил на западной окраине империи⁵². Это и не удивительно, ведь он совершал путешествие в мирное время, когда масштабные военные действия на Западе уже закончились, а основные монгольские армии, участвовавшие в них, распустили или вывели в другие регионы. Лишь сравнительно небольшое подразделение было оставлено для охраны границы и контроля над вновь завоёванными территориями.

В отчёте папского посланника упоминается ещё один монгольский правитель по имени Моуци (*Moisci*), чьи владения располагались к востоку от Днепра, т.е. близ кочевий Куремсы⁵³. Скорее всего, этот Моуци тождествен татарскому правителю, упомянутому в Галицко-Волынской летописи под именем *Могучей*, который в 1245 г. потребовал от Даниила и Василька Романовичей

⁴⁹ Relation des Mongols ou Tartares par le frère Jean du Plan de Carpin / Ed. M. d'Avezac. P., 1838. P. 348, note 8.

⁵⁰ См., например: Языков Д. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам. Т. I. СПб., 1825. С. 14, 15; The Texts and Versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis / Ed. C. R. Beazley. L., 1903. P. 94.

⁵¹ В монгольской армии тумены всегда были недоукомплектованы и практически никогда не достигали утверждённой численности в 10 тыс. человек. В боевом составе тумены официально подразделялись на три категории: высшая — минимум 7 тыс. военнотружеников, средняя — минимум 5 тыс. и низшая — минимум 3 тыс. (*Allsen T. Mongol Imperialism... P. 193; Hsiao Ch. The Military Establishment... P. 170–171, note 27*).

⁵² Бенедикт Поляк, спутник Плано Карпини, сообщает, что на третий день пути из Киева они прибыли к какому-то военачальнику, который командовал 8 тыс. вооружённых людей (*octo milibus armatorum*), и только затем отправились к Куремсе ([Relatio fr. Benedicti Poloni] / Ed. A. van den Wyngaert // Sinica Franciscana. T. I. Quaracchi; Firenze, 1929. P. 136). Это сообщение, скорее всего, возникло по ошибке, и упомянутое в нём воинское формирование должно относиться к Куремсе.

⁵³ Giovanni da Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. P. 308–309.

отдать Галич⁵⁴. Сравнивая Моуци и Куремсу, Плано Карпини отмечает, что первый был старше второго⁵⁵. Что означало старшинство Моуци над Куремсой? Можно ли понимать его в военно-иерархическом отношении, т.е. в том смысле, что Куремса подчинялся Моуци как военачальнику? Ведь в таком случае именно Моуци, а не Куремсу, следовало бы считать командиром описанной выше таммы.

Имя *Моуци* может соответствовать известному личному имени *Мочи* (*Моці*), которое в переводе с монгольского означает «плотник». Подобное имя носил один из сыновей Чагатая, приходившийся внуком Чингисхану и двоюродным братом Бату⁵⁶. Поль Пеллио высказал осторожное сомнение относительно того, что сын Чагатая действительно мог иметь какие-то владения в районе Днепра в виду крайне напряжённых отношений его отца с Джучи и Чагатайдов с Джучидами вообще⁵⁷. Тем не менее, если признать возможность тождества Моуци с сыном Чагатая, как это делает большинство новейших исследователей⁵⁸, можно объяснить некоторые противоречия, заметные в отношениях Моуци и Бату. Как отмечает Плано Карпини, вопреки обещанию Бату, Моуци на целый год задержал у себя «некоторых наших людей», отправленных к римскому папе с письменным отчётом «обо всех фактах, которые они сообщали ему»⁵⁹. Когда Даниил Романович, не пожелавший отдавать Галич Моуци, обратился за помощью к Бату, последний принял сторону Даниила и фактически подтвердил его княжеские права на Галич вопреки намерению Моуци взять этот город себе или передать его кому-то из своих ставленников⁶⁰.

В этих и других сохранившихся свидетельствах ничто не указывает на какую-либо связь и тем более зависимость Куремсы от Моуци в отношениях с Бату или с русскими князьями, которую следовало бы ожидать в случае иерархической подчинённости одного другому. Кроме того, в своей характеристике Куремсы Плано Карпини прямо говорит, что тот был «поставлен» над всеми, кто охранял западную границу, явно подразумевая здесь действие верховной власти, санкционировавшей назначение Куремсы в качестве военачальника, ответственного за безопасность западных рубежей империи, т.е. в качестве таммачи. По всей видимости, связь между Куремсой и Моуци исчерпывалась близкой дислокацией их пастбищ, а старшинство последнего выражалось лишь в превосходстве родовитого Чингизида перед простым офицером, сделавшим карьеру на военной службе.

Сразу после прихода к власти новый великий хан Мунке принял решение о проведении всеобщей переписи податного населения, охватившей все области и страны, так или иначе входившие в состав Монгольской империи. Перепись проводилась с целью упорядочения системы взимания налогов и выполнения других повинностей, обязательных для всех завоёванных народов, что

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 805.

⁵⁵ *Giovanni da Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*. P. 309; *Иоанн де Плано Карпини. История монголов*. С. 102 (текст), 176 (перевод).

⁵⁶ *Pelliot P. Notes on Marco Polo*. T. I. P., 1959. P. 191; *The Secret History of the Mongols*. P. 445, 446.

⁵⁷ *Pelliot P. Recherches sur les chrétiens d'Asie centrale...* P. 38.

⁵⁸ Об идентификации Моуци/Мочи подробнее см.: *Иоанн де Плано Карпини. История монголов*. С. 266–267, примеч. 54 (коммент. В.В. Трепавлова).

⁵⁹ *Giovanni da Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*. P. 312, 329.

⁶⁰ Галицько-Волинський літопис: текстологія / За ред. О.П. Толочка. Київ, 2020. С. 399–402.

в конечном счёте должно было привести к увеличению доходов великоханской казны, централизации власти и усилению контроля над ресурсами империи⁶¹.

Уже в 1252 г. началась подготовка к проведению переписи в русских землях. В начале этого года специальный ханский чиновник (баскак) Милей появился на территории Галицко-Волынской земли и встретился с князем Даниилом Романовичем⁶². Тогда же приказ о проведении переписи был доставлен владимирскому великому князю Андрею Ярославичу, и после его отказа «цесарям служить» Северо-Восточную Русь атаковал карательный отряд монголов под командованием Неврюя⁶³. В Галицко-Волынской Руси перепись должна была начаться с граничащих со степью юго-восточных окраин владений Даниила, где находился город Бакота. Сюда первым делом прибыл баскак Милей. Как и владимирский князь Андрей Ярославич, Даниил Романович отказался подчиниться приказу хана о проведении переписи и отправил в Бакоту своего сына Льва с военным отрядом. Лев сумел прогнать татар, освободить Бакоту, а также доставить к отцу самого Милея⁶⁴.

Личность последнего имеет ключевое значение для понимания сути происходящего. Помимо надзора за лояльностью местных правителей в функции баскаков входил контроль за сбором дани с подчинённого населения. Наличие баскака можно считать главным признаком введения монгольской системы взимания податей, предполагавшей проведение переписи⁶⁵. В период существования единой Монгольской империи баскаки (или даругачи) представляли правительство великого хана, в том числе в землях, подвластных Джучидам⁶⁶.

Столкнувшись с сопротивлением галицко-волыньских князей, Милей обратился к имперским властям за военной помощью, сойдя с исторической сцены, чтобы уступить место Куремсе. Последний не вёл мирных переговоров, а действовал исключительно силой. Через некоторое время после захвата Бакоты Куремса атаковал волынский город Кременец, продолжая тем самым экспансию во владениях Романовичей. В дальнейшем имя Куремсы фигурировало в описаниях нескольких стычек галицко-волыньских князей с татарами, предшествовавших вторжению Бурундая⁶⁷.

Появление военного отряда Куремсы после того, как баскак Милей не смог добиться от галицко-волыньских князей выполнения приказа великого хана о проведении переписи местного населения, прямо адресует нас к описанной выше ситуации взаимодействия гражданской и военной администрации монголов на завоёванных территориях. Когда баскаки или даругачи фиксировали случаи неповиновения верховной власти, они призывали карательный отряд, который должен был предоставить глава местной военной администрации — таммачи.

⁶¹ Майоров А.В. Русские земли в фискальной политике...

⁶² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 828–829.

⁶³ Подробнее см.: Майоров А.В. Александр Невский, Бату и хан Мунке: нашествие Неврюя и контроль над русскими землями // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 4(90). С. 23–38.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 828–829.

⁶⁵ Горский А.А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. 2014. Т. 10(157). С. 65, 78, примеч. 80.

⁶⁶ Allsen T. Mongol Imperialism. P. 46; Тренавлов В.В. Административное устройство. Организация управления. С. 152.

⁶⁷ Подробнее см.: Майоров А.В. Милей, Куремса и хан Мунке: Южная Русь под монгольским контролем // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 2(92). С. 41–56.

В литературе уже высказывалось предположение, что Куремса был наместником великого хана, кочевавшим западнее Днепра, т.е. в районе, непосредственно граничащем с Галицко-Волынской Русью⁶⁸. Если в конфликте с Романовичами Куремса действительно выступал как наместник великого хана, это обстоятельство может по-новому объяснить причины и суть конфликта. Противостояние происходило по линии взаимоотношений с имперским центром и его местными представителями. В то же время Бату и другие Джучиды, внешне стараясь не вмешиваться в конфликт, в действительности негласно могли поддерживать русских князей, недавно присягнувших им в качестве вассалов, поскольку не были заинтересованы в усилении власти имперского центра в русских землях, которые считали своими владениями.

Несомненно, Куремса стал имперским наместником на Юге Руси ещё до избрания Гуюка. Когда в конце октября 1245 г. Даниил Романович отправился в ставку Бату с намерением принести ему вассальную присягу и получить защиту от притязаний других монгольских правителей на Галич⁶⁹, он выбрал для этого кратчайший путь через Киев и Переяславль, по которому ранее благополучно проследовал специальный княжеский посланник, доставивший Даниилу особое разрешение на проезд, полученное от Бату. Об этой мере предосторожности знал Плано Карпини, предупреждённый волынским князем Василько Романовичем, братом Даниила, заботившимся о безопасности папского посланника к монголам⁷⁰. Однако, даже имея на руках некий документ, который он описывал как своего рода охранную грамоту, призванную обеспечить безопасный проезд к Бату (*securitatem de transeundo ad Bati*), Даниил не смог беспрепятственно воспользоваться ей. По прибытии в Переяславль русский князь по требованию монгольских властей должен был круто изменить маршрут — вернуться в Киев и отправиться к Куремсе за дополнительным разрешением на поездку: «И прииде Переяславлю, и стретоша татарове; оттоуда же еха къ Коуремесе»⁷¹. Точно также и Плано Карпини по выезде из Киева первым делом следовало посетить ставку Куремсы, располагавшуюся тогда в низовьях Днепра, чтобы получить разрешение на проезд к Бату (конец февраля 1246 г.)⁷².

По-видимому, в это время Куремса считал себя важнейшим монгольским администратором на Юге Руси и прилегающих степных территориях. Возможно, он был назначен на свой пост ещё Угэедем и являлся одним из тех тамачи, о которых упоминает «Тайная история монголов». Ревностно исполняя свои обязанности, Куремса пытался контролировать взаимоотношения Джучидов с русскими князьями и иностранными посланниками. Такое положение не могло не вносить известную напряжённость в отношения монгольских властей разного уровня — имперского центра и правителей Улуса Джучи, — что, как кажется, не ускользнуло от русского летописца, детально осведомлённого о по-

⁶⁸ Kronika halicko-wołyńska (Kronika Romanowiczów) / Wyd. D. Dabrowski, A. Jusupovic. Kraków, 2017. S. 289, przyp. 772.

⁶⁹ Майоров А.В. Русские князья после нашествия Батыя: борьба за Галич и Киев // Stratum plus. 2016. № 5. С. 49–56.

⁷⁰ Giovanni da Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. P. 304; Иоанн де Плано Карпини. История монголов. С. 96 (текст), 172 (перевод).

⁷¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 806; Майоров А.В. Даниил Галицкий в пути к хану Батыю: к спорам о продолжительности поездки князя в Орду // Stratum plus. 2016. № 6. С. 195–202.

⁷² Giovanni da Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. P. 307–309.

ездке Даниила к Бату: посетив ставку Куремсы, русский князь непосредственно убедился, «яко несть в них добра»⁷³.

Ранняя смерть Гуюка сорвала новые завоевательные планы в отношении Запада⁷⁴ и, очевидно, сказалась на дальнейшей карьере Куремсы. Следующий великий хан Мунке свои главные усилия сосредоточил на завоевании Южного Китая и Ближнего Востока. Предполагавшийся поход на Запад хотя и не был полностью отменён, фактически оказался отложенным на неопределённое время. Мало-помалу созданная на западной границе империи тамга осталась не у дел. Конечно, она не была полностью расформирована, но, скорее всего, подверглась сокращению и была ослаблена.

В результате у Куремсы не оказалось достаточных сил даже для того, чтобы должным образом наказать галицко-волынских князей, не подчинившихся ханскому приказу о проведении переписи, и безуспешная война с ними растянулась на несколько лет. Неудачей закончились атаки Куремсы на Кременец, а затем на Владимир-Волинский и на Луцк⁷⁵, так что русским князьям в какой-то момент даже удалось перейти к активным наступательным действиям против татар⁷⁶. Подводя итог долгому противостоянию, княжеский летописец не преминул заметить, что Даниил Романович «николи же не бояся Коуремсье, не бе бо могль зла емоу створити никогдаже Коуремсьа»⁷⁷.

По такому же сценарию, хотя и с несколько другим результатом, представители монгольской имперской администрации действовали в отношении владими́ро-суздальских князей. В русских источниках отразился только их завершающий этап — нападение Неврюя и изгнание из Руси великого князя Андрея Ярославича. Однако этим событиям, несомненно, предшествовал этап переговоров, в ходе которых владимирскому князю было передано требование о проведении общеимперской переписи через специального чиновника, представлявшего центральное имперское правительство и выполнявшего функции, аналогичные функциям баскака.

По мнению автора Жития Александра Невского, нападение монгольского военачальника Неврюя на Владимиро-Суздальскую землю летом 1252 г. произошло по приказу Бату, разгневавшегося на великого князя Андрея Ярославича, младшего брата Александра: «По сем же разгневся царь Батый на брата его меньшаго, на Ондreja, и посла воеводу своего Неврюя повоювати землю Суждальскую»⁷⁸. Несмотря на то что восходящая к Житию интерпретация «Неврюевой рати» широко вошла в научную литературу, древнейшие летописи её не подтверждают. Более того, Лаврентьевская летопись указывает на другую причину карательного похода Неврюя, когда говорит о нежелании Андрея Ярославича «цесарям служити»⁷⁹.

⁷³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 806.

⁷⁴ Подробнее об этих планах см.: Kim H. A Reappraisal of Güyük Khan // *Mongols, Turks, and Others. Eurasian Nomads and the Sedentary World* / Eds. R. Amitai, M. Biran. Leiden; Boston, 2005. P. 330–331.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 829, 842.

⁷⁶ *Dąbrowski D. Daniel Romanowicz król Rusi (ok. 1201–1264). Biografia polityczna.* Kraków, 2012. S. 387–388, 397–399.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 846.

⁷⁸ Цит. по: *Бегунов Ю. К.* Житие Александра Невского. Первая редакция. 1280-е годы. Реконструкция текста // *Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы* / Под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб., 1995. С. 194.

⁷⁹ ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 473.

В период существования единой Монгольской империи «цесарями» на Руси должны были именоваться прежде всего великих ханов, верховных правителей всей империи, и только после её распада подобные титулы закрепились также за правителями Улуса Джучи⁸⁰. Описывая контакты владимирских князей с великими ханами в середине XIII в., составитель Лаврентьевской летописи последовательно использовал формы множественного числа для обозначения правителей империи — *цесари, кановичи*⁸¹. Исходя из этого, более вероятным представляется, что столкновение Андрея Ярославича с Неврюем, как и Даниила Романовича с Куремсой, происходило по линии противостояния с высшей имперской властью и её представителями на местах, отвечавшими за проведение всеобщей переписи податного населения⁸².

Краткий и несколько сбивчивый рассказ Лаврентьевской летописи о нашествии Неврюя важными подробностями дополняет логически более связный рассказ Софийской первой летописи старшего извода. Считается, что известия этой летописи за середину XIII в. восходят к несохранившемуся общерусскому своду 1423 г. митрополита Фотия и могут быть признаны достоверными⁸³. В летописном рассказе внимание привлекает прежде всего сообщение, что Неврюй пришёл на Русь не один, и что в его большом войске имелось ещё несколько татарских воевод: «Того же лета приде Неврюи и Котья, и Олабуга храбрыи на землю Суждальскую съ многыми воеводами и силою татарскою на великаго князя Андрея Ярославича»⁸⁴.

Личное имя *Котья*, читающееся в русской летописи, фонетически схоже и может быть сопоставлено с уже известным нам именем *Kumai*, представленным в китайском источнике. Обе формы могли возникнуть в результате передачи на разные языки одного и того же монгольского имени, которое носил реальный исторический деятель середины XIII в., монгольский военачальник, в 1257 г. назначенный ханом Мунке даругачи для русских, о чём дважды упоминается в разных разделах Юань ши. Конечно, это только предположение, требующее дальнейших доказательств. Но как бы то ни было назначение на ответственный пост даругачи, совпадающее с проведением переписи во Владимиро-Суздальской земле, очевидно, предполагало наличие у Китая некоторого опыта взаимодействия с русскими, приобретённого в предшествующие годы. Бэкграунду будущего даругачи вполне соответствовало бы его участие в первой неудавшейся попытке проведения переписи, закончившейся карательной экспедицией Неврюя, в войске которого Котья/Китай, следуя летописному сообщению, играл заметную роль, занимая вторую позицию после Неврюя.

Назначение Китая даругачи в русских землях совпадает с появлением в Южной Руси ещё одного известного монгольского военачальника — Бурунда, также имевшего личный опыт войны с русскими князьями. Будучи одним из участников Великого Западного похода, Бурундай командовал монгольскими войсками в битве на р. Сити, закончившейся гибелью великого князя Юрия

⁸⁰ Горский А.А. Первые вызовы русских князей к монгольским правителям: 1242–1243 годы // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10. С. 309, примеч. 13.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470–471.

⁸² Майоров А.В. Александр Невский, Бату и хан Мунке...

⁸³ Кучкин В.А. Владимирское княжество в послемонгольское время // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 2(88). С. 23.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 327.

Всеволодовича, а затем участвовал в штурме Киева⁸⁵. По всей видимости, Бурундай русской летописи тождественен Боролдаю (*Boroldai*) Рашид ад-Дина, сыгравшему важную роль в победе монголов над войсками Венгерского королевства в битве на р. Шайо⁸⁶. Личное имя *Boroldai* (от монг. *boro* ‘серый’ + суфф. *-ldai/-ldei*) было широко распространено у средневековых монголов, и его носили несколько известных исторических лиц, живших в XIII в.⁸⁷ Кажется правдоподобным, что Боролдай/Бурундай был сыном (или племянником) Боорчу (Боорчи) — одного из друзей детства и первых последователей Чингисхана, ставшего затем одним из четырёх его главных полководцев, командовавшим правым крылом монгольской армии⁸⁸. В 1258 г. Бурундай добился полного подчинения галицко-волынских князей, после чего совершил набег на литовские земли⁸⁹, через год он мобилизовал волынские полки для похода на Малую Польшу⁹⁰.

Нет сомнений, что Бурундай появился на Руси как преемник Куремсы. Об этом прямо свидетельствует Галицко-Волынская летопись: «И приде Боуранда безбожнии, злии, со множествомъ полковъ Татарскихъ, в силе тяжьце, и ста на местех Коуремьсенех»⁹¹. «Встать на местах Куремсы», очевидно, означало заменить его на посту командира таммы, располагавшейся на западной границе Монгольской империи. Действительно, с появлением Бурундая Куремса сходит с исторической сцены и перестаёт интересовать летописца, ранее внимательно за ним следившего. Сменив Куремсу, Бурундай продолжил его усилия по подчинению галицко-волынских князей власти имперского центра и, опираясь на пришедшее с ним «множество полков», быстро добился успеха. Даниил Романович, отказавшийся от проведения общеимперской переписи и несколько лет оказывавший вооружённое сопротивление Куремсе, был лишён власти и изгнан из Руси, а его младшему брату Васильку следовало выполнить все требования нового представителя великого хана, в том числе разрушить оборонительные укрепления почти всех своих городов⁹².

Смещение Куремсы и замена его Бурундаем показывает, что оба они не были полновластными удельными правителями, чьи владения входили в тер-

⁸⁵ Там же. Т. 2. Стб. 779, 784–785.

⁸⁶ *Tatár S. Roads Used by the Mongols into Hungary, 1241–1242* // *Proceedings of the 10th International Congress of Mongolists*. Vol. 1. Ulaan Baatar, 2012. P. 334. Впрочем, есть некоторые основания предполагать, что раздел о битве на р. Шайо, в котором упоминается Боролдай, основан на рассказе Джувейни о завоевании Волжской Булгарии; Рашид ад-Дин и его редакторы могли перепутать хронологию и географию разных событий, относящихся к начальному и завершающему этапам Западного похода (*Pow S. Conquest and Withdrawal: The Mongol Invasions of Europe in the Thirteenth Century*. Doctoral Dissertation. Budapest, 2020. P. 156–158).

⁸⁷ *Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or*. P., 1949. P. 63–64; *Khabtagaeva B. Colour Names and their Suffixes. A study on the History of Mongolian Word Formation* // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2001. Vol. 54. P. 110.

⁸⁸ См.: *Pow S. Conquest and Withdrawal*. P. 34; см. также: *Селезнёв Ю.В.* К вопросу о происхождении полководца Бурундая // *Золотоордынское обозрение*. 2021. Т. 9. С. 236–246. О других возможностях идентификации Бурундая см.: *Мустакимов И.А.* Ещё раз о предках «Мамая-царя» // *Тюркологический сборник*. 2007–2008. М., 2009. С. 273–274.

⁸⁹ См.: *Baronas D. The encounter between forest Lithuanians and steppe Tatars in the time of Mindaugas* // *Lithuanian Historical Studies*. 2006. Vol. 11. P. 1–16; *Dąbrowski D. Król Rusi Daniel Romanowicz...* S. 406–413.

⁹⁰ См.: *Dąbrowski D. Król Rusi Daniel Romanowicz...* S. 418–421.

⁹¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 846.

⁹² Там же. Стб. 849–850; *Dąbrowski D. Król Rusi Daniel Romanowicz...* S. 416–418.

риториальную структуру Улуса Джучи⁹³. Более вероятным представляется другой вывод: оба названных военачальника состояли на имперской службе, их карьера и служебные перемещения всецело зависели от приказа великого хана. Назначение Бурундая, как и Китая, очевидно, следует связать с политическими переменами в Улусе Джучи, вызванными последовавшими одна за другой смертями Бату, его сына Сартака и внука Улагчи. Эти перемены отмечены уже современными наблюдателями. Джамал ал-Карши, придворный историк Чагатаидов, в обзоре истории монгольских правителей (конец XIII — начало XIV в.) пришёл к выводу, что после смерти Сартака в Улусе Джучи установилась власть великого хана: «После Сартака ибн Бату правление перешло к хаканам»⁹⁴.

Хотя у нас нет достаточных доказательств, чтобы утверждать об установлении прямого правления Мунке в Улусе Джучи во второй половине 1250-х гг., нет сомнений, что в это время баланс сил в отношениях улусных правителей с имперским центром сместился в сторону последнего. Обращу внимание на ещё один факт. С приходом к власти Берке, младшего брата Бату, на монетах, отчеканенных в Улусе Джучи, начинается регулярное использование тамги великого хана Мунке (указывающей на эмитента, эксплуатировавшего монетную регалию), тогда как в предшествующее время преобладали монеты, на которых тамги не ставились⁹⁵.

Как бы то ни было, именно во второй половине 1250-х гг. имперское правительство получило возможность проведения административных реформ на большинстве территорий, подконтрольных Джучидам и, прежде всего, проведения переписи во Владимиро-Суздальской земле и Новгороде⁹⁶. В источниках нет прямых указаний о проведении переписи в Галицко-Волынской Руси. Однако полное подчинение Бурундаем местных князей и мобилизация в монгольскую армию местного населения косвенно свидетельствуют в пользу её проведения. Таким образом, с помощью Бурундая и Китая имперскому правительству удалось завершить то, что ранее безуспешно пытались выполнить Неврюй и Куремса — добиться полного подчинения имперской власти сильнейших русских князей, а также мобилизации ресурсов русских земель для использования их в интересах империи.

Конечно, в восстановлении полного контроля центрального правительства над западными окраинами империи решающую роль сыграло численное усиление монгольской таммы, располагавшейся у южных границ Руси. По всей видимости, с этой таммой была связана карьера ещё одного крупного монгольского военачальника середины XIII в. — Неврюя. Согласно правдоподобному предположению Р.П. Храпачевского, Неврюй или Неврюн (обе формы встречаются в различных списках Жития Александра Невского и русских летописей)

⁹³ В литературе часто можно встретить выражения типа «Улус Куремсы» (Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. М., 1985. С. 38; Хаутала Р. Противостояние между Улусом Джучи и католической Европой с середины XIII до середины XIV века // Золотая Орда в мировой истории... С. 375).

⁹⁴ Джамал ал-Карши. ал-Мулхакат би-с-сурах / Пер. Ш.Х. Вохидова, Б.Б. Аминова // История Казахстана в персидских источниках. Т. I. Алматы, 2005. С. 120.

⁹⁵ Петров П.Н. Деньги и денежная политика Джучидов в XIII–XV вв. // Золотая Орда в мировой истории... С. 621.

⁹⁶ Костюков В.П. Иранский поход Хулагу: предыстория // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. Вып. 23. С. 217–218, 233–234, примеч. 63.

может быть тождественен известному полководцу Нюину (*Ню-линь*, ум. 1263), чья биография представлена в Юань ши⁹⁷.

Нюрин, как сказано, в его биографии, происходил из людей *шаньчжу*⁹⁸. Названия *шаньчжу*, *шаньчжикун* и *салэжжути* соответствовали монгольскому этнониму *салджиуты* (*салджиуды*)⁹⁹, неоднократно встречающемуся в «Тайной истории монголов» и в повествованиях Рашид ад-Дина. Последний отнёс салджиутов к группе нирунов, состоявшей из шестнадцати племен¹⁰⁰. Этноним *нируны* происходит от монгольского *niru'un* 'позвоночник, хребет'¹⁰¹. К этой этнической группе принадлежали многие знаменитые монголы периода великих завоеваний, в том числе Темучжин (Чингисхан), и, по-видимому, нируны воспринимались как своего рода костяк Монгольского государства и империи¹⁰². В традиции средневековых монголов было использование в качестве личного имени названия племени или народа, которое могло как совпадать, так и не совпадать с названием их собственного племени¹⁰³. Вероятно, с прославленным этнонимом *нируны* связаны несколько престижных антропонимов, которые на разных языках могли быть переданы как 紐璘 (Юань ши) и *Неврюй* / *Неврюн* (русские источники).

Дед Нюрина входил в состав личной гвардии Чингисхана и затем участвовал в военной кампании Угэдея в Северном Китае. Отец Нюрина Тайдар участвовал в Великом Западном походе под началом будущего хана Мунке, сражаясь против аланов, кипчаков и других народов, за что получил одно из высших воинских званий — военный губернатор или главнокомандующий области — более высокое, чем темник. В 1252–1254 гг. Тайдар воевал в Южном Китае и погиб во время боевых действий. Вскоре Нюрин успешно заменил отца. В 1257–1260 гг. он принял активное участие в завоевании Южного Китая, и после нескольких важных побед Мунке присвоил ему то же звание военного губернатора, поручив командование 50-тысячной армией¹⁰⁴.

В источниках нет прямых свидетельств участия Нюрина в военных кампаниях на Западе и, в частности, против Руси. Однако в биографии этого военачальника отмечается следующий факт: Нюрин часто сопровождал своего отца в военных походах. Важнейшим из них, несомненно, была Западная кампания 1236–1242 гг., за победы в которой Тайдар получил звание военного губернатора. Весьма вероятно, что в войнах с аланами, кипчаками и Русью под руководством отца участвовал и Нюрин.

Если в послужном списке Нюрина действительно было участие в завоевании Руси во время Великого Западного похода, то с образованием таммы на новых западных рубежах Монгольской империи он мог стать одним из её

⁹⁷ Храпачевский Р.П. Экономическая составляющая «Неврюевой рати» (по монгольским источникам) // Восточная Европа в древности и средневековье. XXV чтения памяти В.Т. Пашуто и А.П. Новосельцева. М., 2013. С. 266–267.

⁹⁸ Юань ши (изд. 1976 г.). С. 3143.

⁹⁹ Исторический словарь китайских меньшинств. Цзилинь, 1995. С. 2169 (URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%95%A3%E5%8F%AA%E5%85%80/23183398>).

¹⁰⁰ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / Пер. Л.А. Хетагурова; под ред. А.А. Семёнова. М.; Л., 1952. С. 78; Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-Tawarikh. P. 26.

¹⁰¹ См.: Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. 1. N 390. S. 529–530.

¹⁰² См.: Togan I. Mongolia before Chinggis Khan // The Mongol World. P. 42, 48, n. 46.

¹⁰³ См.: Pelliot P. Les mots mongols dans le Korye sä // Journal asiatique. 1930. Vol. 217. P. 261; Cleaves F.W. The Mongolian Names and Terms. P. 434.

¹⁰⁴ Юань ши (изд. 1976 г.). С. 3143–3145.

командиров. Точнее говоря, Нюрин мог командовать одним из крупных подразделений, входивших в состав западной таммы, общее командование которой в то время принадлежало Куремсе. В 1252 г. Нюрин должен был возглавить силовую операцию по установлению контроля нового великого хана над Владимиро-Суздальской землёй. Тогда же другая часть войск западной таммы под командованием самого Куремсы начала военные действия против галицко-волынских князей.

Принимая тождество Неврюя русских летописей и Нюрина Юань ши, мы должны констатировать, что последний недолго нёс службу на западных рубежах империи. Вскоре после успешного проведения карательной операции против великого князя Андрея Ярославича Нюрина перебросили на другой край монгольских владений, и он заменил отца, погибшего в 1254 г. Вероятно, вместе с Нюрином ушли армейские подразделения, находившиеся под его непосредственным командованием, что привело к отмеченному выше сокращению и ослаблению монгольской таммы, располагавшейся у южных границ Руси. В результате сил, оставшихся под командованием Куремсы, оказалось недостаточно для подчинения галицко-волынских князей.

Только после возобновления монгольских планов в отношении завоевания латинского Запада возникла необходимость в новом усилении таммы, располагавшейся на западной границе империи, которая во главе со своим новым командиром Бурундаем должна была встать в авангарде очередной западной кампании. Быстро добившись полного подчинения галицко-волынских князей, монголы зимой 1258/59 г. развернули масштабные военные действия, охватившие Польшу, Литву, Пруссию и, возможно, Трансильванию¹⁰⁵. Военная кампания сопровождалась ультиматумами Берке, нового правителя Золотой Орды, адресованными венгерскому и французскому королям, с требованием подчиниться власти хана во избежание страшных разрушительных последствий войны¹⁰⁶. Внезапная смерть великого хана Мунке сорвала захватнические планы монголов и позволила Европе в очередной раз избежать прямого столкновения с главными силами Монгольской империи¹⁰⁷.

¹⁰⁵ *Jackson P.* The Mongols and the West, 1221–1410. L., 2018. P. 127; *Sarnowsky J.* The Teutonic Order confronts Mongols and Turks // *The Military Orders. Fighting for the Faith and Caring for the Sick* / Ed. M. Barber. Aldershot, 1994. P. 256–257; *Sălăgean T.* Transylvania in the Second Half of the Thirteenth Century. Leiden; Boston, 2016. P. 70–71.

¹⁰⁶ *Uzelac A.* Saint Louis and the Jochids // *Golden Horde Review*. 2020. Vol. 8. P. 662–674.

¹⁰⁷ Подробнее см.: *Mayorov A.V.* The Dragon Turns its Gaze to the West: The Mongol Empire's Global Diplomacy in the Mirror of Outsiders' Chronicles // *English Historical Review*. 2024 (*forthcoming*).

Наследование городов в Русском государстве сыновьями Ивана III по его завещанию 1503 г.

Владимир Кучкин

Inheritance of cities in the Russian state by the sons of Ivan III according to his will of 1503

Vladimir Kuchkin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23050024, EDN: OWQMRA

«Душевная грамота», или завещание великого князя всея Руси Ивана III Васильевича была впервые опубликована русским просветителем XVIII в. Н.И. Новиковым¹. К моменту публикации этой грамоты Новиков имел опыт печатания таких документов. В 1773–1775 гг. в «Древней российской вивлиофике» он издал ряд завещаний московских великих князей XIV–XV вв. — предшественников Ивана III, от Ивана Калиты до Василия II². В 1813 г. завещание Ивана III переиздали по сохранившейся ранней копии в первой части «Собрания государственных грамот и договоров»³. Последнее издание было более совершенным, чем издание Новикова, а потому сохраняло свою значимость вплоть до 1950 г.

Наличие публикаций завещания Ивана III существенно облегчило историкам работу с этим источником. Уже Н.М. Карамзин в «Истории государства Российского» остановился на содержании «душевной грамоты» великого князя Ивана Васильевича. По его мнению, в ней отразились указания на поздние земельные приобретения Ивана III: была охарактеризована географически значительная часть Рязанского княжества, завещанная ему его племянником по женской линии — рязанским князем Фёдором Васильевичем; назван ряд литовских городов, захваченных Иваном III незадолго до составления завещания, но этот перечень требует поправок. Карамзин обратил также внимание на то, что младшим сыновьям Ивана III были выделены «богатые вотчины», однако запрещалось покупать земли во владениях старшего брата Василия III, чеканить монету, участвовать в «откупах государственных», в частности, денежных, они лишались права вершить суды по делам о душегубстве и о поличном «при разбойных нападениях и татьбе». В итоге «меньшие сыновья Иоанновы должныствовали иметь права только частных владельцев, а не князей владетельных»⁴. В «Примечаниях» Карамзин включил две выписки из завещания Ивана III: о чеканке монет только великим князем в Москве и Твери, а также о разделе между сыновьями налоговых поступлений с населения Москвы и с приезжавших в Москву торговых людей⁵.

© 2023 г. В.А. Кучкин

¹ Древняя российская вивлиофика (далее — ДРВ). Ч. 2. Изд. 2. М., 1788. № 123. С. 408–434.

² Там же. Ч. 8. СПб., 1775. № 1–2. С. 208–220 (два завещания Ивана Калиты); № 4. С. 226–230 (завещание Симеона Гордого); № 5–6. С. 230–243 (два завещания Ивана Ивановича) и т.д. до двух завещаний Василия II, напечатанных в Ч. 9 ДРВ.

³ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. I. М., 1813. № 144. С. 389–400.

⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. V. М., 1999. С. 200.

⁵ Там же. С. 312, примеч. 560; С. 313, примеч. 561.

Большое внимание уделил завещанию Ивана III С.М. Соловьёв. В вышедшем в 1855 г. пятом томе «Истории России с древнейших времён» он подвёл итоги деятельности Ивана III на основании его «душевной грамоты». Её текст в кратком сокращении он привёл в большом примечании⁶. Придавая серьёзное значение завещанию Ивана III, изменившему принципы наделения владениями старшего сына, преемника отца на великокняжеском столе, и принципы наделения уделами младших сыновей завещателя, Соловьёв без должного тщания отнёсся к анализу этого памятника. Он заключил, что общее число городов, полученных от отца будущим великим князем Василием III, равнялось 66. Как возникла такая цифра, Соловьёв не объяснил, но она оказалась неверной. Другая неточность касалась числа городов, которые по завещанию Ивана III должны были перейти к его младшим сыновьям — Юрию, Дмитрию, Семену и Андрею. Соловьёв полагал, что младшим Ивановичам отошли «только 30» городов⁷ (на самом деле меньше). Важно, что Соловьёв подтвердил разные принципы наделения владениями старшего сына, с одной стороны, и младших сыновей Ивана III — с другой. Историк не поинтересовался, что это были за принципы и чем они отличались от норм удельного наделения в Московском княжестве в XIV—XV вв.

В начале XX в. В.О. Ключевский, издавая «Курс лекций по русской истории», использовал завещание Ивана III для характеристики того, насколько к началу XVI в. выросли денежные средства старшего из сыновей Ивана — Василия — по сравнению со средствами его младших братьев. Для этого историк использовал включённые в завещание Ивана III данные о выплатах татарам «выхода» и других платежей, которые должны были осуществлять в будущем все его сыновья. «Чтобы ещё яснее представить себе этот процесс (рост денежных средств, а с ним и увеличение могущества старшего сына. — В.К.), — писал Ключевский, — мы перейдём пределы изучаемого периода и перелистаем духовную грамоту великого князя Ивана III, составленную около 1504 г. Иван III разделил свою вотчину также между пятью сыновьями (как и отец Ивана III великий князь Василий II. — В.К.). Старшему из наследников, великому князю Василию, он отказал одному 66 городов с уездами, а всем остальным вместе только 30. И этот завещатель определяет долю каждого наследника в составе каждой тысячи рублей на ордынские расходы. Великий князь, старший наследник, один должен был вносить в тысячу 717 руб., т.е. около $\frac{3}{4}$ всей суммы, почти втрое больше, чем все остальные братья вместе. К такому реальному результату привёл рано усвоенный московскими завещателями обычай нарушать равенство раздела вотчины между наследниками в пользу старшего из них. Излишек на старейший путь, сначала столь малозаметный в начале XV в., достиг таких размеров, которые давали старшему наследнику решительное материальное преобладание над младшими. Князья-завещатели не давали старшим сыновьям никаких лишних политических прав, не ставили их младших братьев в прямую политическую от них зависимость; но они постепенно сосредоточивали в руках старшего наследника такую массу владельческих *средств*, которая давала им возможность подчинить себе младших удельных родичей и без лишних политических *прав*. Таким чисто материальным, иму-

⁶ Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. III. История России с древнейших времён. Т. V. М., 1989. С. 356–358, примеч. 222.

⁷ Там же. С. 138.

шественным преобладанием и положено было основание политической власти московского великого князя, старшего наследника»⁸. На этом можно прервать характеристику завещания Ивана III маститым историком, чтобы вернуться к ней через некоторое время, после рассмотрения мнений других исследователей об этом документе.

Короткое время спустя с оценкой завещания Ивана III выступил А.Е. Пресняков. В докторской диссертации «Образование Великорусского государства», выпущенной в 1918 г., исследователь пришёл к заключению, что завещание Ивана III составлено на основании норм вотчинного права. Оснований для такого утверждения он не привёл, о работах Карамзина и Соловьёва даже не упомянул, а они, каждый по-своему, показали, что в завещании Ивана III отразились как нормы вотчинного права (по отношению к великокняжеским владениям, которые рассматривались как полная собственность великих князей), так и нормы прекарного права (по отношению к владениям удельнокняжеским, в частности, запрещение расширять завещанные Иваном III территории уделов).

После этого в течение 30 лет исследовательских работ о завещании Ивана III не появлялось. В 1948 г. вышла первая часть монографии Л.В. Черепнина «Русские феодальные архивы XIV–XV вв.», куда оказалась включена небольшая — всего три с половиной страницы — работа автора «Духовная грамота Ивана III 1504 г.». Черепнин имел полное право ничего не писать о «духовной грамоте» Ивана III, поскольку ограничивал анализ материалов средневековых русских архивов XV в., а грамота написана в начале XVI столетия. Но историческое значение грамоты признавалось в науке столь большим, что учёный не решился выпустить свой главный труд без её характеристики. Знакомство с текстом показывает, что Черепнин едва ли вдумывался в рассуждения Карамзина, Соловьёва, Ключевского или Преснякова — их фамилии в очерке отсутствуют. Значение завещания Ивана III Черепнин свёл к регулированию денежных налогов, поступавших с Московской земли⁹. В итоге получалось, что общерусского значения «духовная грамота» не имела, можно было говорить только о локальном её значении.

Справедлива ли такая трактовка завещания Ивана III? Вернёмся к оценке этого памятника Ключевским. Приведу то место завещания Ивана III, которое анализировал этот исследователь: «А дѣти мои, Юрьи з брат(ь)ею, дают с(ы)нѹ моемѹ Васил(ь)ю съ своих ѹдѣлѹ в выходы в ординские и въ Крым, и в Азтаракан(ь), и в Казан(ь), и во Царевичев городок, и в ыные цари и во царевици, которые бѹдѹт ѹ с(ы)на моег(о) ѹ Васил(ь)а в землѣ, и в послы в татарские, которые придѹт къ Москвѣ и ко Тѹбри, и к Новѹгородѹ к Нижнемѹ, и къ Іерославлю, и к Торѹсе, и к Рязани къ Старои, и к Перевитскѹ ко княжѢ Ѳеод(о)ровскомѹ жеребью разанског(о), и во всѣ татарские проторы, въ тысячу рѹблев. С(ы)нѹ мой Юрьи дает съ своег(о) ѹдѣла со всег(о) и с Кашина восьмьдесят рѹблев и два рѹбла без гривны. А с(ы)нѹ мой Дмитрей дает съ своег(о) ѹдѣла со всег(о), и з ѹпцова, и с Опок патьдесѹт рѹблев и восьмь рѹблев с полтиною и семь денег. А с(ы)нѹ мой Семен дает съ своег(о) ѹдѣла со всег(о) шестьдесят рѹблев и пать рѹблев без десяти денег. А с(ы)нѹ мой Андрѣи дает съ своег(о) ѹдѣла со всег(о) и з Старици, и з Холмѣских вотчины, с Холмѹ и с Новог(о) городка,

⁸ Ключевский В.О. Сочинения. Т. II. Курс русской истории. Ч. 2. М., 1957. С. 40–41.

⁹ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. М.; Л., 1948. С. 222–223.

и с Олешни, и съ Синие, и с иных волостей с тверских, что емѹ дано, сорѹк рѹблев с полтиною и полчетверты денги. А с(ы)нѹ мой Василей даѹт в тѹ же тысячу рѹблев с Москвы и со всеѹ(о) великоѹ(о) княжен(ь)а Московские земли, и со Тѹѹри, и со всеѹ Тѹѹрские земли, что емѹ дано, и с Рязани съ Старые, и с Перевицка семьсотѹ рѹблев и полѹсманатцата рѹбла и полѹтрет(ь) и денги. А Борисов с(ы)нѹ братен Ѧвѹд(о)рѹ даѹт с(ы)нѹ моемѹ Васил(ь)ю в тѹ же тысячу рѹблев съ своеи ѿчины и с Колпи, и з Бѹагорода третьцат рѹблев и полѹсма рѹбла»¹⁰. Чтобы приведѣнный текст стал более понятным, отмечу, что упомянутый в его начале «Царевичев городок» — это позднейший город Касимов. После такого пояснения можно обратиться к анализу основного содержания процитированного текста.

Согласно источнику, в 1 тыс. руб. татарского «выхода» второй сын Ивана III Юрий должен был внести 82 руб. без 1 гривны, т.е. 81 руб. 9 гривен. Третьему сыну Дмитрию следовало уплатить со своих владений 58,5 руб. 7 денег. Четвѣртый — Семѣн — вносил в 1 тыс. руб. татарского запроса 65 руб. без 10 денег, пятый — Андрей — со своего удела вносил 40,5 руб. 3,5 деньги. Первый сын Ивана III Василий платил в «выход» 717,5 руб. 2,5 деньги. Племянник Ивана III волоцкий князь Фѣдор Борисович вносил 37,5 руб. Если сложить приведѣнные цифры, то получится, что сыновья и племянник великого князя в будущем должны были вносить в «выход» 1000,9 руб. Если же учесть данные не только о рублях, но и о деньгах, то картина незначительно изменится. Старшему сыну Ивана III Василию следовало дополнительно внести 2,5 деньги, второму сыну, Юрию — 82 руб. без 1 гривны, Дмитрию — ещё 7 денег, Семѣн не доплачивал со своего взноса в 65 руб. 10 денег. Андрею надлежало дополнительно к своему взносу внести ещё 3,5 деньги. В итоге получается, что собираемая общая сумма татарского «выхода» составляла 1 тыс. руб. 9 гривен и 3 деньги на 1 тыс. руб. реального, фиксируемого источниками, 5-тысячного или 7-тысячного ханского «выхода». Какой процент взносов ложился на каждого из сыновей Ивана III?

Для этого из суммы 1 тыс. руб. 9 гривен и 3 деньги надо вычесть размер выплаты, падавший на племянника Ивана III князя Фѣдора Борисовича Волоцкого, — 37,5 руб. Прodelывая такую операцию, мы получаем цифру в 963 руб. 4 гривны 3 деньги, которая взималась только с сыновей Ивана III. При этом доля старшего сына Василия составляла 74,48% от общей суммы 963 руб. 4 гривны (3 деньги можно не принимать во внимание, тем более что в источнике не указывается, являлась ли деньга московской или новгородской; последняя была в два раза дороже), доля Юрия — 8,5%, Дмитрия — 6,07%, Семѣна — 6,74%, Андрея — 4,2%. Выясняется, что расходы Василия превышали расходы его брата Юрия в 8,76 раз, Дмитрия — в 12,27, Семѣна — в 11,05, Андрея — в 17,73 раза. Даже объединѣнные расходы четырёх младших братьев будущего Василия III (25,51%) суммарно почти втрое уступали расходам старшего брата.

Но насколько корректны выводы относительно преимущественного роста экономических возможностей старшего сына великого князя всея Руси Ива-

¹⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков. М.; Л., 1950 (далее — ДДГ). № 89. С. 362. Здесь и далее процитированные места из завещания 1503 г. Ивана III прошли дополнительную сверку с текстом источника публикации 1950 г. — ранней копии начала XVI в. завещания Ивана III (РГАДА, ф. 135, отд. I, рубр. I, № 34, л. 1–8). Текст завещания 1503 г. поделѣн на статьи. Введена нумерация статей.

на III Василия по сравнению с его младшими братьями? Ведь предложенные заключения построены на основе сравнения затратных частей бюджета каждого из князей — сыновей Ивана III, вынужденных платить «выход» татарам. К концу жизни Иван III обладал территориями, с которых «выход» никогда не взимался, например, с северных Колмогор или с Торопца, Дорогобужа, Вязьмы, входивших ранее в состав Смоленского княжества, присоединённого к Литовскому государству ещё в 1404 г.¹¹ Если, рассуждая абстрактно, Иван III передавал бывшие смоленские города одному сыну, не заставляя его участвовать в выплате «выхода», то показатели расходов других сыновей великого князя на ордынские взносы во многом теряли бы свой смысл. Для решения поставленных задач надёжнее опираться не на размеры татарских выплат сыновей Ивана III, а на размеры их собственных владений, передаваемых им их отцом. Рассмотрим последовательно данные «душевной грамоты» Ивана III о городах, завещанных его сыновьям.

Перечень владений старшего сына Ивана III Василия начинается со статьи 4 завещания его отца: «А даю ему горѡд Москвѣ с волостями и с путми, и з станы, и з селы, и з дворы з горѡдѣкими со всѣми, и з слободами, и с тамъгою, и с пудом, и с помѣрным, и с торги, и с лавѣками, и з дворы з гостиными, и со всѣми пошлинами, и з Добратинским селомъ, и з бортью, и с Васицовым стомъ, да числаки и ѡрдинцы»¹². Москва, главный город Русского государства, передавалась только старшему сыну, со всеми волостями, путями, станами, сѣлами, городскими слободами и дворами, но конкретно назывался только один стан — Васильцев и одно село — Добратинское, тогда как станов и сѣл под Москвой было в несколько раз больше.

Далее в завещании Ивана III помещено несколько статей (5, 6, 8, 9), в которых уточняется юридическое положение некоторых переходивших под власть князя Василия Ивановича подмосковных сѣл: Семчинского, имевшего в своём составе не только сельские, но и городские дворы, а также Воробѣва, Владимировского, Семёновского, Воронцовского, Кадашѣва. На р. Яузе, левом притоке р. Москвы, старшему сыну Ивана III предназначалось село Воронцовское, «гдѣ мои дворъ, и з дворы з горѡдѣкими со всѣми по ѡбе стороны Ёдузы, и с мельницами, как было при мнѣ, да монастыр(ь) Лыщыково и з дворы, да Ильинскую слобѡдку со всѣм, по тому, как есми выменил у Андрѡнникова монастырѧ». Все великокняжеские дворы внутри московского Кремля и «за городом на посадах, и сады мои всѣ, и пустые мои мѣста по посадом» завещались старшему сыну Ивана III Василию. В статье 9 завещания указывалось, что «мои дворы внутри города на Мѡсквѣ и за городом за моими бояры и за князми, и за детми боярскими, и за дворѧны за моими, и за дворцовыми людми, и за конюхи, и за мастера за моими, и тѣ всѣ дворы с(ы)нѣ моемѣ Васил(ь)ю»¹³.

В статье 11 отмечалось, что несколько московских волостей, приписанных к г. Дмитрову ещё в правление Дмитрия Донского и расширивших удел его сына Петра, возвращаются в число московских, и владеть ими должен старший сын Ивана III Василий. Под контроль последнего передавались также четыре старинные московские волости: Сурожик, Лучинское, Радонеж, который в конце XV в. уже был городом, и треть волости Мушкова гора «с мытом с Лѡвским»¹⁴.

¹¹ ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 232.

¹² ДДГ. № 89. С. 354.

¹³ Там же.

¹⁴ ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1856. С. 223; ДДГ. № 89. С. 354.

Далее определялось будущее одного из ранних московских городов — Коломны, отторгнутой от Рязани и присоединённой к Москве ещё в 1301 г.¹⁵, и других городов по московско-рязанскому рубежу. В статье 12 своего завещания Иван III объявлял, что сыну Василию он даёт «горѡд Коломнѹ с волостыми и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами; горѡд Кошырѹ съ Зарѣч(ь)ем, что за рекою за Ёжою; Тѣшилѡв и Рославль, и Венев, и Мѣстиславль, и иные мѣста по разанской рѹбеж, и с волостыми, и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами; и съ Елчем, и со всѣми елечскими мѣсты; горѡд Серпохѡв да Хотѹн(ь) и с волостми, и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами; горѡд Торѹсѹ з Горѡдцом и с Ыскан(ь)ю, и с Мышегою, и с Колѡдною, и со княгининскою вотчиною Ёвдом(ь)иною; горѡд Мченескъ с волостыми и з селы, и со всѣми пошлинами, со всѣмъ, что к немѹ потагло»¹⁶. Упомянутая Кашира — это Кашира Новая, построенная на окском правом берегу. Рославль (другое название — Ростиславль) — бывший старинный рязанский город на р. Оке, основанный рязанским князем Ростиславом Ярославичем в 1153 г. Хотунь ко времени написания завещания Ивана III была уже городом¹⁷. Мченеск с его волостями — это современный Мценск. Городами в статье 12 являлись также Коломна, Венёв, Елец, Серпухов, Таруса, Городец и Тешилов. Отдельной характеристики требует Тешилов. В исторических источниках он городом не называется. Но на северной окраине современной деревни Спас-Тешилово, которая наследовала Тешилову, археологами обнаружено древнее городище с остатками средневековых укреплений. Последние на протяжении XIV–XVI вв. неоднократно перестраивались¹⁸. Эти данные позволяют видеть в Тешилове город, а не волость, место или какой-то иной тип сельского поселения. Всего же в статье 12 упоминается по меньшей мере 11 населённых пунктов, которые были городами. Все они завещались Василию III.

Ему же отходил «горѡд Воротынескъ и с Лагинском, и с Краишиным, и с ыными мѣсты, со всѣм с тѣмъ, как был за Воротынскими» (статья 13)¹⁹. Из трёх указанных поселений городом был, по-видимому, только Воротынский.

Статья 14 определяла будущий статус Мценска: «А что есми променил кн(а)зю Михаилѹ Мезетцкомѹ на ез(о) жеребеи на Мѣсческъ в Стародѹбе Ёлексин(о), и ѡн дрѣжит по менѡвной грамоте, а сѹд и дан(ь) с(ы)на моез(о) Васил(ь)ево»²⁰. О примерном месте расположения села Алексина свидетельствует вторая «Данная князя Фёдора Андреевича [Стародубского] Троицкого монастыря игумену Никону на озера Смехро и Боровое в Алехсинском стане Стародубского княжества с правом поставить у озёр двор для ватаги рыболовов»²¹. Грамота датируется 1392–1427 гг., поскольку была составлена в годы игуменства в Троице-Сергиевом монастыре Никона, преемника Сергия Радонежского. В этом источнике приводится название Стародубского стана: «в старишом пути в своей вотчине в Олехсинском стану», которое произошло от названия села Олексино (Алексино) и которое указывает на то, что село издавна

¹⁵ ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 85.

¹⁶ ДДГ. № 89. С. 354–355.

¹⁷ ПСРЛ. Т. IX. СПб., 1862. С. 197; ДДГ. № 70. С. 240.

¹⁸ Куза А. В. Древнерусские городища X–XII вв. М., 1996. № 658. С. 135.

¹⁹ ДДГ. № 89. С. 355.

²⁰ Там же.

²¹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. I. М., 1952. № 5. С. 28.

являлось княжеским, содержалось и благоустраивалось как княжеское и его вполне можно было давать в обмен на земельные доли князя Михаила Мезецкого в Мценске.

Выявленные данные относятся к небольшим географическим объектам, располагавшимся близ города Стародуба на р. Клязьме, более известного как Стародуб Рязановский. Но в завещании 1503 г. Ивана III о принадлежности Стародуба ничего не говорится. Нет и определения Стародуба как Рязановского. Можно думать, что переписчик завещания Ивана III допустил погрешность, возможно, опisku, в результате чего был утрачен текст, характеризовавший статус и принадлежность Стародуба Рязановского. Однако следует обратить внимание на некоторые обстоятельства, имевшие место в Русском государстве в конце 1490-х гг. В 1498 г. удалось раскрыть заговор ряда бояр и детей боярских против Ивана III. Великий князь жестоко расправился с заговорщиками. Одному из самых деятельных среди них, князю Семёну Ивановичу Рязановскому, зятю московского великокняжеского наместника князя И.Ю. Патрикеева, отсекали голову²². За такой расправой могла последовать конфискация владений Рязановских, однако ей должны были предшествовать писцовое описание отходившей к великому князю территории и установление её формальных границ. Об этом свидетельствует ряд статей завещания 1503 г. Ивана III. Так, в статье 28 зафиксировано, что Иван III завещает «горѡд Тѣрѣ(ь) и Городеи с волостями и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами по томѣ, по каа мѣста писал ко Тѣрѣ писецъ нашъ князь(ь) Ѧеѡд(о)рь Алабышъ»²³. Подобного описания Стародуба Рязановского до времени составления завещания Ивана III сделать, по-видимому, не удалось, а потому о собственно Стародубе ничего не было сказано. Но исходя из характера «душевной грамоты» Ивана III, в которой около 80% всех существовавших в начале XVI в. городов в Русском государстве завещались старшему сыну, Стародуб должен был перейти во владения будущего Василия III.

В статье 15 завещания Ивана III за его старшим сыном Василием закрепились высшая власть над владениями верховских князей: «А кн(а)зи новосилские, ѡдоевские и белевские, и з своими дѣтми, и с своими вотчинами, и что къ их вотчинам потагло, с(ы)нѣ же моемѣ Васи(ь)ю къ нашемѣ великому княж(е)ству»²⁴. В распоряжении этих князей по меньшей мере были города Новосиль, Одоев и Белѣв, но верховный контроль над ними следовало осуществлять Василию III. Город Одоев, как принадлежащий Ивану III, назван в статье 30 Судебника 1497 г.²⁵

Большая статья 16 завещания Ивана III продолжила перечень передаваемых князю Василию городов: Боровск, Кременец с относившимися к ним волостями, сѣлами и слободкой на р. Шане, а также «горѡд Ѧрославецъ (Малоярославец. — В.К.) с волостями и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, со всѣм с тѣм, как был за кн(а)зем Михаилѡмъ Андрѣевичемъ; горѡд Медын(ь) и Радомль, и с Вешками по Угрѣ, да на Шане слобода, что Товаркѡв садил, по Угрѣ ж, и с Песочною с Меншею, и з слободами, что сажали Андрѣи Картмазов да Мита Загразской, да Ивашко Гладкой. А что Ѧилиповых дѣтей Полтева села и д(е)р(е)ѡни на сеи сторонѣ Угры, и тѣ села и д(е)р(е)ѡни со всѣм, что

²² ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. Стб. 504.

²³ ДДГ. № 89. С. 357.

²⁴ Там же. С. 355.

²⁵ Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 23.

к ним потагло, къ Медыни, с(ы)нѹ же моемѹ Васил(ь)ю»²⁶. Таким образом, к владениям будущего Василия III отходили помимо Боровска и Кременца ещё Малоярославец и Медынь.

Статья 17 зафиксировала передачу старшему сыну Ивана III ещё нескольких городов, расположенных на землях бывшего Смоленского княжества: «Да емѹ *ж* даю горѹд Можаетскъ с волостыми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, и з Чагошью, и с Тѹрьевым, и с Орѣховною, и с Могилном, и с Миченками, и съ Шатѣш(ь)ю, и з Сѹлидовым, и з Дмитровцом по ѡбе стороны Угры, и с ыными мѣсты, что к ним потагло; горѹд Вазмѹ и Кѡзлов с волостыми и з селы, и со всѣми пошлинами, со всѣм с тѣм, что к Вазме и х Козлѡвѹ, и ко всѣм ваземским мѣстом потагло, как было при мнѣ»²⁷. Можайск был присоединѣн к Московскому княжеству ещё в 1304 г.²⁸ Вязьма и, видимо, Козлов (смоленский город на р. Жижала) — в 1495 г.

Содержание статьи 18 было посвящено Дорогобужу и его территории, завоеванной Иваном III: «Да с(ы)нѹ *ж* своемѹ Васил(ь)ю даю горѹд Дорогобѹж с волостыми, з селы и со всѣми пошлинами, со всѣмъ, что к немѹ потагло, да волости дорогобѹжскіе Погорѣлаа, Негѡмле, Хотомичи, Холмъ, Батино, Простъ, селцо Заѡпье, Водоса, Некрасова, Селечна, Кремена, Редын(ь), по рецѣ по Уже Устье, Косково, Рехты, Хомчичи, Вышково, Василево, Ескино село Климова, слобѡдка вл(а)д(ы)чнаа въ Чертькове, селцо Пѣтатино з д(е)р(е)ѡнами, Игѹмнова, Мѣстиславецъ, Сѹщитѡв, Жѹлин, Мошкова гора, Лѹчин горѹдок, Великое поле, Лопатино, Копылеа и Ужыца, Ведрѡш(ь) и Озерища, Сверковы лѹки со всѣмъ с тѣм, что къ Дорогобѹжѹ и къ тѣм волостем и селом потагло, как было при мнѣ»²⁹. В названиях более 30 дорогобужских волостей и сѣл встречаются такие, какие могут быть относимы к древним мелким городкам, в частности, Мстиславец и Лучин городок. Минимальное число городов, указанных в статье 18, — три.

Согласно статье 19 будущий преемник Ивана III на великокняжеском столе его старший сын Василий получал в наследство город Переяславль Залесский с волостями, путями, сѣлами, пошлинами и с Солью. Три переяславские волости — Серебож, Рождественное и Бускутово — во времена Дмитрия Донского отписанные от Переяславля и перешедшие к Дмитрову, центру удела одного из младших сыновей Донского Петра, теперь возвращались в состав переяславских волостей и передавались под власть будущего Василия III³⁰.

По статье 20 князь Василий Иванович получал во владение несколько старинных древнерусских городов: «Да емѹ *ж* даю горѹд Володимерь с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, и с Мѹромскимъ селцом, и з Шатѹрѡм, и с Колѹшкою, и с Вышелѣсомъ, и с Островом; горѹд Юрьев с волостыми, с пѹтми и з селы, и с Великою Сѡлью, и со всѣми пошлина[ми]; горѹд Сѹзда(ь) с волостыми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, да Солцѹ Малѹю ѡбе половины; горѹд Ростов с волостыми, с пѹтми и з селы, и с Великою Сѡлью, и со всѣми пошлинами, и з Сѡлью; горѹд Іѡрославль с волостыми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, и с Ухрою, и з селом с Петровским, и з д(е)р(е)ѡнами, и слободкѹ Сѹхлабининскѹю, и с мытом, и княж Васил(ь)евскѹю

²⁶ ДДГ. № 89. С. 355.

²⁷ Там же.

²⁸ ПСРЛ. Т. XVIII. С. 86.

²⁹ ДДГ. № 89. С. 355.

³⁰ Там же.

во^тчинѹ Шетинина Касть со всѣм, да Инопаж и з Селцом, и съ ѣзом, что на Волзе пѣд Рыбною слободою противѹ Инопажа и Селца»³¹. К бесспорным городам Владимиру, Юрьеву, Суздалью, Ростову и Ярославлю надо, по-видимому, отнести и Соль Великую, которая была городом. Всего по статье 20 Василий получил в своё владение шесть городов.

Ещё один город, завещанный Иваном III старшему сыну Василию, назван в статье 23: «Горѣд Романѣв Городокъ с волостями и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами»³². Речь идёт о позднейшем городе Борисоглебске Ярославской губ., современный Тутаев.

Далее в завещании шло описание будущих владений великого князя Василия III, располагавшихся в бассейне р. Шексны, левого притока Волги. Среди «шохонских» волостей одна была названа «городѣк Кнажычи»³³. По-видимому, центром этой волости являлся действительно городок, но, возможно, и замок, поставленный одним из московских удельных князей XV в. для обороны своих земель.

Статья 26 фиксировала передачу Иваном III сыну Василию громадной территории со многими городами на севере и востоке Русского государства: «Да с(ы)нѹ же своемѹ Васил(ь)ю даю горѣд Белоозеро с волостями и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, со всѣмъ с тѣм, как было при мнѣ; горѣд Вологдѹ с волостями и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами; да Заузерье и с Кѹбеною, и с волостями, пѣтми и з селы, и со всѣми пошлинами; горѣд Устюг и с волостями, и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, да Выгедѹ и Вымь, и Удорѹ, и Сысолѹ, и со всѣми их мѣсты; да в Заволотцкой землѣ Ростѣвшинѹ, Пинега и Кѹгрола, и Чакола, Прѣмьские, Мезен(ь), Немъюга, Пил(ь)и горы, Пинешка, Выя, Тоима, Кирѣи горы, Емъскаа гора на Вазе со всѣм и Ёнтонова перевара, Корбѣлской ѡстрѣв, Шогогора, Кѣрчела, Сѹра поганаа, Лавела, и с ѡными мѣсты, что к тѣм волостем потагло. Да Югрѹ и Печерѹ со всѣмъ, да Пермь Великѹю со всѣмъ, да горѣд Костромѹ и с Плесом, и с Нерехтою, и с Ыледамом, и с волостями, и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами; горѣд Галич с волостями и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пѣшлинами, и з Сѣлью, и с Унжею, и с Чюхломою, и со в всѣмъ, что к Галичю и к Унже, и к Чюхломѣ изстарины потаглѹ; да Новгород Нижней с волостями и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, и с мордвами, и с черемисою, что к Новѹгородѹ потагло. А которые села и д(е)р(е)вни в Новѹгородѣ в Нижнемъ за моими князми и за бояры, и за дѣтми за боярскими, за кѣмъ ни бѣди, и то все с(ы)нѹ же моемѹ Васил(ь)ю»³⁴. Из многочисленных топонимов, приведённых в статье 26, такие названия, как Белоозеро, Вологда, Устюг, Кострома, Галич, в завещании Ивана III прямо названы городами. Однако к их числу должен быть отнесен и Нижний Новгород, который городом в рассматриваемом источнике почему-то не назван. Городами были упоминаемые в статье 26 завещания Унжа, Чухлома и Плес (Плесо), существовавшие задолго до 1503 г., сюда же следует относить Пермь Великую, Нерехту, Соль Великую и, возможно, Солигалич (Галичская Соль). Можно предполагать, что названия Выгедга, Югра, Печера также относились к городам, но твёрдых оснований для таких

³¹ Там же. С. 355–356.

³² Там же. С. 356.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

утверждений у нас нет, названы, видимо, волости по соответствующим рекам. Таким образом, общее число городов, переходивших в наследство князя Василия по статье 26 завещания его отца, должно равняться 14.

Статья 27 завещания передавала Муром и земли граничивших с Муромом мордовских князей в наследство того же князя Василия: «Да емѹ же даю гурѹд Мѹром с волостыми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, и с мордвами, и с черемисою, что къ Мѹромѹ потагло, да Мещера с волостыми, и з селы, и со всѣмъ, что к неи потагло, и с Кошковымъ, да кн(ѧ)зи мордовские всѣ и з своими ѿчинами с(ы)нѹ же моемѹ Васил(ь)ю»³⁵. Муром прямо назван городом. Что касается упоминаемых вместе с ним Мещеры и Кошкова, то это тоже могли быть названия городов. Во всяком случае, в XV в. существовал город Мещерск — современный Горбатов. Поэтому можно думать, что в статье 27 речь идёт о двух городах, переходивших в наследство князя Василия.

Перечень будущих владений князя Василия на востоке Русского государства продолжен в статье 28 завещания: «Да с(ы)нѹ же своемѹ Васил(ь)ю даю Валцкѹю землю всю, города и волости, и со всѣмъ, что к неи потагло, и с арскими князми, как было при мнѣ»³⁶. Вятская земля (в XIV в. бывшая центром удельного княжества в составе Нижегородского княжества) в XV в. оказалась московским владением на порубежье с Казанским ханством. На этой земле стали быстро расти мелкие крепости, защищавшие местное население от нападений соседей. Общее число таких вятских городков-крепостей неизвестно, но характерно, что все они были завещаны только старшему сыну Ивана III Василию. Никто из его братьев каких-либо городов в Вятке не получил. В XV в. к вятским городам можно отнести Котельнич и Орлов. Они были взяты московскими войсками и возвращены в состав московских владений во время похода на Вятку в 1459 г.³⁷ Таким образом, можно считать, что в Вятской земле насчитывалось не менее трёх городов: сама Вятка, Котельнич и Орлов.

Статья 29 устанавливала контроль будущего великого князя Василия III над территорией Луха и относившихся к нему волостей: «А что есми пожаловал кн(ѧ)за Ѧвѹд(о)ра Ивановича Бѣлскоз(о), дал есми емѹ в вотчинѹ горѹд Лѹх с волостыми, да волости Вичюгѹ, да Кинешмѹ, да Чихачев, и княз(ь) Ѧвѹд(о)рѹ или ез(о) дѣти слѹжат с(ы)нѹ моемѹ Василью, а тѹ свою вотчинѹ дръжат по томѹ, как было при мнѣ. А ѿѣдет княз(ь) Ѧвѹд(о)рѹ или ез(о) дѣти ѿ моего с(ы)на ѿ Васил(ь)а къ моим дѣтемъ къ меншим или х комѹ ни бѣди, и та ез(о) вотчина Лѹх и с тѣми волостыми с(ы)нѹ же моемѹ Васил(ь)ю»³⁸.

Статья 30 передавала захваченное Иваном III в 1485 г. Тверское княжество: «Да с(ы)на же своез(о) Васил(ь)а бл(а)гословляю своею ѿчиною, великим княжеством Тѹерским, даю емѹ горѹд Тѹрь и Городен с волостыми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами по томѹ, по каа мѣста писал ко Тѹѣри писецъ нашѹ княз(ь) Ѧвѹд(о)рѹ Алабыш; горѹд Клин с волостыми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, по томѹ, по каа мѣста писал писецъ нашѹ Петръ Лобан Заболотцкой, ѿприч(ь) тоз(о), что есми променил своим братаничем, Борисовым дѣтем Ѧвѹд(о)рѹ да Иванѹ, ѿ Тѹѣрские земли Бѹгирѹд да Колпь, и з то с(ы)нѹ мои Василей не вѣстѹпаеця». Однако в Тверском княжестве Василий получал далеко не все города. Ему передавалась Тверь, главный город прежнего

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ ПСРЛ. Т. XXV. С. 276.

³⁸ ДДГ. № 89. С. 357.

княжества, Городень (небольшая крепость на левом берегу Волги на восток от Твери), Клин со всеми относившимися к нему волостями, путями и сёлами, кроме Буйгорода и Колпи, которые отошли к племянникам Ивана III князьям Фёдору и Ивану, сыновьям Бориса Васильевича Волоцкого, в результате обмена на сёла волоцких князей на землях великого князя Ивана III. В будущем Василий III должен был соблюдать все условия этого обмена³⁹.

Статья 31 в общем виде решала вопрос о вотчинах служебных князей в московских и тверских землях. Если князья оставались служить Василию III, то они сохраняли свои вотчины. Если меняли сюзерена, то лишались вотчин. Их обладателем становился Василий III.

В большой по объёму статье 32 перечислены города бывшей Новгородской республики, названной в завещании Ивана III Новгородским великим княжением, и переходе этих городов в обладание князя Василия: «Да с(ы)на же своег(о) Васил(ь)а бл(а)гословляю своею ѿчиною, великимъ княжен(ь)емъ Новогорѣдским, даю ему Великии Новогорѣд со всѣмъ, с пѣт(ь)ю патинами, с волостями и с погосты, и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, и з города: Иван горѣд, Ёма горѣд, Копор(ь)а горѣд, Ёрьшок горѣд, Ладога горѣд, Дѣман горѣд, Кѣръ горѣд, Порхѣв горѣд, Высокой город, Кошкин горѣд, Рѣса горѣд. А дал есми емѣ тѣ города всѣ с волостями и с погосты, и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами. Да горѣд Торжок с волостями и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами. Да в Новогорѣдской ж землѣ даю емѣ горѣд Холмъ и Велию, и Бѣецъ, и Лопастиси, и с ыными мѣсты, со всѣмъ, что к ним потагло; да горѣд Лѣки Великие с волостями и с погосты, и со всѣми пошлинами, да лѣтцкие ж волости Пѣповичи, Вѣз, Часпла, Коротаи, Дѣбно, Комша и с ыными мѣсты, что к ним потагло; да Ржевѣ Пѣстѣю с волостями и с погосты, и со всѣми пошлинами; да Корѣлскѣю землю всю, Корѣлской горѣд с волостями и с погосты, и со всѣми пошлинами, со всѣмъ с тѣмъ, что х Корѣлской землѣ потагло, и с Лоп(ь)ю с лѣшею и съ дикою Лопью»⁴⁰. В тексте названо по меньшей мере 17 городов Новгородской земли (статус Буйца и Лопастич неясен), которые должен был унаследовать старший сын Ивана III. Ни один из младших сыновей завещателя ничего из территории Новгородского великого княжения не получал.

За князем Василием закреплялись также двинские и заволочские земли. Статья 33 постановляла: «Да с(ы)нѣ же своемѣ Василью даю Заволотцкѣю землю всю, Сѣнего и Каргополе, и все Пошнѣжье, и Двинѣ, и Вагѣ, и Кокшенѣ, и Велской погостъ, и Колмогоры, и всю Двинскѣю и Заволотцкѣю землю»⁴¹. Среди разных частей этих земель в статье 33 названы два города — Каргополь и Колмогоры.

Статья 34 завещания лаконична: «Да с(ы)на же своег(о) Васил(ь)а бл(а)гословляю своею ѿчиною, даю емѣ горѣд Пѣсковѣ и з города, и с волостями, и з селы, и всю землю Пѣсковскѣю»⁴². Однако в ней указывается, что Псков передается в наследство Василию вместе с городами Псковской земли, а их было немало. В XIII—XV вв. источники называют в псковских землях Изборск, Гдов, Велье, Володимирец, Воронач, Врев, Выбор, Вышгород, Кобылье, Опоч-

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

ку, Остров, Себеж⁴³. Вместе со Псковом в Псковской земле Василий III получал 13 городов. Следует обратить внимание, что город Себеж имел и другое название — Ивангород. Он был построен на северном берегу озера Себеж, находившегося в 140 км к югу от Пскова. Его не следует путать с упомянутым выше новгородским Ивангородом, построенным в 1492 г. на русском берегу р. Нарвы по приказу Ивана III и названном Ивангородом в его честь⁴⁴.

В статье 35 приводятся данные ещё о двух городах, которые должны были принадлежать князю Василию: «Да с(ы)нѹ же своемѹ Васил(ь)ю даю горѡдъ Торопецъ с волостѹми и с погосты, и з селы, и со всѣми пошлинами, со всѣмъ, что к немѹ потагло, да волости Данково, Любѹта, Дѹбна, Рожна, Тѹра, Биберево, Старцева, Нежелскаа, Велижскаа, Плавѣтцкаа, Жыжетцкаа, Сѹзерскаа, Казариновскаа. Да емѹ же даю горѡдъ Острее с волостми и со всѣмъ, что к немѹ потагло, а волости Березаи, Невле, Усваи, Лѡвѣцѡ, Веснѣболого, со всѣм с тѣм, что к Торопцѹ и к Острей, и к тѣмъ волостем потагло, как было при мнѣ»⁴⁵. Упомянутые здесь два города — Торопец и Острей — находились в разных местах. Торопец, старый древнерусский город, являлся частью Смоленского княжества с момента возникновения последнего и отстоял от Смоленска примерно на 200 км к северу. Крепость Острей построили, скорее всего, литовцы в 11 км к западу от Пскова, и Иван III отбил город у них.

Статья 36 закрепляла за князем Василием земли его отца в Рязанском княжестве, которые тот получил по завещанию своего племянника — рязанского князя Фёдора Васильевича. Статья зафиксировала переходы земель от одного князя к другому: «А что ми дал сестричич мои, княз(ь) Ѳеѡд(о)рѹ Васил(ь)евич Рязанской, свою ѡчинѹ на Рязани в городѣ и на посаде свои жеребеи, и Старѹю Рязан(ь), и Перевитебскѣ с волостѹми и с пѹтми, и з селы, и з бортью, и с тамгою, и со всѣми пошлинами, по томѹ, как сѧ дѣлил сѣ своим братомѹ, со кн(я)земъ с Ываном, и аз тѣ его вѡтчинѹ, жеребеи в городѣ на Рязани и на посаде, и Старѹю Рязан(ь), и Перевитебскѣ с волостѹми и с пѹтми, и з селы, и з бортью, и з тамгою, и со всѣми пошлинами, со всѣмъ по томѹ, как было за кн(я)земъ за Ѳеѡд(о)ром, даю с(ы)нѹ своемѹ Василью»⁴⁶. Фигурирующая в тексте статьи 36 Старая Рязань городом к моменту составления завещания Ивана III не являлась, но название сожжённой Батыем крепости сохранялось, обозначая волость или место. Рязанью же стал называться Переяславль Рязанский, разделённый между двумя братьями, сыновьями сестры Ивана III Анны, князьями Иваном и Фёдором Васильевичами. Доля («жеребей») младшего из них в Переяславле Рязанском перешла к Ивану III, как и город Перевитск. В бывшей части Рязанского княжества Василий получил только один целый город — Перевитск.

На статье 36 завещания заканчивается перечень будущих владений преемника Ивана III на столе великого княжения всея Руси. В этом перечне по самым скромным подсчётам насчитывалось 95 городов, которыми должен был владеть Василий. Попытавшись определить их количество, Соловьёв серьёзно ошибся, указав, что их было 66; Ключевский ошибки не заметил, без всякой проверки оперируя данными Соловьёва.

⁴³ Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 12, 15, 17, 28, 31, 36, 37, 39, 62, 76, 100–101.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. XXV. С. 333.

⁴⁵ ДДГ. № 89. С. 355.

⁴⁶ Там же. С. 357–358.

Далее в завещании Ивана III шёл раздел, описывавший владения его младших сыновей: Юрия, Дмитрия, Семёна и Андрея. Статья 37 содержала указание на дворы в московском Кремле, которые переходили в собственность четырёх младших сыновей великого князя: «Да дѣтемъ своимъ меньшимъ, Юрью з брат(ь)ею, даю дворы внѣтри города 8 Р(о)ж(де)ства Х(ри)с(то)ва, Петровской да Ивановской, да Микитинской Костантиновичев, да княж Александровской двор Ёболенског(о), да Васил(ь)евъской двор Сабѣрова, да княж Васил(ь)евъскши двор, да княж Ѧвѣд(о)ровъской княж Васил(ь)евыхъ детеи Ёболенског(о), да княж Ивановъской двор Стригин, да Ивановъской двор Борисова, да двѣ Иванов Волѣдимеровыхъ детеи Семенова, да Ивановъ Михайлова с(ы)на Семенова, да Григорьевъской дворъ Бабин, да Васил(ь)евъской двор Тѣчковъ, да гдѣ мои портные мастера живѣт, Нѣздра да Кѣзнецовъ, да Ушакъ, по Новѣю 8лицу, что идетъ 8лица ѿ площади къ Фрѣловскимъ воротомъ, а отъ площади, по каа мѣста кол(ь)е бито, а дѣти мои, Юрьи з брат(ь)ею, тѣ мѣста межъ соба поделатъ порѣнѣ»⁴⁷. Если считать, что Иваны Семёновы получили один двор на двоих, то четырём младшим сыновьям Ивана III было завещано 13 дворов, которые им следовало самостоятельно поделить поровну.

Далее идут четыре статьи (38–41), фиксирующие владения четырёх младших сыновей Ивана III в Москве за пределами Кремля и в станах, окружавших городскую территорию Москвы. Сын Юрий получал «на Мѣсковѣ селцо Сѣшово з дворы з горѣдцкими с посадными». Из московских сѣл ему дали «село Лыткино з д(е)р(е)вѣнами». Дмитрию отец завещал «на Мѣсковѣ селцо Напрѣдцкое з дворы с горѣдцкими с посадными», а из московских сѣл к нему переходили «Ёзеретцкіе села Старое да Новое з д(е)р(е)вѣнами». Семён должен был получить «на Мѣсковѣ селцо Лѣцинское и с мельницею, и со псарнею, да слободкѣ княж Васил(ь)евъскѣю Ромодановского», а из московских сѣл «Рѣзсѣдовские села за Похрою, Зѣвѣрево да Бораново, з д(е)р(е)вѣнами, что есми выменилъ 8 братнихъ детеи 8 Борисовыхъ», т.е. князя Бориса Волоцкого. Андрею завещались владения в разных московских местах. Иван III дал ему «на Москвѣ за рекою слобѣдкѣ Колычевскѣю да монастыр(ь) Р(о)ж(де)ство Пр(е)ч(и)стые на Голѣтвинѣ». Из московских сѣл он получил «село Ёсенево да село Сарыево, да Юдино з д(е)р(е)вѣнами»⁴⁸.

Далее со статьи 45 в завещании начинается раздел, где перечислялись города и волости, которыми должны были владеть младшие сыновья Ивана III от его брака с Софьей Палеолог. Первый из них, Юрий, получал после смерти отца «горѣд Дмитровъ с волостми и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, ѿприч(ь) переаславскихъ волостей Серебожа, Р(о)ж(де)ственног(о), Бѣскѣтова, что есми дал с(ы)нѣ Васил(ь)ю къ Переаславлю, и ѿприч(ь) замѣсковскихъ волостей, что есми ихъ дал с(ы)нѣ же своемѣ Васил(ь)ю къ Мѣсковѣ, и в тѣ волости с(ы)нѣ мои Юрьи 8 моег(о) с(ы)на 8 Васил(ь)а, а 8 своег(о) брата 8 старѣишаг(о), не встѣпаетсѣ ничѣмъ». Второй город князя Юрия указан в статье 48 завещания его отца: «Да емѣ ж даю горѣд Звенигорѣд с волостями и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, да волость Шопѣкову со всѣмъ». Третий — в статье 49: «Да с(ы)нѣ же своемѣ Юрью даю во Тѣфрской землѣ горѣд Кашин с волостями и с пѣтми, и з селы, и со всѣми пошлинами по томѣ, по каа мѣста писалъ х Кашинѣ писецъ нашъ Василеи Карамышев». Статья 50 увеличивала число городов,

⁴⁷ Там же. С. 358.

⁴⁸ Там же. С. 358–359.

отходивших к Юрию: «А что ми дал братанич мои, княз(ь) Иван Борисович, свою ѿчинѹ горѹд Рѹзѹ с волостьми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, и с тѣми волостьми, и з станы, что са дѣлил з братом съ своим съ Ѳеѡд(о)ромъ ѿ Волока, ѿприч(ь) Рюхѡвскоз(о) села з д(е)р(е)внами, что дал братанич мои Иван братѹ своемѹ Ѳеѡд(о)рѹ, и ѿз горѹд Рѹзѹ с волостьми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, и с тѣми волостьми и з станы, что са дѣлил з братом съ своим съ Ѳеѡд(о)ромъ ѿ Волока, даю с(ы)нѹ своемѹ Юрью, со всѣмъ с тѣмъ, по томѹ, как было за моим братаничем за Иваном, ѿприч(ь) Рюхѡвскоз(о) села з д(е)р(е)внами»⁴⁹. Князь Юрий получал то, что завещал Ивану III младший сын Бориса Волоцкого князь Иван, за исключением древнего села Рюховского, которое отходило старшему брату князя Ивана Борисовича Фёдору. Однако основное владение князя Ивана Борисовича — Руза — оставалось за Иваном III, и он передал город сыну Юрию.

Последние сведения о владениях второго сына Ивана III Юрия содержатся в статье 51: «Да с(ы)нѹ же своемѹ Юрью даю горѹд Бранскѹ с волостьми и с погосты, и з селы, и со всѣми пошлинами, со всѣмъ, что къ Бранскѹ потагло, да волости Солѡв(ь)евичи, Прикладни, Пацын, Ѳеѡд(о)ровская, Ёсовикѹ, Покиничи, Сѹхар(ь), Всеславль, Вороница, Жерын, Батогова, Хвошна, Пианова, Волконескѹ. Да емѹ же даю горѹд Серпѣскѹ с волостми и со всѣмъ, что к нему потагло, а волости Замѡш(ь)е, Тѹхачев, Дегна, Ѳоминичи, Погостище, Ковылна, Ближевичи, Любѹн, Снопѡт(ь), Даниловичи, Шѹла, Дѣмена, Ужеперет, Чернатици, Городечна, Мошын да Гнѣздилово, что была вотчина кн(а)-за Александра княж Иванова с(ы)на Гнѣздиловскоз(о), со всѣмъ с тѣмъ, что къ Бранскѹ, и къ Серпѣискѹ и к тѣмъ волостем потагло, как было при мнѣ»⁵⁰. К названным в статье 51 городам Брянску и Серпейску следует присоединить Волконеск, центр одноименной волости, который в начале XVI в., скорее всего, был городом. Таким образом, во владениях князя Юрия находилось не менее семи городов, завещанных ему его отцом: Дмитров, Звенигород, Кашин, Руза, Брянск, Серпейск и Волконск.

Статья 52 начинала перечень владений третьего сына Ивана III — Дмитрия. Ему передавались три города: «Да бл(а)гословляю с(ы)на своез(о) Дмитреа, даю емѹ горѹд Углече Поле с волостьми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, и с Устюжною, и с Рожаловым, и с Велетовым, и с Кистьюмою, и со всѣмъ с тѣмъ, что к Углечю и к тѣмъ волостем потагло; горѹд Мологѹ и з Глѣбовых вотчиною, и съ езы на Волзѣ и на Молозе, со всѣмъ, по томѹ, как было при мнѣ»⁵¹. Согласно этой статье к князю Дмитрию переходили города Углич (Углече Поле), Устюжна и Молога. В Мологе Дмитрий получал право собирать пошлыны с большого торгового места, переведённого туда из Холопьяго городка (статья 53).

Статья 54 дополняла список городов, завещанных князю Дмитрию: «Да емѹ же даю горѹд Хлепен(ь) и с Рогачевым, и с Нѣгомиремъ, с волостьми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами»⁵². К прежним трём городам присоединялся ещё один — Хлепень. К сожалению, нет твёрдых данных о том, были ли упоминаемые вместе с Хлепением Рогачёв и Негомир в 1503 г. городами, или нет.

⁴⁹ Там же. С. 359.

⁵⁰ Там же. С. 359–360.

⁵¹ Там же. С. 360.

⁵² Там же.

В статье 55 указывались ещё два города, предназначавшихся князю Дмитрию: «Да въ Тѣрской землѣ даю емѹ горѹдъ Зѹбцовъ с волостыми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами; горѹдъ Опоки с волостыми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, по томѹ, по каа мѣста писалъ къ Зѹбцовѹ и к Опокамъ писецъ нашъ Дмитрей Пѣшковъ»⁵³. В завоёванном в 1485 г. Иваном III Тверском княжестве князю Дмитрию дали города Зубцов и Опоки.

Далее согласно статье 56 к князю Дмитрию переходили земли, полученные его отцом по завещанию его племянника князя Ивана Борисовича Волоцкого: «А что ми дал братанич мой, княз(ь) Иван Борисович, свою ѿчинѹ, половинѹ Ржевы с волостми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, по томѹ, как сѧ дѣлилъ съ своимъ братомъ с Ѧвѹд(о)ромѹ, и ѧз половинѹ Ржевы с волостыми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами даю с(ы)нѹ же своемѹ Дмитрею со всѣмъ, по томѹ, какъ было за моимъ братаничемъ за Иваномъ»⁵⁴. Следуя этому решению, князь Дмитрий получал в своё распоряжение половину Ржевы Волжской (не путать с позднейшей Ржевой, иногда называемой Пустой, на р. Лысте).

Наконец, статья 57 заключала перечень городов, предназначавшихся князю Дмитрию: «Да с(ы)нѹ же своемѹ Дмитрею даю горѹдъ Мѣсческъ с волостми и с погосты, и з селы, и со всѣми пошлинами, со всѣмъ, что к немѹ потагло, какъ былъ за мѣзетцкими князми; горѹдъ Опаковѹ со всѣмъ, что к немѹ потагло, да волости Залидовѹ, Недоходово, Лычино, Бышковичи по Угрѹ со всѣмъ с тѣмъ, что к Опаковѹ и к тѣмъ волостемъ потагло, какъ было при мнѣ»⁵⁵. В заключительный перечень городов князя Дмитрия вошли два города: Мезецк, название которого в завещании Ивана III дано как Месческ, и Опаков. Всего же князь Дмитрий получал восемь городов — Углич, Устюжну, Мологу, Хлепень, Зубцов, Опоку, Мезецк, Опаков — и половину Ржевы Волжской.

Четвёртый сын Ивана III Семён по статье 58 завещания своего отца получил два города в разных местах: «Да бл(а)гословляю с(ы)на своеѧ(о) Семѣна, даю емѹ горѹдъ Бѣжытцкой Верхъ с волостми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами; горѹдъ Колѹгѹ с волостми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами»⁵⁶. Город Бежецкий Верх находился к северо-западу от Москвы, а Калуга — к югу от неё. Расстояние между этими городами превышало 440 км. Отдалённым от них было положение ещё одного города, данного Семёну (статья 59): «Да с(ы)нѹ же своемѹ Семенѹ даю горѹдъ Козелескъ с волостми и з селы, а волости козелские Серенескъ да Людмескъ, да Коробки и Вырки, на Вырке на рекѹ волости Сѣнища да Сытичи, да Выино и с ыными мѣсты, да Липици, да Взбынѹ, да Верхъ-Серена, да Лѹган, да Мѣстилово, да Кѹцын, да Хвостовичи, да Порыски, да Борятин, да Сѹрень, да Хостыци, да Жеремин, да Сныхово, да Ивановское Бабина село Незнаново, и с ыными мѣсты, со всѣмъ с тѣм, что к тѣмъ волостемъ и селомъ потагло»⁵⁷. Помимо Козельска, известного с XII в., статья 59 называет также Серенск, который во времена составления завещания Ивана III оставался, скорее всего, городом. Во всяком случае, Серенск как город упоминается уже в XIII в., в домонгольское время⁵⁸. Обобщая приведённые данные о будущих владениях князя Семёна, можно констатировать, что

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. С. 360.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. XXV. С. 125.

последнему были завещаны четыре города: Бежецкий Верх, Калуга и Козельск с Серенском.

Последний, пятый сын Ивана III Андрей согласно статье 68 завещания получал несколько городов в относительной близости от Москвы: «Да бл(а)гословляю с(ы)на своеа(о) Андрѣа, даю ему горѡд Верею с волостми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами; горѡд Вышегорѡд с волостьми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами; горѡд Ёлеѣин с волостми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами, и с Волконою, и с Кониным, и з Гордѣевым, и с Ньюховою, и со всѣмъ с тѣмъ, что к тѣм мѣстом потагло»⁵⁹. Как видно из статьи, Андрею передавалась подмосковная Верея, находившийся в 10 км от неё к югу Вышгород⁶⁰ и более отдалённый от первых двух городов Алексин. Другие четыре топонима, указанные в статье 68, относятся, по-видимому, к волостям. Статья 69 расширяла владения князя Андрея: «Да емѹ *ж* даю горѡд Любѹтескъ с волостми и со всѣми пошлинами, и со всѣмъ, что к немѹ потагло, как было при мнѣ, и с Веприным, что за ѡдоевскими княз(ь)ми»⁶¹. Согласно статьям 70–72, к князю Андрею переходил ряд московских и бывших московских волостей и часть медового пути, но города в этих статьях не указывались. Зато по статье 73 князь Андрей становился обладателем Старицы и иных тверских городов: «Да въ Тѡерской землѣ даю емѹ горѡд Старицѹ с волостми и с пѹтми, и з селы, и со всѣми пошлинами по томѹ, по каа мѣста писал къ Старице писецъ наш Борис Кѹтѹзов. Да даю емѹ Холмѣских вотчинѹ, Холмъ и Новои городок, да волость Ёлешню, да волость Синюю, и иные волости и пѣти, и села, со всѣми пошлинами по томѹ, по каа мѣста тѣ ѡчины и волости, и пѣти, и села писал писецъ наш Андрѣи Карамышеѡ»⁶². Таким образом, князь Андрей получал в наследство 7 городов: Верею, Вышгород, Алексин, Любутск, Старицу, Холм и Новый городок.

Всего своим четырём младшим сыновьям Иван III завещал 26,5 городов. Это на 3,5 города меньше того числа, которое называл Соловьёв. Прибавляя к этому количеству ещё 95 городов, завещанных Иваном III старшему сыну Василию, мы получим общую итоговую цифру городов, розданных Иваном III сыновьям — 121,5. Исходя из последней цифры заключаем, что старший сын Ивана III Василий получил 78,19% городов, пошедших в раздачу, второй сын Юрий — семь (5,76%), Дмитрий — восемь с половиной (7%), Семён — четыре (3,29%), Андрею отец дал семь городов (5,76%). Всего младшие сыновья Ивана III получили 21,81% завещавшихся городов, т.е. все вместе — в 3,6 раз меньше, чем их старший брат Василий. Последний, обладая в будущем 95 городами Русского государства, должен был в 13,6 раз превосходить владения брата Юрия и во столько же раз владения Андрея. Владения ещё одного сына Ивана III Дмитрия были меньше владений его старшего брата Василия в 11,2, а Семёна — в 23,8 раза. Приведённые цифры превышают показатели, учитывавшие только данные о размерах выплат татарам сыновей Ивана III и на этом основании используемые для характеристики возможностей великокняжеской и удельнокняжеской властей в Русском государстве начала XVI в. Очевидно,

⁵⁹ ДДГ. № 89. С. 360.

⁶⁰ Атлас Московской области. М., 2003. С. 109.

⁶¹ Там же. Город Любутеск (Любучк) стоял на правом берегу р. Оки при впадении в неё р. Любутки. О местоположении Любучка см.: *Болдин И. В.* Археологическое исследование городища летописного Любучка // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Тула, 2001. С. 24.

⁶² ДДГ. № 89. С. 361.

централизация власти, проведённая в последние годы жизни Иваном III, была явлением более широким и целенаправленным, чем казалось до сих пор. В руки преемника Ивана III на великокняжеском столе попадала громадная территория, многократно превышавшая размеры уделов каждого из его братьев. По сравнению с XIV–XV вв., когда доля владений будущего московского великого князя при наличии у него одного или нескольких родных братьев колебалась между 67% и 50% владений его отца, завещание Ивана III гарантировало его преемнику обладание почти 80% всех городов Русского государства. Такое предсмертное решение Ивана III означало реконструкцию верховной власти в Русском государстве. Решительное предпочтение отдавалось старшему сыну, к которому переходила подавляющая часть территории, бывшей во владении его отца. Что же доставалось на долю младших сыновей Ивана III?

Карамзин отмечал, что по завещанию Ивана его младшие сыновья получили «богатые вотчины». Даже дружественные Ивану III казанские ханы, под напором соперников оставлявшие Казань и искавшие спасения в Москве, для прокормления получали лишь один–три города.

Обращает на себя внимание, что города, предназначенные Иваном III младшим сыновьям, располагались друг от друга на расстоянии многих десятков, а иногда и сотен километров. Приведённый выше пример с Бежецким Верхом и Калугой, завещанными Иваном III сыну Семёну, красноречиво говорит об этом. Удалённость княжеских владений друг от друга, фиксируемая на Руси уже со второй половины XI в., косвенно свидетельствует о том, что обладание такими владениями основывалось не на отчинных началах (владение с правом передачи его по наследству), как в своё время полагал Пресняков, а на началах прекарности (временное владение, вплоть до конца жизни, но без права его расширения и передачи по наследству). Статья 86 завещания Ивана III прямо запрещала увеличение княжеских удельных владений: «А мои дѣти ѿ с(ы)на моеѿ(о) ѿ Васил(ь)а въ Москвѣ и въ всем его в великом княжестве земел(ь) не кѹпат, ни дрѣжат, ни закладней не дрѣжат». В то же время удельный князь лишался права продавать удел. И если у удельного владельца не было наследников, его земли переходили к великому князю: «А которѡѿ(о) моеѿ(о) с(ы)на не станѣт, а не ѡстанѣтсѧ ѿ неѿ(о) ни с(ы)на, ни внѹка, ино ѿ(о) ѿдѣл весь в Московскои землѣ и въ Тѣѿрскои землѣ, что есми ему ни дал, то все с(ы)нѡ моеѡ Васил(ь)ю, а брат(ь)а ѿ(о) ѿ него в том ѿдѣл не вѣстѹпаютсѧ»⁶³.

Приведённые данные свидетельствуют, что написанным в 1503 г. завещанием Иван III перестраивал отношения между сыновьями. Особое внимание уделялось старшему сыну, который должен был занять великокняжеский стол. К нему во владение переходило подавляющее число городов, волостей, мест и различных сельских поселений, что предопределяло авторитарный характер управления Русским государством. Четыре младших брата будущего Василия III по завещанию отца получали вместе менее 22% всех русских городов, что было достаточно для повседневной жизни, но не для борьбы за верховную власть, а возможность такой борьбы сильно беспокоила Ивана III. В одной из последних статей своей «душевной грамоты» он дал описание возможных действий удельных князей против великого князя и наказание за такие действия: «А которой мои с(ы)нѣ не ѹчнет с(ы)на моего Васил(ь)а слѹшати во всем, или ѹчнет пѡд нимѣ под(ь)искивати великих княжествъ или пѡд его детми, или

⁶³ Там же. С. 361–362.

ꙗчнем ѿ нег(о) ѿстꙋпати, или ꙗчнем ссылатисѧ с кѣмъ ни бꙋди тайно или ꙗвно на ег(о) лихо, или ꙗчнꙋт ког(о) на нег(о) пꙋд(ѣ)имати, или с кѣмъ ꙗчнꙋт на нег(о) ѿдиначитисѧ, ино не бꙋди на нем м(и)л(о)сти Б(о)жіеи, и Пр(е)ч(и)-стые Б(о)г(о)м(а)т(е)ри, и с(вя)тых чюдотворецъ м(о)л(и)твы, и рꙋд(и)тел(ѣ) наших, и нашег(о) бл(а)г(о)с(ло)веніѧ и в сїи вѣкъ и в бꙋдꙋщіи»⁶⁴. Изображённая в завещании Ивана III личность честолюбивого удельного князя-интригана, борющегося за великокняжеский стол со старшим братом, в действительности никогда не существовала. Но в мае 1537 г. единственный остававшийся в живых сын Ивана III старицкий князь Андрей поднял мятеж против управлявшей страной Елены Глинской, вдовы Василия III. В Москве было собрано войско и отправлено против недовольного своим положением князя. 1 июня 1537 г. князя Андрея схватили вместе с женой и сыном, привезли в Москву и посадили в тюрьму. Не выдержав тяжести железных оков, старицкий князь скончался в декабре 1537 г.⁶⁵ На этом в Русском государстве закончилась династическая борьба за обладание высшей властью.

⁶⁴ Там же. С. 363.

⁶⁵ Кучкин В.А. Московские Рюриковичи. Генеалогия и демография // Исторический вестник. 2013. Т. IV. С. 48–49.

Визит дербентского правителя Имама Кули-бека в Петербург

Шарафутдин Магарамов

Visit of the Derbent ruler Imam Kulibek to Saint Petersburg

Sharafutdin Magaramov

*(Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan Federal
Research Centre of Russian Academy of Sciences, Makhachkala)*

DOI: 10.31857/S2949124X23050036, EDN: OYBCTQ

Среди видных деятелей Северного Кавказа XVIII в., оказавших большое влияние на происходившие в регионе события, важное место занимает наиб Дербента Имам Кули-бек. До последнего времени его биография оставалась малоизвестной. Недавно мною была опубликована статья, посвящённая деятельности наипа по интеграции Дербента в политико-правовое и экономическое пространство Российской империи¹. Впервые вводимые в научный оборот документальные данные позволяют пополнить биографию Имама Кули-бека информацией о его поездке в Петербург в 1726–1727 гг.

Летом 1725 г. наиб обратился к канцлеру Г.И. Головкину с просьбой разрешить ему приехать к императорскому двору. После рассмотрения прошения в Петербурге командующий Низовым корпусом генерал-лейтенант М.А. Матюшкин получил указание выяснить, как наиб дербентский относится к России и можно ли на него рассчитывать в интересах империи². Матюшкин 16 ноября 1725 г. отправил из Астрахани в Петербург донесение, охарактеризовав наипа с положительной стороны, подчеркнув его верность России: «О состоянии одного наипа, хотя от армянского архимандрита Мартироса и от армян имелось доношение, якобы он и дербенцы имеют... недоброжелательными согласие и будто намерены российских побить и городом (Дербентом. — *Ш.М.*) овладеть, но по следованию того дела подозрению над ним, наипом, не показалось и донине не имеетца». Однако Матюшкин предостерегал верховную власть, что даже проверенному временем дербентскому наипу полностью доверять не стоит: «А чтобы подлинно его, наипово, намерение и верность к стороне е.и.в. ведать, хотя он, генерал-лейтенант, и не надеется от него, чтоб учинил какие противности, однако ж по состоянию тех стран народов без осторожности быть невозможно, и впредь можно уповать от него, наипа, интересам е.и.в. какой пользы донести невозможно. Что ж он, наип, ко двору е.и.в. едет как он, генерал-лейтенант, надеется, желает видеть очи е.и.в., и для награждения жалования, а о прочем знать невозможно, разве когда оной пребудет в Астрахань, и тогда что уведает, доносить будет»³.

© 2023 г. Ш.А. Магарамов

¹ Магарамов Ш.А. «О верности его известно всем»: политическая деятельность наипа Дербента Имама Кули-бека // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 2. С. 306–322.

² АВПРИ, ф. 77, оп. 1, 1726 г., д. 17, л. 1–6.

³ Там же, 1727 г. д. 16, л. 1 об.–2.

Сменивший Матюшкина в феврале 1726 г. кн. В.В. Долгоруков порекомендовал центральным властям принять наиба скромно, не одаривать его дорогими подарками и не платить ему сверх положенного жалованья, поскольку и другие горские владетели захотят того же отношения к себе: «Ежели ево высоко поведут и по его желанию все ему отдадут, то так здешние дела тем повредят, что исправить будет невозможно. Первое, что здешние владельцы, как дагистанские, так и горские, пожелают такова ж всякой себе награждения, что уже и видно, усмей ко мне прислал первого своего человека, написав челобитную, чтоб ево отправить к двору, в челобитье ево написано, чтоб ему и детям ево, и ближним ево людям, и секретарям, и узденям погодно давать, по чему ему давалось от персического шаха на всякой год больше двенадцати тысяч рублей». Кайтагский уцмий вслед за наибом заявил о желании отправиться в Петербург, на что Долгоруков ответил, что требовать этого не стоит, «не показав своей службы к е.в.». Князь считал и без того «не ущербным» положение наиба, которому со времени перехода в российское подданство «как денег, так и хлеба не мало дано» — более 10 тыс. руб. Наиб владел также деревнями Дербентской округи, с которых имел немалый доход, а «нам из ево богатства какая польза может быть». Долгоруков считал полезным «умерено их содержать»⁴.

Поездки в Москву и Петербург из отдалённых окраинных земель для встречи с верховными правителями страны не были частыми явлениями⁵. Разрешение Иمامу Кули-беку поездки в Петербург демонстрирует особое расположение к наibu императрицы Екатерины I, лично знакомой с ним ещё с августа 1722 г. Визит в Петербург представителя власти присоединённых к Российской империи земель рассматривался в ракурсе «внутренней дипломатии», «этнической» правительственной политики.

Путь наиба из Дербента лежал по морю в Астрахань, далее от Астрахани до Царицына по Волге, от Царицына сухим путём через донские казачьи городки до Тамбова и Москвы, далее к Великому Новгороду, Ладоге, Шлиссельбургу, откуда он с частью спутников отправился по Неве в Санкт-Петербург (остальная часть делегации и багаж отправились в столицу из Ладоги, минуя Шлиссельбург). В Царицыне дербентская миссия не могла получить необходимых 90 подвод; из-за падежа лошадей наibu предложили разделить депутацию и багаж на три части. Имам Кули-бек ответил отказом, посчитав данное предложение оскорбительным⁶. Прибыв в Москву в сентябре 1726 г., он пожелал остаться в городе в течение недели «для исправления своих нужд». Тем временем из Коллегии иностранных дел поступило указание сообщить ему, чтобы он, не задерживаясь, отправился в Санкт-Петербург, поскольку из-за морозов в пути могут быть трудности⁷.

Имам Кули-бек выехал в Санкт-Петербург с многочисленной депутацией и обслуживающим персоналом в составе 44 человек, хотя ему и рекомендовали взять с собой существенно меньшее количество людей. В пути их сопровождали поручик Дагестанского полка Иван Полозов, капрал и десять солдат, имевшие инструкцию обходиться с наибом и его людьми вежливо и со всяческим почтением. Поручику предписывалось следить, «чтоб как от ево, наиповых,

⁴ РГАДА, ф. 9, отд. 2, д. 77, л. 1032 об.—1033 об.; АВПРИ, ф. 77, оп. 1, 1727 г., д. 16, л. 2 об.—3.

⁵ *Трепавлов В.В.* Символы и ритуалы в этнической политике России XVI—XIX вв. СПб., 2018. С. 44.

⁶ АВПРИ, ф. 77, оп. 1, 1727 г., д. 16, л. 7—8; д. 17, л. 39—39 об.

⁷ Там же, д. 17, л. 92.

людей русским, так и от русских ево, наиповым, человеком обид никаких не было, так же наперед сего никто из людей ево не уезжали и назади не оставались»⁸.

В Петербурге для проживания наиба и его депутации отвели дворы бывшего магистрата «да стряпчего с ключем Панкратья Суморокова», которые охраняли капрал и 12 солдат⁹. В столице Имам Кули-бек провёл зиму 1726–1727 гг. Он несколько раз (2 ноября и 29 декабря 1726 г., 4 января и 15 марта 1727 г.) встречался с президентом Военной коллегии кн. А.Д. Меншиковым и вместе с ним посетил императрицу Екатерину I в Зимнем дворце¹⁰. Целью поездки Имама Кули-бека в Петербург была подача прошений как личного характера, так и городской общины, чьи интересы он представлял. Проблемы присоединённых к империи прикаспийских земель находились в ведении командующих Низовым корпусом. Видимо, наиб посчитал, что его дела требуют правительственного вмешательства. В прошении на имя императрицы от 11 февраля 1727 г. он объяснил причины прибытия в Петербург: «Из древних лет предки мои и я служили персидским государям со всякою верностию и крепостию безпорочно, а ныне я служу в.и.в. верно и усердно со всяким прилежанием, и приехал я, раб вашего Величества, к славнейшему и милостливейшему двору в.и.в. просить о своих нуждах в надежде, что я, нижейший раб, не отвергнен буду от высокой милости в.и.в.»¹¹. В данном прошении наиб подчеркнул свой более льготный статус по сравнению с представителями других кавказских политических элит, в отличие от которых он добровольно признал верховенство Российской империи.

В обращении к императрице Имам Кули-бек обращал её внимание, что его статус как российского подданного не должен уступать статусу перешедших под протекцию Османской империи кавказских владетелей, в частности лезгинского правителя Хаджи-Дауда: «Как известно всем, что называемой Дауд из простых народов, изменил своему государю и против своего государя (персидского шаха. — *Ш.М.*) бунт поднял, и, оставя своего государя, принял протекцию турецкого салтана. И турецкой салтан ему, Дауду, за то прислал знамя, саблю, платье, конь с убором и дал ему, Дауду, владение Ширванскую губернию. Того ради... прошу в.и.в. за мои верные службы... возвысить меня чином и на тот чин пожаловать жалованную грамоту, тако ж пожаловать меня саблею и одною каретою, ибо саблею буду служить против неприятелей в.и.в., а карета в наших краях зело куриозна вещь... А которым чином я пожалован буду, чтоб тем чином пожалован после моей смерти был сын мой... А имянно всенижайше прошу в.и.в. меня пожаловать генералом для того, что Дауд от турецкого салтана пожалован губернатором, а мне б против его чина была отмена»¹².

Просьба наиба закрепить его генеральский чин царской жалованной грамотой объясняется восточными государственными традициями, когда избрание или назначение на высшую должность или наделение высоким чином следовало подкреплять инвеститурой от государя. 6 марта 1727 г. была подготовлена жалованная грамота Иمامу Кули-беку за большой императорской печатью. Из

⁸ Там же, 1725 г., д. 3, л. 38; 1726 г., д. 17, л. 10–11, 18; 1727 г., д. 16, л. 209.

⁹ Там же, 1726 г., д. 17, л. 139.

¹⁰ Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. X. Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 гг. М., 2000. С. 473, 498, 501, 526.

¹¹ АВПРИ, ф. 77, оп. 1, 1727 г., д. 16, л. 29.

¹² Там же, л. 29–29 об.

её содержания видно, что наиба пожаловали тем же чином генерал-майора, что и в 1722 г., а также причислили к дворянскому сословию: «Для оказанной его службе нашей верности и прилежности во знак к нему нашей Императорской Высокой милости пожаловали чином генерал-майора, и иметь ему команду над дербентскими служителями, над которыми он прежде всего управление имел». Причина вторичного пожалования тем же чином видится в настойчивых прошениях наиба: его генеральский чин подкрепили жалованной грамотой. Он также добился, чтобы его брата Аллах Кули-бека удостоили чина полковника. Удовлетворили и просьбу наиба о карете, на приобретение которой по указанию императрицы из Камер-коллегии выдали 300 руб.¹³

В прошении от 2 января 1727 г. Имам Кули-бек просил сохранить право на управление деревнями в окрестностях Дербента, данное ему ещё персидскими шахами: «И оные такие деревни во владении своем имели, и никаких податей никто от них не требовал, а понеже ныне оные провинция под протекцию в.и.в. обретается, в которой провинции 28 деревень мне в жалованье определено было... Сверх того пять деревень, за рекою Семур лежащие, мне в жалованье определены... Того ради вашего Императорского Величества всеижайше прошу вышепомянутые деревни особливое милостивее награждение мне пожаловать». В Петербурге решили повременить с удовлетворением этой просьбы, поскольку не имелось сведений, под чьим управлением при Сефевидях находились упоминаемые 33 деревни Дербентской округи. Было решено послать указ командующему Низовым корпусом кн. Долгорукову, «чтоб он о том осведомлял и прислал сюда верное известие, по которому тогда е.и.в. к нему, наипу, в оном его прошении склонную свою милость показать изволит, в чем бы он был без всякого сумнения благонадежен»¹⁴.

В тот же день Имам Кули-бек подал ходатайство возобновлении выплаты жалованья владельцам Табасарана кадию Рустам-беку и майсуму Мухаммед-беку — по 200 руб. каждому. Оно выплачивалось российской властью из доходов бакинских нефтяных источников. Наиб обнадёживал верховную власть, что табасаранские владельцы станут усердно служить интересам России и «будут за здравие в.и.в. Бога молить». Данное прошение удовлетворили¹⁵. Во время визита в Петербург наиб поднял и проблемы, связанные с налогообложением дербентских купцов. От имени последних он 8 января 1727 г. подал прошение канцлеру Головкину за печатями 16 купцов. Можно предположить, что среди лиц, приехавших с Имамом Кули-беком в Петербург, были и сами купцы. Те жаловались на ущемление их интересов в Астрахани, где в нарушение установленных правил пошлины стали взимать не только с ввозимых, но и с вывозимых из города товаров. Недовольство вызывало и повышение стоимости аренды жилья в гостиных дворах: за комнату на четыре персоны вместо прежних 50 коп. стали брать рубль, а затем — по рублю с каждого человека. Из-за этого дербентские купцы стали жить в юртах, а «ныне и за то начали пошлину брать». Для разрешения проблемы из Сената астраханскому губернатору фон Менгдену отправили указ, чтобы пошлину с товаров и арендную плату за проживание в гостиных дворах Астрахани с дербентских купцов брали согласно указу от 1723 г.¹⁶, т.е. наравне с русскими купцами.

¹³ Там же, л. 38–38 об., 47 об., 49, 50–50 об.

¹⁴ Там же, л. 9–10, 46–46 об.

¹⁵ Там же, л. 17–17 об., 47 об.

¹⁶ Там же, л. 20–20 об., 74–75.

Среди прошений наиба, требовавших высочайшего решения, была просьба помочь в решении вопроса о ремонте водовода из реки Рубас, необходимого жителям Дербента для полива садов, пахотных земель и водопоев. Как отмечал Имам Кули-бек в прошении тайному советнику П.А. Толстому от 23 января 1727 г., несколько раз он с полковником фон Лукеем ремонтировал водовод, но объект вновь приходил в негодность, вероятно, из-за крайней изношенности труб. Наиб просил выделить тысячу человек на помощь местным жителям в ремонте: «Ежели довольно людей имелось, то б можно было оную трубу починить, чтоб из оной вода всегда текла, отчего великая прибыль как садам, так же и жителем, и скотам, и землям учинитца». Кн. Долгорукову велели создать комиссию во главе с полковником фон Лукеем¹⁷. Отсутствие документальных данных не даёт возможности узнать, удалось ли решить эту важную для городской общины проблему.

Во время пребывания Петра I в Дербенте в 1722 г. несколько дербентцев арестовали за проявленную нелояльность к новой власти. Из-за нехватки мест в лазаретах в домах арестованных горожан, где продолжали жить их жёны и дети, размещали больных солдат. Потом членам семей арестованных дербентцев запретили проживать в своих домах, их имущество конфисковали. Лишь в 1725 г. им разрешили заниматься торговлей или выполнять работы по найму¹⁸. Видя жалкое состояние членов семей опальных, наиб просил под свою ответственность освободить оставшихся в живых горожан: «Взяты были несколько человек из дербентцев за арест, и несколько человек из них померло, а в том числе иные живы, и те хворые и страмные, чтоб тех невольников... милостиво приказать освободить и мне отдать. И остаточные их пожитки назад возвратить, ибо жены их и дети скитаютца по чужим дворам и не имеют себе пристанища». Имам Кули-бек также просил освободить арестованных бакинцев: «Всенижайше прошу бакинских невольников милостиво приказать освободить и мне отдать»¹⁹. Как в Петербурге посмотрели на эти просьбы наиба, к сожалению, неизвестно.

Имам Кули-бек, планируя построить в Дербенте «хоромины», просил кн. Долгорукова выделить четверых полковых плотников, среди которых одного (Кондратия Кокорина) назвал по имени. 2 января 1727 г. Имам Кули-бек просил, чтобы ему «из Астраханской губернии дали было 7 полковых пушек, да повсягодно по несколько бочек вина. Тако ж де и о музыкантов полковых ж, чтоб они всегда при мне были, и вышеписанныя вещи и поныне не отданы»²⁰.

В марте 1727 г. Имам Кули-бек, доброжелательно принятый в Петербурге, отправился домой, получил на дорожные расходы 5 тыс. руб., подводы и конвой. По указу Екатерины I всем губернаторам и воеводам надлежало пропускать наиба и его свиту с багажом²¹. Однако в Москве случилась неожиданная задержка, о которой он 7 мая 1727 г. решил информировать П.А. Толстого и Г.И. Головкина: «Ныне я уже в Москве давно живу, а для отъезду моего судов не от кого получить не могу. Того ради... прошу показать надо мною отеческую милость, прислать указ для отправления моего водою, дабы я мог

¹⁷ Там же, л. 24–24 об., 48 об.

¹⁸ Российский государственный архив военно-морского флота, ф. 233, оп. 1, д. 259, л. 228; АВПРИ, ф. 77, оп. 3, 1725 г., д. 3, л. 27 об.–28.

¹⁹ АВПРИ, ф. 77, оп. 1, 1727 г., д. 16, л. 30–30 об., 89–89 об.

²⁰ Там же, л. 13–13 об., 31, 47, 48 об.

²¹ Там же, л. 58, 142.

благовременно доехать в свои края». В письме Головкину наиб подкрепил свою просьбу, сообщив, что нашёл по дороге добрую буланую лошадь, переданную им приказчику Смирягину, чтобы он «вашему сиятельству оную препроводил... в знак моего рабства»²².

Задержка наива в Москве была санкционирована правительством, но от Имама Кули-бека это тщательно скрывали. 3 апреля 1727 г. канцлер Головкин писал в Москву: «Отпущено отсюда на сих днях дербентский наип Имам Кули-бек, которого для некоторых причин в Персию ныне впредь до получения от тамошних командиров известия пропускать е.и.в. не указала, но повелела ее величество удержать его, наипа, под приличными претексты до указа е.и.в. в Москве... И, ваше сиятельство, извольте... приказать ему, наипу... отвести добрую квартиру... и содержать онго во всякой свободности, и допускать его ездить, куда похочет. Только... далее в путь... не отпускать, но о сем его, наипове, задержании не соизвольте... объявлять... извольте... приказать чинить ему замедление отъезду его приличные отговорки, что якобы исправляютца приготовление судов, на которых водою ехать». Причины задержки наива не оглашались. В июне 1727 г. Имам Кули-бек выехал из Москвы в Астрахань водным путём на двух приобретённых для этого случая судах²³ и далее по Каспийскому морю — в Дербент.

Приведённые документальные материалы показывают, что, вопреки существовавшему в литературе утверждению, Имам Кули-бек не умер в 1728 г. в Санкт-Петербурге, после чего его прах перевезли в Дербент²⁴. Наиб благополучно вернулся из столицы. До последнего времени ошибочно датой смерти Имама Кулибека считался также 1731 г., когда должность наива перешла к его брату полковнику Аллах Кули-беку²⁵. Выявленный мной в фондах АВПРИ документ — донесение вице-канцлеру барону А.И. Остерману от имени Имама Кули-бека, датированное 1733 г.²⁶, позволяет утверждать, что скончался наиб не ранее 1733 г.

Проведённое исследование показывает, что наиб Имам Кули-бек был дальновидным правителем, которому в одинаковой мере доверяли местная дербентская община и российская власть. Без преувеличения, его можно отнести к числу деятелей, сыгравших значимую роль в расширении влияния Российской империи на Каспии в петровскую эпоху. Политическая деятельность Имама Кули-бека в должности правителя Дербента — яркий пример службы представителей местных народов российской власти. Последняя в свою очередь высоко ценила верность наива: во время поездки к императорскому двору ему оказали тёплый приём и удовлетворили большинство его просьб.

²² Там же, л. 100–102.

²³ Там же, л. 83–84; 1730 г., д. 4, л. 190.

²⁴ Гусейнов Г.-Б. Энциклопедия города Дербента. Махачкала, 2015. С. 231.

²⁵ Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010. С. 258.

²⁶ АВПРИ, ф. 77, оп. 1, 1733 г., д. 20, л. 1–2.

Министр финансов И.А. Вышнеградский и голод 1891–1892 гг.

Валерий Степанов

Finance Minister I.A. Vyshnegradsky and the Famine of 1891–1892

Valerij Stepanov

*(Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow;
Saint Petersburg State University, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X23050048, EDN: OXANEZ

Голод 1891–1892 гг. стал ярким проявлением кризиса традиционного аграрного социума Российской империи. Он стимулировал небывалый подъём общественной активности, способствовал усилению оппозиционных настроений, заставил правительство внести изменения в крестьянское законодательство и принять ряд мер, касавшихся организации продовольственного дела и железнодорожного строительства. Несмотря на всю значимость этого события, оно не получило должного отражения в научной литературе. Обычно его рассматривали либо в сравнительно небольших статьях, либо, наряду с другими сюжетами, в работах, посвящённых формированию всероссийского рынка, развитию сельскохозяйственного производства, социальным изменениям в крестьянской среде, благотворительности в деревне и т.п. До сих пор многие аспекты данной темы изучены фрагментарно и недостаточно глубоко¹.

При этом в отечественной историографии (и дореволюционной, и советской) в значительной мере под влиянием публицистики 1891–1892 гг. ответственность за голод, как правило, возлагалась на правительство, разорявшее крестьян непосильными налогами, поощрявшее вывоз хлеба за границу в ущерб внутреннему потреблению и не способное при неурожаях обеспечивать население продовольствием². В частности, резко осуждались действия финансового

© 2023 г. В.Л. Степанов

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-01267 «Частный капитал или государство? Общественная дискуссия о путях экономического развития России (вторая половина 1870-х — первая половина 1890-х гг.)».

The study was supported by the research grant № 22-28-01267 «Commercial capital or the state one? Public debate about the path of Russia's economic development (second half of the 1870s to first half of the 1890s)» of the Russian Science Foundation.

¹ Пьянков С.А., Михалёв Н.А. Голод 1891–1892 гг. в России в советской и современной отечественной историографии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 1. С. 44–55; Дёмина Ю.В. Современная отечественная историография голода 1891–1892 гг. // Genesis: исторические исследования. 2018. № 4. С. 85–94.

² Даниельсон Н.Ф. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб., 1893. С. 37–44, 257–259; Тернер Ф.Г. Государство и землевладение. Ч. 1. СПб., 1896. С. 305–315; Лохтин П.М. Состояние сельского хозяйства в России сравнительно с другими странами. СПб., 1901. С. 252; Шванебах П.Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901. С. 15–32; Шванебах П.Х. Наше податное дело. СПб., 1903. С. 10–15; Гурко В.И. Устои народного хозяйства России. Аграрно-экономические этюды. СПб., 1902. С. 25, 26; Воронцов В.П. Судьба капиталистической России. Экономические очерки России. СПб., 1907. С. 98; Лященко П.И. Очерки аграрной

ведомства, которое с начала 1887 г. возглавлял И.А. Вышнеградский. «Меркантилистическая система Вышнеградского, — писал в 1909 г. В. Витчевский, — сводившаяся к скоплению возможно большего количества золота, развивалась всецело за счёт сельского хозяйства... Голодные 1891 и 1892 годы с их разрушительными последствиями явились тяжёлой расплатой за тот односторонний и суровый фискализм, которым была проникнута финансовая политика восьмидесятых годов. Ужасы голода сломали “систему”»³. В 1996 г. Б.В. Ананьич также утверждал, что «необычные размеры бедствия» 1891–1892 гг. «спровоцировала фискальная политика Вышнеградского, отличавшаяся предельной жёсткостью»⁴.

Между тем Р. Роббинс ещё в 1970-е гг. называл «мифом» представление о том, будто высшая бюрократия сначала вообще игнорировала наступление голода, а затем, осознав масштаб трагедии, впала в панику и растерялась. По его мнению, царский режим, несмотря на колебания и ошибки, оказал пострадавшим регионам существенную поддержку, а политика Вышнеградского, хотя и не соответствовала интересам крестьян, но и не разрушала их хозяйства. Более того, именно накопленные им в конце 1880-х гг. финансовые резервы позволили государству широко предоставлять помощь нуждавшимся⁵. Правда, в небольшой по объёму книге Роббинс не мог охватить всю совокупность правительственных мероприятий, поскольку это требовало обработки весьма обширного комплекса архивных материалов. Впоследствии П. Грегори поставил под сомнение наличие в России конца XIX в. аграрного кризиса, «голодного» экспорта и чрезмерного обременения крестьян налогами⁶. С ним согласились и некоторые российские историки, пересмотревшие к тому же устоявшиеся оценки значения правительственных распоряжений 1891–1892 гг.⁷ Так, М.А. Давыдов указал на то, что в пореформенную эпоху власти выделяли для помощи голодавшим огромные средства и тем самым фактически спасали десятки миллионов

эволюции России. Т. 1. СПб., 1908. С. 385–416; *Ляшенко П.И.* Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. СПб., 1912. С. 3; *Кауфман А.А.* Аграрный вопрос в России. Изд. 2. М., 1918. С. 50–54; *Егизарова Н.А.* Аграрный кризис XIX в. в России. М., 1959. С. 58–60; *Арзуманян А.А.* Аграрный кризис 80–90-х гг. XIX в. в России // *Арзуманян А.А.* Экономические проблемы общественного развития. Избранные труды. М., 1968. С. 101, 176–177; *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX века. М., 1974. С. 310–311; *Дубровский С.М.* Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975. С. 325–326; *Китанина Т.М.* Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. (Очерки правительственной политики). Л., 1978. С. 6, 42–44; *Анфимов А.М.* Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России: 1881–1904. М., 1984. С. 89–100.

³ *Витчевский В.* Торговая, таможенная и промышленная политика России со времён Петра Великого до наших дней. СПб., 1909. С. 231.

⁴ *Ананьич Б.В.* Новый курс. «Народное самодержавие» Александра III и Николая II // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 393.

⁵ *Robbins R. G.* Famine in Russia 1891–1892. The imperial government responds to a crisis. N.Y.; L., 1975. P. 8. См. также: *Михалёв Н.А.* Голод 1891 г. в России: интерпретация Ричарда Роббинса // Отечественная история: взгляд из XXI века. Сборник научных статей. Екатеринбург, 2015. С. 74–85.

⁶ *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): новые подсчёты и оценки. М., 2003. С. 29–37.

⁷ *Миронов Б.Н.* Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2010. С. 641–644; Изд. 2. М., 2012. С. 471–474; *Круглов В.Н.* Царь-голод. Факты против мифов // Сборник Русского исторического общества. 2011. № 11 (159). С. 87–106; *Давыдов М.А.* Двадцать лет до великой войны. Российская модернизация Витте–Столыпина. М., 2016. С. 97–117, 151–258; *Давыдов М.А.* Всероссийский рынок в конце XIX — начале XX в. и железнодорожная статистика. Изд. 2. СПб., 2019. С. 254–361.

людей от стихийного бедствия⁸. Другие учёные критиковали сторонников такого подхода за предвзятость при интерпретации источников и игнорирование достижений предшествовавшей историографии⁹. Т.М. Китанина справедливо указала на необходимость «специального изучения соотношения производства, потребления населения и объёма экспорта»¹⁰. Развернувшаяся дискуссия явно требует дальнейшего исследования самых различных аспектов темы¹¹.

Особого внимания заслуживает роль Вышнеградского во «всероссийском разорении» и преодолении его последствий. Видный учёный-механик, он входил в правления нескольких крупных акционерных компаний, вращался в консервативных кругах и считался протее издателя-редактора «Московских ведомостей» М.Н. Каткова. Тайный советник и член Государственного совета, Иван Алексеевич стал министром в трудный для России момент: промышленность переживала депрессию, бюджет страдал хроническим дефицитом, курс рубля колебался и падал. Он установил режим строгой экономии казённых средств, провёл конверсию ряда внешних государственных займов и значительно усилил налогообложение: повысил прямые налоги, акцизы с водки, табака и сахара, ввёл новые сборы с керосина и спичек, настоял на взыскании с крестьян недоимок по уже отменённой подушной подати¹². Это позволило ему в течение нескольких лет добиться частичной стабилизации финансов.

Успеху политики Вышнеградского способствовали обильные урожаи 1887–1888 гг. (261 и 246 млн четвертей), а также начавшееся оживление промышленности. Рост доходов дал возможность в 1887–1889 гг. сводить общий бюджет с профицитом. Министр стремился покончить с многолетней дезорганизацией денежного обращения, восстановить размен кредитных билетов на драгоценные металлы и поднять курс рубля. В 1887–1890 гг. ему удалось увеличить золотой запас с 281,5 млн до 483,8 млн руб.¹³ Однако осуществлению этих планов препятствовал отрицательный расчётный баланс, который постоянно складывался в результате выплат казны по внешнему долгу и огромных затрат россиян за границей. Компенсировать их могло только соответствующее увеличение достигнутого в первой половине 1880-х гг. положительного сальдо торгового баланса. Для ограничения импорта был взят курс на дальнейшее повышение

⁸ Давыдов М.А. Двадцать лет до великой войны... С. 121, 122, 125.

⁹ Нефёдов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV — начало XX века. Екатеринбург, 2005. С. 295–297; Нефёдов С.А. История России. Факторный анализ. Т. II. М., 2011. С. 404–407; Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб., 2011. С. 8–11, 18, 19, 47–50; Островский А.В. Зерновое производство Европейской России в конце XIX — начале XX в. СПб., 2013. С. 275–277, 285, 347; Кондрашин В.В. Сельское хозяйство России и аграрная политика самодержавия в конце XIX — начале XX в. // Экономическая история. Ежегодник. 2020. М., 2021. С. 409–461.

¹⁰ Китанина Т.М. Хлебная торговля России в конце XIX — начале XX века... С. 108.

¹¹ Об этой дискуссии см.: Слепнёв И.Н. Россия на мировом рынке в конце XIX века: зерновой экспорт, внутреннее производство, аграрный кризис (историографическая ситуация и методические подходы) // Многогранный талант историка: памяти доктора исторических наук профессора Авенира Павловича Корелина. М., 2019. С. 313–324; Кондрашин В.В. Сельское хозяйство России... С. 409–418.

¹² О деятельности И.А. Вышнеградского подробнее см.: Степанов В.Л. Предпосылки денежной реформы С.Ю. Витте: политика министра финансов И.А. Вышнеградского (1887–1892) // Отечественная история. 2004. № 5. С. 49–69.

¹³ Материалы по денежной реформе 1895–1897 гг. / Под ред. А.И. Буковецкого. Вып. 1. Пг.; М., 1922. С. 28.

ввозных пошлин, увенчавшийся введением 11 июня 1891 г. самого высокого в Европе таможенного тарифа.

Одновременно Вышнеградский форсировал и без того значительный вывоз хлеба, оказывая всяческое содействие расширению посевов экспортных сельскохозяйственных культур (пшеницы, ячменя, овса) за счёт ржи и гречихи, которые традиционно использовались в крестьянском рационе. Министерство финансов установило высокие экспортные премии, на железных дорогах развернулось строительство элеваторов, специальных платформ и перегрузочных пунктов. С 1888 г. Государственный банк выдавал ссуды под хлебные грузы, а железные дороги — под хлеб, находящийся в зернохранилищах. Однако главным средством в распоряжении ведомства стало введение льготных железнодорожных тарифов на перевозку зерна из внутренних губерний к морским портам и западной сухопутной границе. Этим активно занимался один из ближайших сотрудников Вышнеградского — С.Ю. Витте, назначенный в 1889 г. директором Департамента железнодорожных дел. Рост хлебного экспорта объяснялся также колебаниями курса рубля, так как при его падении повышались цены в кредитных билетах, что вызывало усиленное предложение зерна со стороны сельских хозяев и экспортёров. Если в 1886 г. вывоз хлеба составлял 278,4 млн, то в 1887 г. — уже 392,9 млн, а в 1888 г. — 547,9 млн пудов¹⁴.

Однако с начала 1880-х гг. Россия оказалась во власти мирового аграрного кризиса, вызванного переполнением европейского рынка дешёвым хлебом из Северной Америки, Аргентины, Австралии, Индии, Южной Африки и значительным снижением цен. При этом российское зерно отправлялось за границу осенью, когда расценки опускались до минимального уровня. В итоге при увеличении объёмов вывоза его стоимость неизбежно падала. Тем самым Россия фактически отдавала часть продукции безвозмездно, что лишало сельское хозяйство существенной доли прибыли. Министерство финансов пыталось возместить эти потери ещё большим наращиванием «бросового» экспорта, всячески побуждая производителей к продаже зерна и используя фискальный прессинг. При взимании выкупных платежей и государственного поземельного налога местные власти широко применяли аресты недоимщиков, телесные наказания, продажу движимого имущества, скота и наделов за долги. Крестьяне не могли рассчитаться с казной, а также уплатить земские и мирские сборы только после сбора урожая, когда у них появлялось достаточное количество наличных денег. Поэтому они были вынуждены продавать зерно по низкой осенней цене, а весной, когда их собственные запасы истощались, покупать его втридорога. Подобный механизм реализации сельскохозяйственной продукции тормозил накопление капитала и внедрение технических новшеств в деревне.

Но, несмотря на все издержки своей политики, Вышнеградский достиг впечатляющих результатов. Активное сальдо торгового баланса возросло с 57,6 млн руб. в 1886 г. до 217,7 млн в 1887 г. и 397,9 млн в 1888 г., хотя затем несколько сократилось — до 318,9 млн руб. в 1889 г. и 285,5 млн в 1890 г. Расчётный баланс уже в 1887 г. был сведён с активным сальдо в 24 млн руб., а в 1891 г. — в 115 млн¹⁵. За несколько лет Иван Алексеевич приобрёл репутацию «финансового гения», которого «прославляли» и в обществе, и в прави-

¹⁴ Покровский В.И. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т. 1. СПб., 1902. Таблицы. С. 105.

¹⁵ Там же. С. 117, 141; Грегори П. Указ. соч. С. 69.

тельстванных кругах¹⁶. Г.П. Сазонов, служивший тогда в МВД, вспоминал впоследствии о времени, «когда имя Вышнеградского сияло в ореоле величия»¹⁷. Бюджетные избытки приравнивались «едва не к чуду», о них говорили «с восторгом и ликованием»¹⁸. Государственный контролёр Т.И. Филиппов 16 апреля 1889 г. сообщал К.Н. Леонтьеву о «поразительном перевороте в нашем финансовом положении, при явной помощи свыше, совершённом высокодаровитым и много сведущим Вышнеградским»¹⁹. Значительно возрос авторитет Ивана Алексеевича и на Западе. В одной из зарубежных газет его провозгласили «властелином европейского денежного рынка»²⁰. Хозяйка столичного политического салона А.В. Богданович 4 апреля 1889 г. занесла в дневник: «Вчера нам говорили, что в Германии питают большое уважение к Вышнеградскому, говорят даже так: что есть только один политик на свете — это Бисмарк, и один министр финансов — Вышнеградский»²¹.

Однако далеко не все восторгались методами Ивана Алексеевича по оздоровлению экономики. Нередко в нём видели деятеля, который заботился лишь о сбалансировании бюджета, сокращении государственной задолженности и упорядочении денежного обращения, пренебрегая коренными проблемами народного хозяйства. Писатель и публицист К.Ф. Головин вспоминал, что «уже во время его управления, и, несмотря на похвалы, раздававшиеся среди иностранного денежного мира, многие у нас его политику упрекали за невнимание к интересам страны, к успехам её производства»²². Сазонов, занимавшийся исследованием пореформенной деревни, заявлял, «что Россия переживает тревожный момент истории, и что блеск финансов — мишура, и необходимо идти другим путём. Земля и земледелец должны быть поставлены во главе программы»²³. «Вестник Европы» призывал читателей трезво смотреть на бездефицитные бюджеты: «Не следует, однако, забывать, что столь блестящий результат, не только оправдавший, но и превзошедший надежды на улучшение наших государственных финансов, независимо от счастливо сложившихся в последнее время экономических условий страны, был следствием весьма заметного напряжения платёжных сил страны; а такое напряжение, долго продолжающееся, само по себе составляет уже зло, не искупаемое избытком средств государственного казначейства»²⁴.

Между тем Вышнеградский вполне понимал «первенствующее значение» земледелия как для экономики страны в целом, так и для решения задач, стоявших перед его министерством. «Состояние сельскохозяйственной промышленности и её успехи, — отмечал он в одной из своих записок, — имеют самое близкое и непосредственное отношение к финансовому ведомству: доходы от сельского хозяйства являются главнейшим источником для удовлетворения по-

¹⁶ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (далее — РО ИРЛИ), д. 9122, л. 55.

¹⁷ РГИА, ф. 1659, оп. 1, д. 63, л. 66.

¹⁸ Государственная роспись на 1892 год // Вестник Европы. 1892. № 2. С. 875; Кузнецов П. Десять лет истории наших финансов // Северный вестник. 1898. № 1. С. 170.

¹⁹ Пророки Византизма: переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / Сост. О.Л. Фетисенко. СПб., 2012. С. 532.

²⁰ Государственная роспись на 1891 год // Вестник Европы. 1891. № 2. С. 881.

²¹ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 243, л. 10 об.

²² Головин К.Ф. Наша финансовая политика и задачи будущего: 1887–1898. СПб., 1899. С. 8.

²³ РГИА, ф. 1659, оп. 1, д. 63, л. 66 об.

²⁴ Государственная роспись на 1891 год. С. 882.

требностей государства, определяют общеэкономическое и финансовое положение его и дают жизнь и движение всем прочим отраслям народного труда». Однако политика в деревне в большей степени зависела от МВД (в его ведении находилось и продовольственное дело) и отчасти от Министерства государственных имуществ. Поэтому свою задачу Вышнеградский видел не в «заботах о техническом улучшении земледелия», а в обеспечении оптимальных «коммерческих условий» для развития сельского хозяйства, включая организацию дешёвого кредита, совершенствование транспортной инфраструктуры и стимулирование отечественной промышленности, которая «создаёт новые внутренние рынки для земледельческих продуктов и умножение капиталов, а следовательно и удешевление их для потребностей самого земледелия». Особое значение он придавал тарифному регулированию перевозок хлебных грузов, считая его наиболее эффективным способом воздействия на аграрный сектор²⁵.

Министр финансов внимательно следил за положением в деревне, всячески стараясь нейтрализовать последствия недородов. За богатыми сборами хлебов в 1887 и 1888 гг. последовал посредственный урожай 1889 г. (179 млн четвертей). В 1890 г. с июня по сентябрь стояла сильная засуха, из-за которой сев озимых прошёл с большим опозданием, а во второй половине октября начались необычные для этого времени заморозки. Несмотря на то что в целом чистый сбор хлебов был выше, чем в предыдущем году (220 млн четвертей), неурожай охватил обширный район на востоке Европейской России и ряд южных губерний. Это оказалось предвестием будущего «всероссийского разорения». В отличие от предшествовавших лет, в 1890 г. общий бюджет был сведён с дефицитом в 57,7 млн руб., а государственная роспись на следующий год предусматривала превышение расходов над доходами в 47,8 млн руб.²⁶ Для помощи голодавшим по инициативе Вышнеградского тарифы на перевозки хлебных грузов в пострадавшие губернии 21 января и 7 февраля 1891 г. были понижены на 50%. Департамент железнодорожных дел получил указание приступить к сбору сведений о ценах на хлеб в России и продовольственных нуждах отдельных местностей, а также заняться систематизацией ходатайств губернских учреждений о правительственной поддержке²⁷.

В 1891 г. климатические аномалии продолжились. Холодная зима привела к вымерзанию озимых как в России, так и в Европе, что вызвало рост хлебных цен на мировом рынке. Ранняя весна характеризовалась полным отсутствием половодья, в конце апреля ударили холода, погубившие всходы озимых и яровые посевы. В середине мая заморозки сменились тропической жарой и суховеями. Между тем в газетах продолжали публиковаться инспирированные финансовым ведомством статьи, призывавшие сельских хозяев воспользоваться повышением спроса на хлеб за границей и увеличить его вывоз. Директор Департамента неокладных сборов А.С. Ермолов, совершив поездку по южным и юго-восточным губерниям, был потрясён состоянием деревни. Вернувшись в Петербург, он поспешил предупредить Вышнеградского о последствиях природного катаклизма: «На Россию надвигается страшный призрак голода, необходимо теперь же, пока не поздно, принять самые решительные меры для

²⁵ Соображения министра финансов о воспособлении сельскохозяйственной промышленности чрез посредство железных дорог. СПб., 1891. С. 1–4.

²⁶ Обзор деятельности Министерства финансов в царствование императора Александра III (1881–1894). СПб., 1902. Приложения. С. 5.

²⁷ Журналы Тарифного комитета. Вып. I. СПб., 1892. С. 489–499.

предупреждения грядущего бедствия». Однако министр с раздражением отнёсся к подобным «зловещим предсказаниям», и, спрятав доклад Ермолова в свой стол, заявил: «Из этого ящика Ваша записка не выйдет, ни один человек не должен о ней знать, иначе Вы мне все курсы испортите»²⁸.

О сходной реакции Ивана Алексеевича на первые признаки неурожая свидетельствовал также издатель-редактор газеты «Биржевые ведомости» С.М. Проппер. Один из его корреспондентов сообщил, что торговцы зерном, обеспокоенные предстоящим недородом в Поволжье и Прикамье, попросили через газету привлечь внимание правительства и общественности к этому тревожному факту. Проппер проверил их информацию на петербургских хлебных биржах и получил «ужасающе мрачные» сведения. Он сразу же сообщил министру финансов о результатах своих изысканий и посоветовал ему навести справки по телеграфу. Однако Вышнеградский ответил, что всё это «вздор», и отказался предпринимать какие-либо действия. Тем не менее Проппер поместил в «Биржевых ведомостях» передовицу о предстоящем неурожае, в которой правительству рекомендовалось прекратить экспорт хлеба за границу и начать завозить его в пострадавшие губернии из других местностей. «Вышнеградский впал в ужасное бешенство, — вспоминал редактор. — Как смела газета бить такую тревогу в статье и тем самым подрывать суть всех финансовых и биржевых комбинаций министра?». В итоге приведённые в газете данные были официально опровергнуты²⁹.

К этому времени относится и знаменитая фраза Ивана Алексеевича: «Сами не будем есть, но будем вывозить!». Впервые её привёл в своей книге П.Х. Шванебах, состоявший с конца мая 1891 г. товарищем управляющего Государственным банком³⁰. Позднее она перекочевала в работы многих авторов и стала считаться образцом пренебрежительного отношения властей к положению народа. Действительно, Вышнеградский, опасавшийся отлива золота из страны в случае неурожая, вполне мог мимоходом сказать нечто подобное, поскольку он и ранее неоднократно эпатировал высшую бюрократию циничными высказываниями. Однако настроение министра финансов быстро менялось по мере поступления сигналов с мест. В конце мая земства забили тревогу, в прессе пошёл поток публикаций о разразившемся бедствии. Неурожай поразил 28 губерний (59% сельского населения Европейской России), в 17 из них были сняты «голодные» сборы. Особенно сильно пострадали чернозёмные районы центра страны и Поволжья. Недостаточные урожаи зерновых собрали и в ряде губерний Западного и Центрально-нечернозёмного районов, а также в Приуралье. Чистый сбор хлебов составил 156 млн четвертей, т.е. на 29% ниже обычных показателей³¹.

Ситуация усугублялась тем, что имперский продовольственный капитал (внебюджетный фонд МВД), составлявший к 1 января 1891 г. всего 7,5 млн руб., к началу лета оказался полностью израсходован. В местных хлебозапасных магазинах находилось менее 25% (а в некоторых губерниях не превышало и 5%)

²⁸ Ермолов А.С. Наши неурожай и продовольственный вопрос. В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1909. С. 99, 100.

²⁹ Propper S.M., von. Was nicht in die Zeitung kam: Erinnerungen des Chefredakteurs der «Birschewija wedomosti». Frankfurt a/M, 1929. S. 147–149.

³⁰ Шванебах П.Х. Денежное преобразование... С. 21.

³¹ Нифонтов А.С. Хозяйственная конъюнктура в России во второй половине XIX века // История СССР. 1972. № 3. С. 45, 60–62.

от установленного законом количества³². Сами крестьяне после двух лет невысоких сборов зерна не смогли накопить достаточные резервы для того, чтобы пережить голодный год. Цены на продовольствие росли, а уровень оплаты труда крестьян в неурожайных районах падал. Население осталось без продуктов питания и лишилось возможности найти работу, обеспечивавшую прожиточный минимум. Засуха не только погубила посевы, но и выжгла траву, поэтому нечем стало кормить скот, и крестьянам приходилось забивать или продавать за бесценок своих лошадей и коров. Между тем землевладельцы и торговцы стремились максимально использовать выгодную конъюнктуру на мировом рынке. Из ориентированных на экспорт южных и западных губерний в огромном количестве продолжалась отправка зерна за границу, что вызывало резкую критику общественности и сильное недовольство населения.

Однако, вопреки утверждению Роббинса, бюрократическая элита долгое время недооценивала остроту ситуации в деревне, а её представители, по словам генерала А.А. Киреева, проповедовали «теорию отсутствия голода»³³. Даже в октябре 1891 г. в окружении Богданович многие считали, что «бедствие голода очень и очень преувеличено»³⁴. Губернское начальство, опасаясь ответственности, нередко старалось «замолчать» неудобные факты и посылало в столицу искажённую информацию. Министр внутренних дел И.Н. Дурново жаловался государственному секретарю А.А. Половцову на то, что «никак не может получить с мест точных сведений о неурожае, так как заявления властей столь противоречивы»³⁵. Когда к концу осени масштабы природного бедствия, наконец, выяснились, в правительственных кругах возникла растерянность. Председатель Департамента государственной экономии Государственного совета А.А. Абаза рассказывал вернувшемуся из-за границы Половцову, что «в Петербурге все министры поражены отчаянием по поводу обнаружившегося во многих губерниях голода, что никто не имеет ясного убеждения о том, что делать, но что все наперерыв предлагают самые дикие мероприятия»³⁶.

Катастрофический неурожай означал крушение всех расчётов и замыслов Вышнеградского. «Ужасный год! Как мы его переживём, я, право, не знаю», — писал он своему старому другу А.Н. Майкову³⁷. Директор канцелярии МИД гр. В.Н. Ламздорф 22 июня отметил в дневнике, что министр финансов «очень озабочен» дилеммой: «отстаивать ли вывоз хлеба, или облегчить его возврат в Россию»?³⁸. Однако на первых порах Иван Алексеевич предпочёл ограничиться привычными способами, используя прежде всего значительную сумму свободной наличности Государственного казначейства (к 1 января 1891 г. она составляла 219,4 млн руб.), накопленную за предшествовавшие пять лет. С середины июня 1891 г. по середину ноября 1892 г. по ходатайствам Дурново на увеличение имперского продовольственного капитала и другие нужды голодав-

³² Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1892 г. СПб., 1891. С. 32; *Ермолов А.С.* Наши неурожай... С. 105, 106.

³³ ОР РГБ, ф. 224, папка 1, д. 64, л. 122.

³⁴ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 252, л. 12.

³⁵ Дневник государственного секретаря А.А. Половцова / Под ред. П.А. Зайончковского. В 2 т. Т. 2. М., 1966. С. 383.

³⁶ Там же.

³⁷ РО ИРЛИ, д. 16753, л. 32.

³⁸ *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1891—1892 / Под ред. Ф.А. Ротштейна. М., 1934. С. 148.

шего населения было выдано 162,5 млн руб.³⁹ Эти средства поступали в губернии, где местные земства закупали зерно и распределяли между волостными и сельскими обществами, которые, в свою очередь, выдавали его нуждавшимся на возвратной основе в форме ссуд на продовольствие и засев полей. Правительство установило льготы по их погашению, а позднее вообще списало основную часть задолженности крестьян⁴⁰. Однако срочный и беспорядочный характер закупок зерна, отсутствие у земств опыта в торговых делах и их конкуренция друг с другом ещё более подхлестнули рост хлебных цен.

Вышнеградского беспокоила нехватка кредитных билетов в кассе Государственного банка из-за крупных расходов на приобретение золота. Между тем лихорадочная деятельность земств по заготовке хлеба, а также его массовый вывоз за границу вследствие ожидания запрета на экспорт увеличили товарооборот на внутреннем рынке и потребовали значительного количества денежных знаков. Министр обратился к Александру III с просьбой разрешить временные выпуски банкнот под залог золотого запаса для пополнения ресурсов Государственного банка, заверив императора, что будет пользоваться подобным правом «с надлежащей осмотрительностью и в пределах крайней надобности». По его мнению, подобная эмиссия не могла нанести ущерб государственному кредиту «в силу очевидной для всех безусловной обеспеченности временно выпускаемых билетов звонким металлом». 28 июля был подписан соответствующий указ⁴¹, на основании которого в 1891–1892 гг. состоялись шесть выпусков бумажных денег на общую сумму 150 млн руб.⁴²

Министр финансов попытался также хотя бы немного ослабить налоговый пресс в деревне. 25 июля он распорядился разослать управляющим губернскими казёнными палатами инструкцию о соблюдении вплоть до жатвы 1892 г. особой осторожности при взимании поземельного налога и выкупных платежей. Им, в частности, предписывалось воздержаться от обычных мер взыскания недоимок, чтобы не «обессилить» крестьянские хозяйства и не лишить их возможности стать «исправными» в будущем. Вместе с тем Вышнеградский отметил, что интересы казны и самих налогоплательщиков, рисковавших накопить значительную задолженность, требуют тщательного наблюдения за поступлением окладных сборов. Поэтому льготы следовало предоставлять только действительно нуждавшимся членам сельских обществ, взимая подати с тех, кто имел возможность выполнять свои финансовые обязательства⁴³.

Кроме того, 12 июля 1891 г. Государственный банк открыл кредит из расчёта 4% годовых без взимания комиссионных сборов под процентные бумаги продовольственного капитала. 6 августа сберегательные кассы получили разрешение принимать во вклады без ограничения суммы продовольственные капиталы крестьянских обществ. 16 октября отделениям и конторам Государственного банка было позволено вплоть до 1 сентября 1892 г. не взимать платы за перевод в неурожайные местности средств, поступавших через Российское общество

³⁹ РГИА, ф. 565, оп. 14, д. 101, л. 71–72, 74 об.–78, 79–80 об., 84–84 об., 148–149, 265–265 об., 292–292 об.; д. 102, л. 72–72 об.; д. 103, л. 152–154, 197–199 об.; ф. 1152, оп. 11, 1891 г., д. 433, л. 2–5; 1892 г., д. 1, л. 2–12, 21–28; Обзор деятельности Министерства финансов... Приложения. С. 9.

⁴⁰ Ермолов А. С. Наши неурожайи... С. 134–136, 143, 176, 177.

⁴¹ РГИА, ф. 563, оп. 2, д. 304, л. 14–17 об.; ПСЗ-III. Т. 11. СПб., 1894. № 7940.

⁴² Обзор деятельности Министерства финансов... Приложения. С. 17.

⁴³ РГИА, ф. 573, оп. 29, д. 1483, л. 1–2 об.

Красного Креста для помощи голодавшим. С 6 марта 1892 г. министр финансов уже мог по собственному усмотрению распространять эту льготу на любые правительственные учреждения и общественные организации⁴⁴. С 16 октября 1891 г. Крестьянский поземельный банк получил право предоставлять пострадавшим от неурожая заёмщикам льготы во взносе срочных платежей и отменять продажу с торгов участков неисправных должников в тех местностях, где урожай не превышал 25% нормы. 22 ноября он был уполномочен давать заёмщикам одновременную отсрочку по уплате двух просроченных полугодовых платежей, а 31 января 1892 г. — рассрочивать по их ходатайствам недоимки на период не позднее срока окончательного погашения первоначального долга по ссудам. При возникновении у новых заёмщиков затруднений в выплате процентов с 13 марта 1892 г. полагалось удерживать из причитающихся им ссуд срочные платежи за одно или два полугодия с учётом в их пользу 5,5% годовых⁴⁵. Дворянскому банку 16 октября 1891 г. разрешили отменять в неурожайных губерниях торги на имения, урожай в которых не достигал четверти обычного сбора, и принимать к рассмотрению поступившие после 1 октября 1891 г. ходатайства заёмщиков о рассрочках и отсрочках платежей, не требуя по ним заключений местных отделений, а 1 ноября — предоставлять льготы по окончательной оплате закладных листов. С 10 января 1892 г. в тех случаях, когда урожай не превышал одной трети нормы, владельцы имений могли рассчитывать на рассрочку накопившейся недоимки на 6–10 лет⁴⁶.

Свою главную задачу Вышнеградский видел в снижении цен на хлеб, чтобы расширить его доступность для населения и в то же время сократить расходы на пополнение продовольственного капитала. Как и ранее, основную ставку министр сделал на тарифное регулирование. С 26 июня 1891 г. были уменьшены провозные платы на железных дорогах: до 0,01 коп. с пудо-версты при транспортировке хлебных грузов по свидетельствам земских учреждений и на 50% (но не ниже 0,01 коп. с пудо-версты) при перевозке зерна из портов и сухопутных пограничных пунктов, чтобы способствовать возвращению на внутренние рынки хлеба, скупленного для экспорта до повышения цен⁴⁷. Затем последовали и другие льготы на перевозку: 29 июля — картофеля и кукурузы взамен ржи для обеспечения сырьём винокуренных заводов, 3 августа — отрубей, 3 сентября — кормов, 3 и 10 сентября — рогатого скота и лошадей для прокорма в южные степи, 17 августа пониженные тарифы распространили также на отправку хлеба с Кавказа по Владикавказской и Закавказской железным дорогам, 23 августа на 75% подешевел проезд пассажиров 3-го класса, уезжавших на заработки из голодных местностей⁴⁸.

27 июня Вышнеградский писал Александру III, что эти льготы должны удержать имеющиеся запасы хлеба на российском рынке и сократить вывоз нового урожая за границу. По его словам, посредственные сборы зерновых в Ев-

⁴⁴ Там же, ф. 583, оп. 4, 1891 г., ч. 2, д. 302, л. 4–5, 49–50 об., 137–137 об.; ф. 587, оп. 56, д. 16, л. 28–28 об.

⁴⁵ Там же, ф. 583, оп. 4, 1891 г., ч. 2, д. 302, л. 140–142, 199–200; ПСЗ-III. Т. 12. СПб., 1895. № 8289; Обзор деятельности Министерства финансов... С. 54, 55.

⁴⁶ РГИА, ф. 583, оп. 4, 1891 г., ч. 2, л. 140–142, 143–144, 149–151 об., 180–181 об.; ПСЗ-III. Т. 11. № 8035; Т. 12. № 8240.

⁴⁷ Журналы Тарифного комитета. Вып. I. С. 500–503.

⁴⁸ Там же. С. 504–520.

ропе и низкий курс рубля создавали угрозу дальнейшего роста экспорта⁴⁹. Две недели спустя министр доложил о «полезном влиянии» тарифных скидок — некотором снижении цен на рожь и ржаную муку в ряде губерний⁵⁰. Однако это продолжалось очень недолго, и уже 17 июля Вышнеградский заявил Дурново о необходимости как можно скорее положить предел дальнейшему подорожанию хлеба, поскольку началось сокращение поступлений окладных сборов и питейного акциза, тогда как расходы на закупки продовольствия продолжают возрастать⁵¹. 19 июля во всеподданнейшей записке министр финансов констатировал, что повышение цен на зарубежных рынках и падение курса рубля в золоте парализовали принятые им меры, так как иностранные коммерсанты с большой выгодой для себя подняли цены в кредитных билетах в портовых городах России. Министр рекомендовал ввести таможенный сбор с экспорта ржи в 25 коп. золотом с пуда и направлять полученный от него доход на пополнение продовольственного капитала. Правда, он признал, что и это может не принести ожидаемой пользы в случае отмены или снижения ввозной пошлины в странах-импортёрах⁵².

Александр III повелел обсудить эти соображения в Особом совещании во главе с председателем Департамента законов Государственного совета Д. М. Сольским⁵³. На его заседании большинство участников признали замысел Вышнеградского недостаточно эффективным и высказались за полное запрещение вывоза ржи, ржаной муки и отрубей из портов Балтийского, Чёрного и Азовского морей, а также через западную границу. Как отмечалось в журнале совещания, утверждённом императором 28 июля, «мера эта была бы предпочтительной и в том отношении, что с полной ясностью указала бы намерения правительства не преследовать какие-либо фискальные цели, а исключительно лишь обеспечить народное продовольствие». Власти явно стремились успокоить общественное мнение и продемонстрировать заботу о крестьянах. По настоянию министра финансов установление запрета отложили до 15 августа для выполнения обязательств по сделкам, заключённым хлеботорговцами с иностранными фирмами⁵⁴.

Однако эта почти трёхнедельная пауза привела к тяжёлым последствиям. Цены на рожь сразу же резко подскочили, и начался невиданный ажиотаж — с конца июля до середины августа её вывезли не меньше, чем за несколько предшествовавших месяцев. Опасаясь дальнейшего ограничения экспорта, коммерсанты стали заблаговременно скупать и отправлять в огромном количестве за границу и другие зерновые культуры. Лишь в сентябре августовский бум сменился застоём в хлебной торговле, сопровождавшимся некоторым понижением цен⁵⁵. Между тем 29 августа последовало запрещение экспорта пшеницы из Закаспийской обл. в Персию, а 1 сентября — ржи из портов Архангельской губ.⁵⁶ 19 сентября император одобрил ходатайство министра финансов о созыве

⁴⁹ РГИА, ф. 268, оп. 6, д. 3, л. 20.

⁵⁰ Там же, л. 22–23.

⁵¹ Там же, ф. 573, оп. 29, д. 1483, л. 38–40.

⁵² Там же, ф. 560, оп. 38, д. 47, л. 15 об.—18 об.

⁵³ Там же, л. 22–23 об.; ф. 573, оп. 29, д. 1483, л. 45.

⁵⁴ Там же, ф. 560, оп. 38, д. 47, л. 24–29; ПСЗ-III. Т. 11. № 7939.

⁵⁵ *Золотов В. А.* Хлебный экспорт России через порты Чёрного и Азовского морей в 60–90-е годы XIX в. М., 1966. С. 164–166.

⁵⁶ РГИА, ф. 560, оп. 38, д. 47, л. 33–34, 35–36 об.; ПСЗ-III. Т. 11. № 7954, 7963.

Особого совещания по вопросу о мерах по вывозу хлебов под председательством Абазы. 8 октября Вышнеградский и Дурново убедили его участников запретить экспорт остальных зерновых культур и картофеля. Абаза настоял тогда на исключении для пшеницы, но уже 27 октября совещание единогласно распространило запрет и на неё. Император утвердил эти решения 16 октября и 3 ноября⁵⁷. С учётом изменившихся обстоятельств Тарифный комитет 24 октября дополнил прежние льготы, понизив на 52% провозные платы на доставку продовольственных грузов из благополучных губерний в неурожайные⁵⁸.

Ещё в начале октября слухи о предстоящих запретах просочились в коммерческие круги и вновь вызвали вспышку экспортного ажиотажа. В итоге, несмотря на все ограничения, в 1891 г. за пределы России было отправлено 391,2 млн пудов зерна, т.е. немногим меньше, чем в предыдущем году. Правительство не сумело остановить рост цен на хлеб, который продолжался вплоть до весны 1892 г. Между тем место российских торговцев на европейском рынке заняли конкуренты, обеспечившие приток дешёвого зерна из других стран. Прекращение вывоза сельскохозяйственной продукции осуждали многие современники, в том числе и ближайшие сотрудники Вышнеградского. Товарищ министра финансов Ф.Г. Тернер утверждал, что эта «несчастливая мысль» несколько не облегчила положение неурожайных местностей и лишь «губительно» отразилась на внешней торговле России⁵⁹. По мнению Ермолова, поспешный шаг правительства привёл к потрясению хлебного рынка и оказал негативное влияние на перспективы экспортной политики⁶⁰. Витте считал данное решение следствием «нервности» Вышнеградского, крайне встревоженного угрозой финансового кризиса⁶¹.

Отказ от вывоза хлеба за границу усугубил также дезорганизацию железнодорожной сети, которая не справлялась с перевозкой огромных объёмов грузов не в обычные сроки сбора урожаев и не по привычным маршрутам. В стране имелись достаточные продовольственные запасы для обеспечения страдавшего от голода населения, однако их было крайне сложно доставить в неурожайные местности. Рельсовые пути имели низкую пропускную способность, ощущалась нехватка локомотивов, подвижного состава, топлива, водоснабжения, ремонтных материалов, квалифицированных служащих. Летний ажиотаж привёл к перегрузке магистралей, причём начавшееся после 15 августа интенсивное движение поездов из портов и от сухопутных границ в обратном направлении ещё более осложнило работу транспорта. Тем временем земства закупали большое количество зерна в самых отдалённых регионах и отправляли его в свои губернии, усиливая хаос на железных дорогах, где постоянно возникали заторы из тысяч вагонов и образовывались залежи миллионов пудов грузов. Станции в тех пунктах, откуда хлеб обычно только отправлялся, не были оборудованы для его приёмки и хранения. Из-за нехватки мешков зерно нередко перевозили россыпью и иногда выгружали прямо на землю, но ещё чаще оставляли в вагонах, которые занимали станционные пути и препятствовали разъезду поездов.

⁵⁷ РГИА, ф. 560, оп. 21, д. 574, л. 1–19, 43–48 об.; оп. 38, д. 47, л. 37–38, 39–53, 61–65, 70–91; ПСЗ-III. Т. 11. № 8010, 8037.

⁵⁸ Журналы Тарифного комитета. Вып. I. С. 522–525.

⁵⁹ Воспоминания жизни Ф.Г. Тернера. В 2 ч. Ч. 2. СПб., 1911. С. 204.

⁶⁰ Ермолов А.С. Наши неурожай... С. 104, 105.

⁶¹ Мигулин П.П. Русский государственный кредит (1769–1899). Опыт историко-критического обзора. В 3 т. Т. 2. Харьков, 1900. С. 179.

Трудности возникали и при доставке хлеба от станций до голодавших селений, поскольку у крестьян почти не осталось лошадей. Всё это усугублялось разнообразием в управлении линиями и несогласованностью распоряжений финансового ведомства и МПС. Координации их действий препятствовала личная вражда между Вышнеградским и министром путей сообщения А.Я. Гюббенетом, которого Витте сменил только в феврале 1892 г. Требовались большие усилия, чтобы поддерживать на железнодорожном транспорте хоть какой-то порядок. Тем не менее с сентября 1891 г. по март 1892 г. в неурожайные губернии было перевезено 87,7 млн пудов хлеба, закупленного на средства казны, и 4,2 млн пудов, приобретённых благотворительными организациями⁶².

Однако министр финансов не считал принятые меры достаточными. В письме Филиппову 27 июля он утверждал, что продовольственная проблема разрешится только тогда, когда крестьяне будут иметь работу, которая позволит им жить за свой счёт, и это гораздо выгоднее для них, нежели получать казённые ссуды и потом расплачиваться за долги⁶³. В совместном представлении Вышнеградского и Дурново, одобренном императором 29 августа, рекомендовалось выделить средства на организацию работ по прокладке шоссейных и грунтовых дорог, «так как посредством сего с одной стороны избегнут был бы опасный прецедент доставления дарового продовольствия, а с другой — в местностях, наиболее пострадавших, созданы бы были новые ценности, которые впоследствии могли бы влиять на благосостояние населения и облегчить ему возврат выданных ныне ссуд»⁶⁴. Однако реализация этого замысла надолго затянулась, и только 28 ноября 1891 г. император приказал образовать Особое совещание об общественных работах в неурожайных губерниях. Первоначально оно заседало под председательством Абазы (в 1893 г. его сменил Сольский) при участии Вышнеградского, Дурново, Филиппова и сенатора Н.В. Шидловского. Им поручалось составить план предстоявших работ и контролировать его выполнение, а также распределение и расходование 10 млн руб., отпущенных из казны на эти цели⁶⁵.

Непосредственное заведование общественными работами сосредоточилось в специальном управлении МВД во главе с генерал-лейтенантом М.Н. Анненковым. С января 1892 г. во многих местностях начали ремонтировать грунтовые пути, прокладывать шоссейные дороги, мостить городские улицы и площади, строить зернохранилища, элеваторы, оросительные и ирригационные сооружения, бухты и дамбы на реках, набережные и подъездные пути к речным пристаням, мосты, церкви и школы, устраивать пруды и плотины, рыть колодцы, разбивать скверы и бульвары, заготавливать лес и т.п. Однако итоги этого «эксперимента» не оправдали ожиданий правительства. Работы нередко проводились вдалеке от неурожайных губерний, причём без заранее составленного плана и должной организации, и отнюдь не всегда приносили пользу местному населению. При этом заключались убыточные для казны сделки, одни объекты так и остались недостроенными, другие — отличались низким качеством

⁶² Измайлов А. Железные дороги в неурожай 1891 года. СПб., 1895; Вендрих А.А. Отчёт по управлению перевозками по железным дорогам в местности, пострадавшие от неурожая (декабрь 1891 г. — март 1892 г.). СПб., 1896.

⁶³ ГА РФ, ф. 1099, оп. 1, д. 1601, л. 88, 88 об.

⁶⁴ РГИА, ф. 565, оп. 14, д. 101, л. 148, 148 об.

⁶⁵ См. журналы заседаний совещания: РГИА, ф. 1225, оп. 1, д. 1, л. 1–23 об., 24–39 об., 40–65 об., 66–82 об., 85–99, 121–137 об., 138–145, 147–155.

и после сдачи в эксплуатацию быстро приходили в негодность. Администрация допустила значительный перерасход выделенных ей средств, особенно в ходе лесозаготовительной операции. В декабре 1893 г. работы пришлось прекратить и приступить к ревизии финансово-хозяйственной деятельности управления. 14 марта 1895 г. состоялось последнее заседание Особого совещания⁶⁶.

Занимаясь оказанием помощи голодавшим губерниям, Вышнеградский не забывал об интересах казны. 27 июля 1891 г. он писал Филиппову, что принятие экстренных мер «требуеt особой осмотрительности, так как в избытке усердия можно для будущего создать громадные финансовые затруднения»⁶⁷. В начале июля министр предупредил Александра III об угрозе дефицита бюджета при возрастании непредвиденных расходов и напомнил о необходимости соотносить их с ресурсами казны. Император поддержал его, наложив на докладе одобрительную резолюцию⁶⁸. В письме государственному контролёру Вышнеградский прогнозировал дефицит и в 1892 г., сомневаясь в возможности покрыть его без заключения займа, однако признал сложность подобной операции из-за неблагоприятного состояния европейского денежного рынка. По его словам, «единственным средством» оставалось «строгое рассмотрение смет расходных, притом по существу, не стесняясь существующими штатами и положениями, и урезыванием всех строительных расходов, которые ныне различными ведомствами проектируются в больших размерах»⁶⁹.

В середине августа Вышнеградский сообщил императору о предстоящем дефиците при сведении росписи общего бюджета на 1892 г. в 99,8 млн руб. из-за расходов на поддержку неурожайных губерний, снижения налоговых поступлений, прибылей Государственного банка и железных дорог. Министр предвидел, что это непосильное для казны бремя произведёт «удручающее впечатление» в стране и уронит российский кредит за границей. По его убеждению, массовое разорение населения исключало введение каких-либо новых податей, поскольку их будет невозможно собрать. Поэтому он предложил сократить уже составленные сметы на 1892 г., уменьшив дефицит до 59,7 млн руб., а затем согласовать внесённые изменения с соответствующими министерствами. Вышнеградский просил дозволения «оказывать самое решительное противодействие значительным увеличениям расходов по всем ведомствам, не останавливаясь перед разногласиями с их главными начальниками», и настоятельно рекомендовал в очередной раз объявить с высоты престола о недопустимости сверхсметных ассигнований, которые постоянно запрашивали руководители центральных учреждений. Александр III признал эти меры «совершенно необходимыми»⁷⁰.

Но, как сетовал в конце сентября во всеподданнейшем докладе Иван Алексеевич, в правящих кругах призывы к бережливости «не встретили очень сочувственного приёма». Император вновь отметил в резолюции, что «настаивать на сокращении расходов необходимо»⁷¹. Наконец, повинаясь высочайшей воле, министры представили свои соображения об уменьшении запланированных за-

⁶⁶ Ермолов А. С. Наши неурожай... С. 119–129; Максимов В. Очерки по истории общественных работ в России. СПб., 1905. С. 116–159.

⁶⁷ ГА РФ, ф. 1099, оп. 1, д. 1601, л. 87 об.

⁶⁸ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 168, л. 28–31.

⁶⁹ ГА РФ, ф. 1099, оп. 1, д. 1601, л. 89–90.

⁷⁰ РГИА, ф. 560, оп. 22, д. 168, л. 32–46 об.

⁷¹ Там же, л. 47–50.

трат. Однако Вышнеградский требовал ещё больших уступок для снижения дефицита по обыкновенному бюджету до 20 млн руб. Такую сумму он рассчитывал, «хотя и с величайшим трудом», покрыть остававшейся у Казначейства свободной наличностью⁷². В итоге после обсуждения в Государственном совете дефицит по обыкновенному бюджету был определён в 25,1 млн руб., а по общему бюджету, из-за ожидавшихся чрезвычайных расходов, — в 74,3 млн руб.⁷³

Тем временем министр финансов, несмотря на свои сомнения, пошёл на заключение внешнего трёхпроцентного золотого займа, объявленного указом 17 сентября⁷⁴. Эта мера рассматривалась им как превентивная, поскольку в тот момент Казначейство ещё располагало значительной суммой свободной наличности. Переговоры о займе проходили в чрезвычайно неблагоприятных условиях — биржевые сферы и пресса на Западе воспользовались неурожаем 1891 г. для распространения слухов о полном экономическом крахе империи и тем самым способствовали падению курса российских ценных бумаг за границей. Размещением выпущенных облигаций занялся синдикат французских банкиров, однако парижские Ротшильды, раздражённые притеснением евреев в России, сделали всё возможное, чтобы помешать этой операции. В итоге заём оказался крайне неудачным: при номинальной сумме 112,6 млн руб. выручка составила лишь 85,7 млн руб., т.е. 76,19%, причём его реализация растянулась до 1894 г. По мнению П.П. Мигулина, столь непродуманный шаг стал следствием переутомления Ивана Алексеевича от непосильной работы в голодном году⁷⁵.

Со своей стороны, Вышнеградский всячески пытался успокоить общественность. По его распоряжению 10 ноября 1891 г. «Вестник финансов, промышленности и торговли» опубликовал сообщение министерства, опровергавшее «преувеличенные толки» о неблагоприятном положении в стране. В передовице перечислялись правительственные распоряжения и утверждалось, что запасов хлеба вполне достаточно для обеспечения населения до урожая следующего года, а состояние финансов, несмотря на некоторое сокращение поступлений в казну, не вызывает серьёзных опасений⁷⁶. Однако общий бюджет за 1891 г. был сведён с огромным дефицитом в 181 млн руб., а свободная наличность Казначейства уменьшилась за год с 219,6 до 37,2 млн руб.⁷⁷ Тем не менее министр финансов не драматизировал ситуацию и с оптимизмом смотрел в будущее. «В неурожайной части России, — писал он во всеподданнейшем докладе 28 декабря, — благосостояние сельского населения несомненно пошатнулось, и бедствие, испытываемое в отдельных местностях, достигло крайнего напряжения, но в общем и целом этого сказать нельзя». Ссылаясь на доказанную опытом «упругость» системы государственных доходов, Вышнеградский полагал, что «сокращение производительности существующего обложения, обнаруживающееся в последние месяцы 1891 года и предвидимое на 1892 год, есть явление временное, долженствующее исчезнуть само собой при наступлении более благоприятных условий». Поэтому он в очередной раз возражал против

⁷² Там же, л. 51–52, 53–56.

⁷³ Обзор деятельности Министерства финансов... Приложения. С. 3–5.

⁷⁴ ПСЗ-III. Т. 11. № 7980.

⁷⁵ Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 2. С. 182–190.

⁷⁶ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1891. № 45. С. 301–302.

⁷⁷ Обзор деятельности Министерства финансов... Приложения. С. 5; Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 2. С. 550.

введения новых налогов, которое «неминуемо должно замедлить естественное исправление последствий испытанной в текущем году Россией экономической невзгоды»⁷⁸.

Своей активностью в борьбе с последствиями неурожая Вышнеградский заметно выделялся среди руководителей других ведомств. «Никогда ещё энергия министра финансов не выступала в таком блеске, как в это злополучное время», — вспоминал Мигулин⁷⁹. Сторонники Ивана Алексеевича из консервативных кругов всячески превозносили его заслуги. Киреев писал редактору «Московских ведомостей» С.А. Петровскому, что только «Вышнеградский видит и понимает беду». При этом МВД, по словам генерала, «наградив нас голодом», отрицало его существование в течение всего лета 1891 г., хотя всё стало ясно уже в июне, а сам Дурново, не желая «опечалить» императора, скрыл от него истинное положение дел⁸⁰. В конце декабря Киреев занёс в дневник: «Всё яснее и яснее становится, что главный виновник — Дурново. Ясно, что, ежели бы меры, принятые теперь, были приняты в мае, мы могли бы закупить и довести до голодающих хлеб, а теперь Бог весть, что будет!»⁸¹. По свидетельству Богданович, в её окружении говорили, будто «с мая месяца уже было известно Дурново о голоде, что он должен был требовать от Вышнеградского запрета вывозить рожь, что Дурново больше виноват, чем министр финансов», однако «министр вн[утренних] д[ел] мало работает по этому вопросу, а дело делают Вышнеградский и Витте»⁸².

Но в обществе преобладали иные суждения. «Авторитет счастливого министра пал сразу», — вспоминал Головин⁸³. Московский городской голова Н.А. Алексеев, посетив в марте 1892 г. несколько голодавших губерний, рассказывал Кирееву, «что вообще на месте хлеба достаточно, но что крестьяне так обеднели вследствие того, что с них тянет подати Вышнеградский, что им не на что купить хлеб, которого при нормальном положении финансов (мужиков) хватило бы и в нынешнем году»⁸⁴. В «прогрессивном лагере» тот факт, что именно правительство виновно в голоде, считался «аксиомой»⁸⁵, а Вышнеградский стал главным объектом критики. Как отмечала Богданович, «все громко ругают его и говорят, что он ведёт Россию к банкротству»⁸⁶. В печати, особенно в радикальных, народнических и либеральных изданиях, голод рассматривался как «коренной кризис», как «бедствие общегосударственное и общенародное», которое будет отражаться на состоянии страны долгие годы. Публицисты упрекали Вышнеградского в забвении интересов земледелия, разорении крестьян налогами и форсировании «голодного» экспорта, утверждали, что правительство «проглядело» неурожай и должным образом не оценило его масштабы, ограничилось «полумерами» и не оказало голодавшим необходимой помощи, запоздало с запретом вывоза зерна и организацией общественных работ, а мест-

⁷⁸ Всеподданнейший доклад министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1892 г. СПб., 1891. С. 15, 17, 18.

⁷⁹ Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 3. Вып. 1. Харьков, 1901. С. 3.

⁸⁰ ОР РГБ, ф. 224, папка 1, д. 64, л. 51 об., 71, 79 об., 121.

⁸¹ Там же, ф. 126, папка 11, л. 237 об.

⁸² РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 252, л. 9 об., 66 об.

⁸³ Головин К.Ф. Мои воспоминания. В 2 т. Т. 2. СПб., 1910. С. 239.

⁸⁴ ОР РГБ, ф. 126, папка 11, л. 244, 244 об.

⁸⁵ Оболенский В.А. Воспоминания о голодном 1891 годе // Современные записки (Париж). 1921. № 7. С. 264.

⁸⁶ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 252, л. 35 об.

ные власти продемонстрировали полную неспособность справиться с возникшими проблемами. В прессе требовали ещё более снизить провозные платы на железных дорогах, ликвидировать залежи хлебных грузов на станциях, увеличить размеры ссуд для пострадавших крестьян, упорядочить продовольственное дело, ввести подоходный налог, организовать в деревне мелкий кредит и т.п.⁸⁷ Г.В. Плеханов высмеял сделанные с «истинно хлестаковской развязностью» заявления Вышнеградского о том, что «хлеба у нас более, чем нужно», и резко отозвался о практике «выбивания недоимок из голодающего населения», которое «может сравниться только со зверствами времён Бирона»⁸⁸.

Нападки на министра финансов всё чаще звучали и в правящих кругах, где также размышляли о том, кто и в какой степени повинен в разразившемся голоде. Как отмечал начальник Главного управления по делам печати МВД Е.М. Феоктистов, у Ивана Алексеевича «много озлобленных врагов», которые «распускают мерзкие сплетни о нём, наущничают государю»⁸⁹. Министру припоминали и его прошлое «дельца-гешефтвера», намекая на то, что он по-прежнему нечист на руку и не гнушается залезать в государственный карман. Его осуждали даже собственные подчинённые. Чиновник Департамента торговли и мануфактур Н.И. Самойлович заявлял в салоне Богданович, что политика Вышнеградского «ниже всякой критики», так как он всегда действовал без какого-либо плана, по принципу «после нас хоть потоп»⁹⁰. Ермолов осенью 1891 г. выпустил книгу, в которой писал о невозможности «вытягивая последние жизненные соки из страны», строить её благосостояние на «громадном» экспорте хлеба, отнятого у собственного населения и отданного за бесценок заграничным потребителям⁹¹. Спустя несколько месяцев в новой работе он осудил систему взимания налогов с крестьян, заставляющую их продавать хлеб по низким ценам, и применение властями «экзекуционных мер»⁹².

Дурново всячески пытался очернить министра финансов в глазах окружающих, уверяя, что «государь смотрит на Вышнеградского, как на необходимое зло», а императрица «бранит Вышнеградского, не стесняясь». 21 декабря 1891 г. Феоктистов отметил в дневнике: «В настоящее тяжёлое время особенно усилилась интрига против Ивана Алексеевича. Едва ли я ошибусь, что содействовал этому отчасти и И.Н. Дурново, надо же ему взвалить на кого-нибудь ответственность за некоторые из своих неудачных распоряжений». Однажды Феоктистову довелось присутствовать при бурном объяснении между двумя сановниками. Дурново упрекнул Министерство финансов, «зачем, лишь только

⁸⁷ Материалы по продовольственному вопросу. Отд. IV. Саратов, 1892. С. 15–18, 41–67, 76–83, 123–140, 155, 193, 195; *Нечипорук Д.М.* Освещение голода в России 1891–1892 гг. на страницах газеты «Free Russia» // Клио. 2005. № 3. С. 70–73; Вестник Европы. 1891. № 12. С. 867–880; 1892. № 2. С. 793–809; № 3. С. 348–352, 382, 383; № 5. С. 353–360, 371; № 7. С. 401–418; Русская мысль. 1891. № 8. С. 199; № 11. С. 153–157; № 12. С. 298; 1892. № 2. С. 175, 181, 192; № 4. С. 1–17; № 6. С. 152; № 8. С. 199; Русский вестник. 1891. № 9. С. 289; 1892. № 5. С. 377–379; № 6. С. 331; № 9. С. 285; Русское богатство. 1891. № 10. С. 180, 181; № 11. С. 222–229; 1892. № 3. С. 148–152; № 12. С. 55–67; Северный вестник. 1891. № 12. Отд. 2. С. 80–82; 1892. № 1. Отд. 2. С. 120, 121; № 3. Отд. 2. С. 101; № 6. Отд. 2. С. 119.

⁸⁸ Плеханов Г.В. Всероссийское разорение. Женева, 1892. С. 19, 21.

⁸⁹ РО ИРЛИ, д. 9122, л. 44 об.

⁹⁰ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 251, л. 72 об.

⁹¹ Ермолов А.С. Современные сельскохозяйственные вопросы: этюды из области сельского хозяйства и статистики. Вып. 1. М., 1891. С. 144.

⁹² Ермолов А.С. Неурожай и народное бедствие. СПб., 1892. С. 154–179.

получены были сведения о голоде, не озаботилось оно закупкой хлеба в огромных размерах», а Вышнеградский в ответ резонно напомнил, что закупка и распределение хлеба входят в обязанности МВД, а «он должен только выдавать деньги и относительно этого не скупился»⁹³. Киреев также писал в своём дневнике: «Против Вышнеградского большая интрига — на него сваливает Дурново свою беду, свои глупости, выставляя его виновником»⁹⁴.

Враждебно относился к Ивану Алексеевичу и влиятельный министр императорского двора гр. И.И. Воронцов-Дашков, недовольный тем, что бюджет его ведомства неоднократно урезался⁹⁵. «Партия графа Воронцова, — говорил Вышнеградский Феоктистову, — видит во мне самого опасного своего противника и всячески старается повредить мне в мнении государя»⁹⁶. Не менее сильную антипатию к Ивану Алексеевичу испытывало и руководство военного ведомства, тщетно пытавшееся получить от казны крупные суммы на перевооружение армии и строительство стратегических железных дорог. Начальник Главного штаба Н.Н. Обручев публично «очень горячо и с необычной откровенностью порицал министра финансов, называя его вором», который «совсем отдался наживе и истощает все производительные силы России»⁹⁷. Вернувшись в конце марта 1892 г. с Кавказа в Петербург Анненков признавался, что был «поражён нищетой всех виденных им частей России, поражён последствием поражающей богатство в корне политики Вышнеградского»⁹⁸.

Подобные высказывания часто звучали и в салоне Богдановичей. Член Государственного совета П.Н. Николаев, в 1881–1886 гг. занимавший пост товарища министра финансов, именовал Вышнеградского и его окружение «шайкой воров, которая сгубит Россию». Сама генеральша сетовала на то, что «о Вышнеградском в Париже переменили мнение, нет у него прежней популярности». Более того, «иностранные газеты отрицают теперь совсем финансовый ум у Вышнеградского, говорят, что теперь ему нельзя оставаться». 6 марта 1892 г. Богданович в дневнике вынесла свой вердикт: «Вышнеградский умён, но мошенник, жулик, взяточник, серьёзные люди говорят, что он оставит русские финансы в ужасном положении, что всё, что он делает, это фокусы, на показ, без серьёзной подкладки, сшито всё живыми нитками, но умеет показать временно их благими для России, что эта показная сторона и успокоила и царя, и всех тех, кои ничего не понимают в финансовом деле». В Петербурге даже заговорили о скорой отставке Ивана Алексеевича⁹⁹.

17 ноября 1891 г. для руководства деятельностью благотворительных обществ и отдельных лиц был учреждён Особый комитет для помощи нуждающемуся населению в местностях, постигнутых неурожаем, под председательством вел. кн. Николая Александровича¹⁰⁰. В него включили нескольких видных сановников, в том числе Дурново, но министра финансов среди них не оказалось. В салоне Богдановичей это приписывали влиянию воспитателя наследника престола генерала Г.Г. Даниловича, который якобы уговорил своего питом-

⁹³ РО ИРЛИ, д. 9122, л. 27, 44 об.

⁹⁴ ОР РГБ, ф. 126, папка 11, л. 237, 244.

⁹⁵ Там же, л. 237.

⁹⁶ РО ИРЛИ, д. 9122, л. 44.

⁹⁷ Ламздорф В.Н. Дневник: 1891–1892. С. 278.

⁹⁸ Половцов А.А. Указ. соч. С. 441.

⁹⁹ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 252, л. 35, 60 об., 152, 168.

¹⁰⁰ Там же, ф. 1204, оп. 1, д. 1, л. 1–3.

ца не приглашать Вышнеградского в состав комитета¹⁰¹. Это было тревожным сигналом для Ивана Алексеевича, однако спустя несколько дней вернувшийся из Копенгагена Александр III встретил его весьма любезно¹⁰². В дальнейшем Вышнеградский оказывал цесаревичу всяческое содействие. С 20 декабря грузы, отправленные в неурожайные местности по свидетельствам комитета, разрешалось перевозить бесплатно¹⁰³. В феврале 1892 г. министр финансов по просьбе вел. кн. Николая Александровича открыл в Государственном банке кредит на 3 млн руб. в счёт будущих поступлений от благотворительных мероприятий¹⁰⁴.

Тем временем Вышнеградскому приходилось искать новые способы увеличения денежных ресурсов. 2 февраля 1892 г. Комитет финансов рассмотрел его представление, в котором указывалось на срочную потребность в заключении очередного займа, но вместе с тем признавалась невозможность в сложившейся тогда ситуации получить за границей сколько-нибудь значительную сумму. Министр допустил и возможность реализации части накопленного золотого запаса, однако заметил, что его продажа в короткий срок уронит цены на этот металл и не будет выгодна для казны. По его мнению, следовало вообще избегать сокращения металлического денежного фонда «в виду возможного его значения в общих финансовых делах». Поэтому Вышнеградский ходатайствовал о разрешении заимствовать необходимые суммы из средств Государственного банка под залог принадлежавшего Казначейству золота (как это не раз практиковалось в годы войны), а также предоставить банку право в случае «ослабления» его кассы выпускать кредитные билеты в соответствии с указом 28 июля 1891 г. Комитет финансов согласился с этим предложением, и в тот же день Александр III утвердил принятое решение¹⁰⁵.

Через две недели Вышнеградский представил императору записку, в которой предсказывал дальнейшее увеличение дефицита при составлении бюджетной росписи на 1893 г. По-прежнему считая целесообразным сокращение ведомственных затрат, он указывал на необходимость поиска новых источников доходов, не обременяя разорённое и голодавшее крестьянство. Министр финансов рекомендовал ввести прогрессивный подоходный сбор в размере от 0,5 до 6% с прибылей торговых и промышленных предприятий, доходов от сельской и городской недвижимости, денежных капиталов, жалованья лиц, состоявших на государственной, общественной и частной службе, заработков представителей свободных профессий (врачей, адвокатов, литераторов и др.). Тем самым он надеялся обеспечить «привлечение к участию в государственных расходах тех разрядов лиц, которые или вовсе не облагаются донныне прямыми налогами, или же, располагая сравнительно бóльшим достатком, могут без ущерба для их имущественного положения и хозяйственной силы вынести несколько высшее обложение, нежели теперь». По произведённым расчётам такой сбор мог бы ежегодно приносить казне 15,1 млн руб.¹⁰⁶

По распоряжению Александра III Вышнеградский направил проект на отзыв в министерства, главные управления и губернские казённые палаты. Однако самому Ивану Алексеевичу не довелось участвовать в обсуждении своего

¹⁰¹ Там же, ф. 1620, оп. 1, д. 252, л. 61.

¹⁰² Там же, л. 53.

¹⁰³ Там же, ф. 268, оп. 6, д. 3, л. 36–36 об.; ф. 1204, оп. 1, д. 35, л. 1–18.

¹⁰⁴ Там же, ф. 1204, оп. 1, д. 35, л. 19–19 об.

¹⁰⁵ Там же, ф. 563, оп. 1, д. 19, л. 1–6 об., 8–10 об.

¹⁰⁶ Там же, ф. 560, оп. 22, д. 168, л. 57–81.

замысла — в конце марта 1892 г. он перенёс инсульт и был вынужден отойти от дел, временно передав управление министерством Тернеру. Высшая бюрократия отнеслась к инициативе Вышнеградского критически. Главноуправляющий Кодификационным отделом Государственного совета Э.В. Фриш считал, что при низких доходах населения подобный налог не даст казне значительных средств. Министр народного просвещения И.Д. Делянов признал его «в высшей степени нежелательным», так как «трудность определения объекта обложения породит бесчисленное множество обманов, подлогов и изворотов, протесты и споры плательщиков». По мнению министра юстиции Н.А. Манасеина, сам принцип прогрессивности обложения не соответствовал «основному положению нашего законодательства» и «нашим экономическим условиям». Как полагал военный министр П.С. Ванновский, подоходный налог «может оказаться на практике самым несправедливым, тягостным и даже ненавистным для населения» и в то же время «весьма ничтожным» по размеру полученной выгоды. Морской министр Н.М. Чихачёв признавал такой сбор уместным только в чрезвычайных обстоятельствах, поскольку он «вызовет множество затруднений на практике и окажется для некоторых слоёв населения обременительным и досадливым до крайности». Командующий Императорской главной квартирой О.Б. Рихтер опасался, что предложенная мера «затронет в корне все источники благосостояния русского общества» и «несомненно произведёт на общество неблагоприятное впечатление»¹⁰⁷. Государственный секретарь Половцов, намекая на болезнь Вышнеградского, отметил в дневнике, что в его записке «чувствуется начало паралича мозга»¹⁰⁸. Тем не менее Тернер попытался убедить императора в целесообразности подоходного налогообложения и получил разрешение внести осенью соответствующее представление в Государственный совет¹⁰⁹. Но 30 августа финансовое ведомство возглавил Витте, который категорически возражал против намеченной реформы и оставил проект без движения.

Отставка Вышнеградского состоялась в тяжёлой атмосфере. Как вспоминал видный банкир и промышленник С.С. Хрулёв, «всё общество (и в особенности вся администрация) утверждало, что его деятельность, в сущности, сводилась к “высасыванию” денег из населения»¹¹⁰. Ивану Алексеевичу ставили в вину ослабление «платёжных сил» народа, мнимые профициты бюджета, увеличение чрезвычайных расходов, падение курса рубля, рост государственного долга, убыточные конверсии внешних займов, неоправданное усиление протекционизма во внешней торговле и т.п.¹¹¹ Один из его ярких недоброжелателей публицист И.Ф. Цион издал обличительную брошюру, заявив в ней, что голод «сорвал мишурный блеск с нашего финансового управления», наглядно продемонстрировал, «как фиктивны были картины всеобщего благополучия

¹⁰⁷ Историческая справка по вопросу о введении подоходного налога в России. СПб., [б.г.]. С. 28–42.

¹⁰⁸ Половцов А.А. Указ. соч. С. 442.

¹⁰⁹ «Соображение об экономическом и финансовом положении государства». Записка управляющего Министерством финансов Ф.Г. Тернера императору Александру III. 1892 г. / Публ. В.Л. Степанова // Исторический архив. 2017. № 1. С. 169.

¹¹⁰ Хрулёв С.С. Финансы России в связи с экономическим положением её населения. СПб., 1908. С. 13.

¹¹¹ Вестник Европы. 1892. № 10. С. 827, 828; Русская мысль. 1892. № 10. С. 232–240; Цион И.Ф. Итоги финансового управления г. Вышнеградского по официальным документам. Lausanne, 1892; Мигулин П.П. Указ. соч. Т. 2. С. 179, 180.

и цветущего состояния страны, которые министр финансов разрисовывал в своих отчётах на высочайшее имя»¹¹². Только «Московские ведомости» напоминали о позитивных результатах политики Вышнеградского, достигнутых к концу 1880-х гг. Впрочем, в газете признавали, что в 1892 г. экономическое положение России оказалось «затруднительнее и сложнее бывшего к началу 1887 года»¹¹³.

Запреты на экспорт хлеба были отменены ещё 4 июня и 7 августа 1892 г.¹¹⁴ Однако посредственный урожай (198 млн четвертей) не возместил понесённых потерь и не привёл к существенному улучшению состояния деревни. По различным подсчётам, от голода и сопутствующих ему болезней (тифа, цинги, холеры) погибли от 375 тыс. до 656 тыс. человек¹¹⁵. Это почти не отразилось на демографической ситуации в стране, но произвело сильное впечатление на современников. Для народного хозяйства «всероссийское разорение» имело тяжёлые последствия. Общий сельскохозяйственный индекс, который в 1890 г. составлял 1,236, в 1891 г. снизился до 1,089, а в 1892 г. — до 0,813. Падение покупательной способности населения и сокращение спроса на фабрично-заводскую продукцию усугубили депрессию в промышленности, начавшуюся ещё в 1890 г. Она затронула главным образом те отрасли, которые в большей степени, чем другие, обслуживали нужды аграрного сектора. Застой выразился в уменьшении прироста акционерных капиталов, оборотов Нижегородской ярмарки, потребления железа и хлопка, в увеличении числа банкротств и безработицы, в снижении цен на каменный уголь, металлы, нефтепродукты, миткаль, лён, пеньку, пряжу, шерстяные изделия, сахар. Общий торгово-промышленный индекс в 1890—1891 гг. упал с 1,614 до 1,080, и в 1892 г. несколько поднялся до 1,443¹¹⁶.

Значительный ущерб понесла внешняя торговля. В 1892 г. за границу было отправлено только 196,4 млн пудов зерна. Превышение вывоза над ввозом составило лишь 76 млн руб., тогда как в 1891 г. достигало 335,8 млн руб. Прежний объём экспортных перевозок удалось восстановить только к концу 1893 г. Расчётный баланс, в течение пяти лет имевший активное сальдо, в 1891 г. был сведён с дефицитом в 151 млн руб. Это сопровождалось ростом недоимок по крестьянским платежам: с 56,5 млн руб. в 1890 г. до 63,9 млн руб. в 1891 г. и 139,8 млн руб. в 1892 г. Сверхсметные ассигнования за два голодных года составили 335 млн руб. Средний курс рубля в золоте, повысившийся в 1890 г. до 72,6 коп., в 1891 г. снизился до 66,8 коп., а в 1892 г. — до 63,1 коп. Золотой запас в 1891 г. лишь незначительно увеличился с 483,8 млн до 495,2 млн руб. Сократились объём кредитования промышленности и торговли Государственным банком, число и размер ссуд, выданных Дворянским банком, а также количество земли, приобретённой через Крестьянский банк, возросли долги

¹¹² Цион И. Ф. Указ. соч. С. 25, 31.

¹¹³ Московские ведомости. 1892. № 244, 245, 253.

¹¹⁴ РГИА, ф. 560, оп. 38, д. 47, л. 164—176 об., 186—189 об.; ПСЗ-III. Т. 12. № 8653, 8886.

¹¹⁵ Анненский Н. Ф. Ещё несколько слов о продовольственной нужде // Русское богатство. 1898. № 3. Вторая пагинация. С. 180; Труды Императорского Вольного экономического общества. 1898. № 3. Вторая пагинация. С. 6; Урлианс Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 83; Robbins R. G. Op. cit. P. 171.

¹¹⁶ Первушин С. А. Хозяйственная конъюнктура: введение в изучение динамики русского народного хозяйства за полвека. М., 1925. С. 159, 164; Яковлев А. Ф. Экономические кризисы в России. М., 1955. С. 164—185; Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 502—506.

заёмщиков. Неурожаи отрицательно влияли на проведение конверсий и выкуп облигаций внешних и внутренних займов¹¹⁷.

Тем не менее страна довольно быстро оправилась от потрясений. При обширной территории империи и разнообразии её условий хозяйственные трудности в тех или иных местностях могли уравниваться благоприятными результатами в других регионах. Слабая связь между отдельными секторами российской экономики сдерживала распространение, углубление и продолжительность кризисов. Уже летом 1892 г. начались перемены к лучшему: оживилась торговля, возросло поступление доходов в казну, усилился приток вкладов в банки и сберегательные кассы. Учётная ставка Государственного банка, в стабильные периоды державшаяся на 4,5%, к октябрю 1891 г. поднялась до 6%, но уже с января 1892 г. начала опускаться и к маю вернулась на прежний уровень. Вопреки прогнозам Вышнеградского, общий бюджет 1892 г. удалось свести с профицитом в 54,8 млн руб. Свободная наличность Казначейства к 1 января 1893 г. увеличилась почти в три раза, составив 92,4 млн руб.¹¹⁸ 28 декабря 1892 г. Витте, признавая сохранявшееся «затруднительное» положение в неурожайных губерниях и огромные потери казны, докладывал императору, что «Россия выходит из постигшего её, хотя и тяжёлого, но временного бедствия, при полном сохранении своих экономических сил и без особого ущерба для своей жизнедеятельности»¹¹⁹. Несмотря на долговременные потери от двухлетнего недорода (выразившиеся прежде всего в сокращении посевных площадей и поголовья скота), богатые урожаи 1893–1896 гг. и мощный промышленный подъём, продолжавшийся до конца XIX в., позволили преодолеть последствия «всероссийского разорения».

Голод 1891–1892 гг. был вызван целым комплексом причин. Природно-климатические аномалии в условиях мирового аграрного кризиса, отсталой системы земледелия, истощения почвы, низкой производительности труда, тормозящего влияния общины в сочетании с неудовлетворительным состоянием продовольственного дела при массовом вывозе хлеба за границу и жёсткой системе взимания налогов делали крестьян беззащитными перед угрозой неурожая. По словам Мигулина, Вышнеградский, сознавая собственную вину, всеми силами «пытался искупить ошибки своего управления, благодаря которым сельское население не имело возможности накопить сбережения в неурожайные годы»¹²⁰. Он выделил значительные средства на закупку хлеба для голодавшего населения, снизил железнодорожные тарифы на перевозку грузов в пострадавшие губернии, предоставил ряд льгот заёмщикам казённых кредитных учреждений, согласился на запрет экспорта зерна, выступил с инициативой устройства общественных работ и принял участие в их организации,

¹¹⁷ Отчёт государственного контроля по исполнению государственной росписи и финансовых смет за 1896 год. Ч. 2. СПб., 1897. С. 908–925; *Бехтеев С. С.* Хозяйственные итоги истекшего 45-летия и меры к хозяйственному подъёму. СПб., 1902. С. 27; *Покровский В. И.* Указ. соч. Таблицы. С. 105, 117, 141; Обзор деятельности Министерства финансов... С. 116. Приложения. С. 17, 23, 25; Материалы по денежной реформе... С. 28; *Гиндин И. Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892 годы). М., 1960. С. 92; *Грегори П.* Указ. соч. С. 69.

¹¹⁸ *Мигулин П. П.* Указ. соч. Т. 2. С. 550; Обзор деятельности Министерства финансов... Приложения. С. 5; *Хромов П. А.* Экономическое развитие России в XIX–XX веках. 1800–1917. М., 1950. С. 543.

¹¹⁹ Всеподданнейший доклад управляющего Министерством финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1893 год. СПб., 1892. С. 17.

¹²⁰ *Мигулин П. П.* Указ. соч. Т. 3. Вып. 1. С. 3.

пытался ослабить податной гнёт в деревне и категорически возражал против введения новых налогов.

Вместе с тем Вышнеградский всячески стремился предотвратить расстройство государственных финансов и с этой целью инициировал дополнительные выпуски кредитных билетов для наполнения каналов денежного обращения, заключил внешний «золотой» заём, призывал императора ограничить расходы казны, чтобы сократить дефицит бюджета, остановить падение курса рубля и российских ценных бумаг. Тем не менее действия Министерства финансов, как и других центральных учреждений, страдали многими недостатками и сопровождались явными провалами. Нельзя не отметить замедленную реакцию властей на разразившееся природное бедствие, ведомственные разногласия, неудачно проведённую государством и земствами закупочную компанию, неоправданное прекращение вывоза хлеба за границу, неудовлетворительные результаты явно запоздавших общественных работ, неспособность в течение долгого времени навести порядок на железных дорогах и т.п. И всё же следует признать, что в борьбе с голодом правительственные мероприятия сыграли существенную роль.

Инженер К.О. Де-Скροховский: консерватор против бюрократии

Александр Котов

Engineer K.O. De-Skrokhovsky: conservative versus bureaucracy

Alexander Kotov

(Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X2305005X, EDN: OVOJIG

Современные исследователи практически не вспоминают про инженера Константина Осиповича Де-Скροховского (1836–1906), активно участвовавшего в пореформенное время в дискуссиях об экономическом развитии, железнодорожном деле¹ и борьбе с католицизмом². Внимание историков привлекли лишь его отношения с кн. В.П. Мещерским³ и Государственным контролем⁴. Между тем анализ «интеллектуальной биографии» этого деятеля позволяет лучше понять особенности русского консерватизма и правых салонов второй половины XIX в.

О происхождении и начале карьеры Де-Скροховского известно немного. Судя по представленной им в 1901 г. в МВД автобиографии, он родился 6 сентября 1836 г. в Волынской губ.⁵, воспитывался в петербургском батальоне военных кантонистов и затем поступил на службу кондуктором 2-го класса в Санкт-Петербургскую инженерную команду. В 1854 г. его перевели в Варшавскую инженерную команду, в 1859 г. — в Управление начальника инженеров 1-й армии. В том же году он уволился по болезни и вышел в отставку без воинского чина⁶.

© 2023 г. А.Э. Котов

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-01267 «Частный капитал или государство? Общественная дискуссия о путях экономического развития России (вторая половина 1870-х — первая половина 1890-х гг.)».

The study was supported by the research grant № 22-28-01267 «Commercial capital or the state one? Public debate about the path of Russia's economic development (second half of the 1870s to first half of the 1890s)» of the Russian Science Foundation.

¹ Подробнее о них см.: *Степанов В.Л.* Государство или частный капитал? Дискуссии в печати о реформировании железнодорожного хозяйства России в середине 1870-х — начале 1890-х гг. // *Российская история*. 2021. № 3. С. 51–69; *Фёдоров Д.А.* Дискуссия о «железнодорожном вопросе» на страницах периодической печати (1864–1878 гг.): провинциальный «Киевлянин» и русская публицистика // *Новое прошлое / The New Past*. 2021. № 4. С. 124–141.

² О весьма своеобразных религиозных воззрениях Де-Скροховского см.: *Котов А.Э.* Консервативный антиклерикализм инженера Де-Скροховского // *Новое прошлое / The New Past*. 2023. № 2. С. 108–119.

³ *Черникова Н.В.* Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М., 2017. С. 299–300.

⁴ *Малахов А.* Заклеймённые надзором // *Деньги*. 2006. № 10. С. 83–88.

⁵ Т.И. Филиппов, представляя его 15 апреля 1885 г. И.П. Корнилову, писал, что он галичанин (*Дмитриев А.П.* «Случаям единомыслия бываю всегда рад...»: Переписка Н.П. Гилярова и Т.И. Филиппова // *Историко-философский ежегодник*. 2008. М., 2009. С. 358).

⁶ РГИА, ф. 776, оп. 14, 1901 г., д. 17, л. 5.

Ещё находясь на военной службе, Де-Скροховский участвовал в строительстве Петербургско-Варшавской железной дороги, находившейся в ведении Главного общества российских железных дорог, а с 1862 г. состоял на ней начальником инженерной дистанции. В 1869 г. он запатентовал в Департаменте торговли и мануфактур свой станок для зарубки (специальной затёски верхней стороны) шпал, после которой уложенные на них рельсы имели небольшой уклон внутрь колеи⁷. На московской политехнической выставке 1873 г. Де-Скροховский совместно с инженерами Мицкевичем и Бочковским представил «образчик сваренной литой английской стали со сталью и с железом», а также «способ закалки инструментов для обтачивания самой твёрдой стали и белого чугуна»⁸. Сколотив состояние в 100 тыс. руб., Константин Осипович в середине 1870-х гг. решил заняться железнодорожными подрядами, и, получив некоторый опыт в России, добился концессии в Швеции, но не смог реализовать облигации и понёс большие убытки⁹.

В начале 1880-х гг., сблизившись с товарищем государственного контролёра Т.И. Филипповым, Де-Скροховский вступил в схватку с Главным обществом российских железных дорог и Министерством путей сообщения (МПС). Тогда же ему удалось заручиться поддержкой министра императорского двора гр. И.И. Воронцова-Дашкова, для которого инженер дважды составлял записки о том, «в какой степени Главное общество пользуется покровительством в высших административных сферах, помогающих ему продолжать на законной почве борьбу с правительством и государственными интересами». При этом критикой руководства МПС их автор не ограничивался. «Только убедившись в неуклонном стремлении Вашего сиятельства к содействию царю в ограждении государства от хищений, — писал он графу, — а равно пользуясь лестным вниманием, с которым Ваше сиятельство выслушивает мои заявления, я позволяю себе коснуться в этом письме деятельности Комитета министров в деле Главного общества в полной уверенности, что Ваше сиятельство простит меня за смелость порицать направление такого высокого учреждения». По оценке Константина Осиповича, «ежегодная утайка причитающихся казне сборов» и манипуляции с тарифами обошлись империи в 25–30 млн руб. Но особое внимание он обращал на «захват» Николаевской железной дороги, которая «давно уже подлежала и подлежит возврату в казну»¹⁰.

⁷ Свод выданных в России привилегий по департаменту торговли и мануфактур. 1869 г. СПб., 1870. С. 136–138. Процедура эта даже на Западе в то время выполнялась вручную, причём не всегда удавалось достичь нужного уклона на всём протяжении пути, что являлось одной из причин железнодорожных катастроф. Изобретённый Де-Скροховским механизм «при простоте и прочности конструкции, лёгкости при переноске, а главное, при достижении почти математической точности в работе, без увеличения её стоимости» позволял за 10 минут обработать 15 шпал (Станок Де-Скροховского для зарубки шпал. СПб., 1881. С. 1–7). Изобретатель сумел продать его правлениям нескольких частных железных дорог (Козлово-Воронежско-Ростовской, Фастовской и др.), однако повсеместного распространения новинка не получила (РГИА, ф. 445, оп. 1, д. 234; ф. 338, оп. 1, д. 6091).

⁸ Олонецкие губернские ведомости. 1873. 13 января. № 4. С. 34.

⁹ Пороховицков А. От издателя // Де-Скροховский К.О. От мрака к свету, или Папство и славянский мир. СПб., 1900. С. IV.

¹⁰ РГИА, ф. 919, оп. 2, д. 2559, л. 3–7; Пороховицков А. Указ. соч. С. II–V. Позднее в открытом письме кн. Мещерскому Де-Скροховский уверял, что его действия являлись откликом на Манифест 29 апреля 1881 г.: «При восшествии на престол государь император призывал всех своих верных подданных к единодушной борьбе с хищением, которое за предшествовавшую четверть века развилось до небывалых, угрожающих размеров. На этот призыв я отвечал тем, что поверг

Через гр. Воронцова-Дашкова записки Де-Скροховского попадали к Александру III, а тот передавал их на рассмотрение государственному контролёру Д.М. Сольскому¹¹. Для контрольного ведомства, где с 1881 г. функционировало Отделение железнодорожных дел (превратившееся летом 1884 г. в Железнодорожный отдел с правами ревизионного департамента), это было как нельзя кстати, поскольку явно способствовало усилению его влияния в данной сфере. Вскоре начались проверки действий Главного общества по эксплуатации Николаевской дороги. Так, в 1884 г. комиссия под председательством генерал-лейтенанта А.А. Серебрякова (непременного члена Совета министра путей сообщения и руководителя его административного отдела) пришла к заключению, что «государственное казначейство недополучило с Главного общества из доходов Николаевской линии свыше 23000 000 руб.»¹². В мае 1885 г. по совместному докладу министров финансов и путей сообщения император созвал Особую комиссию во главе с Е.П. Старицким, включив в неё членов Государственного совета Д.Г. фон Дервиза, В.М. Маркуса и Э.В. Фриша, сенатора И.Я. Голубева и обер-прокурора соединённого присутствия Первого и кассационных департаментов Правительствующего Сената Н.А. Неклюдова. Проведённая ею в 1885–1887 гг. ревизия установила, что общий ущерб достигал 30 млн руб., но в итоге большинство членов, учитывая давность многих распоряжений, высказались за взыскание с Главного общества 13 млн 749 тыс. руб., которые были признаны израсходованными неправильно. Комитет министров по рекомендации Сольского увеличил эту сумму до 16 млн 235 тыс. руб.¹³ Главное общество сначала намеревалось судиться, но осенью 1887 г. согласилось вернуть в казну 15 млн руб. при условии сохранения за ним управления Николаевской дороги до 1900 г. Договор, составленный на этих условиях, царь утвердил 7 июля 1891 г., но ещё в январе 1888 г. 15 млн руб. были возвращены правительству¹⁴.

Тем временем, пока Комиссия Старицкого ещё заседала, Де-Скροховский развернул кампанию в печати. В ноябре 1885 г. на страницах аксаковской «Руси» появилась его статья «Железнодорожные “хищения”», рассказывавшая о злоупотреблениях, допущенных будто бы в ходе разработки тарифов Николаевской железной дороги комиссией под председательством товарища министра путей сообщения А.Я. Гюббенета при непосредственном участии директоров Департамента железных дорог Д.И. Журавского и В.В. Салова. Автор заявлял: «Служители “хищения и неправды”, на борьбу с которыми призывало с высоты престола царское слово, выработали уже прекрасное правило — прятаться за специально назначенные комиссии в тех случаях, когда нельзя более скрывать

к стопам моего всемилостивейшего и правосудного государя записку, в которой изложены были бесчисленные злоупотребления в хозяйстве и управлении Главного общества российских железных дорог, совершавшиеся при попушении и даже деятельном участии чинов Министерства путей сообщения» (Гражданин. 1888. 28 октября. № 300. С. 3).

¹¹ Пороховицков А. Указ. соч. С. III–IV.

¹² Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1884 год. СПб., 1885. С. 133.

¹³ Всеподданнейший отчёт государственного контролёра за 1885 год. СПб., 1886. С. 132–133; Кислинский Н.А. Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров. Т. 3. СПб., 1902. С. 150–151; Фурсов В.Н., Тестов В.Н. Из истории выкупа линий Главного общества российских железных дорог в 90-х гг. XIX в. // Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. Научный журнал (Воронеж). 2013. № 2(17). С. 18–21; Пороховицков А. Указ. соч. С. II–V. Правда, фон Дервиз считал бесспорным лишь начёт 1 млн 289,5 тыс. руб.

¹⁴ Кислинский Н.А. Указ. соч. Т. 3. С. 151–155.

возмутительных злоупотреблений, производимых с ведома, а частью при содействии лиц, назначаемых для наблюдения государства»¹⁵.

Министр путей сообщения К.Н. Посьет, возмущённый данной публикацией, отправил И.С. Аксакову письмо, в котором утверждал: «Вы введены в заблуждение, и я считаю моим нравственным долгом раскрыть Вам глаза как относительно гг. Салова и Журавского, так и относительно автора статьи г. Скроховского. Смею Вас уверить, что это вполне грязная личность, ведущая низкую подпольную борьбу против Главного общества [российских железных дорог] и против Министерства путей [сообщения], вследствие мотивов совершенно низменных, личных, не имеющих ничего общего ни с патриотизмом, ни с защитой государственных интересов»¹⁶. Однако редактор «Руси», ссылаясь на представленные Де-Скроховским «нравственные гарантии своей личности со стороны лиц высокопоставленных и известных своей безупречной честностью» и на «неопровержимые подлинные официальные документы, подтверждающие каждое его слово», напомнил, что «на все самые подробные и документальные разоблачения министерство не отвечало никогда ни одним серьёзным печатным опровержением, а постоянно пряталось под защиту литературной полиции». Со своей стороны, Аксаков демонстрировал готовность к диалогу: «Обладая всеми данными из подлинных дел при широкой возможности восстановить истину посредством “Правительственного вестника” или любой из русских газет, Вы могли бы восстановить репутацию затронутых лиц одним простым печатным сообщением. Позвольте мне открыть Вам страницы “Руси” для всякого подобного опровержения и указать Вам на прекрасный пример Министерства финансов, которое не считает для себя унизительным вступать в полемику с частным журналистом»¹⁷.

Чиновники, видимо, понимали, что публичная дискуссия не прекратит, а лишь усилит скандал, и не спешили в неё ввязываться. Де-Скроховский же, не встречая отпора, критиковал уже не отдельные нарушения, а системные недостатки в управлении железными дорогами. В 1886 г., рассматривая в брошюре внесённый в Государственный совет законопроект, он отмечал «стремление инженеров путей сообщения к полнейшему произволу и бесконтрольности в действиях и распоряжениях казёнными суммами и участью эксплуатируемых казною железных дорог»¹⁸ и упрекал их в намерении создать «государство в государстве». По его словам, «первой заботой инженеров путей сообщения, сплотившихся во Временном управлении казённых железных дорог, является стремление создать по возможности большее число должностей с громадным казённым содержанием и всеми преимуществами государственной службы — для своей корпорации»¹⁹. Руководствуясь исключительно ведомственными соображениями, МПС «содействовало... установлению тарифов во вред интересам русской промышленности и торговле, а на пользу иностранцев, под руководством прусского подданного Перля, тарифного агента Главного общества

¹⁵ Русь. 1885. № 22. 30 ноября.

¹⁶ Позднее оно было восстановлено неизвестным лицом для Филиппова по памяти: ГА РФ, ф. 1099, оп. 1, д. 497, л. 1.

¹⁷ Там же, л. 1 об.—2.

¹⁸ Д. Скроховский [К.О.] Записка по поводу внесённого на утверждение Положения об управлении казёнными железными дорогами. СПб., 1886. С. 1.

¹⁹ Там же. С. 4.

российских железных дорог»²⁰. Практиковавшееся «искусственное уменьшение расходов эксплуатации» приводило ко множеству «недоделок» при строительстве магистралей, а их исправление обходилось затем ещё дороже. Между тем все эти «громадные расходы нисколько не гарантируют безопасность движения по дорогам, сооружаемым Управлением казённых дорог»²¹.

В августе 1887 г. Де-Скroxовский выпустил под псевдонимом «Непримиримый» брошюру «Причины нашего государственного кризиса», направленную непосредственно против Посыета. Впрочем, её авторство не составляло секрета. Отталкиваясь от слов Н.Х. Бунге о «всеобщем застое в промышленности и торговле, общем безденежье, значительном уменьшении доходов и помещиков, и крестьян, ослаблении спроса на произведения обрабатывающей промышленности и сокращении потребления»²², публицист утверждал, что «все невероятные финансовые потери государства, беспорядки и злоупотребления на наших железных дорогах происходят исключительно по вине Министерства путей сообщения»²³. Оно изображалось словно «какой-то вертеп своеобразных личностей, соединяющих в себе представителей правительства одновременно с представителями самых отчаянных аферистов, не имеющих ни нравственных, ни материальных, ни общечеловеческих качеств, а лишь единственно представление о необходимости достигнуть в самоскорейшем времени колоссальной фортуны, не останавливаясь ни перед чем и не брезгуя никакими средствами»²⁴.

Явно намекая на деятельность комиссии Старицкого, Де-Скroxовский упоминал про «официальные расследования последнего времени», которые «доказали вполне преступность представителей Министерства путей сообщения во всех железнодорожных вопросах, соединённых с обкрадыванием казённого сундука». И всё это прикрывалось будто бы лично Посыетом — человеком «происхождения иностранного, для которого честь и благосостояние России совершенно безразличны», а значение имеет лишь сохранение должности²⁵. Именно этим объяснялось то, что «нынешний министр путей сообщения не привлекает тоже к ответственности тайных советников: Салова, Журавского и прочих правительственных директоров, содействовавших Главному обществу российских железных дорог во всех злоупотреблениях и хищениях казённых сумм, превысивших 25 миллионов — в надежде на скорую и почётную их смерть, или оставление службы в министерстве — не переставая при этом делать повышения по службе этим лицам»²⁶. Более того, «консервативный» публицист пришёл к убеждению, что «русское чиновничество, преимущественно путей сообщения, составляет из себя корпорацию в роде еврейского кагала! Стоит только кого-нибудь одного из них уличить в воровстве или каком-нибудь ином преступлении, чтобы все представители зелёного канта ошетинились против обличителя и приняли сторону своего товарища». Однако о тех, кто переходил в акционерные компании и другие ведомства, Де-Скroxовский отзывался гораздо снисходительнее: «Хотя, поступая на службу частных обществ, они не перестают числиться при Министерстве путей сообщения, но лишь немногие

²⁰ Там же. С. 30.

²¹ Там же. С. 38, 42.

²² *Непримиримый*. Причины нашего государственного кризиса. М., 1887. С. 1.

²³ Там же. С. 14.

²⁴ Там же. С. 3.

²⁵ Там же. С. 7–8.

²⁶ Там же. С. 16.

из них остаются верными традициям этого министерства, основанным на хищениях. Частные железнодорожные общества, а равно и Государственный контроль, имеют в своём составе весьма много способных, трудолюбивых и безусловно честных инженеров путей сообщения»²⁷.

Впрочем, коррумпированные бюрократы легко находили общий язык с предпринимателями. Неудивительно, что недостатки и упущения обнаруживались «лишь на тех дорогах, на которых была произведена по высочайшему повелению ревизия, вызванная всегда частной инициативой и частными жалобами»²⁸. Неизбежные же при таких порядках катастрофы списывались на стихийные бедствия. «С каждой новой постройкой, с каждым новым десятком вёрст проложенных рельс мы видим явления природы одно другого удивительнее, — иронизировал Константин Осипович. — На Полесских дорогах, только что выстроенных, вешние воды смывают мосты и насыпи, благоразумно оставляя в покое Жабинско-Пинскую дорогу, построенную *в той же местности* военным ведомством. На Екатерининской дороге небольшое землетрясение (в Италии) разрушает не dokonченное ещё паровозное здание и давит рабочих»²⁹.

Жалуясь на то, как трудно в России бороться «с крупными хищениями, в которых почти всегда замешаны и участвуют административные лица, скрывающие друг друга, друг другу содействующие, преследующие совместно общими силами обличителей, скрывающие истину от царя и вводящие его в обман»³⁰, Де-Скroxовский видел в этом «причину отвращения к России даже Болгарии», не пожелавшей «добровольно подчинить себя произволу русского чиновника» — «паразита, умножающегося в ужасающих размерах, присасывающегося к каждой здоровой части государственного организма, внося в неё яд и разложение». Схожие настроения наблюдались, по его мнению, и на окраинах, где «непримиримая ненависть поляков и других наших инородцев к России имеет своим источником *единственно* — безнравственность, произвол и безнаказанность чиновничества за явные и крупные хищения»³¹.

Ещё сильнее «национальные» аргументы звучали в появившейся в конце 1887 г. брошюре «Наши железнодорожные и таможенные болячки, или Голос вопиющего в пустыне». Псевдоним «Непримиримого» получил в ней французское звучание — *Implacable*. Теперь, помимо привычных заявлений о том, что «хищение, взяточничество и неправда, вызванные безнаказанностью чиновников, составляют почти синонимы некоторых правительственных учреждений», и прежде всего МПС³², Де-Скroxовский обрушился на недоверие бюрократии к инициативе коммерсантов, в чём он усматривал проявление «презрения к русской деятельности»³³. «Чиновничество, — негодовал публицист, — старается всеми силами устранять солидные русские фирмы от железнодорожной эксплуатации... Иноземец и еврей — их идеал! Предложения сих последних лиц будут всегда представлены канцеляриями высшему правительству в лучшем

²⁷ Там же. С. 49.

²⁸ Там же. С. 21.

²⁹ Там же. С. 62.

³⁰ Там же. С. 92–93.

³¹ Там же. С. 104–105.

³² *Implacable*. Наши железнодорожные и таможенные болячки, или Голос вопиющего в пустыне. Кронштадт, 1887. С. 53.

³³ Там же. С. 25–33.

виде действительности»³⁴. Раздражавшую его «систему размножения по захолюстиям России безнравственного чиновничества... совместно с дешёвой водкой» Де-Скroxовский связывал с замыслами польских революционеров, утверждая, что «планы Огризки и других анархистов вводятся в жизнь казённой эксплуатацией железных дорог»³⁵.

При этом с досадой отмечалось, что «Управление по делам печати строжайше предписывает редакциям газет и журналов умалчивать о всех ненормальных явлениях на казённых железных дорогах и не позволяет опровергать сенсационные сообщения генерала Богдановича и подобных ему дельцов, наполняющих газеты отчётами о блестящих результатах, получившихся и ожидающихся от казённого управления»³⁶. Е.В. Богданович изображался в брошюре как «весьма узкий и даже бездарный, но смелый и бесшабашный аферист, умевший до сих пор довольно ловко пользоваться ретроградными течениями нашей жизни для личных своих интересов». Де-Скroxовский видел в нём хитрого посредника между коррумпированной бюрократией и редакциями наиболее читаемых в высших сферах газет. «Покойный М.Н. Катков, — писал Де-Скroxовский, — имел на нынешнее Управление по делам печати самое большое влияние, что было известно и заправилам Министерства путей сообщения; а как в весьма близких отношениях к Каткову, Суворину и князю Мещерскому стоял знаменитый генерал Богданович, то Министерство путей сообщения пригласило его превосходительство, в качестве представителя Министерства внутренних дел, в состав [У]правления казённых железных дорог, возложив на него обязанность ограждать Управление казённых дорог от печатных разоблачений его проделок, и наоборот, самому писать хвалебные гимны этому Управлению и его деятельности. Лицам, знакомым с деятельностью генерала Богдановича, ясно, в какой степени личность эта способна примениться ко всякому положению и принять на себя, за соответственное вознаграждение, всякую обязанность». Именно поэтому «разоблачения в печати о громадных злоупотреблениях и хищениях в Главном обществе российских железных дорог, совершавшихся при участии тайного советника Салова, состоявшего в Совете этого общества в качестве правительственного директора, а вслед за этим такие же разоблачения о безобразиях, творящихся при сооружении и эксплуатации казённых дорог, порученных министром путей сообщения в управление тому же Салову после обнаружения его блестящих способностей на занимаемом им посту в Главном обществе — заставили г. Салова заручиться поддержкой такого влиятельного в печати человека, как опирающийся на Каткова генерал Богданович». Тут же в подтверждение своих слов автор приводил пространную цитату из «иностранный печати» о скандальной поездке генерала во Францию. Там Богданович выступал «представителем державы “Московских ведомостей”» и «заставил говорить о себе парижскую печать»³⁷. Но в Петербурге его ждала отставка, поскольку в МИД сочли такое поведение неуместным и нежелательным³⁸.

Между тем Де-Скroxовский не сомневался, что «если бы не деятельность генерала Богдановича, сумевшего убедить нашу печать в необходимости поддер-

³⁴ Там же. С. 42.

³⁵ Там же. С. 59.

³⁶ Там же. С. 67–68.

³⁷ Там же. С. 71–75.

³⁸ Подробнее см.: *Kotov A.E.* «Nestlings From the Katkov Brood» in the Late 1880s: Nationalists in the Empire // *Social Sciences*. 2023. Vol. 54. P. 106–120.

живать казённое железнодорожное хозяйство, и если бы Управление по делам печати не воспрещало обнаруживать злоупотребления, творящиеся в казённом управлении железными дорогами, то уже давно верховное правительство могло бы узнать истину, точно так же, как она обнаружена в Главном обществе». Ему казалось, что и после увольнения со службы генерал «состоит, тем не менее, тайным агентом казённого Управления железных дорог и продолжает в симпатизирующей его проделкам прессе печатать ложные отчёты о деятельности своих хозяев — казённых инженеров-путейцев»³⁹.

В салоне Богдановичей данная публикация произвела настоящий фурор. Генерал тогда усиленно хлопотал о восстановлении своего положения. Неудивительно, что его супруга 2 января 1888 г. с возмущением записала в дневнике про «пасквиль на инженеров»: «Всё там гнусная ложь... Гадко читать. Пишут против Управления каз[ённых] дорог и задевают Евг[ения] Вас[ильевича] за то, что он в своих отчётах хвалил это учреждение, и проч. ... Говорится о его поездке в Париж, о служении его как директора Исаак[иевского] собора, о съезде врачей, о Сибирской дороге, но всё это говорится с очень низким оттенком, со злобой, с желанием его уязвить... Салова прямо называют вором, фальшиво докладывающим дела своему старому, глупому министру». Генеральша и её посетители полагали, «что Филиппов (знаменитый Третий) принимал участие в составлении этой книги»⁴⁰. Известно ей было и о том, что автору покровительствовал гр. Воронцов-Дашков⁴¹.

Тем временем Де-Скroxовский не останавливался и в начале лета 1888 г. издал книгу «Железнодорожное хозяйство и бюрократизм», в которой, «вполне признавая принцип, что железные дороги должны быть государственным достоянием», и не отрицая «необходимости изъять их из непосредственного управления частных лиц и компаний», вновь заявлял о желании «оградить государство от тлетворного влияния бюрократии на это громадное его достояние в таковой мере, в какой это возможно при нашем государственном строе и при существовании средостения, воздвигнутого чиновниками между правительством и жизнью русского народа»⁴². Автор напоминал, что в эпоху Великих реформ «крайний либерализм, основанный на отрицании единодержавной власти, составлял культ тогдашней бюрократии». Однако подобное «отрицание идеалов русского народа» не прекратилось даже после катастрофы 1881 г., поскольку «в среде и нынешнего чиновничества не перестают проводиться те же взгляды, признающие возможность отмены воли царя — министрами и стремящиеся к сохранению в полнейшей неприкосновенности тех вредных для государства явлений, которые имеют место с указанных выше времён крайнего либерализма бюрократии, вступившей тогда в тесный союз с плутократией»⁴³.

Вместе с тем, опираясь на статистические данные, инженер пытался убедить читателей в том, что хищения на линиях, не принадлежавших казне, не столь велики, как это тогда считалось, да и те происходят преимущественно по вине чиновников. Ведь «условия сооружения и эксплуатации железных дорог в России так названными частными обществами не имели в виду ни коммерческого и промышленного характера, ни выгод и потребностей государства,

³⁹ *Implacable*. Указ. соч. С. 80–81.

⁴⁰ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 238, л. 2 об.—3.

⁴¹ Там же, л. 33 об.—34.

⁴² *Де-Скroxовский К. О. Железнодорожное хозяйство и бюрократизм*. СПб., 1888. С. II.

⁴³ Там же. С. 35–36.

а лишь составляли источник обогащения для нескольких ловких дельцов, стоящих во главе бюрократической иерархии, находящих выгодным для себя обирать казну и народ при посредстве созданных ими же фиктивных акционерных обществ»⁴⁴. Собственно все «невыгоды и потери казны и государства» начинались именно там, где контроль переходил в руки безответственных «правительственных надсмотрщиков» из МПС⁴⁵.

Призывая «внимательно различать личные интересы агентов правительства от интересов общественных и государственных», Де-Скροховский не видел возможности предоставить чиновникам на линии «ту долю свободы и самостоятельности, которой требует всякое промышленное дело, в том числе и железнодорожное». В результате получалось, что «все важнейшие вопросы железнодорожного хозяйства должны разрешаться центральными органами власти». А это значительно осложняло и замедляло управление магистралями, проходившими через огромные пространства с весьма разнообразными условиями эксплуатации на различных участках. Но хуже всего было то, что для служащих МПС «ответственность за упущения, медленность и беспорядки почти не существует»⁴⁶.

Одновременно Де-Скροховский затеял полемику с популярной в то время книгой П.И. Георгиевского «Финансовые отношения государства и частных железнодорожных обществ в России и западно-европейских государствах»⁴⁷, в которой рекомендовалось брать пример не с Англии и Франции, а с Пруссии, употребившей полученную в 1871–1873 гг. контрибуцию «в видах чисто политических» на выкуп всех железных дорог. Однако поскольку у русского правительства не только не имелось свободных капиталов, но и по текущим расходам оно испытывало дефицит, ему оставалось лишь применить «новый совершенно способ завладения частной собственностью — экспроприацию»⁴⁸. При этом Де-Скροховский не исключал, что «Георгиевский, проводящий идею о казённой эксплуатации с насильственным даже отчуждением дорог в России из рук частных лиц и компаний», излагал «затаённые цели путейцев», которые «смотрят на государственное достояние как на свою собственность»⁴⁹. Сам же инженер по-прежнему настаивал на порочности бюрократического управления отраслью. «Не стесняясь ровно ничем, извращая истину и факты, — писал он, — целая корпорация этих ловких дельцов проповедует везде, где только возможно: в правительственных сферах, в печати и в обществе, невыгодность для государства частного железнодорожного хозяйства, основанного на хищениях, умалчивая тщательно, кто были руководители и виновники этих хищений. Чиновничий мир, чувствующий открытие новых мест с крупным содержанием и возможностью произвола и хищений, дружными усилиями содействует этой пропаганде, стараясь вводить её поскорее в жизнь, присосаться к выгодным местам и упрочиться на них, пока правительство не откроет глаз и не остановит быстрого поступательного движения по пути к государственному банкрот-

⁴⁴ Там же. С. 114.

⁴⁵ Там же. С. 131–132, 266.

⁴⁶ Там же. С. 280–281.

⁴⁷ *Георгиевский П.И.* Финансовые отношения государства и частных железнодорожных обществ в России и западно-европейских государствах. СПб., 1887. См. также: *Степанов В.Л.* Государство или частный капитал?..

⁴⁸ *Де-Скροховский К.О.* Железнодорожное хозяйство и бюрократизм. С. 133–134.

⁴⁹ Там же. С. 199–200.

ству... Проповедуя необходимость перехода наших железных дорог в казённую эксплуатацию, заинтересованные в этом лица приводят для образца Пруссию, которая нашла нужным объединить в руках прусского правительства железные дороги всех объединённых в Германскую империю государств. Как будто бы прусское хозяйство может служить примером нашему казённому хозяйству; прусская аккуратность — нашей халатности; прусская выдержка и добросовестное отношение к делу государственных чиновников — нашей чиновничьей распущенности! ... Между тем... примеры заводского, лесного и железнодорожного хозяйства у нас... доказывают, наоборот, что там, где только коснулась рука бюрократического хозяина, появляется смерть и запустение»⁵⁰. Таким образом, не выдвигая «теоретических возражений» против передачи магистралей в руки правительства, «при существующем порядке вещей» инженер считал такой шаг «несвоевременным»⁵¹.

Вышедшая без предварительной цензуры книга сразу же привлекла к себе внимание Главного управления по делам печати. 19 мая 1888 г. цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета Н.И. Пантелеев в своём докладе констатировал, что «г[осподин] Де-Скroxовский принадлежит к числу яростных противников существующей у нас ныне мысли о необходимости передачи железнодорожного хозяйства в руки правительства»⁵². Затем данное сочинение подробно рассмотрели в Совете Главного управления. Как полагали его члены, «основная цель составителя книги заключается в том, чтобы доказать совершенную непригодность передачи железнодорожного хозяйства в руки правительства вследствие хищнических стремлений, присущих будто бы органам администрации на всех её ступенях»⁵³. Это позволяло рекомендовать министру внутренних дел на основании ст. 149 Устава цензурного воспретить выпуск издания в свет до окончательного решения Комитета министров, который 26 июня распорядился уничтожить труд Де-Скroxовского вместе со столь же крамольной книжкой «Психопаты благотворительности и действительные филантропы (Из записок умершего)». Лишь несколько экземпляров следовало сохранить в секретном отделе Императорской Публичной библиотеки⁵⁴.

Несмотря на это, инженера активно поддерживали дружественные Филиппову «Русское дело» С.Ф. Шарапова и «Гражданин» кн. Мещерского. Ещё в июне 1887 г. князь сообщил Александру III про «толки», происходившие «в разных кружках» после того, как «по требованию Посьета» МВД временно приостановило выпуск «Биржевых ведомостей» и «Русского дела» за статьи против МПС, «писанные Скroxовским». «Скroxовский этот, — напоминал князь, — тот самый инженер, который первый обратил внимание на страшные денежные злоупотребления в Глав[ном] обществе и благодаря которому казна получила право начёта в 14 мил[лионов] рублей на Главное общество... Он не только пострадал за свой поход, но он, так сказать, пал жертвою в неравном бою, ибо по требованию Посьета Управление по делам печати издало циркуляр, на основании которого, под угрозою кары, запрещаются к печатанию всякие статьи до отношений М[инистерст]ва пут[ей] сообщений к Главному обществу относящиеся, и где Скroxовский выставлен подстрекателем и защит-

⁵⁰ Там же. С. 268.

⁵¹ Там же. С. 280.

⁵² РГИА, ф. 776, оп. 20, д. 1013, л. 1.

⁵³ Там же, л. 19.

⁵⁴ Там же, л. 25–34.

ником каких-то подпольных будто бы и вредных агитаций». Кн. Мещерский не скрывал, «что Скроховский пишет слишком резко и недостаточно обузданно», но, как ему казалось, «в нравственных интересах правительства» было отменить циркуляр, дабы в обществе не возникало ощущение, будто власти скрывают «какую-то неприглядную правду»: «Посыет рассердится, но зато казна может выиграть снова»⁵⁵.

По мнению Н.В. Черниковой, Де-Скроховский принадлежал к «разряду правдолюбцев», и князь пытался защитить «несправедливо обиженного»⁵⁶. Однако и тот и другой явно участвовали в одной и той же информационной кампании. Так, в конце января 1888 г. на страницах «Гражданина» вышла статья, в которой говорилось о том, как вследствие некомпетентности инженеров МПС обрушился недавно возведённый мост⁵⁷. В том же номере уже сам кн. Мещерский обвинял путейцев в «положительной отсталости» и «полной безнаказанности»⁵⁸. 6 сентября 1888 г. «Гражданин» в разделе «Хроника» кратко сообщил об уничтожении тиража книги Де-Скроховского⁵⁹.

Разумеется, случившаяся 17 октября катастрофа в Борках дала Де-Скроховскому надежду на усиление своих позиций. 20 октября, выезжая из Варшавы в Петербург, он писал Филиппову: «Ну вот и дождались мы предсказываемого мною крушения царского поезда! Неужели и теперь не окажется действительно виновных?»⁶⁰. 1 ноября А.В. Богданович со слов Салова записала в дневнике рассказ, переданный Посыету В.М. Верховским, служившим в МПС: «К [А.Ф.] Кони приехал на место крушения человек с письмом от Тертия Филипова, в котором написано, что, зная как теперь ему трудно добратся истины, Филипов ему рекомендует подателя сего письма Де-Скроховского (врага Салова и всего ведомства), который ему будет весьма полезен. Прочитав письмо, Кони пошёл работать, возвратясь к себе, ему сказали, что господин, привезший письмо, ожидает его. Это был Де-Скроховский, которого Кони очень холодно принял, отказался от его услуг, отказал ему [в] осмотре места крушения и с первым прибывшим поездом отправил назад»⁶¹.

Тем временем 27 октября в адресованном Александру III «Дневнике» кн. Мещерский, критикуя Посыета, не забыл и о варшавском инженере, отметив: «Не знаю, знал ли государь об этом человеке, имя его Скроховский, а если знал, то, вероятно, и государю он был представлен извергом». Далее упоминалось о записке, благодаря которой казна получила 15 млн из «утаённых 25 миллионов», про злключения её автора, испытавшего «позор, нищету и самое беспощадное преследование от Посыета» и И.А. Вышнеградского, про уже грозившую инженеру административную высылку, лишь случайно предотвращённую, так как «узнали, что Воронцов Скроховского немного поддерживает, и не решились». По словам князя, «Салов приезжает ко мне и показывает мне какие-то бумаги, из которых будто бы усматривается, что Скроховский требовал шантажом деньги от Главного общества... Плеве тоже вооружается против

⁵⁵ Мещерский В.П. Письма к императору Александру III. 1881–1894 / Публ. Н.В. Черниковой. М., 2018. С. 490–492.

⁵⁶ Черникова Н.В. Портрет на фоне эпохи... С. 299, 323–324.

⁵⁷ Казённое железнодорожное хозяйство // Гражданин. 1888. 28 января. № 28. С. 1.

⁵⁸ Гражданин. 1888. 28 января. № 28. С. 3.

⁵⁹ Там же. 6 сентября. № 248. С. 2. См. также: Мещерский В.П. Письма к императору... С. 758.

⁶⁰ ГА РФ, ф. 1099, оп. 1, д. 2609, л. 5.

⁶¹ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 241, л. 7 об.

Скроховского и верит на слово Салову. Сольский хочет ему дать место, но Вышнеградский ретиво набрасывается на Скроховского за то, что в “Гражданине” появляются статьи Скроховского против пограничной стражи, и в конце концов, травимый всеми, Скроховский буквально лишается куска хлеба! ...Я тоже было поверил клевете и инсинуациям, не сообразив двух вещей, что если бы Скроховский был шантажист, то ему, с его умом, ровно ничего не стоило бы, прежде чем писать государю, предложить Гл[авному] обществу ловко и скрыто сделку. Гл[авное] общество, несомненно, и миллиончик дало бы, чтобы не платить 25 миллионов, а вместо этого Скроховский дошёл до нищеты. А во-вторых, не сообразил и того, что если бы в самом деле были серьёзные обвинения против Скроховского, то давно бы все его враги успели его предать законной и открытой ответственности, а вместо этого они его травят и позорят из-за угла и исподтишка... По-моему, это шекспировская история»⁶². В тот же день князь сделал её достоянием публики⁶³, а уже 28 октября напечатал письмо Де-Скроховского, благодарившего за внимание к его «тяжёлой и изнурительной борьбе с хищением и разнообразными злоупотреблениями» и вновь излагавшего основные её вехи⁶⁴.

Воспользоваться состоявшейся вскоре отставкой Посыета Де-Скроховскому не довелось. Однако возглавивший в 1889 г. Государственный контроль Филиппов в июне устроил его на службу в Железнодорожный отдел, а в октябре назначил на пост главного контролёра Варшаво-Бромбергской, Варшаво-Тереспольской и Привисленской железных дорог и выпросил для него вознаграждение в 10 тыс. руб. «за мужественную отвагу и за веру в торжество правды», как выразился Третий Иванович в официальном отношении к Вышнеградскому⁶⁵.

На новом месте Константин Осипович тут же развил бурную деятельность. Настаивая на необходимости «упорядочения частного железнодорожного хозяйства введением на всех дорогах надлежащего контроля, а не того, какой представляло из себя Министерство путей сообщения», он решил начать «изыскания с самого начала Общества Варшавско-Бромбергской железной дороги, т.е. с 1858 г., и, следя шаг за шагом за его манипуляциями и за подтасовкою цифр и фактов, подойти к настоящему положению дела, принять меры к пресечению дальнейших потерь казны и изыскать способ к уменьшению потерь её за прошлое время, несмотря на то что потери эти, точно так же, как и в Главном обществе, считаются невозвратимыми». Для того чтобы добиться желаемого результата, 24 августа 1889 г. он предложил Филиппову заключить с акционерами своеобразную сделку: если они согласятся на «сделанные правительством предложения расчёта за прошлое время, то выкуп из их рук эксплуатируемых дорог будет отложен на некоторое время». При этом, напоминая про недостатки «казённой эксплуатации наших железных дорог», Де-Скроховский полагал: «В настоящее время многие разделяют мой взгляд, и правительство остано-

⁶² *Мешерский В.П.* Письма к императору... С. 611–612, 759.

⁶³ *Гражданин.* 1888. 27 октября. № 299. С. 3.

⁶⁴ Там же. 28 октября. № 300. С. 3.

⁶⁵ *Пороховицков А.* Указ. соч. С. III–IV. Довольный победой, Де-Скроховский гордо писал своему новому начальнику: «Хотя награда эта не покрывает ½ части израсходованных на борьбу с Главным обществом моих собственных денег, получение её от имени государя императора представляет для меня большую ценность, чем если бы мне выдано было непосредственно Ив. Ал. Вышнеградским 100 т[ыс]. рублей» (ГА РФ, ф. 1099, оп. 1, д. 2609, л. 31).

вится само с выкупом тех дорог, в которых не предстоит большой крайности и к которым, по всей вероятности, будут причислены дороги Привислянского края»⁶⁶.

Довольно скоро Де-Скроховский пришёл к предсказуемому выводу: «Не могу сказать, чтобы прежняя администрация этого Общества отличалась от администрации Главного общества в вопросах, соединённых с распоряжением казённым сундуком». При этом, разумеется, сказывалось и попустительство МПС. Тем не менее та ситуация, которую он застал, показалась ему сначала «более чем удовлетворительною». Более того, он заявлял, что «состав правления и управления на этих дорогах, без преувеличения сказать, — образцовый». Это ещё сильнее убеждало его в целесообразности, заключив «миролюбивое соглашение» о компенсации прежних растрат, оставить дороги в руках Общества⁶⁷. Впрочем, уже в 1890 г. он обнаружил, что далеко не всё обстояло благополучно и в «последнее трёхлетие». «Злоупотребления Главного общества были грандиозны по сумме похищенного из казны, — делился он своим возмущением с Филипповым, — злоупотребления же на Привислянской дороге с самого момента вступления в состав его правления Генриха Гальперина поражают своим цинизмом, наглостью и ловкостью искусившегося и ни перед чем не останавливающегося дельца!». Для их расследования он советовал создать межведомственную комиссию, но нового громкого скандала не случилось: Филиппов начал уставать от активности своего подчинённого и не всегда давал ход его обширным докладам⁶⁸. Впрочем, в 1895 г. Де-Скроховский получил орден Св. Станислава 2-й степени⁶⁹.

В 1897 г. Константин Осипович уведомил государственного контролёра о том, что в «результате трудов местного контроля» удалось снизить расход топлива, уменьшить количество «произвольных остановок в пути вследствие порчи паровоза», ввести на подконтрольных дорогах пропитку шпал, увеличив срок их использования, и практику повторного взвешивания вагонов для предотвращения их перегрузки, ускорявшей износ подвижного состава. Однако в Петербурге к ретивому рационализатору относились настороженно. «Для достижения этих результатов, — жаловался он Филиппову, — я не имел ни малейшей поддержки со стороны Департамента железнодорожной отчётности, и результаты эти следует приписать исключительно так называемым нелегальным с моей стороны действиям, заключающимся... в личных сношениях моих с другими, причастными к железнодорожному делу, министерствами, что восстановило против меня многих лиц в Государственном контроле»⁷⁰. Он всё чаще задумывался о «своём бессилии оградить казну»⁷¹.

Местные чиновники также не сочувствовали Де-Скроховскому. В 1889 г. на новой должности он «очутился в таком же боевом положении», что и прежде⁷². Во второй половине 1890-х гг. Константин Осипович попытался развернуть борьбу с бюрократией уже в самом Государственном контроле, но не нашёл на этот раз сочувствия у Филиппова и в 1897 г. подал императору прошение

⁶⁶ ГА РФ, ф. 1099, оп. 1, д. 2609, л. 19–19 об.

⁶⁷ Там же, л. 21–21 об.

⁶⁸ Там же, л. 29–30.

⁶⁹ РГИА, ф. 776, оп. 14, 1901 г., д. 17, л. 5.

⁷⁰ ГА РФ, ф. 1099, оп. 1, д. 2609, л. 33 об.—34 об.

⁷¹ Там же, л. 27 об.

⁷² Там же, л. 22.

об отставке⁷³. Написал он его в столь воинственных выражениях, что был привлечён к суду «за оскорбление правительственного учреждения» и оштрафован на 25 руб.

Характерно, что незадолго до увольнения Де-Скроховский обнаружил нового врага, и в 1896 г. подготовил на польском языке обширный трактат, посвящённый энциклике римского папы о соединении церквей. Сочинение вызвало серьёзные претензии у цензурного ведомства, где усмотрели в тексте компиляцию из протестантских полемических брошюр⁷⁴. В переработанном виде книга всё же увидела свет и даже вышла затем в русском переводе. В этом издании, обильно цитируя «мнения не опошлившихся космополитизмом русских людей» (от Ю.Ф. Самарина и А.А. Киреева до К.А. Скальковского), автор призывал соотечественников «сосредоточиться под нашим знаменем “борьбы с латинством” для защиты России от новых смут, подготовляемых поляками», и предостерегал от возможного проникновения католицизма вглубь империи⁷⁵.

Фигура Де-Скроховского не поражает своим масштабом. Честный, хотя и излишне азартный правдоискатель, по сути, использовался влиятельными бюрократами в их интригах и столкновениях. Однако его публицистика и личная переписка наглядно показывают, насколько сложным и «не консервативным» в привычном смысле этого слова был русский пореформенный консерватизм.

⁷³ Там же, д. 446.

⁷⁴ РГИА, ф. 776, оп. 21, ч. I, д. 253, л. 1–2.

⁷⁵ *Непогрешимый (Де-Скроховский К.О.)*. От мрака к свету, или Папство и славянский мир. СПб., 1900. С. 459. Подробнее см.: *Котов А.Э.* Консервативный антиклерикализм...

Госплан и проблема конверсионного перехода в военной промышленности СССР во второй половине 1940-х гг.

Алексей Захарченко

**Gosplan and the problem of conversion in the Soviet military industry
in the second half of the 1940s**

*Alexey Zakharchenko
(Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow)*

DOI: 10.31857/S2949124X23050061, EDN: OXDGOG

Историографический консенсус характеризует Госплан СССР как ведомство, выполнявшее прежде всего технические функции. К ним, как правило, относят разработку и корректировку краткосрочных и долгосрочных планов, экспертные заключения по хозяйственным вопросам и т.п. На мой взгляд, однако, Госплан выступал ключевым действующим лицом межведомственных отношений в рамках реализации экономической политики. Я постараюсь доказать этот тезис на примере послевоенной конверсии — важной составной части выполнения плана четвёртой пятилетки (1946–1950).

Методологической основой исследования является институциональный подход, внимание которого сконцентрировано на процессе и механизмах взаимодействия институтов хозяйственной системы (в исследуемом случае — Госплан и наркоматы/министерства). С его помощью я попытаюсь ответить на следующие вопросы: какова была роль Госплана как бюрократической структуры в системе хозяйственных межведомственных отношений; как конверсия повлияла на отдельные отрасли военной промышленности и как их представители реагировали на данный процесс; имел ли Госплан самостоятельную позицию по вопросу о перестройке экономики или являлся исполнителем принятых руководством страны решений.

Хронологические рамки конверсионного перехода — 1945–1950 гг., период, когда «номенклатура по продукции военного назначения была полностью обновлена»¹. Под конверсионным переходом понимается процесс реорганизации производства и управления военно-промышленным комплексом, адаптации его к работе в условиях мирного времени. С одной стороны, данный процесс выражался в сокращении выпуска устаревших образцов вооружения (именно в этом контексте и будут проанализированы межведомственные отношения и роль Госплана). С другой — в перевооружении, проявившемся в стремительном росте новых военно-промышленных отраслей и связанных с ними технологий, которые получали значительные капиталовложения (атомное оружие,

© 2023 г. А. В. Захарченко

¹ Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс: проблемы становления и развития (1930–1980-е годы). М., 2006. С. 239.

реактивная, радиолокационная техника). Данное направление исключено из исследования: значительная часть ведомственных документов (в том числе и в фонде Госплана) до сих пор не рассекречена, доступные же материалы основательно изучены в отечественной и зарубежной историографии².

Основа исследования — хранящиеся в Российском государственном архиве экономики документы фонда Госплана СССР³. Материалы его отделов, курировавших производство вооружения и боеприпасов, отражают позицию представителей оборонных отраслей промышленности в отношении планирования и реализации конверсии, их стремление минимизировать её издержки. Большую ценность представляют докладные записки инспекторов Госплана, изучавших процесс перехода предприятий ВПК на выпуск гражданской продукции. Важную роль в изучении вопросов планирования и определения параметров послевоенной пятилетки играют документы сводного отдела ведомства.

Эту группу источников дополняют материалы Государственного комитета обороны (ГКО), хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории⁴. В мае–сентябре 1945 г. комитет принял ряд важных постановлений, касающихся реорганизации военной промышленности, сокращения производства на предприятиях таких ведомств, как Наркомат боеприпасов и Наркомат вооружения, и перевода значительной части их мощностей на выпуск товаров гражданского назначения.

Опубликованный комплекс документов Политбюро ЦК ВПК(б) и Совета министров СССР⁵, а также аннотированный указатель постановлений ГКО⁶ позволяют выяснить, как И.В. Сталин распределял полномочия среди своего ближнего круга, в котором основные вопросы, связанные с развитием ключевых отраслей экономики (в частности ВПК), курировали Л.П. Берия и Н.А. Вознесенский.

Решение заявленной проблемы представляется важным в связи с тем, что вопросы о послевоенном планировании, роли Госплана в управлении экономикой, позиции ведомств (в первую очередь оборонного профиля, которых конверсия затронула в наибольшей степени) пока ещё исследованы недостаточно. Лучше всего освещён период 1930-х гг., в частности борьба наркоматов за ресурсы в рамках подготовки и реализации хозяйственных планов⁷. Однако межведомственные отношения при реализации экономической политики в 1940-х гг. исследовались гораздо меньше. Существующая историография

² Холловей Д. Сталин и бомба: Советский Союз и атомная энергия. 1939–1956. Новосибирск, 1997; Uhl M. Stalin's V-2. Der Technologietransfer der deutschen Fernlenkwaffentechnik in die UdSSR und der Aufbau der sowjetischen Raketenindustrie 1945 bis 1959. Bonn, 2001; Артёмов А.Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М., 2017.

³ РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 302, 338, 792, 1068, 1071, 1077, 1108, 1546, 1548; оп. 97, д. 93; оп. 98, д. 219, 220.

⁴ РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 503; оп. 2, д. 498, 505, 506.

⁵ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / Сост. О.В. Хлевнюк, Й. Горлицкий. М., 2002.

⁶ Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность. 1941–1945 гг. Аннотированный каталог. В 2 т. Т. 1. М., 2015.

⁷ Маркевич А.М. Советская экономика 1930-х гг. Отраслевые наркоматы и главки: официальные задачи и реальная практика // Экономическая история. Обзорение. Вып. 8. М., 2002. С. 89–91; Маркевич А.М. Управление советской промышленностью в 1930-е гг.: внутренние противоречия и реформы // Россия в XX веке: реформы и революции. Т. 2. М., 2002. С. 170–176; Белова Е.Б. Стихия плана: практика работы Госплана СССР в первой половине 30-х гг. // Экономическая история: ежегодник. 2001. М., 2002. С. 580–607.

примечательна работами О.В. Хлевнюка, содержащими анализ борьбы за влияние в сталинском окружении, Н.С. Симонова, одним из первых затронувшего проблему планирования в системе ВПК, И.В. Быстровой, изучившей межведомственные отношения на уровне номенклатурных групп ВПК, а также Е.В. Баева, выделившего как отдельную проблему конфликт Госплана РСФСР с гражданскими ведомствами⁸. Британский экономист и историк М. Харрисон на примере авиационной промышленности обратил внимание на специфический характер конкуренции внутри советского ВПК. Изучив соперничество руководителей конструкторских бюро, добивавшихся принятия в серийное производство своих технических разработок⁹, он скептически оценил качество статистических материалов, в том числе тех, которыми в своих расчётах оперировали плановики¹⁰. Искажение представлявшейся Госплану информации о хозяйственных возможностях и производственной деятельности, по мнению многих исследователей, превращало его в объект манипуляции со стороны ведомств.

Изучив документы 1930-х гг., отражавшие процесс планирования, Е.Б. Белова отметила: «Госплан не являлся держателем материальных и финансовых ресурсов, следовательно, не мог распоряжаться ими по своему усмотрению», не мог отдавать прямые приказы хозяйственным агентам (наркоматам и т.д.). Ему была доступна только институциональная власть, «которая определялась лишь правилами игры, принятыми в высшем эшелоне управления экономикой. Ему отводилась роль эксперта. Резолюция Госплана была необходима при принятии практически всех хозяйственных решений. Реальная власть планировщика в советской экономике 1930-х гг. — это власть подписи»¹¹.

Оценка канадского историка М. Эделя ещё скептичнее: Госплан находился в заведомо уязвимой позиции, поскольку был отрезан от реальной информации о хозяйственном положении на местах. Представители всех уровней бюрократической вертикали, от директорского корпуса до отраслевых ведомств, руководствуясь правилом «получить больше, потратить меньше», фальсифицировали материалы о работе своих организаций. «Формально Госплан устанавливал планы, наркоматы (позже министерства) уточняли их для своей сферы надзора, а подчинённые им предприятия добросовестно выполняли их. Однако в действительности абстрактная работа планировщиков имела мало отношения к тому, что происходило на местах. Инженеры и руководители производства чувствовали себя выше государственных служащих, возмущались неэффективностью планирующих органов. Те, кто якобы руководил этим хозяйством на основе своих статистических таблиц, составленных, надо добавить, на счётах

⁸ Хлевнюк О.В. Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х годов и «Дело Госплана» // Отечественная история. 2001. № 3. С. 77–89; Хлевнюк О.В., Горлицкий И. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011; Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, организация производства и управление. М., 1996; Быстрова И.В. Советский военно-промышленный комплекс...; Баев Е.В. Конфликты между Госпланом РСФСР и республиканскими отраслевыми министерствами и ведомствами (1946–1953 гг.) // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2019. № 2. С. 63–80.

⁹ Guns and rubles: the defense industry in the Stalinism state / Ed. by M. Harrison. New Haven; L., 2008. P. 226.

¹⁰ Ibid. P. 25–26, 28.

¹¹ Белова Е.Б. Стихия плана... С. 596.

и сведённых вручную, с досадой отмечали, что крупные предприятия отказывались сотрудничать с плановыми органами»¹².

Венгерский экономист Я. Корнай, исследуя механизм планирования в СССР и странах «социалистического лагеря», также отмечал стремление хозяйственных руководителей сознательно вводить плановые органы в заблуждение, «искажать информацию путём предоставления заниженных по сравнению с ожидаемыми в плане данных о мощностях, и завышенных — о необходимых ресурсах». Подобное поведение приводило к тому, что плановики просто не могли правильно оценить наличие материальных и кадровых ресурсов, которыми располагали ведомства, скрывавшие реальные результаты своей деятельности¹³. П. Грегори (США) назвал такое поведение «оппортунизмом производителей», а советскую плановую экономику — «экономикой обмана»¹⁴.

Даже Харрисон, не склонный принижать влияние Госплана, признал факт искажения информации хозяйственниками, пытавшимися манипулировать данными экономических показателей в отношениях с плановыми органами. Систематическое невыполнение наркоматами и подведомственными им предприятиями планов не имело отношения к некомпетентности в работе плановиков, «поскольку в реальных условиях, которые плановики заранее знать не могут, ни один план не гарантирует успеха, а детальное выполнение заданий невозможно — в лучшем случае это побочный продукт адаптивного процесса». Самой важной проблемой в плановой системе, по его словам, оказалась «неспособность плавно и непрерывно адаптировать планы к имеющимся ресурсам и реальным условиям, при которых они должны быть обеспечены... Информация о реальных условиях, позволявшая адаптировать план, удерживалась или скрывалась на предприятии, а полномочия санкционировать корректировку плана находились или удерживались в плановых органах. Соккрытие информации низшими уровнями и отказ высших уровней адаптировать план стали системными чертами процесса планирования»¹⁵.

Таким образом, можно говорить о том, что, по мнению некоторых отечественных и зарубежных исследователей, роль Госплана в принятии решений была вспомогательной, поскольку как государственный институт он не обладал властным ресурсом. Но верно ли это суждение? Полагаю, что Белова, возможно, права в отношении 1930-х гг., обстановки неразберихи первых пятилеток и чисток, в которых были уничтожены многие представители этого ведомства, включая двух председателей. Однако в дальнейшем ситуация поменялась, что объясняется ролью нового главы Госплана.

Параллельный процесс: карьерный взлёт Н.А. Вознесенского и усиление влияния Госплана на экономическую политику СССР. Авторитетные российские и западные историки отмечают, что Вознесенский на протяжении 1940-х гг. пользовался доверием Сталина, ценившего его качества экономиста и администратора¹⁶. Харрисон полагает, что это доверие вполне заслуженно. Вознесенский вошёл в число молодых, квалифицированных специалистов, сделавших

¹² Edele M. *Stalinist society: 1928–1953*. Oxford, 2011. P. 196.

¹³ Корнай Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. М., 2000. С. 148.

¹⁴ Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008. С. 161, 181–182.

¹⁵ *Soviet planning in peace and war, 1938–1945*. Cambridge, 2002. P. 35.

¹⁶ Ibid. P. 230; Хлевнюк О.В., Горлицкий И. Холодный мир... С. 102.

стремительную карьеру на волне массовых репрессий¹⁷. Конечно, молодой руководитель серьёзно рисковал: «Контекст массовых репрессий, административной нестабильности и экономического кризиса вряд ли был благоприятным. Однако продвижение Вознесенского оказалось на удивление плодотворным. Ему посчастливилось принадлежать к тому поколению советских руководителей, которые, с головокружительной быстротой поднявшись на посты, освобождённые главными жертвами репрессий, достигли вершины как раз тогда, когда волна террора схлынула. Представители этого поколения получили уникальную возможность прийти во власть, укрепить свои позиции... Многие из них сделали это с таким успехом (А.Н. Косыгин, М.А. Суслов, Д.Ф. Устинов), что доминировали в советской политике в течение следующих сорока с лишним лет»¹⁸.

Талантливый и энергичный, Вознесенский быстро наладил работу Госплана, в частности восстановил его контрольные функции при помощи сети полномочных представителей на областном и республиканском уровнях. Ранее местные плановые управления подчинялись региональным органам власти, что создавало препятствия для централизованной координации хозяйственного развития регионов. Отныне же уполномоченные Госплана выступали в качестве «местных агентов, непосредственно подчинённых Москве»¹⁹, не ангажированных региональными верхушками и не зависевших от позиции министерств. Они сыграли важную роль в решении таких вопросов предвоенного периода, как развитие новых топливно-металлургических баз (особенно на Востоке СССР), экономия топлива и электроэнергии, рационализация сложной субподрядной сети вокруг машиностроения. Вознесенский требовал от подчинённых, чтобы они участвовали в процедуре проверки планов на местах. Через главную статистическую службу — Центральное управление народно-хозяйственного учёта — шли регулярные отчёты (пять дней, декада) о выполнении заданий по промышленным отраслям. Это новшество привело к изменениям в структуре ведомства. В октябре 1940 г. были созданы девять региональных отделов для разработки проблем территориального размещения производительных сил, межзаводского субподряда, региональных балансов снабжения и проверок выполнения плановых заданий на местах.

Эти мероприятия, а также разработка Вознесенским «баланса народного хозяйства» и его инициативы в области долгосрочного планирования обусловили рост влияния нового главы Госплана и, как следствие, укрепление положения его ведомства в системе управления экономикой. Это в свою очередь привело к вовлечению плановиков в конфликты с отраслевыми ведомствами, конкурировавшими друг с другом за влияние на материально-техническое снабжение. «Другая область потенциального конфликта — между агентами Госплана СССР и местными партийными органами»²⁰.

¹⁷ Soviet planning in peace and war... P. 13.

¹⁸ Ibid. P. 18.

¹⁹ Суть работы уполномоченных Госплана заключалась в проверке выполнения на местах планов центра, выявлении запасов продукции и возможностей для ликвидации профицита, установления более высоких заданий, оценки эффективности региональной специализации и межрегиональных перевозок, надзоре за межрегиональным распределением электроэнергии. К лету 1940 г. назначили 14 уполномоченных, каждый руководил аппаратом в 10–14 сотрудников (Ibid. P. 21, 22).

²⁰ Ibid. P. 27.

В 1940-х гг. усиление аппаратных позиций Вознесенского продолжалось. Накануне войны он занял пост заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР, в годы войны вошёл в состав высшего органа власти — Государственного комитета обороны²¹, в августе 1945 г. Сталин включил его в руководящую группу по атомному проекту²². 6 сентября того же года, после упразднения ГКО, в структуре СНК СССР были созданы два оперативных бюро для руководства деятельностью наркоматов и других организаций. Одно из них, курировавшее сельское хозяйство, отрасли лёгкой и пищевой промышленности, Министерство обороны и другие непромышленные ведомства, возглавил В.М. Молотов. Вознесенский должен был войти в него в качестве рядового члена, но Сталин напротив его фамилии вписал слово «заместитель».

Глава Госплана также вошёл в оперативное бюро, призванное курировать важнейшие промышленные наркоматы²³. В марте 1946 г. он стал заместителем Берии по общему бюро Совета министров СССР (оперативные бюро были упразднены), в которое вошли все сталинские замы в правительстве²⁴. На пленуме ЦК ВКП(б) 26 февраля 1947 г. Сталин предложил избрать Вознесенского членом высшего партийного органа — Политбюро, подчеркнув, чтобы никто не высказывал возражений на этот счёт²⁵. В том же месяце Вознесенский возглавил новое бюро Совета министров СССР — по металлургии и химии²⁶. В марте 1948 г. он достиг своей последней высоты в бюрократической иерархии — поста сопредседателя бюро Совета министров СССР (вместе с Берией и Маленковым)²⁷. Таким образом, Вознесенский входил в руководство всех высших государственных структур, занимавшихся управлением экономикой.

Как уже отмечалось, сила Госплана заключалась в том, что это ведомство являлось наиболее информированным по вопросам хозяйственной статистики и компетентным в сфере экономического анализа. Его сотрудники готовили материалы, на основании которых принимали решения высшие партийные (Политбюро, затем Президиум ЦК КПСС) и государственные органы (СНК/Совет министров СССР). Поэтому нет ничего удивительного в том, что плановики находились под бюрократическим прессом. Аппарат Вознесенского зачастую не успевал оперативно реагировать на поступающую информацию, материалы подолгу «залёживались», ожидая резолюции. Причём ответа ждали и документы, поступающие из правительства. Так, 25 октября 1946 г. его управляющий делами Я.Е. Чадаев направил Вознесенскому записку, в которой отмечал, что на 22 октября 1946 г. на рассмотрении Госплана находятся 85 поручений правительства, из них четыре задерживаются рассмотрением свыше четырёх месяцев, 11 — свыше трёх, 22 — свыше двух месяцев. Чадаев напоминал: «Несмотря на неоднократные упоминания Управления делами Совета Министров СССР, целый ряд поручений, по которым уже предоставлялись отсрочки, на 22 октября 1946 г. вновь оказываются просрочены исполнением». Через три дня Вознесен-

²¹ Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность... Т. 1. С. 5.

²² Артёмов А. Т. Атомный проект... С. 53–61; Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс... С. 441.

²³ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР... С. 21–23.

²⁴ Быстрова И. В. Советский военно-промышленный комплекс... С. 442.

²⁵ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР... С. 45.

²⁶ Там же. С. 41–43; Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М., 2001. С. 241.

²⁷ Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР... С. 57.

ский запросил объяснения от заместителей (П.И. Кирпичникова, М.З. Сабурова, Г.П. Косяченко, Н.М. Силуянова и др.), в секретариатах которых выявили наибольшее количество неотработанных правительственных документов²⁸.

На мой взгляд, характеристика Госплана как бюрократической структуры, не игравшей самостоятельной роли в принятии властных решений в силу отсутствия необходимых ресурсов и полномочий, не принимает во внимание реальные аппаратные возможности плановиков. На деле Госплан, обладавший обширной информацией о состоянии народного хозяйства, являлся главным разработчиком стратегии его развития. Он также располагал профессиональными кадрами, благодаря чему оставался главной организацией по оценке возможностей и потенциала наркоматов/министерств. Позиция Госплана всегда учитывалась при распределении фондов (ресурсов), за которые шла ожесточённая межведомственная борьба. Умение учитывать позицию представителей высшего руководства — Сталина и его заместителей в правительстве, курировавших отраслевые блоки, — правильно расставлять акценты, предоставляя информацию «наверх», существенно расширяло возможности плановиков влиять на процесс принятия властных решений.

Замысел и реалии конверсионного перехода в 1945–1946 гг. Сразу же после победы над Германией Госплан начал готовить материалы по перестройке промышленности в связи с сокращением производства вооружения. 23 мая 1945 г. проект постановления ГКО на эту тему (за подписью Вознесенского, его заместителя Кирпичникова, курировавшего оборонные отрасли промышленности, наркома вооружений Д.Ф. Устинова и члена оперативного бюро СНК СССР Н.М. Шверника²⁹) поступил в секретариат Берию — именно он как председатель оперативного бюро ГКО должен был принять решение о его представлении на подпись Сталину. 26 мая проект утвердили. В соответствии с ним сокращался выпуск снарядов, противопехотных мин, ручных противотанковых гранат. К примеру, предприятия Наркомата боеприпасов должны были в июле сократить выпуск корпусов снарядов (23мм, 37мм, 76мм, 85мм, 100мм) на 172 тыс. единиц, корпусов мин (107мм, 120мм) на 40 тыс., ручных противотанковых гранат и противопехотных мин — на 25 тыс. единиц по сравнению с июнем³⁰. По ряду предприятий — поставщиков вооружения сокращалось или полностью прекращалось производство 76мм дивизионных пушек, пистолетов-пулемётов, 120мм полковых миномётов. Урезались фонды на поставку металлов и оборудования для Наркомата вооружения (НКВ). При этом руководители военно-промышленных наркоматов оказались в трудном положении, поскольку от них требовали сохранить мобилизационные мощности для оборонного выпуска на достигнутом в годы войны уровне. Три десятка предприятий других наркоматов, связанных с обеспечением армии, освобождались от производства вооружений наполовину или полностью и переводились на гражданскую продукцию³¹.

Последующими постановлениями и распоряжениями ГКО (6 и 24 июня, 23 и 30 августа) урезались объёмы производства авиационного вооружения, демонтировалось использовавшееся для изготовления боеприпасов оборудование на заводах танковой промышленности. Предприятиям, занятым в годы войны

²⁸ РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 1108, л. 28.

²⁹ Там же, д. 1077, л. 63–65а.

³⁰ РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 503, л. 150.

³¹ Там же, оп. 2, д. 498, л. 74, 76, 82–85.

на производстве стрелкового оружия, боеприпасов, военно-инженерного имущества, во втором квартале 1945 г. сокращались фонды на сырьё и материалы (прокат, чугун, кокс, метизные изделия)³².

В целях укрупнения патронных заводов и освобождения ими временно занятых площадей гражданских ведомств в течение июня—июля провели их передислокацию. Патронный завод № 529 из Свердловской обл. переводился в Подольск (Московская обл.) на территорию заводов № 710 и 711. Иркутский завод № 540 переезжал в Удмуртию и размещался на площадях завода № 544 (г. Глазов). Завод № 54 переводился из Челябинска в Тулу, на завод № 539. С Южного Урала (г. Чкалов) на Донбасс на площадку завода № 270 в Ворошиловграде прибывало оборудование завода № 454. Освобождаемые предприятиями Наркомата вооружения помещения передавались Наркомату бумажной промышленности³³.

Таким образом, конверсия затронула в первую очередь военные заводы, выпускавшие боеприпасы и взрывчатые вещества, артиллерию, миномёты, стрелковое оружие. Программа по боевой технике поначалу не подверглась существенному сокращению в ожидании войны с Японией. Накануне её советское руководство даже приняло решение о наращивании отдельных видов вооружений. Так, 21 июня постановление ГКО увеличило выпуск артиллерийских систем: 57мм противотанковых пушек ЗИС-2, 100мм полевых пушек БС-3, 122мм корпусных пушек А-19, 152мм гаубиц Д-1, 160мм миномётов³⁴. Однако снижение выпуска по обычным вооружениям (танкам, артиллерии, боевой авиации), которые к тому же ожидали дальнейшей модернизации, являлось лишь вопросом времени.

Как проявление конверсии следует рассматривать и постановление СНК СССР от 23 января 1946 г. о проведении на предприятиях Наркомата вооружений ревизии «излишков материальных ценностей». Её проводили уполномоченные Госплана в регионах. Под «излишками» понимались неиспользованные материалы и сырьё, скопившиеся за военные годы на заводских складах. В мае проверка завершилась. Только по пяти предприятиям (заводы № 74 и 524 в Удмуртской АССР, № 237 в Татарской АССР, № 221 в Сталинградской и № 188 в Новосибирской областях) таких излишков зафиксировали на сумму почти 24260 тыс. руб.³⁵ В их число входили сталь и проволока, химикаты, чёрные и цветные металлы, прокат. Директоров заводов обязали сдать их на базы сбытовых организаций, однако не все имели такую возможность — для вывоза требовался дополнительный железнодорожный транспорт, которого не хватало³⁶.

Понимание того, какими темпами должен осуществляться конверсионный переход, приходило постепенно. Первоначально плановики подошли к этому вопросу осторожно, полагая, что сокращение валовой продукции военной промышленности в третьем квартале 1945 г. по сравнению с военными месяцами второго квартала (апрель—июнь) составит 5,5 млрд руб. Однако цифры оказались выше. В третьем квартале 1945 г. по сравнению с аналогичным периодом

³² Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность... Т. 1. С. 1070, 1204, 1217; РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 498, л. 80.

³³ РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 1077, л. 59.

³⁴ РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 506, л. 74—85.

³⁵ РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 1071, л. 316—322.

³⁶ Там же, л. 330.

1944 г., когда советская военная экономика работала на полную мощность, выпуск военной продукции сократился почти на 7 млрд руб.³⁷ Если обратиться к проекту пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР 1946–1950 гг., то в течение года ожидалось существенное снижение общего выпуска военной продукции (в три раза — с 51 млрд руб. в 1945 г. до 17,3 млрд в 1946 г.) и увеличение гражданского производства (почти на 20% — с 76 млрд до 92,3 млрд руб.). При этом удельному весу валовой продукции группы «Б» (предметы потребления) в общем объёме производства предстояло увеличиться с 24,4 до 31,7%³⁸. По данным Центрального статистического управления, направлявшего материалы в сводный отдел Госплана, в 1946 г. военные предприятия выпустили гражданской продукции на 16,2 млрд руб., что в 1,5 раза превысило показатель 1945 г., а рост выпуска гражданской продукции в общей структуре составил 20%³⁹.

Как свидетельствуют документы, на протяжении второй половины 1945 и начала 1946 г. в Госплане шла напряжённая работа по подготовке для правительства информационно-аналитических материалов о переводе военно-промышленных отраслей на работу в режиме мирного времени. Такой режим предполагал не только сокращение военного производства, но и повышение его качества⁴⁰. Он сопровождался перераспределением мощностей всех основных отраслей оборонки, кроме новейших (ракетной, радиолокационной, атомной), в пользу гражданского сектора. Распоряжение ГКО от 10 июня 1945 г. за подписью Берии поручало Наркомату боеприпасов организовать на своих заводах производство бурового и эксплуатационного оборудования для нефтяной промышленности. Через месяц обязательство по производству силовых установок к буровым станкам для «нефтянки» возложили на Наркомат танковой промышленности⁴¹.

Выбор такой специализации на отдельных предприятиях определялся ещё в годы войны. В той же танковой промышленности, не дожидаясь указания «сверху», в 1944 г. начали создавать «группы завтрашнего дня», которые готовили предложения о переводе заводов на гражданское производство. Уральский завод тяжёлого машиностроения готовился к выпуску установок глубокого бурения для нефтяной промышленности, а также тяжёлых экскаваторов для добычи угля и руды⁴². Следовательно, распоряжение от 10 июня 1945 г. не стало для ведомства неожиданностью.

В конце 1945 г. в Госплане шла подготовка проектов правительственных решений о производственной специфике военных заводов в условиях работы в мирное время. В январе 1946 г. в отделе вооружений для Берии и Сталина составили докладную записку с проектом постановления СНК СССР «О специализации заводов Наркомата вооружения на послевоенный период»⁴³. Аналогичные документы по остальным оборонным отраслям пока не выявле-

³⁷ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР... С. 194–195.

³⁸ РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 792, л. 95 об., 97 об.—98.

³⁹ Там же, д. 1546, л. 48.

⁴⁰ Там же, д. 1068, л. 207.

⁴¹ РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 505, л. 59; Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность... Т. 1. С. 1120.

⁴² Ермолов А.Ю. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 2009. С. 256.

⁴³ РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 1068, л. 276–297.

ны, однако можно предположить, что другие профильные отделы ведомства также подготовили соответствующие материалы.

Согласно записке, накануне и в годы войны в промышленности вооружений сформировались несколько крупных производственных кластеров: артиллерийский (14 заводов), стрелковый (9), патронный (13), радиолокационный (4), оптико-механический (9). Судя по объёму, документ, направленный Сталину, претерпел изменения в сторону сокращения (Берия получил более подробный текст). Он представлял собой результат согласования между Госпланом, Наркоматом вооружения и Берией как главой оперативного бюро СНК СССР, в котором принимались решения по вопросам промышленной политики. Соответственно, проект подписали Вознесенский, Устинов и Берия.

Он предполагал, что в 1946 г. предприятия Наркомата снизят выпуск промышленной продукции по сравнению с 1944 г. вдвое и вернуться примерно на уровень 1940 г. (см. табл.). В то же время другие показатели свидетельствуют о стремлении завершить конверсионный переход в течение 1946 г., добившись, чтобы гражданская продукция составила почти половину валового выпуска (47%), увеличившись по сравнению с 1944 г. почти в семь раз. При этом доле рабочих, занятых в гражданском производстве, предстояло возрасти в пять раз (до 60%).

Таблица

Производственные показатели предприятий Наркомата вооружения

Показатели/годы	1940	1944	1946 (план)
Валовый объём продукции (млн руб.)	6050	12459	6000
в том числе гражданская продукция (%)	15	7	47
Количество рабочих (тыс.)	286	316	270
из них на гражданском производстве (%)	26	12	60
Общее количество металлорежущего оборудования (единиц)	51920	76998	86118

Подсчитано по: РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 1068, л. 207.

В течение 1946 г. заводы Наркомата должны были выпустить широкий ассортимент оборудования для нефтяной и угольной промышленности, а также станко- и машиностроения (экскаваторы, паровозы, мотоциклы), оптико-механических приборов. В целом соответствовали отраслевому профилю большинства предприятий изделия, которые Госплан отнёс к ширпотребу: охотничьи ружья, мелкокалиберные винтовки и патроны к ним, фотоаппараты. Несмотря на то что удельный вес гражданской продукции Наркомата в общем народно-хозяйственном плане 1946 г. должен был составить менее 3%, по отдельным товарам ведомство рассматривалось авторами проекта как монополист.

Таким образом, Госплан выступил и как автор документа, и как сторона, участвовавшая в его обсуждении и утверждении на уровне правительства.

Выполняя директивы партийно-государственного руководства и опираясь на опыт отдельных заводов, ведомства приступили к разработке программы выпуска гражданской продукции на подведомственных предприятиях. Наркомат транспортного машиностроения (созданный на основе упразднённого Нарко-

мата танковой промышленности) в начале декабря 1945 г. подготовил и направил в правительство проект плана производства магистральных паровозов, тепловозов, товарных и пассажирских вагонов на 1946 г. Туда же поступил проект правительственного постановления об использовании освобождённых мощностей заводов авиационной промышленности, на которых планировалась сборка текстильных машин, троллейбусов, оборудования для Наркомата речного флота. Эти материалы рассмотрели 4 декабря 1945 г. на заседании оперативного бюро под председательством Берии⁴⁴.

О роли Вознесенского и, соответственно, усилении влияния Госплана на процесс планирования и реализацию конверсионного перехода свидетельствует его участие в двух межведомственных рабочих группах. Они рассматривали вопрос о выпуске гражданской продукции оборонными отраслями промышленности. Вопрос по Наркомату транспортного машиностроения Вознесенский изучал в составе группы, в которую входил руководитель этого Наркомата В.А. Малышев. В изучении аналогичных проблем на заводах Наркомата авиационной промышленности он принимал участие вместе с двумя заместителями Сталина в СНК — Л.М. Кагановичем и А.И. Микояном⁴⁵. Оценив предложения ведомств о перестройке их работы, Госплан приступил к разработке общего плана загрузки освобождающихся мощностей производством гражданских изделий.

В начале 1946 г. Вознесенский направил Берии записку, в которой предлагал заслушать на бюро Совета министров отчёты руководителей основных отраслей ВПК — Малышева, Устинова, М.В. Хруничева, Б.Л. Ванникова, П.И. Паршина — о результатах выполнения заданий правительства⁴⁶. Цель записки заключалась не только в том, чтобы дать пояснения к подготовленному плану для военно-промышленных министерств, но и в том, чтобы обеспечить промежуточный контроль выполнения правительственных директив. Судя по содержанию документа, Вознесенский был явно недоволен тем, как министры перестраивают работу подведомственных предприятий. План 1946 г. предусматривал сокращение валовой продукции авиапрома, сельскохозяйственного машиностроения, министерств вооружения, машиностроения и приборостроения по сравнению с 1944 г. с 32,4 млрд до 22,5 млрд руб. Такое сокращение объяснялось несколькими факторами: более высокими ценами на военную продукцию по сравнению с вновь осваиваемой оборонными заводами гражданской; сокращением численности рабочих почти на 200 тыс. человек (с 1295 тыс. в 1944 г. до 1011 тыс. по проекту на 1946 г.); отменой массовых сверхурочных работ и восстановлением отпусков, в результате чего число часов, отработанных каждым рабочим, должно было сократиться с 2900 в 1944 до 2100 в 1946 г.

В Госплане полагали, что ошибками в руководстве министры лишь усилили негативное воздействие конверсии на народнохозяйственный комплекс. Уменьшение численности рабочих свидетельствовало «о неудовлетворительных темпах перестройки промышленности на выпуск новой продукции, в силу чего не только не сохранена прежняя численность рабочих, но и оставшаяся часть рабочих далеко не загружена в соответствии с имеющимися мощностями оборудования... На деле сокращённый рабочий день используется крайне

⁴⁴ Там же, д. 302, л. 181.

⁴⁵ Там же, д. 302, л. 176.

⁴⁶ Там же, д. 1548, л. 91–92.

недостаточно в силу систематического срыва производства новой продукции». Сокращение рабочего времени можно было бы возместить увеличением производительности труда более чем на треть, однако в министерствах считали приемлемым только рост на 10%. Рабочие в ВПК использовались не полностью ввиду неподготовленности производства, отсутствия технической документации, оснастки и заделов в производстве.

Документы о реакции Берии на это обращение пока не выявлены. Однако, учитывая доверие, которым пользовался Вознесенский у Сталина, можно предположить, что он мог контролировать работу оборонных ведомств, используя свой аппаратный вес как председателя Госплана, руководителя оперативного бюро, заместителя главы правительства. Косвенно это подтверждают проверки, инициированные Госпланом на предприятиях Наркомата вооружения в начале 1946 г.⁴⁷ В их проведении Вознесенский задействовал аппарат уполномоченных в регионах.

Информационный ресурс Н.А. Вознесенского: проблемы конверсионного перехода на заводах Наркомата вооружения в оценках Госплана (1945–1946). Поскольку от позиции плановиков во многом зависело принятие решений о распределении ресурсов между ведомствами и реализация экономической политики в целом, Вознесенский располагал уникальной разносторонней информацией о состоянии народного хозяйства. Такая информация в виде докладных записок и писем стекалась в его секретариат от руководителей наркоматов-министерств их подразделений — главков и управлений. Этот серьезный ресурс можно было использовать в межведомственной борьбе за продвижение тех решений, которые председатель Госплана считал наиболее оптимальными.

Так, например, Вознесенский располагал информацией о проблемах с производством и хранением боеприпасов. Их решение откладывалось, пока шла война. Одной из проблем выступал острый недостаток взрывчатых компонентов и сырья для боеприпасов, который ранее компенсировался поставками по ленд-лизу. Глава Госплана знал, что в годы войны импортные поставки покрывали 30% потребности советской военной промышленности в тротиле. Также на импорт приходилось 24% пороха⁴⁸. Такие данные поступили от начальника Главного артиллерийского управления (ГАУ) маршала артиллерии М.Д. Яковлева, который в феврале 1946 г. направил в ведомство просьбу разрешить кризис в производстве боеприпасов в мирное время. Разумеется, об этом Вознесенский позднее, в своей известной книге о советской военной экономике, умолчал. Читателям пришлось довольствоваться лишь показателями превосходства производства боеприпасов СССР в 1941–1945 гг. над их выпуском царской Россией в годы Первой мировой войны, а также ставшей впоследствии хрестоматийной цитатой о том, что «удельный вес поставок промышленных товаров союзниками в СССР по отношению к отечественному производству в период военной экономики составляет всего лишь около 4%»⁴⁹. Не использовались в книге и другие сведения из записки Яковлева — например, о том, что в годы войны и в послевоенные месяцы промышленность испытывала недостаток цветных металлов (меди, олова, свинца и т.д.). Это «держало под большим

⁴⁷ Там же, л. 338–348.

⁴⁸ Там же, д. 1077, л. 12.

⁴⁹ *Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны.* М., 1948. С. 76, 85.

напряжением нашу патронную промышленность и ставило её в зависимость от американских импортных поставок»⁵⁰.

Знал Вознесенский и о крайне низком качестве внешней отделки вооружения и боеприпасов, а также их упаковки. Такой подход к их производству в годы войны воспринимался как вынужденная мера: срок эксплуатации военной продукции в условиях боевых действий был ограничен, а масштабы расхода боеприпасов явочным порядком снимали вопрос об их длительном хранении. Однако с наступлением конверсионного перехода проблема выявилась во всей остроте. Яковлев отметил, что «оставшиеся от войны выстрелы не приспособлены для длительного хранения в войсках и на базах, так как не имеют антикоррозийного покрытия, герметичной упаковки взрывателей, средств воспламенения. Для этого требовалось большое количество краски, олифы, железа для укупорки». Глава ГАУ настаивал, чтобы заботу о переделке упаковки боеприпасов из бумажной в металлическую взяли на себя оборонные заводы. Относительно дальнейшего выпуска оборонной продукции позиция военных была категорична: производство вооружений и боеприпасов должно вестись в строгом соответствии с тактико-техническими требованиями мирного времени, а ГАУ должно обеспечиваться недостающими для комплекта элементами выстрелов и материалами «для приведения продукции в сносный для длительного хранения вид»⁵¹.

Озабоченность качеством хранения боеприпасов, произведённых и упакованных в период войны, представители Министерства вооружённых сил высказывали и в дальнейшем. В записке, направленной 7 июля 1946 г. начальнику управления оборонной промышленности Госплана Кирпичникову за подписью заместителя начальника ГАУ П.П. Чечулина, сообщалось о неудовлетворительных условиях хранения в войсках, на складах и базах 82мм мин. Их всё так же держали в деревянных лотках, изготовленных в годы войны и не отвечавших условиям длительной эксплуатации и складского хранения. Предлагалось заменить деревянную тару на металлическую, передав изготовление таковой в гражданский сектор — на завод «Полиграфмаш» Министерства машиностроения⁵².

Конверсионный переход проявлялся не только в загрузке освобождавшихся мощностей оборонных предприятий, но и в снятии с гражданских ведомств военных заказов с последующей их передачей на профильные оборонные заводы. Если в Госплане такой подход понимали как необходимое условие, то для Министерства вооружённых сил как заказчика отраслевая принадлежность исполнителя принципиальной разницы не имела. Вероятно, по инициативе плановиков прорабатывался, например, вариант передачи выпуска артиллерийских систем М-42, ЗИС-2, ОБ-25 с передками в Наркомат вооружения. Весной такое предложение поступило Устинову в виде записки из Госплана. О том, что документ стал результатом согласований плановиков с военным заказчиком, свидетельствуют подписи начальника ГАУ Яковлева и начальника отдела вооружений Госплана Г.Н. Пашкова. Ранее передки к артиллерии изготавливали гражданские предприятия. Такая практика сложилась в годы войны и вполне устраивала НКВ. Вследствие этого Устинов отреагировал категорическим отказом. В ответном письме в Госплан от 9 апреля 1946 г. он обосновал свою

⁵⁰ РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 1077, л. 111.

⁵¹ Там же, л. 105–107.

⁵² Там же, л. 1068, л. 297.

позицию тем, что «размещение производства передков на завод НКВ приведёт неминуемо к излишним задержкам в сдаче, отправке и оплате артсистем на его предприятиях»⁵³.

Как уже отмечалось, в Госплане имели возможность получать информацию о том, как предприятия оборонных наркоматов адаптируются к работе в мирное время, не только от руководителей данных ведомств, но и от представителей плановых органов в регионах, обязанных фиксировать промежуточные результаты конверсии и настроенных более критично. Судя по содержанию их отчётов⁵⁴, испытывали проблемы заводы Наркомата вооружений, продукция которых (боеприпасы, стрелковое оружие, артсистемы) попала под серьёзные сокращения. Если в апреле 1945 г., когда был достигнут наибольший выпуск военной продукции за период войны, они изготовили вооружения на 980,4 млн руб., то уже в июне этот показатель снизился более чем на треть — до 634 млн, а в октябре составил 372,2 млн. При этом падение не компенсировалось ростом гражданского производства. Так, на заводе № 4 в первом квартале 1945 г. оно превышало запланированные показатели более чем втрое, однако в мирный период (третий квартал) получилось выполнить только 91% плана, причём оказались провалены задания по всем видам изделий мирного назначения, от насосов для нефтяных скважин до утюгов и мясорубок. При этом в 1946 г. завод должен был увеличить выпуск предметов гражданского назначения вдвое⁵⁵. По отдельным видам заказов военных изделий производство сокращалось ещё более стремительно. Например, на заводах стрелкового вооружения выпуск в октябре 1945 г. составил 16% от апрельских показателей⁵⁶.

Предполагалось, что мощности предприятий НКВ во втором квартале будут загружены за счёт освоения нефтяного, трикотажного, транспортного оборудования. Однако от представителей с мест Госплан получал информацию, что промежуточные результаты конверсионного перехода далеки от ожидаемых. Можно предположить, что на основе именно таких источников и составлялась докладная записка от 16 февраля 1946 г. (подписанная Кирпичниковым) «О ходе освоения освобождённых от военных заказов мощностей для производства гражданской продукции на заводах НКВ в 1945 г.»⁵⁷. Документ направили Берии как заместителю председателя СНК СССР. В нём констатировалось: итоги 1945 г. свидетельствуют, что «работа НКВ по освоению гражданских изделий ещё недостаточна». В четвёртом квартале разрыв между гражданским и военным выпуском составил более 20% (в пользу последнего). Освободившиеся при сокращении военной программы мощности использовались в гражданском производстве только на 30%.

Судя по содержанию документа, в Госплане полагали: причины проблемы как объективные (переходный период адаптации к работе в мирное время), так и субъективные, а именно, позиция руководства Наркомата и директорского корпуса. Намакалось на формализм в работе последних: они стремились отчитаться теми видами гражданской продукции, выпуск которых не требовал

⁵³ Там же, л. 319.

⁵⁴ Там же, л. 338–348.

⁵⁵ Шевченко В. Н. Конверсия военно-промышленного производства в первые послевоенные годы (1945–1946 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. История и политические науки. 2009. № 2. С. 116.

⁵⁶ РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 1068, л. 334.

⁵⁷ Там же, л. 330–334.

серьёзных технологических и организационных решений, тогда как освоение более сложного в изготовлении оборудования (нефтяного, транспортного) откладывалось. На 9 заводах из 10 отмечалось снижение заработной платы. В течение года средний оклад рабочего в отрасли сократился на 17%, составив 2258 руб. за четвёртый квартал 1945 г.

Ответственность за сложившуюся ситуацию распределили поровну между Наркоматом, где «отсутствовало повседневное руководство делами перестройки заводов», и директорами заводов. На последних возложили вину за несвоевременное проведение организационно-технических мероприятий, «обеспечивающих не только освоение изделий, но и гарантирующих рентабельную работу заводам и нормальный заработок рабочим». Можно предположить, что Вознесенский (а без согласования с ним такой документ не мог быть направлен в секретариат Берии) рассчитывал на административное давление в отношении Устинова. По крайней мере, в записке содержалась просьба заслушать отчёт наркома о «ходе освоения освобождённых от военных заказов мощностей для производства гражданской продукции» на заседании оперативного бюро СНК. Однако Берия ограничился резолюцией: «Тов. Устинову Д.Ф. для принятия мер». Вполне возможно, что он, не один год соперничая с Вознесенским за влияние на Сталина⁵⁸, просто решил не «подыгрывать» Госплану.

Как в таких случаях поступал Вознесенский? Исходя из содержания ведомственной переписки Госплана, можно говорить о том, что он предпочитал обращаться к руководителям ведомств через своих заместителей. Те давали распоряжения начальникам отраслевых отделов, которые доводили позицию Госплана до конкретного министерства с указаниями на выявленные в ходе проверки недочёты на заводах. Например, ознакомившись с запиской уполномоченного Госплана по Владимирской обл. Л. Лебединского, Вознесенский поручил своему первому заместителю Сабурову довести выявленные на заводах боеприпасов проблемы до сведения наркома, а тот дал поручение Кирпичникову выйти на Устинова⁵⁹. Для руководителя Наркомата это был сигнал, что в отрасли есть проблемы, их выявили и доложили в правительство, нужно срочно принимать меры во избежание оргвыводов.

Через уполномоченных центральный аппарат Госплана определял содержание информационных потоков, поступающих плановикам в виде отчётов с мест. Тематика таких документов даёт представление о вопросах, которые в первую очередь интересовали ведомство Вознесенского. Например, в феврале 1946 г. его уполномоченные проверяли положение с кадрами и практику установления норм выработки для рабочих на патронном заводе № 710. На заводе стрелкового вооружения № 2 изучалась непростая ситуация с выпуском изделий мирной продукции в 1945 г. Как показали результаты проверок, администрации обоих предприятий не смогли адаптироваться к вызовам конверсионного перехода (отмена сверхурочных работ, сокращение кадрового состава, повышение требований к качеству продукции, сокращение фондов на сырьё и материалы), лишившись преимуществ военных лет. В итоге падение валового выпуска в мирные месяцы на заводе № 2 составило более 40% (сравнивались третий квартал 1944 и 1945 гг.)⁶⁰.

⁵⁸ Хлевнюк О.В. Советская экономическая политика... С. 82; Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир... С. 43.

⁵⁹ РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 1068, л. 338.

⁶⁰ Там же, л. 338–347.

Основная вина, согласно докладу, лежала на руководстве Наркомата и администрации завода. В случае с заводом № 710 от НКВ к началу 1946 г. так и не поступило заданий ни по гражданской, ни по оборонной продукции. Завод № 2 такое задание в июне 1945 г. получил, однако администрация не разработала организационно-технические мероприятия по переходу на новые виды изделий⁶¹. Такое поведение в Госплане трактовали как нежелание заниматься выпуском изделий по заданной номенклатуре. Завод производил изделия ширпотреба, изготавливать которые «могла любая артель промкооперации» (протезные шины, мясорубки, телефонные катушки). В результате фрезерное оборудование, составлявшее 40% наличного парка завода, простаивало⁶².

Вместе с тем факты массового простоя станков на военных заводах не мешали руководителям ведомств стремиться сохранить такой же широкий доступ к ресурсам, который они имели в годы войны. Сокращение фондов на материалы, оборудование и рабочую силу воспринималось ими болезненно, и они продолжали ссылаться на директивы, принятые под воздействием чрезвычайных обстоятельств. К примеру, руководство Наркомата вооружения вполне устраивало постановление ГКО № 4347 от 16 октября 1943 г., разрешавшее всё оборудование, изготавливаемое подведомственными предприятиями, оставлять в его распоряжении. Когда же в Госплане при составлении баланса распределения оборудования на третий квартал 1945 г. решили изъять у заводов НКВ в пользу других ведомств до 70% изготавливавшихся станков, это вызвало протест со стороны Устинова⁶³.

Руководство Госплана и интересы ВПК: сопротивление конверсионному переходу (1947–1949). Исходя из содержания заявок, поступавших в Госплан от военно-промышленных министерств, можно говорить о том, что последние рассчитывали отыграть возникшие в процессе конверсионного перехода потери. В качестве необходимых условий для реализации производственной программы представители ВПК указывали на увеличение капиталовложений, перераспределение в свою пользу трудовых ресурсов (рабочих и инженерно-технического персонала), увеличение фондов на материалы и оборудование. Такая позиция противоречила самой идее конверсии, которую отстаивал Госплан, стремившийся к сбалансированности экономики. В книге «Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны» Вознесенский отметил, что «переход к мирной экономике осуществляется путём использования большей части военных и производственных мощностей для восстановления и развития народного хозяйства... Сотни крупнейших предприятий, занятых в период Отечественной войны военными заказами, переключаются на производство оборудования для тяжёлой промышленности и транспорта, для производства тракторов, сельскохозяйственных машин и удобрений и для производства предметов широкого потребления»⁶⁴.

В конце ноября 1946 г. глава Госплана получил из сводного отдела записку, из содержания которой становилось очевидным, что представители военно-промышленных министерств настроены на сокращение производства гражданской продукции и выполнение прежде всего оборонного заказа. Их сторону взяли и профильные отделы ведомства (авиационный, вооружения и т.д.).

⁶¹ Там же, л. 348.

⁶² Там же, л. 336–337.

⁶³ Там же, л. 338, л. 240.

⁶⁴ Вознесенский Н.А. Указ. соч. С. 177.

В сводном отделе выражали особенное недовольство позицией Министерства авиапромышленности и курировавшего его профильного отдела. Предложенный ими проект плана на 1947 г. «направлен, по существу, к вытеснению производства гражданской продукции с предприятий авиапрома». Если в 1946 г. от авиационных заводов ожидалось выполнение «гражданского» плана в объёме 2,2 млрд руб., то в проекте на 1947 г. — лишь 1,6 млрд, вдвое меньше, чем предусматривал пятилетний план на этот год. Более чем в два раза представители ведомства снизили показатели по машиностроительной продукции для сельского хозяйства: электромоторам и двигателям для комбайнов. Программу по сельхозмашинам полностью аннулировали. Согласно пятилетнему плану авиапром должен был произвести в 1947 г. 46,9 тыс. электродвигателей мощностью до 100 квт, 10 тыс. моторов для комбайнов. Отдел авиапромышленности Госплана, учтя интересы ведомства, снизил задание соответственно до 21,6 тыс. и 4 тыс.⁶⁵

Такая же ситуация сложилась и с корректировкой планирования производства ширпотреба. Минавиапром рассчитывал полностью снять со своих предприятий сборку велосипедов, холодильников и пылесосов. Так же поступило и Министерство вооружения с выпуском коньков. Министерства машиностроения и приборостроения урезали план по выпуску кроватей и часов. В ноябре 1947 г. министерства вооружённых сил и транспортного машиностроения представили согласованную заявку на вооружение и бронетехнику на 1948 г. Она существенно превышала план 1947 г. Заказ танков и самоходных артиллерийских установок вырос с 1150 до 4350 единиц, артиллерийских снарядов всех калибров — с 2061 тыс. до 6519,5 тыс. штук. Госплан высказался категорически против. Как отмечалось в одной из докладных записок, для удовлетворения потребностей Министерства вооружённых сил потребовалось бы перераспределить в пользу «оборонки» в 2–3 раза больше проката чёрных металлов, азотной и серной кислоты, пиломатериалов⁶⁶. Обобщив проекты производственной программы на 1947 г., сводный отдел Госплана предложил отвергнуть подобные предложения, «так как они направлены на срыв заданий пятилетнего плана по производству товаров широкого потребления». Вознесенский встал на сторону критиков оборонных министерств и поставил резолюцию: «Членам Госплана. Прошу обратить внимание на записку тов. Иванова. Считаю его предложения правильными. Их необходимо принять. 3.12.1946 г.»⁶⁷.

Позиция Вознесенского повлияла и на составление «Мобилизационного плана по производству порохов и взрывчатых веществ», направленного в бюро Совета министров СССР 23 мая 1947 г. Данный материал первым исследовал Н.С. Симонов. Опираясь на его выводы, полагаю, что это был ключевой уровень согласований ведомственных интересов. По результатам обсуждения в бюро аппетиты представителей ВПК оказались существенно урезаны (как и настаивало руководство Госплана). Например, запрос Министерства химической промышленности СССР на реконструкцию военно-химических заводов в 1948–1955 гг. бюро сократило с 2,7 млрд до 1,8 млрд руб. Количество строящихся пороховых заводов сократили вдвое (с шести до трёх)⁶⁸.

⁶⁵ РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 1558, л. 318.

⁶⁶ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс... С. 199.

⁶⁷ РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 1558, л. 317.

⁶⁸ Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс... С. 198.

В процессе корректировки годовых планов в Госплане проводились совещания по разногласиям с министерствами. Позиция руководителей ВПК определялась стремлением не допустить повышения плана выпуска продукции или перехода на новые виды изделий без максимального обеспечения ресурсами. Они также добивались сокращения обязательств по тем или иным видам гражданской продукции, стремясь переложить это бремя на предприятия необоронного профиля. Содержание материалов, которые поступали в Госплан от наркоматов/министерств по поводу корректировки проектов планов, показывает, что предметом разногласий могли стать любые показатели⁶⁹. Соответственно, ведомственный интерес заключался в том, чтобы сделать обязательства по плану менее обременительными, а условия их выполнения — более комфортными. Достижение данной цели позволяло ведомствам формировать отчёты с максимально позитивными результатами, которые, в свою очередь, должны были повлиять на оценку работы ВПК Госпланом и правительством.

При этом комиссии по разногласиям и руководству Госплана предстояло выработать итоговое предложение для правительства по утверждению параметров плана. Но, как свидетельствуют документы, между Госпланом и военными промышленными ведомствами шла регулярная «борьба за цифры». Как правило, плановики не соглашались с желанием «оборонки» получить преференции. Однако Госплан тяготел к поиску компромиссов. Доказательством этому служит, например, окончательный вариант проекта «О восстановлении и развитии народного хозяйства на 1950 г. по военным и специальным отраслям промышленности». Комиссия по разногласиям подготовила его 2 декабря 1949 г. К этому времени представители ВПК добились определённых послаблений: пересмотра в сторону снижения первоначального варианта Госплана по выпуску эсминцев и крейсеров (на 30%) и освобождения двух заводов министерств судостроительной промышленности и транспортного машиностроения от производства подводных лодок (предприятия не могли быть обеспечены в необходимом количестве комплектующими материалами с других заводов). Министерству авиационной промышленности снизили на 18% план выпуска реактивных двигателей ВК-1. Министерству транспортного машиностроения, ответственному за выпуск бронетехники, сократили программу по бронекорпусам для бронетранспортёров, передав заказ в Министерство строительного и дорожного машиностроения. Отказались и от идеи обязать Министерство тяжёлого машиностроения создать на Уральском машиностроительном заводе мощности для выпуска 150 артсамоходов и бронетранспортёров⁷⁰.

В то же время задача Госплана заключалась в обеспечении определённого баланса ведомственных интересов. Если, с точки зрения плановиков, военные промышленные министерства предъявляли завышенные требования, угрожавшие выполнению общего народнохозяйственного плана, они получали отпор. Так, при уточнении параметров на 1951 г. Госплан столкнулся с противодействием руководства авиапрома по целому ряду позиций. Министерство предлагало цифры по выпуску продукции гражданского назначения ниже тех, на которых настаивал Госплан (в отдельных случаях — до 80%). Например, пла-

⁶⁹ В список согласований включались производство (валовое, товарное, в натуральном выражении); поставки по кооперации другим министерствам; труд и кадры (выработка на одного рабочего в оптовых ценах предприятий, численность рабочих, ИТР, служащих, фонд зарплаты); себестоимость; капитальное строительство.

⁷⁰ РГАЭ, ф. 4372, оп. 97, д. 93, л. 1.

новики ставили отрасли задачу произвести 5 тыс. холодильников, а ведомство считало приемлемым план в пять раз меньше, задачу производства оборудования для обувной промышленности же вообще отвергло. При разборе этих материалов комиссия приняла вариант Госплана, обосновав решение «потребностями народного хозяйства и имеющимися мощностями»⁷¹. Не оказалось в проекте плана и выпуска электрочайников, хотя годом раньше министерство отчиталось о производстве 10 тыс. штук. В Госплане обратили внимание и на это, дав авиапрому такое же задание на 1951 г.⁷²

Как следует из имеющихся материалов, военно-промышленные министерства старались не обременять себя обязательствами по производству гражданских товаров. С другой стороны, при обсуждении вопроса о распределении ресурсов (капиталовложений и рабочей силы) позиции Госплана и военно-промышленных министерств менялись местами. В проекте плана на 1951 г. руководство авиапрома предлагало увеличить численность рабочих с 375 тыс. до 405 тыс. человек. Плановики снизили эту цифру до 397 тыс. Если в авиапроме рассчитывали получить 1790 специалистов с высшим образованием, то их визави соглашались только на 1130, мотивируя тем, что такую потребность удовлетворить невозможно, поскольку она превышает численность выпускников соответствующих специальностей в вузах⁷³.

Итак, совокупность имеющихся фактов даёт основание говорить о существенной роли, которую играл Госплан в разработке и проведении конверсии в военной промышленности во второй половине 1945 — начале 1946 г.⁷⁴ Конечно, принятие принципиальных решений оставалось за Сталиным. Однако плановики обладали самой полной информацией о состоянии советской экономики, формируя на основе обобщённых данных пропорции развития народного хозяйства. Благодаря этому Вознесенский имел серьёзный административный, а главное, информационный ресурс для участия в управлении экономикой.

Первые директивы высших органов власти, прежде всего ГКО, показывают, что видение того, как будет осуществляться конверсионный переход, складывалось постепенно. Требовалось время, чтобы собрать информацию с мест, изучить возможности военно-промышленных ведомств, составить планы производства гражданской продукции по каждому из них, распределить материально-технические и кадровые ресурсы. Поэтому Госплан становился объектом давления, получая массу жалоб на несправедливое распределение фондов, сокращение капиталовложений, увеличение производственной программы. Утверждение, что предприятия отказывались сотрудничать с плановыми органами⁷⁵, не выдерживает критики. Документы свидетельствуют о прямо противоположной ситуации, и дело тут не в желании администрации предприятий. Работа уполномоченных Госплана в регионах делала такое сотрудничество неизбежным. Ведомство также выступало модератором межведомственных отношений, имея возможность поддержать одни просьбы и отвергнуть другие. Фактически Госплан располагал широкими возможностями влияния на принятие важных хозяйственных решений, и период руководства им Вознесенского можно считать пиком влияния этой структуры.

⁷¹ Там же, оп. 98, д. 219, л. 32–33, 37–38, 40, 43.

⁷² Там же, д. 220, л. 63–64.

⁷³ Там же, д. 219, л. 43.

⁷⁴ РГАСПИ, ф. 644, оп. 2, д. 506, л. 74–85.

⁷⁵ *Edele M. Stalinist society...* P. 196.

Злоупотребление и взыскание: коррупция региональных руководителей СССР в 1946–1952 гг.

Алексей Федоров

Misuse and punishment: corruption of regional leaders of the USSR in 1946–1952

Aleksey Fedorov
(Chelyabinsk State University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X23050073, EDN: OXDWET

Проблема коррупции привлекает исследователей, занимающихся разными периодами отечественной истории. Её изучение позволяет не только выявить дефекты в работе государственной машины в определённую эпоху, но и уточнить специфику и состояние всей системы власти и общества. За последние десятилетия появилось немало публицистических материалов¹ и научных работ на тему коррупции в СССР в первые послевоенные годы. Значительная их часть касается отдельных случаев правонарушений партийных, советских и хозяйственных руководителей² или распространённых среди номенклатурных работников злоупотреблений (снабжение сверх лимитов, «самоснабжение» и т.п.)³. Самостоятельными направлениями стало изучение злоупотреблений чиновников разного уровня во время денежной реформы 1947 г.⁴, коррупции

© 2023 г. А.Н. Федоров

¹ Выделяются материалы о коррупции в период «позднего сталинизма», которые регулярно публиковал журнал «Коммерсантъ Власть». См., например: *Жирнов Е.* «Члены Верховного суда брали взятки» // *Коммерсантъ Власть*. 2008. № 31. С. 54–58; *Жирнов Е.* «В разбазаривании государственного имущества и излишествах повинны руководители Белоруссии» // *Коммерсантъ Власть*. 2010. № 44. С. 64–69; *Жирнов Е.* «Особая бесхозяйственность» // *Коммерсантъ Власть*. 2010. № 45. С. 64–69.

² *Говоров И.В.* Коррупция в условиях послевоенного сталинизма (на материалах Ленинграда и Ленинградской области) // *Новейшая история России*. 2011. № 1. С. 66–81; *Кимерлинг А.С.* Особенности провинциальной советской коррупции в 1946–1953 годах на материале Молотовской области // *Вестник Пермского университета. Сер. История*. 2012. Вып. 3. С. 101–108; *Лейбович О.Л.* В городе М: очерки социальной повседневности советской провинции. Изд. 2. М., 2008. С. 72–113; *Сушков А.В.* Власть и коррупция: привилегированная жизнь «челябинских вождей» во второй половине 1940-х годов // *Новейшая история России*. 2018. № 1. С. 98–115; *Сушков А.В.* Власть и коррупция: руководство Красноярского края и дело о хищениях продукции на Красноярском заводе плодово-ягодных вин (1949 г.) // *Уральский исторический вестник*. 2011. № 3. С. 89–95; *Сушков А.В.* «Ленинградское дело»: генеральная чистка «колыбели революции». Екатеринбург, 2018; *Твердюкова Е.Д.* Злоупотребления при распределении американских подарков в Молдавской ССР (1944–1945 гг.) // *Русин*. 2018. № 4. С. 264–276.

³ *Твердюкова Е.Д.* «Немедленно отменить все незаконные формы снабжения»: обеспечение советской региональной номенклатуры товарами широкого потребления (1943–1947 гг.) // *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета*. 2015. № 21. С. 254–271; *Шалак А.В.* О социальном статусе советских руководящих кадров в 1940–1950-е гг. (на примере Восточной Сибири) // *Известия Иркутской государственной экономической академии*. 2013. № 3. С. 164–170.

⁴ *Болдовский К.А.* Денежная реформа 1947 г. и ленинградский партаппарат // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История*. 2013. Вып. 4. С. 175–184; *Твердюкова Е.Д.* Борьба со злоупотреблениями в ходе проведения денежной реформы 1947 г. // *Новейшая история России*. 2011. № 1. С. 45–53; *Чуднов И.А.* Денежная реформа 1947 года. Изд. 2. М., 2018. С. 236–243.

в правоохранительных органах⁵ и развития антикоррупционного законодательства⁶. Вместе с тем вышли исследования, в которых наряду с частными сюжетами поднимаются общие вопросы: причины, масштабы и формы коррупции в первые послевоенные годы, характер и методы борьбы с ней⁷.

Несмотря на значительную проработку темы, среди исследователей до сих пор нет единого мнения о размахе коррупции в позднесталинском СССР и эффективности противодействия ей. Одни специалисты полагают, что сталинская модель власти с помощью развитой системы контроля и репрессивных методов смогла свести коррупцию к минимуму. Другие отмечают, что именно при И.В. Сталине она приобрела системный характер, а борьба с ней не давала ощутимого эффекта⁸. Продолжаются споры и по вопросу об отношении к коррупции со стороны высшего руководства СССР. Здесь показательна дискуссия вокруг одного из важнейших внутривластных процессов эпохи — «ленинградского дела». Отдельные исследователи утверждают, что масштабные злоупотребления руководителей Ленинграда во время и после войны стали если не главной, то одной из основных причин их «падения» в 1949 г.⁹ Эта версия подразумевает, что центр жёстко и бескомпромиссно преследовал региональных руководителей за коррупцию. Однако анализ хода «дела» и его итоговых документов показал, что первичными и основными в нём оказались политические обвинения, а различные злоупотребления упоминались во вторую-третью очередь и использовались для отягощения вины фигурантов¹⁰. Следовательно,

⁵ Козинцев А.Я. Коррупционные преступления советских судей в 40-е годы XX века // Российский судья. 2017. № 6. С. 54–58; Тепляков А.Г. О коррупции в органах НКГБ–МГБ СССР 1940–1950-х гг. // Общество. Интеллигенция. Репрессии. Сборник статей к 60-летию профессора С.А. Красильникова. Новосибирск, 2009. С. 205–221; Шкаревский Д.Н. К вопросу о коррупции в Верховном суде СССР в конце 1940-х — начале 1950-х годов // История государства и права. 2016. № 22. С. 58–60.

⁶ Богданов С.В., Орлов В.Н. Особенности развития законодательства по борьбе с экономической преступностью в СССР 1945–1953 гг. // Современное право. 2010. № 10. С. 141–145; Дульнев М.В. Коррупция и борьба с ней в Советском государстве в 1917–1991 гг.: историко-правовое исследование. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; Касьянов В.С. Коррупция и борьба с ней в советской России // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. 2014. № 4. С. 16–25; Шанкина Л.Н. Антикоррупционное законодательство в годы советской власти // Экономика. Право. Общество. 2019. № 4. С. 72–79.

⁷ Никонорова Т.Н. Документы Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934–1952 гг.) как источник изучения экономической преступности в среде партийной номенклатуры. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2018; Хайнцен Дж. Искусство взятки. Коррупция при Сталине, 1943–1953. М., 2021; Хлевнюк О.В. Корпорация самозванцев. Теневая экономика и коррупция в сталинском СССР. М., 2023; Hooper C. A darker «Big Deal»: concealing party crimes in the post-Second World War era // Late Stalinist Russia: society between reconstruction and reinvention / Ed. by J. Fürst. L., 2006. P. 142–163.

⁸ Клинова М.А., Трофимов А.В. Феномен коррупции в послевоенном Советском Союзе: теоретические подходы и исследовательские практики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. Т. 18. 2018. № 4. С. 32–36.

⁹ Tromly B. The Leningrad affair and Soviet patronage politics, 1949–1950 // Europe–Asia Studies. Vol. 56. 2004. № 5. P. 707–729; Старков Б.А. Борьба с коррупцией и политические процессы в Ленинграде во второй половине 40-х гг. // Политика, общество, человек: к 85-летию доктора исторических наук, профессора А.З. Ваксера. СПб., 2008. С. 95–110; Сушков А.В. «Ленинградское дело»... С. 49–77, 158–159.

¹⁰ Болдовский К.А. Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». СПб., 2018. С. 179–248; Болдовский К.А., Бранденбергер Д. Обвинительное заключение «ленинградского дела»: контекст и анализ содержания // Новейшая история России. Т. 9. 2019. № 4. С. 993–1027.

коррупция привлекала внимание высшего руководства не сама по себе, а в связи с политической целесообразностью.

Данная статья призвана внести ясность в дискуссионные вопросы при помощи анализа коррупции среди советских управленцев регионального уровня — первых секретарей ЦК и обкомов компартий союзных республик, крайкомов и обкомов ВКП(б), председателей советов министров союзных и автономных республик, крайисполкомов и облисполкомов. Ключевые задачи состоят в том, чтобы выявить масштабы и виды коррупционных действий региональных чиновников и выяснить отношение центра в лице ЦК ВКП(б) к их злоупотреблениям. Основной источник исследования — делопроизводственная документация ЦК партии за 1946–1952 гг., в частности постановления Секретариата ЦК и материалы к ним.

Прежде всего следует уточнить терминологию. В сталинский период слово «коррупция» использовалось только в научной литературе и публицистике для описания капиталистических реалий, а в официальных и делопроизводственных документах партийных и советских органов не употреблялось¹¹. Различные действия руководителей в корыстных целях, как правило, обозначали термином «злоупотребление служебным положением», заимствованным из Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. (ст. 109). Изредка употреблялись и такие дефиниции уголовного права, как присвоение и растрата (ст. 116), взятки (ст. 117) и хищения (ст. 127). Однако если речь шла о незаконных деяниях высокопоставленных лиц, то использовались более расплывчатые формулы («незаконное премирование», «незаконное получение», «незаконное расходование», «нарушение государственной дисциплины») или слова, лишённые малейшего намёка на совершённое преступление. Так, взятки именовались подарками, хищения — самоснабжением, а растраты и нецелевое расходование средств — излишествами. Таким образом, проступки крупных руководителей изначально выводились из правовой сферы в область партийной дисциплины, и за них полагалось не уголовное наказание, а партийное взыскание.

Точно определить масштабы коррупции среди региональных руководителей затруднительно, поскольку все выявленные злоупотребления рассматривались в ЦК ВКП(б) индивидуально и специально не учитывались. Самые общие сведения можно почерпнуть из документов Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (КПК). В частности, Т.Н. Никонорова выяснила, что в 1947–1952 гг. бюро КПК вынесло 1131 решение о наложении взысканий на коммунистов, из которых 40% касались экономических злоупотреблений. Но исследовательница не указала, какие должности занимали эти лица¹². Пришлось обратиться к постановлениям Секретариата ЦК, в обязанности которого помимо прочего входил разбор проступков региональных руководителей. Анализ этих решений позволил установить, что с января 1946 г. по сентябрь 1952 г. фигурантами дел о злоупотреблениях стали не менее 123 региональных руководителей¹³ (причём 25 — дважды). Из них 75 человек являлись первыми секретарями крайкомов и обкомов ВКП(б) и председателями облисполкомов

¹¹ Касьянов В.С. Коррупция и борьба с ней... С. 17.

¹² Никонорова Т.Н. Документы Комиссии партийного контроля... С. 72.

¹³ В этот подсчёт не вошли региональные руководители из числа главных фигурантов «ленинградского дела», поскольку в рассмотрении их злоупотреблений Секретариат ЦК ВКП(б) практически не участвовал.

и советов министров автономных республик и областей в составе РСФСР¹⁴. Если учесть, что за указанный период партийными и советскими региональными руководителями в республике побывало 348 человек, то получается, что в злоупотреблениях уличили каждого пятого из них.

Информацию о злоупотреблениях региональных руководителей ЦК ВКП(б) получал из нескольких источников: заявлений граждан, докладных записок собственных подразделений, материалов контрольных органов, прокуратуры, МВД и МГБ и сообщений региональных комитетов партии.

Заявления стали основой для половины всех дел, рассмотренных Секретариатом¹⁵. Из примерно сотни заявлений, проанализированных при подготовке данной статьи, только семь были адресованы Сталину. Они поступили в особый сектор ЦК, где их отобрали из сотен тысяч других писем и представили заведующему сектором А.Н. Поскрёбышеву¹⁶. Три заявления он сразу переслал в Секретариат, а о четырёх¹⁷ доложил «вождю», который распорядился направить их на рассмотрение другим секретарям ЦК. Основная масса заявлений поступала на имя Г.М. Маленкова (первая половина 1946 г., осень 1948 — осень 1952 г.) и А.А. Жданова (лето 1946 — лето 1948 г.), председательствовавших на заседаниях Секретариата, и лишь изредка другим руководителям, в частности секретарю ЦК А.А. Кузнецову и заместителю председателя КПК М.Ф. Шкирятову.

Такого рода заявления получали также Л.П. Берия, В.М. Молотов и Н.М. Шверник, но поскольку рассмотрение компроматов на региональных руководителей не входило в их компетенцию, они отсылали письма Маленкову или Жданову. Последнее обстоятельство имело значение, так как заявления, поступающие в общем порядке, обычно оседали в отделах ЦК и затем высылались оттуда «на рассмотрение» в те региональные комитеты, о руководителях которых шла речь. Интересно, что осведомлённые об этой практике заявители предпочитали обращаться не к самим высоким лицам, а к их секретарям. Так, авторы анонимного письма на бывшего первого секретаря Новосибирского обкома поведали помощнику Маленкова Д.Н. Суханову следующее: «Мы писали об этом своевременно, но говорят у него там рука т.т. Дедов¹⁸ и прочие и решили написать Вам наверняка. Вы доложите т. Маленкову»¹⁹.

В стремлении «достучаться» до руководителей партии некоторые заявители обращались в ЦК ВКП(б) неоднократно, на протяжении многих месяцев и даже лет. Так, заявления о проступках первого секретаря Курского обкома, написанные одним человеком, получили в ЦК в июне и июле 1948 г., а также

¹⁴ В 1946–1952 гг. в РСФСР насчитывалось от 74 до 78 регионов.

¹⁵ О потоке заявлений в ЦК ВКП(б) можно судить по данным за 1947 г. В том году Технический секретариат Оргбюро зарегистрировал 57 566 писем и заявлений, из которых 3914 (6,8%) содержали компрометирующие сведения на отдельных лиц и организации, жалобы на методы руководства, нарушение партийной демократии и законности (РГАСПИ, ф. 17, оп. 121, д. 631, л. 212–215).

¹⁶ Подробнее о систематизации заявлений, поступающих в ЦК см.: Последние письма Сталину. 1952–1953 гг. Реконструкция документального комплекса. М., 2015. С. 9–10.

¹⁷ В данных заявлениях говорилось о недостатках в руководстве Бурят-Монгольского обкома, разложении руководства Челябинского обкома, строительстве домов партийными и советскими работниками Армении, «порочащих сведениях» на бывшего председателя Краснодарского крайисполкома (РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 873, л. 118; д. 877, л. 3; д. 878, л. 52; д. 879, л. 26).

¹⁸ Афанасий Лукьянович Дедов — в 1948–1951 гг. заместитель заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б), фактически его руководитель.

¹⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 657, л. 3 об.

в марте 1949 г. Четыре заявления поступили в мае—декабре 1950 г. на первого секретаря Адыгейского обкома. Но «рекордсменами» оказались руководители Молдавской ССР, на которых в марте—сентябре 1951 г. подали одно подписанное и пять анонимных писем.

Посылая письма по несколько раз и разным адресатам, заявители надеялись, что хотя бы одно достигнет цели. Подобная настойчивость обычно давала положительный результат, поскольку в ЦК полагали, что большое количество «сигналов» само по себе свидетельствует о наличии злоупотреблений. Это хорошо видно на примере «дела» руководства Калининградской обл., которое началось с записки инструктора отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК (ОППКО) Д.А. Пушкина. В марте 1949 г. он сообщил Маленкову, что, будучи командированным на пленум обкома, «лично проверил имевшиеся в ЦК сигналы о растранижении государственных средств на банкеты и выпивки руководителей области», поступавшие в течение нескольких лет²⁰. Впрочем, реакция ЦК и её скорость часто зависели — помимо количества заявлений — от политической конъюнктуры. О её решающей роли свидетельствует, например, история писем о злоупотреблениях руководителей Псковской обл. Первое, поступившее в ноябре 1948 г., оставалось без движения полгода, зато на второе, полученное в апреле 1949 г., когда уже началось «ленинградское дело», отреагировали немедленно²¹.

В ЦК ВКП(б) одинаково относились к подписанным и анонимным заявлениям, поскольку их информативность и достоверность оказывалась в целом одинаковой²². Формально тех и других поступало примерно поровну, но фактически анонимными можно считать 80% всех заявлений. Дело в том, что лишь каждый пятый заявитель указывал свои личные данные (имя, отчество и фамилию, должность и место работы, адрес, номер телефона или партийного билета), по которым его можно было бы идентифицировать. Как правило, эти люди пострадали за критику или противодействие начальству и стремились добиться правды в ЦК. Остальные себя не назвали или указали фиктивную фамилию, поскольку являлись работниками партийных и советских органов и опасались преследований. В ряде заявлений об этом говорилось прямо: «Не подписываюсь, потому что такие вещи подписывать нельзя, и не знаю, попадёт ли оно к вам, товарищ Маленков, или может быть его направят прямо т. Б.»²³.

Следующим по значимости источником информации о коррупции региональных руководителей являлись докладные записки подразделений ЦК. По ним Секретариат распорядился провести почти 25% всех проверок. В основном записки поступали из КПК, которая аккумулировала материалы о злоупотреблениях на местах, и Управления делами, которое регулярно выявляло нарушения финансовой дисциплины в региональных комитетах²⁴. Соответствующие

²⁰ Там же, д. 329, л. 26—28.

²¹ Там же, д. 369, л. 228—230.

²² Из более сотни заявлений, проанализированных при подготовке статьи, только два (на первых секретарей Курского и Тульского обкомов) содержали сведения, полностью опровергнутые в ходе проверок. Факты из остальных подтвердились полностью или частично.

²³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 641, л. 79—79 об.

²⁴ При проверке бюджетной дисциплины в региональных комитетах Управление делами ЦК ВКП(б) выявило злоупотребления руководителей ЦК компартий Белоруссии (1947), Казахстана (1947) и Молдавии (1949), Красноярского и Хабаровского крайкомов (1946), Калужского (1946), Курского (1947) и Челябинского (1947, 1950) обкомов.

сведения поступали также из Управления кадров (в 1946–1948 гг.) и ОППКО (в 1948–1952 гг.), чьи сотрудники, проверяя работу крайкомов и обкомов, порой набирали солидный компромат на их руководителей. Так, сведения о «неблагополучном положении» в Главном управлении снабжения при Совете министров Белорусской ССР в 1946 г. представил инспектор ЦК ВКП(б) С.Б. Задонченко, возглавлявший проверку ЦК КП(б) Белоруссии. О том, что секретари обкома Еврейской автономной области в 1948 г. незаконно получили денежную помощь, стало известно благодаря инспектору Управления кадров ЦК Д.С. Полянскому, обследовавшему работу с кадрами в этом регионе²⁵.

Часть компрометирующих материалов поступала из контрольных и правоохранительных органов. Например, Министерство государственного контроля сообщило в ЦК о сверхлимитном получении одежды и обуви секретарями Чкаловского обкома (1946), незаконном приобретении вина руководством ЦК компартии Узбекистана (1948) и «подарках», которые регулярно получали с рыбозаводов хабаровские руководители (1949). По сообщениям Генеральной прокуратуры СССР привлекли к партийной ответственности руководителей Воронежской обл. за незаконное получение спирта и секретарей ЦК КП(б) Киргизии за покупку мебели по сниженной цене. Предложения о наказании региональных начальников иногда исходили от председателей республиканских и областных судов, разбиравших дела проворовавшихся директоров спиртзаводов²⁶. Эпизодически к разоблачению неблагоприятных поступков своих же бывших руководителей подключались и региональные комитеты партии. В этих случаях сценарий был следующим: новый первый секретарь обкома оперативно собирал и высылал в Москву компромат на предшественника. Так подготовили материалы на прежних руководителей Крымской, Псковской, Ярославской и Тюменской областей. К выявлению коррупционных действий порой подключалась и пресса²⁷.

Материалы о злоупотреблениях региональных руководителей, как и прочие компрометирующие материалы, рассматривались в несколько этапов. Предварительный разбор начинался с указания секретаря, председательствовавшего на заседаниях Секретариата, разослать полученное им заявление или докладную записку на ознакомление остальным секретарям и Шкирятову. Затем материалы обсуждали на заседании Секретариата и в большинстве случаев принимали стандартное решение — «произвести необходимую проверку». До июля 1948 г. эту работу Секретариат обычно поручал КПК, но после реорганизации аппарата ЦК появилось три варианта. Чаще всего поручение получала КПК, но если помимо злоупотреблений шла речь и об иных недочётах и ошибках, то проверку производил ОППКО. Сигналы о масштабных злоупотреблениях эти подразделения проверяли совместно. Иногда к ним подключались и отрасле-

²⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 117, д. 624, л. 49; оп. 118, д. 112, л. 98–99.

²⁶ В мае 1949 г. председатель Верховного суда Кабардинской АССР А.И. Наурзоков сообщил Маленкову, что секретари Кабардинского обкома незаконно получали спирт с Котляревского спиртозавода. В июне 1949 г. председатель Новосибирского областного суда К.В. Сидоров, разбиравший дело Красноярского мясопромптреста, предложил ЦК послать в Красноярск специальную комиссию для проверки деятельности краевых организаций.

²⁷ Так, редакция «Правды» направила в ЦК ВКП(б) письма своих корреспондентов о злоупотреблениях первого секретаря Витебского обкома КП(б) Белоруссии и руководителей Черновицкой обл. Украинской ССР, а корреспондент ТАСС Г.П. Раппопорт сообщил о незаконном приобретении меховой одежды руководителями Алтайского края.

вые отделы ЦК, в частности отдел лёгкой промышленности участвовал в проверках сведений о расхищении спирта. Такое разнообразие позволило разгрузить КПК, не справлявшуюся с огромным количеством поручений²⁸. С другой стороны, это предоставило Маленкову дополнительный рычаг воздействия на процесс рассмотрения компрометирующих материалов, поскольку именно он курировал работу ОППКО.

Докладные записки по итогам проверок поступали в Секретариат. Если факты подтверждались, то он поручал отдельным лицам или подразделениям в определённый срок рассмотреть имевшиеся материалы и доложить предложения. Как правило, этим занималась КПК, но с осени 1948 г. отдельные дела стали поручать Шкирятову и Дедову. В особых случаях (махинации первых секретарей региональных комитетов во время денежной реформы 1947 г., «ульяновское дело», «непорядки» в расходовании партийных средств в ЦК КП(б) Молдавии в 1949 г.) выяснением всех обстоятельств занималась комиссия в составе секретаря ЦК ВКП(б), представителей КПК и ОППКО.

Окончательное решение по делу Секретариат принимал после того, как получал от ответственных за разбор компромата лиц или подразделений итоговую докладную записку с предложениями, обычно оформленными в виде проекта постановления. Обсуждение предложений могло происходить как на заседании Секретариата, так и до него. Например, когда летом 1946 г. стало известно, что председатель Владимирского облисполкома «передал бесплатно» трофейное имущество руководителям обкома, между секретарями ЦК завязалась переписка. В ходе заочного обмена мнениями сошлись на предложении Кузнецова передать имущество обкому и не наказывать председателя²⁹. В проект постановления, подготовленный Управлением делами, внесли соответствующие коррективы и через пять дней утвердили его на заседании Секретариата³⁰.

Секретариат не всегда принимал поступившие предложения и часто налагал более мягкие наказания. Например, в декабре 1946 г. Шкирятов предложил «указать» секретарям Чкаловского обкома за приобретение большого количества одежды, однако Секретариат, сославшись на обещание провинившихся «навести порядок», не наложил даже такого взыскания³¹. Из рассмотренных нами случаев ужесточение наказания имело место только однажды. В феврале 1949 г. Секретариат в связи со «спиртовым делом» снял с должности первого секретаря Ульяновского обкома и по предложению КПК вынес ему выговор, но спустя неделю Политбюро исключило его из партии³².

В большинстве случаев материалы о злоупотреблениях Секретариат ЦК ВКП(б) разбирал за 3–3,5 месяца. Но из-за загруженности подразделений ЦК, широкого круга фигурантов, выявления новых фактов, конъюнктурных соображений и прочих обстоятельств рассмотрение дела могло затянуться на 5–6 месяцев и даже год.

²⁸ Подробнее см.: *Никонорова Т.Н.* Документы Комиссии партийного контроля... С. 78–81.

²⁹ Именно он в мае 1946 г. сообщил в ЦК ВКП(б) об «антисоветских высказываниях» секретаря Владимирского обкома А.К. Жигалова и оказался одним из немногих, кто остался на своём посту после чистки партийно-советского руководства области в начале 1947 г. (РГАСПИ, ф. 17, оп. 117, д. 616, л. 224).

³⁰ Там же, д. 643, л. 44–49.

³¹ Там же, д. 674, л. 142–143.

³² *Никонорова Т.Н.* Документы Комиссии партийного контроля... С. 192–195.

Документы Секретариата свидетельствуют о разнообразии злоупотреблений регионального руководства. Чаще всего они касались продовольствия. До денежной реформы первые секретари обкомов партии и председатели облисполкомов получали карточки по группе рабочих особого списка и бесплатные продуктовые лимиты на 1800–2000 руб. в месяц, которые отоваривали в закрытых магазинах. Также им полагались бесплатные завтраки, литерные обеды и второе питание³³. Но высокопоставленные клиенты этим не ограничивались и часто «брали такое количество продуктов, которое не вызывалось потребностями их семей». Так, первый секретарь Красноярского крайкома в 1945–1946 гг. получил продуктов сверх лимита на 58 593 руб.³⁴ Впрочем, такие «излишества» редко приводили к серьёзным взысканиям. Для этого требовалось не только набрать продуктов сверх меры, но и продать их по спекулятивной цене³⁵.

Партработники дополнительно получали продукты и питание за счёт партийного бюджета — по статье «Социально-бытовое обслуживание». Так, первым секретарям обкомов по данной статье полагалось 900–1500 руб. на полугодие, но столь скромные суммы не покрывали их потребности. Поэтому в 1945 г. на обслуживание первого секретаря Калужского обкома сверх положенного потратили 11,9 тыс., а на первого секретаря Марийского обкома за полгода израсходовали 30 тыс. руб.³⁶

Превышением продовольственных лимитов и норм по «соцбыту» дело не ограничивалось. Многие руководящие работники бесплатно получали продукты в ведомственных столовых, домах отдыха и подсобных хозяйствах, в столовых и магазинах промышленных предприятий и строительных организаций. Размеры некоторых таких «получек» впечатляют даже сегодня. Первый секретарь Пензенского обкома в первом квартале 1946 г. получил без оплаты 250 кг муки и крупы, 200 кг сахара и кондитерских изделий, 107 кг мяса и рыбы³⁷. Председатель Калининградского облисполкома в 1946–1948 гг. незаконно набрал продуктов примерно на 135 тыс. руб.³⁸ Иногда продукты доставлялись под видом подарков к праздникам. В Челябинске дюжина первомайских посылок для областных руководителей обошлась партийному бюджету в 14,4 тыс. руб., а в Калининграде в каждую праздничную посылку для первого секретаря обкома клали вина и съестного на 1500–2000 руб.³⁹

Вторым по значимости объектом служебных злоупотреблений выступал алкоголь. Региональные руководители эпизодически получали его с местных спиртовых, ликёро-водочных и винных заводов. В частности, до ЦК ВКП(б) дошла информация о том, что председатель Совета министров Мордовской АССР накануне 7 ноября 1947 г. получил «подарок» из шести литров крепких напитков, председателю Красноярского крайисполкома к 1 мая 1948 г. доста-

³³ Подробнее см.: Шалак А.В. О социальном статусе советских руководящих кадров... С. 164–166.

³⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 117, д. 648, л. 168.

³⁵ В 1945–1946 гг. 20 руководителей Литовской ССР получали продукты без ограничений, однако к партийной ответственности из них привлекли только заместителя председателя бюро ЦК ВКП(б) по Литве, жена которого продавала эти продукты на рынке (РГАСПИ, ф. 17, оп. 117, д. 652, л. 112–115).

³⁶ Там же, д. 641, л. 180–181; д. 665, л. 132–137.

³⁷ Там же, оп. 118, д. 714, л. 1–6.

³⁸ Там же, д. 380, л. 104–109.

³⁹ Там же, оп. 117, д. 924, л. 156–158; оп. 118, д. 329, л. 27.

вили на дом 11 бутылок спиртного, а председатель Витебского облисполкома в 1949 г. получил 50 л спирта и «более пяти» ящиков пива⁴⁰. Но такие факты ЦК занимали мало и взысканием завершались редко. Центр интересовали масштабные злоупотребления, такие как «ульяновское дело», по итогам которого десятки партийных и советских работников лишились не только должностей, но и партбилетов⁴¹. Однако это «спиртовое дело» не было единственным.

Весной 1948 г. Министерство государственного контроля установило, что в 1945–1947 гг. финансово-хозяйственный сектор ЦК КП(б) Узбекистана закупал в совхозах виноград, сдавал его на переработку и в итоге получил 65 131 л вина по 1 руб. за литр (при себестоимости 4–6 руб.). Это вино продавалось работникам ЦК Компартии, причём для секретарей и заведующих отделами литр обходился от 3 до 20, а для заместителей заведующих отделами и инструкторов — в 20–30 руб. (розничная цена составляла 55 руб. за литр). Самым крупным клиентом оказался первый секретарь ЦК, который купил 4720 л вина по цене 3–5 руб. за литр⁴². Подобные злоупотребления в 1949 г. выявили в Кабардинском, Воронежском и Северо-Осетинском обкомах, причём везде они происходили по одному сценарию. Финансово-хозяйственный сектор обкома с ведома первого секретаря приобретал спирт на спиртзаводе, в магазинах или спецполиклинике и по праздникам распространял среди обкомовских работников согласно ранжиру и по сильно заниженной цене. В Кабардинском обкоме такое практиковали в 1945–1946 гг., а в Воронежском и Северо-Осетинском — со времён войны, при этом партийные работники искренне полагали, что спирт являлся частью их снабжения. В итоге упомянутые обкомы «разбазарили» тысячи литров спирта, причём рекордсменами оказались их первые секретари, получившие от 20 до 150 л каждый⁴³.

Большое количество продуктов и алкоголя региональные управленцы потребляли на вечерах и банкетах, устраивавшихся за государственный или, реже, партийный счёт⁴⁴. Застолья происходили во время публичных мероприятий и торжественных приёмов, в дни официальных и частных праздников и, конечно, по выходным. Во что они обходились, видно по тому, что в январе 1948 г. на сессии Калининградского областного Совета организовали буфет с бесплатным ужином и выпивкой на 20 тыс. руб., а на вечер для руководителей Тюменской обл. в честь 7 ноября 1948 г. потратили 11 174 руб.⁴⁵ Обычно пиршества местных начальников были скромнее, но поскольку проходили регулярно, в ряде регионов на них ежегодно тратили десятки и даже сотни тысяч казённых рублей⁴⁶.

Ещё одно распространённое злоупотребление — «излишества» в приобретении промышленных товаров. С июля 1943 г. по декабрь 1947 г. для первых секретарей обкомов и председателей облисполкомов действовал лимит на

⁴⁰ Там же, оп. 118, д. 475, л. 170; д. 713, л. 213; д. 847, л. 26.

⁴¹ Подробнее см.: *Никонорова Т.Н.* Документы Комиссии партийного контроля... С. 185–200.

⁴² РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 147, л. 102–109.

⁴³ Там же, д. 579, л. 120–127; д. 580, л. 99–116; оп. 119, д. 161, л. 1–9.

⁴⁴ Это было связано с тем, что ревизии финансовой дисциплины в облисполкомов, крайисполкомов и Советах министров республик проводились гораздо реже, чем в региональных партийных комитетах.

⁴⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 329, л. 26–28; д. 674, л. 110–113.

⁴⁶ Там же, оп. 117, д. 617, л. 21–24; оп. 118, д. 636, л. 98–102.

снабжение промтоварами без карточек — 1 тыс. руб. в полугодие⁴⁷, но соблюдали его редко. Пользуясь своим положением, высокие чины нередко получали огромное количество вещей. Так, первый секретарь Чкаловского обкома за 1945 г. и 9 месяцев 1946 г. сшил себе 241 вещь за 50,5 тыс. руб., а председатель облисполкома — 173 вещи за 35,6 тыс.⁴⁸ Подобные нарушения происходили и на Алтае, но на «законном» основании — краевые руководители официально распорядились выдавать им промтовары неограниченно. В результате за год и девять месяцев только председатель крайисполкома заказал одежды и обуви на 37 326 руб. и купил десяток меховых вещей. Но вместо привлечения алтайских начальников к партийной ответственности ЦК ВКП(б) лишь ограничил их аппетиты, введя для них персональные промтоварные книжки на 3 тыс. руб. в квартал⁴⁹.

Наряду с продуктами и спиртом региональных руководителей очень занимал «квартирный вопрос». Соответственно своему статусу они получали просторное и благоустроенное служебное жильё. Так, первый секретарь Северо-Осетинского обкома с семьёй из семи человек проживал в квартире площадью 184 м², а первый секретарь Черновицкого обкома КП(б) Украины вместе с женой занимал 12 комнат. Тем не менее некоторые начальники старались получить жильё получше. До чего доходило это стремление, видно по действиям председателя Орловского облисполкома. В декабре 1943 г. при вступлении в должность он получил четырёхкомнатную квартиру, в сентябре 1944 г. переехал в отдельный дом, а в мае 1946 г. поселился в квартире на 184 м², хотя его семья состояла из трёх человек. В начале 1949 г. он распорядился возвести для себя особняк в центре города, строительство которого велось ускоренными темпами, а изначальная смета в 70 тыс. руб. быстро возросла до 200 тыс.⁵⁰ Все эти переезды и стройки вызывали недовольство горожан, многие из которых проживали в крайне стеснённых условиях. Справедливое возмущение вызвали и запросы первого секретаря Великолукского обкома. В 1949 г. для него построили дом на десять комнат площадью в 222 м², который обошёлся областному бюджету в 560 тыс. руб. Во избежание скандала в новом доме разместили детский санаторий, а первому секретарю стали возводить жильё скромнее — двухэтажный особняк на девять комнат, площадью 180 м² и стоимостью 492 тыс.⁵¹

Региональные чиновники проявляли тягу не только к служебным квартирам, но и к дачам. Новые дачи возводили редко, предпочитая за счёт партийного или государственного бюджета ремонтировать и обставлять мебелью имевшиеся. Но при желании можно было получить и новое, более просторное и удобное здание. Например, первый секретарь Челябинского обкома бесплатно пользовался дачей на 200 м², которую ему предоставил директор Кировского завода⁵². В свою очередь председатель Саратовского облисполкома в июне 1948 г. самовольно занял приглянувшиеся ему загородные дома, предназначенные для летнего отдыха детей инвалидов войны. Жалобы родителей в областную газету и обком партии результата не дали, и только учительница детей,

⁴⁷ Твердюкова Е.Д. «Немедленно отменить все незаконные формы снабжения»... С. 256.

⁴⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 117, д. 674, л. 137–141.

⁴⁹ Там же, д. 692, л. 155–157.

⁵⁰ Там же, оп. 118, д. 608, л. 98–99.

⁵¹ Там же, оп. 119, д. 2, л. 93–95.

⁵² Там же, оп. 118, д. 749, л. 197.

написавшая Жданову, добилась правды. ЦК ВКП(б) счёл поведение председателя «недопустимым», объявил ему выговор и предложил вернуть помещения⁵³.

В ряде документов Секретариата ЦК говорится о строительстве партийными и советскими работниками личных домов и дач⁵⁴, причём чаще всего это происходило в союзных и автономных республиках. Кроме того, служебное положение региональные руководители использовали для обеспечения жильём своих родственников. Так, первый секретарь Красноярского крайкома в 1946 г. распорядился предоставить сестре жены трёхкомнатную квартиру, его коллега из Калининского обкома в 1948 г. обеспечил брату квартиру в 53 м², а председатель Совета министров Молдавской ССР в 1950 г., стремясь сохранить служебную квартиру в Москве, прописал в ней родственницу⁵⁵.

Если улучшения жилищных условий добивались отдельные региональные руководители, то благоустройством служебных квартир за партийный или государственный счёт занимался каждый второй. Ремонт и оборудование их жилья всегда обходились недёшево, но если затраты становились грандиозными, то привлекали внимание как граждан, так и ЦК. Уровень допустимых расходов определялся субъективно. Ремонт 12-комнатной квартиры первого секретаря Черновицкого обкома стоимостью 20 тыс. руб. в ЦК восприняли спокойно, а 86 тыс. руб., потраченных на ремонт дома председателя облисполкома, квалифицировали как «излишества» и поставили ему на вид⁵⁶. Вместе с тем в Москве не придали значения тому, что на ремонт квартиры первого секретаря ЦК КП(б) Молдавии в 1950 г. потратили 167 тыс. руб., а ремонт квартиры и дачи первого секретаря Куйбышевского обкома в 1949–1950 гг. обошёлся в 400 тыс.⁵⁷ Такой избирательный подход прослеживается и по вопросу убранства служебных квартир. Если первый и второй секретари ЦК КП(б) Белоруссии без последствий истратили на оборудование своих квартир и дач 352,6 тыс. руб. из партийных средств, то бывший первый секретарь Новгородского обкома, проходивший по «ленинградскому делу», за покупку мебели на сумму 131 тыс. руб. получил строгое взыскание⁵⁸.

Проживание в больших квартирах предполагало солидные траты на коммунальное обслуживание, но первые секретари обкомов и председатели облисполкомов не особо заботились об этом. Некоторые из них оплачивали только часть коммунальных услуг или платили по заниженным расценкам. Так, первый секретарь Кемеровского обкома в 1946–1950 гг. заплатил за квартиру площадью в 124,5 м² всего 4400 руб., хотя расходы на её содержание составили 23 тыс.⁵⁹ Но гораздо чаще региональные руководители вообще не платили квартплату и амортизационные отчисления за мебель. Это касалось и служебных дач. Расплачиваться приходилось только в том случае, если информация о задолженности доходила до ЦК ВКП(б). Именно поэтому бывшему первому секретарю Челябинского обкома пришлось внести в партийную кассу 9955, а бывшему первому секретарю ЦК КП(б) Киргизии — 16501 руб.⁶⁰ Кроме того,

⁵³ Там же, д. 95, л. 18–27.

⁵⁴ См., например: Там же, оп. 117, д. 675, л. 98–100; д. 739, л. 143–144; оп. 119, д. 93, л. 201–204.

⁵⁵ Там же, ф. 17, оп. 117, д. 648, л. 169; оп. 118, д. 380, л. 98; оп. 119, д. 486, л. 106.

⁵⁶ Там же, оп. 118, д. 655, л. 111–114.

⁵⁷ Там же, оп. 119, д. 146, л. 161–163; д. 486, л. 105.

⁵⁸ Там же, оп. 117, д. 932, л. 212–216; оп. 118, д. 538, л. 158–162.

⁵⁹ Там же, оп. 118, д. 639, л. 93–114.

⁶⁰ Сушков А. В. Власть и коррупция... С. 100–102; РГАСПИ, ф. 17, оп. 119, д. 143, л. 68–69.

многие высокопоставленные квартиросъёмщики за счёт своего ведомства или сторонних организаций содержали прислугу. Например, первый секретарь Воронежского обкома семь лет пользовался услугами домработницы, что обошлось облисполкому в 18 тыс. руб. Первого секретаря Куйбышевского обкома продолжительное время обслуживали домработница, садовник, повар и парикмахер, тоже получавшие плату в облисполкоме⁶¹.

Довольно часто до злоупотреблений чиновников доводили автомобили. За первыми лицами региона обычно закрепляли несколько служебных машин, которыми пользовались они сами и члены их семей. Последнее возмущало рядовых граждан, для которых автомобиль ещё долгие годы оставался недостижимой роскошью, но ЦК ВКП(б) такие мелочи не интересовали. Там реагировали только тогда, когда выяснялось, что местные руководители ремонтировали и обслуживали личный транспорт за казённый и партийный счёт. После войны в стране появилось много трофейных автомобилей, и руководящие работники приобретали их самыми разными способами. Но техническое обслуживание частных автомобилей находилось в зачаточном состоянии, а гараж являлся роскошью даже большей, чем отдельная квартира, и приходилось пристраивать машины в гаражи обкомов и облисполкомов. Поэтому неудивительно, что проверки финансово-бюджетной дисциплины в 1945–1946 гг. показали существенный перерасход по статье «транспорт» как минимум в десяти обкомах. В таких случаях ЦК неизменно рекомендовал региональным руководителям сдать личные автомобили⁶².

Среди злоупотреблений, которые на Секретариате разбирались редко, следует назвать незаконную денежную помощь. Несмотря на солидные зарплаты (оклад в 2 тыс. руб. ежемесячно и доплаты в несколько тысяч после отмены карточного снабжения), региональные руководители без колебаний назначали себе доплаты и пособия, не предусмотренные законом или партийным бюджетом. Так, первый секретарь обкома Еврейской АО в 1948 г. получил 9 500, а председатель облисполкома — 4 200 руб.⁶³ Без раздумий руководители получали и премии, предназначенные для передовиков народного хозяйства. Например, первый секретарь Гурьевского обкома за успехи области в развитии животноводства в 1945 г. получил золотые часы и два отреза ткани, а первый секретарь ЦК КП(б) Казахстана — золотые часы⁶⁴. Подобных случаев было так много, что летом—осенью 1946 г. ЦК организовал специальную кампанию против премирования партработников.

Эпизодически в документах ЦК фигурируют неоправданно высокие гонорары за публикации в местных газетах и написание брошюр⁶⁵, а также незаконное получение документов о высшем образовании. Что касается вузовских дипломов, то в махинациях с ними в течение 1946–1952 гг. уличили трёх региональных управленцев, стремившихся соответствовать требованиям центра касательно уровня общеобразовательной подготовки. Здесь примечательна

⁶¹ Там же, оп. 118, д. 580, л. 53; оп. 119, д. 146, л. 161.

⁶² Там же, оп. 117, д. 620, л. 22–25; д. 654, л. 94; д. 885, л. 38–39.

⁶³ Там же, оп. 118, д. 112, л. 98–99.

⁶⁴ Там же, оп. 117, д. 625, л. 87–91.

⁶⁵ Так, первый секретарь Курского обкома получал за публикацию своих докладов на пленумах по 2–2,5 тыс. руб., первый секретарь Северо-Осетинского обкома за три года получил от местного издательства в качестве гонораров свыше 50 тыс. руб. (Там же, оп. 118, д. 608, л. 163; д. 687, л. 10).

история первого секретаря Марийского обкома, который с помощью директора педагогического института всего за полгода успешно прошёл шестилетний курс заочного обучения. Об этом невероятном достижении в ЦК сообщили возмущённые студенты, но история закончилась тем, что первый секретарь просто вернул диплом министерству⁶⁶. Служебное положение использовали и для получения учёных степеней. В частности, председатель Совета министров Молдавской ССР поручал подчинённым собирать материалы и содержал специального помощника для подготовки докторской диссертации⁶⁷. Случались и вовсе эксклюзивные злоупотребления. Собирая компромат на руководителей Псковской обл., работники КПК выяснили, что в 1947–1949 гг. на покупку золота для протезирования зубов первого секретаря обкома и его родственников израсходовали 6 175 руб. партийных средств⁶⁸.

Особого внимания заслуживают нарушения в ходе денежной реформы, по которым видно, насколько избирательными и вариативными оказывались наказания за одинаковые злоупотребления. Не менее десяти региональных руководителей были прямо или косвенно замешаны в незаконных вкладах в сберкассы, но Секретариат ЦК ВКП(б) в 1948 г. рассмотрел дела только четверых⁶⁹. Самое тяжёлое наказание — снятие с должности и исключение из партии — понёс первый секретарь Калужского обкома, но через полтора года ему вернули партбилет⁷⁰. Председателя Воронежского облисполкома решением обкома тоже исключили из рядов партии, но он апеллировал к ЦК и добился, чтобы это наказание заменили выговором. Первый секретарь Удмуртского обкома после обсуждения его проступка в ЦК ещё восемь месяцев оставался на своём посту и только потом его понизили до начальника цеха. Что касается первого секретаря Молотовского обкома, успешно руководившего крупной индустриальной областью, то компромату на него просто не дали ход⁷¹.

Взыскание за злоупотребления зависело от ряда факторов. Ключевой из них заключался в том, что в отличие от политических ошибок, хозяйственных провалов и неправильного подбора кадров центр не считал использование служебного положения в личных целях серьёзным проступком⁷². Именно поэтому злоупотребления редко становились основной и тем более единственной причиной отставки региональных руководителей или их исключения из партии. Показательно, что информация о злоупотреблениях первого секретаря могла вызвать проверку всего регионального партийного комитета, но при обнаружении более серьёзных недостатков они в итоговых документах не упоминались⁷³.

⁶⁶ Там же, д. 764, л. 39–49.

⁶⁷ Там же, оп. 119, д. 486, л. 90.

⁶⁸ Там же, оп. 118, д. 991, л. 80.

⁶⁹ Дела остальных руководителей, замешанных в нарушении порядка проведения реформы, разбирались в региональных парткомитетах.

⁷⁰ Подробнее см.: *Кометчиков И.В.* Дело первого секретаря Калужского обкома ВКП(б): взгляд на социальный капитал калужского регионального руководства, 1944–1948 гг. // *Новейшая история России.* Т. 11. 2021. № 3. С. 723–737.

⁷¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 76, л. 72–77; оп. 119, д. 670, л. 156.

⁷² См.: *Федоров А.Н.* Слабые секретари: региональные руководители СССР 1946–1948 гг. в оценках ЦК ВКП(б) // *Новейшая история России.* Т. 12. 2022. № 2. С. 422–426.

⁷³ Сообщения о злоупотреблениях руководства послужили поводом для проверки в 1950 г. Орловского и Северо-Осетинского обкомов партии, но в соответствующих постановлениях Оргбюро ЦК ВКП(б) о них нет ни слова (РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 580, л. 99–116; д. 749, л. 98–100).

Злоупотребления региональных руководителей привлекали внимание центра, как правило, из конъюнктурных соображений, когда требовалось сфабриковать или усилить обвинение и обосновать строгое наказание. Так, исключение из партии бывшего первого секретаря Псковского обкома, связанное с «ленинградским делом», объяснили стандартными для партийных руководителей прегрешениями (выдвигал не внушающих доверия лиц, не реагировал на жалобы, защищал скомпрометированных работников), а также злоупотреблениями (устраивал банкеты, незаконно выдавал премии, расходовал средства партбюджета)⁷⁴. Бывшего председателя Новгородского облисполкома также исключили из партии за «недостойное поведение»: устройство вечеров и организацию буфета, в котором бесплатно выдавали продукты, получение мебели из мастерских лагеря для военнопленных и проч.⁷⁵ В то же время руководители других регионов, не затронутых «ленинградским делом», за аналогичные и более существенные проступки не получили даже выговора.

То, насколько отношение центра к злоупотреблениям зависело от политической конъюнктуры, хорошо видно и по Еврейской АО. В июне 1948 г. Кузнецову доложили, что её руководители не платят квартплату и получают денежную помощь из средств, вырученных от продажи подарков Амбиджана⁷⁶. Секретариат ЦК обсудил эти прегрешения и, в соответствии с устоявшейся практикой, обязал провинившихся погасить задолженность и вернуть полученные деньги. Но летом 1949 г., при «раскручивании» «дела ЕАО», об этих нарушениях вспомнили и дали им уже политическую оценку: «Эти незаконные действия, по существу, развращали наши кадры и вызывали серьёзные недовольства у тех второстепенных работников, которым эта помощь не оказывалась»⁷⁷. Показателен также случай, произошедший с первым секретарём Великолукского обкома. В феврале 1950 г. в ЦК ВКП(б) поступила анонимка, в которой говорилось, что он построил себе шикарный особняк. Началась обычная в таких случаях неспешная проверка. Но через полтора месяца выяснилось, что в 1948 г. с его ведома в Ленинграде набрали 16 человек для работы в Великолукской обл. Это предредило судьбу аппаратчика: в июне 1950 г. его освободили от должности, а в августе наложили строгий выговор с предупреждением и занесением в учётную карточку⁷⁸.

В ряде случаев политический расклад помогал избежать серьёзного наказания. Прекрасная иллюстрация — упоминавшееся выше незаконное изготовление и распространение вина среди руководителей Узбекской ССР. Соответствующие сведения Министерство государственного контроля СССР предоставило в мае 1948 г., а к августу закончило проверку и подготовило необходимые документы. Но в это время завершилось «азербайджанское дело», по итогам которого полномочия министерства значительно урезали, а представленный им компромат направили на рассмотрение первому секретарю ЦК КП(б) Узбекистана. В итоге из первых лиц республики никто наказания не понёс⁷⁹.

⁷⁴ Там же, оп. 118, д. 991, л. 72–75.

⁷⁵ Там же, д. 608, л. 62–67; д. 991, л. 72–73.

⁷⁶ Амбиджан — Американский комитет по поселению иностранных евреев в Биробиджане, действовавший в 1934–1951 гг.

⁷⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 112, л. 97–100; д. 414, л. 43–44.

⁷⁸ Там же, д. 730, л. 59–69; д. 935, л. 86–97; оп. 119, д. 2, л. 90–95.

⁷⁹ Там же, д. 76, л. 2–51; д. 147, л. 102–112.

Если злоупотребления служебным положением не отягощались другими «недостатками» или политикой, то их оценивали по совокупности обстоятельств. В первую очередь учитывалась «серьёзность» проступка, которая определялась довольно субъективно. Бесплатный провоз багажа, получение нескольких путёвок в Артек и выделение квартиры родственнику существенными нарушениями не считались. Задолженность по квартплате, превышение продуктовых лимитов и покупка вещей по заниженной цене тоже не предполагали строгого взыскания, поскольку виновные могли легко возместить ущерб. Но выявить полную и чёткую иерархию злоупотреблений не представляется возможным: каких-либо указаний на этот счёт обнаружить не удалось, а наказание за одинаковые проступки варьировалось от устного предупреждения до исключения из партии.

По документам прослеживаются только факторы, отягчавшие и смягчавшие взыскание. Среди первых самым значимым считалась публичная огласка злоупотребления, наносившая урон имиджу руководителя и, опосредованно, всей «вертикали власти». Об этом, в частности, свидетельствуют замечания Шкирятова: «В этих его поступках нет, конечно, ничего преступного, но они подрывают авторитет»⁸⁰. Негативно на исходе дела сказывалось нарушение неписаных правил рассмотрения компроматов, в первую очередь непризнание фигурантом своей вины. Таких случаев было немного, но все они заканчивались строгими взысканиями⁸¹.

Перечень смягчающих обстоятельств более обширен. Прежде всего это сама занимаемая должность. Если бывшему первому секретарю Воронежского обкома за покупку 150 л спирта по заниженной цене поставили на вид, то секретарю обкома за 50 л объявили выговор, управляющему Воронежским спиротрестом за оформление нарядов на спирт — строгий выговор, а тех, кто занимал менее значимые посты, привлекли к уголовной ответственности⁸². Весомой причиной для смягчения наказания считались также хозяйственные достижения. Если регион регулярно выполнял планы хлебозаготовок и выпуска промышленной продукции, то на злоупотребления его руководителей в центре смотрели сквозь пальцы. Так, первый секретарь Красноярского крайкома, израсходовавший в 1945–1949 гг. на личные нужды более 200 тыс. руб., получил от ЦК ВКП(б) только предупреждение. Причина заключалась в экономических успехах, которых край добился в те годы⁸³. Из этих же соображений ЦК не привлёк к ответственности руководителей Молдавской ССР, о злоупотреблениях которых стало известно из ряда заявлений. Только на сей раз причину снисходительного отношения озвучили прямо: «Следует отметить, что за последнее время Молдавская парторганизация значительно улучшила партийно-организационную и партийно-политическую работу и добилась в 1951 году выполнения государственных планов по промышленности и сельскому хозяйству»⁸⁴. Также при

⁸⁰ Там же, д. 380, л. 98.

⁸¹ Например, бывший первый секретарь Кызыл-Ординского обкома КП(б) Казахстана в 1946 г. отрицал обвинения в бесплатном получении продуктов и давал «неправдивые объяснения», в результате чего вместо обычного в таких случаях выговора лишился партийного билета.

⁸² РГАСПИ, ф. 17, оп. 119, д. 161, л. 1–2.

⁸³ См.: *Федоров А. Н.* Факторы карьерного роста региональных руководителей в 1945–1953 гг. (на примере политической биографии А. Б. Аристова) // Вестник Томского государственного университета. История: научный журнал. 2020. № 66. С. 66–68.

⁸⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 119, д. 486, л. 107–108.

наложении взысканий обращали внимание на прежние заслуги работника, давность проступка и то, совершён ли он впервые. Особое значение придавали признанию провинившимся чиновником своих «ошибок»⁸⁵.

Анализ документов ЦК ВКП(б) показывает, что за использование служебного положения региональные руководители отнюдь не всегда получали взыскание. Более 40% дел о злоупотреблениях Секретариат ЦК завершил указанием «вопрос закончить». В этих случаях постановления не принимали, а фиксировали решение соответствующей записью на итоговой докладной записке или отметкой «с контроля снять» в карточке, прилагавшейся к рабочим материалам по вопросу. Ещё треть дел закончилась незначительными партийными взысканиями — указанием, постановкой на вид или выговором. Серьёзные взыскания налагались менее чем в 30% случаев, в основном — строгие выговоры, которые, как правило, не сказывались на карьере. Лишь изредка следовало понижение по службе. Так, председателей Орловского облисполкома и Совета министров Мордовской АССР спустя несколько месяцев после строгого выговора перевели в другие облисполкомы на должности заведующих отделами, а первого секретаря Тюменского обкома направили в Высшую партийную школу, а после её окончания назначили начальником политотдела Сталинградской железной дороги. Из партии исключили только 10 из 117 региональных чиновников, включённых в выборку. Половина из них — бывшие партийно-советские руководители Крымской, Псковской, Новгородской и Ярославской областей, затронутых кадровыми чистками в связи с «ленинградским делом». К уголовной же ответственности (разумеется, после снятия с должности и исключения из партии) привлекли только первого секретаря Ульяновского обкома и председателя Новгородского облисполкома.

Снисходительное или, говоря языком партийных документов эпохи «позднего сталинизма», либеральное отношение ЦК ВКП(б) к злоупотреблениям региональных руководителей просматривается и в других моментах. Во-первых, решения региональных комитетов об исключении из партии за злоупотребления центр обычно заменял строгим или даже простым выговором, отмечая, что освобождение от работы провинившегося начальника — достаточное наказание для него. Благодаря этому человек оставался в номенклатурной обойме, хотя и на менее высоких должностях. Во-вторых, ЦК широко практиковал снятие партийных взысканий. Если речь шла о постановке на вид, выговоре или строгом выговоре, то их обычно аннулировали через 1–2 года. Восстановиться в партии можно было через несколько лет (такая возможность до лета 1953 г. оставалась закрытой только для тех, кто лишился партбилета в связи с «ленинградским делом»).

Специальных мер против коррупции региональных руководителей в 1946–1952 гг. центр почти не предпринимал. Стремление снизить уровень злоупотреблений можно усмотреть лишь в нескольких мероприятиях. Самым существенным из них стала кампания 1946 г. против «сращивания» — попадания партийных работников в зависимость от хозяйственных руководителей путём получения пайков, продуктов, премий и проч.⁸⁶ Впрочем, эта кампания каса-

⁸⁵ См., например: Там же, оп. 117, д. 675, л. 33; оп. 118, д. 74, л. 100–101 об.; д. 579, л. 121.

⁸⁶ Подробнее см.: *Болдовский К.А., Пивоваров Н.Ю.* Номенклатурная политика ЦК ВКП(б) в 1939–1948 гг. // *Pamięć i sprawiedliwość*. 2018. № 2. С. 116–117; ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / Сост. В.В. Денисов, А.В. Квашонкин, Л.Н. Малашенко и др. М., 2004. С. 156–161.

лась только одного вида нарушений и не решила проблемы в целом: в завуалированной форме премирование партработников происходило и в дальнейшем. Ещё одна антикоррупционная кампания (против взяточничества) развернулась в 1946–1947 гг., но затронула в основном работников правоохранительных органов и хозяйственных организаций⁸⁷. Попытка воздействовать на региональных чиновников просматривается также в рассылке отдельных решений ЦК по фактам злоупотреблений во все региональные комитеты⁸⁸. Однако такие «мягкие» предупреждения эффекта не дали: незаконное получение продуктов и спирта нисколько не уменьшилось.

Требовались более решительные шаги, но они были чреваты большими издержками. Последовательная борьба со злоупотреблениями предполагала широкое и демонстративное применение суровых наказаний (исключения из партии и привлечения к уголовной ответственности), но в условиях массовости злоупотреблений этот курс мог обернуться масштабной кадровой чисткой. Даже если бы обошлось без неё, жёсткие меры всё равно осложнили бы работу региональных руководителей, которые и так испытывали немалое давление сверху и со стороны местного актива, и дестабилизировали и без того несовершенную местную систему управления. Высшее руководство осознавало такие последствия, поэтому не решилось на ужесточение мер, о чём, в частности, свидетельствуют исход «азербайджанского дела» и отказ от «раскручивания» других подобных «дел».

Позиция центра — наказывать избирательно и не слишком строго, — была хорошо известна региональным руководителям. Если информация об их проступках доходила до ЦК ВКП(б), то они довольно умело оправдывались и непременно заявляли, что сделали для себя «соответствующие выводы». Однако, судя по тому, что немалое количество первых секретарей и председателей край- и облисполкомов уличалось в злоупотреблениях по несколько раз, они не собирались отказываться от возможностей, которые предоставляло служебное положение. «Излишества», порой вопиющие на фоне бедности рядовых граждан, они воспринимали как должное вознаграждение за свой труд. Конечно, об этом не писали ни в объяснительных, ни позднее в мемуарах, тем не менее в некоторых документах отношение к полученным благам зафиксировано. Так, в заявлении бывшего директора дома отдыха одного из обкомов приведено следующее откровение первого секретаря: «Я государственный деятель, мне некогда заботится о себе, чтобы в моей квартире было всё». Далее заявитель пояснил, что, начав отоваривать карточки ответственному лицу лучшими продуктами, но в пределах лимитов, быстро понял, что от него требуют большего: «чтобы я обеспечил его по “потребности”»⁸⁹. Данная установка являлась непреложным правилом для финансово-хозяйственных секторов региональных парторганов. Они обычно удовлетворяли все запросы своего руководства, зачастую не посвящая его в подробности того, откуда и за чей счёт берутся качественные продукты и роскошные вещи. В связи с этим вполне искренними кажутся заверения некоторых секретарей, что они не знали о тво-

⁸⁷ Подробнее см.: *Хайнцен Дж.* Искусство взятки... С. 132–137, 143–163.

⁸⁸ Во все региональные партийные комитеты были разосланы тексты постановления Секретариата о незаконных расходах и излишествах руководителей Красноярского края (январь 1947 г.) и постановления Политбюро по «ульяновскому делу» (февраль 1949 г.) (ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты... С. 198–199; РГАСПИ, ф. 17, оп. 117, д. 692, л. 74).

⁸⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 118, д. 553, л. 48.

рившихся махинациях «из-за излишней доверчивости финчасти [комитета] партии и беспечности»⁹⁰.

Подводя итоги, можно констатировать, что в СССР периода «позднего сталинизма» бо́льшая часть региональных руководителей пользовалась своим служебным положением для получения материальной выгоды. Эти действия носили системный характер, поскольку происходили неоднократно и регулярно, при содействии широкого круга партийных и советских работников. В основном злоупотребления состояли в получении большого количества продуктов и алкоголя, одежды и обуви, устройства обильных застолий, бесплатного пользования служебными квартирами и дачами, автомобилями и прислужкой, приобретения мебели и предметов обстановки. Это стало для многих региональных руководителей привычкой, от которой они не отказывались даже под угрозой строгого партийного взыскания. Данные блага и услуги являлись острым дефицитом, и их потребление в первые послевоенные годы, хотя ещё не стало в полной мере демонстративным, вызывало возмущение у рядовых граждан и нижестоящих номенклатурных работников. Это возмущение проявлялось в заявлениях, ставших для ЦК ВКП(б) основным источником информации о проступках региональных руководителей.

Центр, тем не менее, в целом снисходительно относился к злоупотреблениям. Дела об использовании служебного положения региональными чиновниками не выделяли из общего потока и рассматривали в обычном порядке, с соблюдением всех установленных процедур. Чёткие критерии оценки злоупотреблений отсутствовали. Отношение к ним в значительной мере определялось политической конъюнктурой, зависело от должности и достижений провинившегося руководителя, соблюдения им негласных правил. В отличие от «политических ошибок», хозяйственных провалов и неправильного стиля руководства злоупотребления считались малозначимым недостатком и поэтому крайне редко становились причиной кадровых перестановок, обычно фигурируя в качестве отягчающего обстоятельства. Из этих же соображений в большинстве случаев не налагались партийные взыскания, либо они отличались мягкостью и не сказывались на карьере чиновников. Строгие наказания — исключение из партии и привлечение к уголовной ответственности — следовали редко, как правило, в рамках очередной идеологической кампании.

Руководство страны относилось к коррупции «регионалов» достаточно прагматично, понимая, что массовое применение жёстких мер против них негативно скажется на работе и без того несовершенной системы управления. Оно пошло по пути купирования отдельных злоупотреблений, что позволяло несколько сдерживать коррупцию региональных руководителей, но не искоренить её.

⁹⁰ Там же, оп. 117, д. 648, л. 178.

«Надо бить смехом»: журнал «Крокодил» и советские карикатуристы в годы холодной войны (конец 1940-х — начало 1990-х гг.)

Руслан Червяков

**«Must strike with laughter»: «Crocodile» magazine and Soviet cartoonists
during the Cold War (late 1940s — early 1990s)**

Ruslan Chervyakov

*(Lomonosov Moscow State University, Russia;
Great Russian Encyclopedia, Moscow)*

DOI: 10.31857/S2949124X23050085, EDN: OXFGLI

27 августа 2022 г. исполнилось 100 лет со времени выхода первого номера журнала «Крокодил». Важнейший элемент пропагандистской машины, крупнейший сатирический журнал страны, он пережил Советский Союз ненадолго, прекратив своё существование в 2000 г. Попытки запустить проекты наподобие «Нового Крокодила» к «Крокодилу» старому отношения не имели. Привлекает внимание недолговечность подобных изданий, ставшая отражением общего значительного снижения интереса к сатирической графике, которую в эпоху социальных сетей фактически вытеснил интернет-мем¹. В связи с этим перед исследователями встаёт вопрос: в какой мере исчезновение карикатуры как части отечественной политической культуры обусловлено объективными факторами, а в какой — субъективными особенностями её развития в советские годы? Ведь, к примеру, во Франции, уровень цифровизации которой сопоставим с российским, сильные позиции сохраняет газета «Canard enchaîné», специализирующаяся на публикации сатирических материалов, в том числе и карикатур; в Испании с 1977 г. издаётся влиятельный сатирический журнал с карикатурами «El Jueves». Следовательно, нельзя сказать, что исключительно интернет повинен в исчезновении российских карикатурных изданий. Но тогда что? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к истории «Крокодила».

Роль журнала в культурной жизни страны трудно переоценить: «крокодилеская» сатира до сих пор узнаваема поколениями людей, выросших в Советском Союзе, и вызывает ностальгию. Она знакома и молодому поколению, поскольку активно используется в образовательном процессе, в частности при проведении единого государственного экзамена по истории². Однако история издания пока не написана. Связано это в первую очередь с особенностями источниковой базы. Во-первых, отсутствует цельный архивный фонд редакции³, содержа-

© 2023 г. Р.Ю. Червяков

¹ Подробнее см.: Артамонов Д.С. Юмор в исторической памяти: от анекдота и карикатуры к интернет-мему // *Galactica media: journal of media studies*. Т. 3. 2021. № 3. С. 213–237.

² Нефёдова О.В. Карикатуры как средство достижения предметных и метапредметных результатов на уроках истории // *Преподавание истории в школе*. 2021. № 10. С. 3–6.

³ Наиболее полной коллекцией документов по истории журнала располагает Российский государственный архив литературы и искусств (РГАЛИ). В фонде «Крокодила» хранятся в основ-

ший материалы заседаний редколлегии, картотеку сотрудников, бухгалтерскую документацию, письма читателей, переписку с вышестоящими партийными инстанциями, варианты рисунков и фельетонов с авторской правкой. Во-вторых, относительно невелико число материалов личного происхождения, позволяющих пролить свет на специфику редакционной работы в послевоенные годы⁴. По сути, самым массовым и доступным (в том числе благодаря кропотливому труду многочисленных поклонников журнала по сбору и оцифровке его номеров и размещению их в интернете) источником по истории журнала являются сами выпуски «Крокодила»⁵. Ценность их неоспорима, но и ограниченность информационного потенциала очевидна. Отдельные выпуски и даже их совокупность не могут раскрыть особенностей «внутренней кухни», связей и отношений внутри редакции, причин изменения редакционной политики, которые определяют облик и политику издания.

В историографии эти проблемы фактически не поднимались. В советский период преобладал описательный подход. Краткий очерк первых четырёх десятилетий существования «Крокодила» представлен С.И. Стыкалиным и И.К. Кременской⁶. Основа изучения его истории заложена многолетним ответственным секретарём И.П. Абрамским, перу которого принадлежит обстоятельная, хотя и популярная по форме, летопись его полувековой службы на «боевом посту»⁷. Непосредственно карикатуры рассматривались в основном искусствоведами⁸.

Первым историком, оценившим материалы журнала как исторический источник, стал А.В. Голубев — автор многочисленных публикаций на тему образа внешнего мира, формировавшегося на страницах «Крокодила» в межвоенный период⁹. В рамках междисциплинарного научного семинара по истории

ном материалы творческого характера за 1922–1941 гг. Значительная часть источников рассеяна по федеральным и региональным архивохранилищам. Некоторые ценные документы хранятся у родственников сотрудников и недоступны для исследователей.

⁴ Важнейшим источником личного происхождения, освещающим историю «Крокодила», являются мемуары Б.Е. Ефимова, которые он публиковал в 1960–2000-х гг. Воспоминания о сотрудничестве с журналом оставили художники-карикатуристы Ю.А. Черепанов и Н.А. Соколов. Некоторые художники делились рассказами о журнале в формате интервью. Среди фельетонистов следует упомянуть зарисовки М.Г. Семёнова и Л.С. Ленча. Большую ценность представляют вышедшие ограниченным тиражом воспоминания Н.С. Лашиной (Покровской), работавшей в редакции в 1950–1960-е гг., и писателя Р.Т. Киреева, заведовавшего отделом литературы.

⁵ За 70 лет увидели свет более 2,7 тыс. выпусков журнала.

⁶ Стыкалин С.И., Кременская И.К. Советская сатирическая печать. 1917–1963. М., 1963.

⁷ Абрамский И.П. Смех сильных. О художниках журнала «Крокодил». М., 1977.

⁸ Иоффе М. Михаил Иванович Черемных. М.; Л., 1949; Сыркина Ф.Я. Константин Степанович Елисеев. М., 1960; Крюков Р. Иван Семёнов // Искусство. 1963. № 5. С. 28–36; Малинин Ю. Художник-карикатурист Иван Семёнов // Искусство. 1982. № 10. С. 28–32; и др.

⁹ Голубев А.В. «Ансамбль международной свистопляски»: Европа в советской политической карикатуре 20–30-х гг. // Проблемы российской истории. Вып. 2. М., 2003. С. 472–498; Голубев А.В. «Наш ответ Чемберлену»: советская политическая карикатура 1920–1930-х годов // Историк и художник. 2004. № 2. С. 122–139; Голубев А.В. Дядя Сэм в зубах у «Крокодила» // Историк и художник. 2006. № 2. С. 63–76; Голубев А.В. Америка в советской карикатуре 1920–1930-х годов // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 4. М., 2007. С. 372–412; Голубев А.В. «Европы мрачен горизонт»: образ Запада в советской карикатуре 1920-х годов // Преподавание истории в школе. 2008. № 1. С. 27–33; Голубев А.В. Чемберлен, Гитлер и другие: образы врагов в советской карикатуре 1922–1939 годов // Россия и современный мир. 2008. № 1. С. 170–187; Голубев А.В. Образ Италии в советской политической карикатуре межвоенного периода // «Друг — зеркало для друга...». Российско-итальянские общественные и культурные связи, X–XX вв.

взаимовосприятия культур «Россия и мир» в Институте российской истории РАН подготовлены сборники, где в отдельных публикациях рассмотрена история формирования и развития некоторых страновых стереотипов, бытовавших на страницах «Крокодила»¹⁰. Следует упомянуть также публикации О.И. Киянской и Д.М. Фельдмана, посвящённые его истории в 1930-е гг.¹¹ Историографическим фактом является 12-томная публикация материалов журнала, предпринятая авторским коллективом под руководством журналиста С.А. Мостовщикова¹². Интерес к советской карикатуре проявляют и зарубежные исследователи, в частности Дж. Этти¹³.

В настоящее время наиболее активно разрабатывается проблематика изображения на страницах «Крокодила» различных общественно-политических явлений, относившихся как к внешней, так и к внутренней политике СССР¹⁴. Между тем хронологическая и тематическая ограниченность подборок рисунков зачастую лишает исследователей возможности делать общие выводы, связанные с ролью журнала в системе советской пропаганды. Ещё более серьёзной проблемой является смещение исследовательской оптики в сторону отдельных

М., 2013. С. 304–322. Опыт разработки проблемы обобщён в книге: *Голубев А.В.* «Подлинный лик заграницы»: образ внешнего мира в советской политической карикатуре, 1922–1941 гг. М.; СПб., 2018.

¹⁰ Например: *Токарев В.А.* «Польша сгинела»: окарикатуренные миры советской пропаганды (1939 год) // *Россия и мир глазами друг друга*. Вып. 4. С. 216–232; *Мухаматуллин Т.А.* Гражданская война в Испании и советская карикатура // *Россия и мир глазами друг друга*. Вып. 7. М., 2016. С. 149–165; *Голиков А.Г.* Образ врага в советской и немецкой политической карикатуре в годы Великой Отечественной войны // *Россия и мир глазами друг друга*. Вып. 7. С. 183–191.

¹¹ *Киянская О.И., Фельдман Д.М.* Портреты и скандалы: очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920-х – 1930-х годов. М., 2015; *Киянская О.И., Фельдман Д.М.* «Дело сатириков» и журнал «Крокодил». Из истории советской журналистики 1930-х годов // *Россия XXI*. 2015. № 2. С. 64–99.

¹² *История глазами «Крокодила». XX век* / Гл. ред. С.А. Мостовщиков. М., 2014–2015.

¹³ *Etty J.* Graphic satire in the Soviet Union. Krokodil's political cartoons. Jackson (Miss.), 2019; *Этти Дж.* Журнал «Крокодил»: читая советские трансмедиа // *Книга в современном мире: проблемы чтения и чтение как проблема*. Материалы международной научной конференции. М., 2014. С. 297–309.

¹⁴ *Сандлер Б., Сандлер И.* Парк советского периода. Советско-израильские отношения в зеркале политической карикатуры. М., 2009; *Карпова Ю.* Молодёжная мода в официальной советской сатире на примере журнала «Крокодил» // *Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*. Т. 189. СПб., 2010. С. 39–45; *Яковлева А.А.* Образ власти на страницах журнала «Крокодил» в 1970-е годы // *Вестник Орловского государственного университета*. Сер. Новые гуманитарные исследования. 2014. № 5. С. 376–379; *Гулёва М.А.* Синий френч, дарёная шляпа: Дэн Сяопин в журнале «Крокодил» периода советско-китайского охлаждения // *Общество и государство в Китае*. Т. 46. 2016. № 2. С. 582–592; *Гринько И.А., Шевцова А.А.* «Дятел докладодолбаший» и другие животные: наука в зеркале советской карикатуры // *Историческая экспертиза*. 2018. № 2. С. 276–291; *Каменская Е.В.* Советско-китайский конфликт во второй половине 1960-х гг. в зеркале советской сатиры // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 448. С. 119–128; *Клинова М.А., Трофимов А.В.* Советский руководитель: реконструкция образа по материалам журнала «Крокодил» (1953–1964 гг.) // *Вестник Пермского университета*. История. 2020. № 2. С. 131–146; *Червяков Р.Ю.* Хроника «заднего двора». Латинская Америка глазами советских карикатуристов периода холодной войны // *Латинская Америка*. 2020. № 3. С. 78–85; *Шевцова А.А., Гринько И.А.* Клятва Айболита: иконография медика в советской карикатуре // *Этнодиалог*. 2020. № 2. С. 203–233; *Дашкова Т.* «Расскажи мне, бабушка, сказку про стилия»: контексты представления моды в журнале «Крокодил» 1950–1960-х годов // *Теория моды: одежда, тело, культура*. 2021. № 2. С. 313–334; *Червяков Р.Ю.* Советские карикатуристы и формирование представлений о США (вторая половина 1940-х – начало 1980-х гг.) // *Государство и общество в России и Европе. Памяти академика РАН Юрия Степановича Кукушкина*. СПб., 2022. С. 180–197.

сюжетов, создающих ложное представление о политике редколлегии. В частности, распространено мнение, что журнал ориентировался исключительно на осуждение «мирового империализма», тогда как негативные явления внутри страны критиковались формально. В свете этого представляется, что рассматривать его историю и роль необходимо на длительном хронологическом отрезке, при помощи анализа всех номеров в целом, дабы проследить тенденции, особенности и факторы развития наиболее полно.

На протяжении всего послевоенного периода «Крокодил» сохранял статус влиятельного периодического издания. Свидетельство тому — постоянно увеличивавшийся тираж. Так, если в мае 1945 г. он составлял 100 тыс. экз., то уже к концу года увеличился почти на четверть (123 тыс.), а с первого номера 1946 г. достиг 150 тыс. Правда, объём временно (до января 1949 г.) уменьшился с 2 до 1,5 печатных листов. Далее тиражи демонстрировали стремительный рост: 1950 г. — 240–275 тыс., 1951 г. — 300 тыс., 1953 г. — 350 тыс., 1954 г. — 400 тыс. экз. К 1957 г. они вышли на показатель в 1 млн, в 1961 г. — 1,5 млн, 1963 г. — 2 млн, 1965 г. — 2,9 млн, 1966 г. — 4,3 млн, затем на протяжении нескольких лет колебались в районе 4,6–4,8 млн, а с начала 1970-х гг. уже не падали ниже 5 млн экз. Большие тиражи имели только журналы «Крестьянка» и «Огонёк»¹⁵, но следует учитывать, что публиковавшиеся в них материалы охватывали более широкий круг «серьёзных» тем, и число их потенциальных авторов было значительно шире. На авторитет «Крокодила» указывали и государственные награды. Так, в 1972 г. его обложку украсил оттиск ордена Трудового Красного знамени, вручённого за «заслуги в деле мобилизации трудящихся на выполнение народнохозяйственных планов, плодотворную работу по воспитанию советских людей в духе коммунистической морали, за развитие сатирического жанра литературы и изобразительного искусства»¹⁶.

В связи с этим целесообразно обозначить узловые моменты развития журнала. Оно полностью укладывается в логику развития политической системы СССР («поздний сталинизм», «оттепель», «застой», «перестройка»). Однако подобный подход к периодизации, равно как и использование «личностных» привязок («эпоха Сталина», «эпоха Хрущёва», «эпоха Брежнева» и т.д.), существенно обедняют информационный потенциал данного исторического источника. Только через выявление логики развития журнала, которая сочетает в себе внешние и внутренние факторы, можно судить о том, как менялись его содержание, подходы к отражению и трактовке тех или иных общественно-политических проблем, о причинах кризиса жанра сатирической графики¹⁷.

Среди критериев «внутренней» периодизации основными представляются смена главных редакторов и соотношение затрагиваемых тем и проблем. Сюжеты рисунков и фельетонов делятся на две большие группы: внутриполитические и внешнеполитические. Возможна и более дробная детализация, однако именно выделение этих проблемных блоков нагляднее всего демонстрирует изменения в политике журнала. Простой количественный учёт рисунков в данном случае представляется нецелесообразным, поскольку не позволяет выявить их «удельный вес» относительно всего номера. Например, традиционно самые «острые» материалы помещались на последней странице, первая же являлась

¹⁵ Например: РГАСПИ, ф. 790, оп. 1, д. 40, л. 103, 139, 188, 226; д. 41, л. 9, 31, 95.

¹⁶ Крокодил. 1972. № 25. С. 2.

¹⁷ Соколов Н.А. Вспоминаю... М., 1998. С. 149.

более «парадной». Также количественный анализ не позволяет учесть размеры материалов, их положение на развороте. Между тем эти параметры играют важную роль при выяснении баланса тем «Крокодила».

К категории «внешних» факторов следует отнести изменения как внутри страны, так и в мире. В связи с этим требуется постоянно соотносить историю журнала с общеисторическим процессом, выявляя наиболее важные события, которые повлияли на его редакционную политику.

Исходя из вышесказанного, можно выделить четыре относительно цельных этапа в истории журнала: первый — с 1948 по середину 1950-х; второй — с середины 1950-х по середину 1960-х; третий — со второй половины 1960-х по середину 1980-х; наконец, четвёртый — с середины 1980-х по начало 1990-х гг. Рассмотрим их подробнее.

Первый период: 1948 — середина 1950-х гг. Роль и значение карикатуры в целом и «Крокодила» в частности в немалой степени обуславливались изменениями на международной арене. Переход бывших союзников по антигитлеровской коалиции от сотрудничества к конфронтации выразился в курсе на взаимную демонизацию, определившем содержание разгоравшейся информационной войны¹⁸. В связи с этим началась новая мобилизация отрядов партийной интеллигенции, работавших над созданием «образа врага» ещё в годы Великой Отечественной войны¹⁹.

В рамках мобилизационной кампании прошли мероприятия по идеологическому и организационно-хозяйственному усилению периодической печати, в том числе и «Крокодила», интерес к которому проявлял лично И.В. Сталин²⁰. Думается, что интерес этот не случаен. Обострение международной обстановки требовало быстрого и ёмкого объяснения происходящего советским гражданам в максимально доступной для них форме²¹. Карикатура прекрасно подходила для решения этой проблемы. «Надо бить смехом», — такую задачу поставили перед Б.Е. Ефимовым в ЦК ВКП(б) в конце 1940-х гг., заказывая ему рисунок о попытках американцев построить военные базы в Арктике²². В условиях нового информационного противостояния сатирическая графика стала востребованным инструментом борьбы против «поджигателей войны».

Впрочем, сохранялись и задачи, обусловленные тяжёлым послевоенным восстановлением: «После войны силы сатириков разделились. Большая группа художников во главе с Кукрыниксами, Борисом Ефимовым, Бродаты занялась преимущественно международными темами. А Черемных, Елисеев и ряд других посвятили себя “внутренним” темам»²³. Таким образом возродилась тематическая дифференциация творческого цеха, существовавшая в довоенные годы. Не будучи строгой, сохраняя определённую гибкость, она в целом оставалась неизменной вплоть до конца 1980-х гг.

¹⁸ Силина Л.В. Внешнеполитическая пропаганда в СССР в 1945–1985 гг. (по материалам отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)–КПСС). М., 2011. С. 15–16.

¹⁹ Соколов Н.А. Указ. соч. С. 148.

²⁰ Об этом, в частности, упоминал партийный и государственный деятель Д.Т. Шепилов (Шепилов Д.Т. Непримкнувший. Воспоминания. М., 2017. С. 116).

²¹ Срез общественных настроений в СССР второй половины 1940-х гг. показывает, что «ощущение военной опасности», усиленное ограниченностью сведений о происходящем в мире, играло большую роль в массовом сознании (Зубкова Е.Ю. Мир мнений советского человека. 1945–1948 гг. // Отечественная история. 1998. № 4. С. 105).

²² Ефимов Б.Е. Десять десятилетий. С. 434.

²³ Сыркина Ф.Я. Константин Степанович Елисеев. С. 84–85.

Рубежным этапом явилось 11 сентября 1948 г., когда вышло постановление ЦК ВКП(б) «О журнале “Крокодил”». В его преамбуле отмечалось, что издание, несмотря на поставленные перед ним задачи, «не является боевым органом сатиры и юмора». «Неудовлетворительное положение» выразилось в том, что редакция оказалась «оторвана от жизни»: не проявляла идейной бдительности, не привлекала новых авторов, не уделяла должного внимания разнообразию материалов и полиграфическому качеству, действовала беспланово. Журнал действительно находился не в лучшем состоянии: в 1947 г. в его штате значились лишь три ставки художников и четыре — литературных работников и фельетонистов²⁴. Остальные авторы привлекались внештатно, следовательно, публиковать их постоянно было проблематично.

Как следствие, руководившего журналом с 1941 г. Г.Е. Рыклина перевели на должность заведующего отделом международной жизни (а затем вообще уволили в рамках кампании по борьбе с космополитизмом²⁵). Место главного редактора занял Д.Г. Беляев, до этого работавший в «Правде»²⁶. Задачи журнала становились более серьёзными. Провозглашалось, что основной «является борьба с пережитками капитализма в сознании людей». Он теперь должен был не «воспитывать» сознательных рабочих, как в 1920—1930-е гг.²⁷, а совершенствовать классовое сознание трудящихся. В сфере международной жизни в обязанность вменялось «своевременно откликаться на злободневные международные события, подвергать критике буржуазную культуру Запада, показывая её идейное ничтожество и вырождение». Объём издания увеличили до двух печатных листов (16 страниц), а периодичность — до одного раза в 10 дней²⁸.

Программным номером нового главреда стал 27-й (30 сентября 1948 г.). На его обложке помещён рисунок Ефимова «Верный курс!»²⁹, где изображён молодой человек, ведущий по морю корабль. Позади него реет кумачовый флаг, в руках капитан держит книгу, на обложке которой написано: «История ВКП(б). Краткий курс», штурвал корабля венчает призыв «К коммунизму». Аллюзия ясна: как советский народ через восстановление разрушенных войной сёл и городов ведёт страну к коммунизму, так и обновлённая редакция поведёт журнал по правильному курсу.

Каковы же его ориентиры? Обложка указывает и на них: положительные образы советских людей должны играть не меньшую роль, чем отрицательные типажи. Вопрос о них приобрёл особое звучание в первые послевоенные годы в свете идеологических веяний, выразившихся в усилении пафоса строительства и защиты государства³⁰. Требовалось демонстрировать успехи «человека труда», вызывающие (по выражению фольклориста В.Я. Проппа, предложенному им в отношении положительных героев древнерусского эпоса) «улыбку одобрения»³¹. А.В. Луначарский, один из идеологов «большевистского смеха»,

²⁴ РГАСПИ, ф. 790, оп. 3, д. 12, л. 81.

²⁵ Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2003. С. 524.

²⁶ Ленч Л.С. Это было. М., 1988. С. 18. Он прославился фельетоном «Стиляга», давшим название послевоенному молодёжному течению (Крокодил. 1949. № 7. С. 10).

²⁷ С.Б. Ингулов — Секретариат ЦК ВКП(б) // «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925—1938 гг. Документы / Сост. Д.Л. Бабиченко. М., 1997. С. 56—58.

²⁸ О партийной и советской печати. Сборник документов / Сост. С. Сутоцкий. М., 1954. С. 599—601.

²⁹ Ефимов Б.Е. Верный курс! // Крокодил. 1948. № 27. С. 1.

³⁰ Подробнее см.: Пыжиков А.В., Данилов А.А. Рождение сверхдержавы. 1945—1953 годы. М., 2002. С. 161—168.

³¹ Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1976. С. 69.

указывал, что «если в советском искусстве найдёт себе место смех очень лёгкий, шутка, балагурство, никакой беды от этого не будет — разумеется, если шутка и балагурство не будут вытеснять идейное содержание, а служить ему»³². Как следствие, на обложках журнала всё чаще стали появляться улыбающиеся токари³³, орденоносцы-колхозники³⁴, строители³⁵, красноармейцы³⁶, дети³⁷, киногерои³⁸, исполинские образы весны³⁹, урожая⁴⁰, классиков русской литературы⁴¹. Так, если в 1948—1949 гг. количество положительных героев оставалось стабильно (15 и 16 обложек соответственно), то в 1950 г. их число возросло до 23, а в 1951 г. — до 29 (правда, в 1952 г. оно снизилось до 21, а в 1953 г. положительные герои появились только на трети обложек). Герои не только восхищали своим примером, но и оттеняли отрицательных персонажей — бюрократов, очковтирателей, туеядцев и агентов мирового империализма.

Значительную часть «положительных» рисунков создали художники И.М. Семёнов (представитель «ротовской» школы⁴²) и В.Н. Горяев (представитель школы Л.Г. Бродаты⁴³). Несмотря на разницу техник⁴⁴, им удавались высокохудожественные произведения даже на официозные сюжеты. Как отмечал Р. Крюков, рисунки Семёнова «активно утверждают наш общественный идеал, прославляют достижения советского народа и государства... И это тёплое, дружелюбное отношение к человеку вызывает у зрителя ответные симпатии»⁴⁵.

Отрицательным типажам в том же «программном» № 27 посвящён фельетон самого Беляева «Областная строчка»⁴⁶, критиковавший обкомы за увлечение обобщёнными экономическими показателями, заслоняющими проблемы отдельных предприятий. Впрочем, бюрократизм и бесхозяйственность — традиционные для журнала темы. Наряду с ними в поле зрения оказалась творческая⁴⁷ и научно-техническая⁴⁸ интеллигенция, зазвучала проблема инфантильности подрастающего поколения⁴⁹.

³² Луначарский А.В. Кинематографическая комедия и сатира // Пролетарское кино. 1931. № 9. С. 11.

³³ Еванг Е.Н. Герой нашего (1948 год) времени // Крокодил. 1948. № 27. С. 5.

³⁴ Пророков Б.И. Солидный возраст // Крокодил. 1948. № 35. С. 1.

³⁵ Семёнов И.М. Друзья! // Крокодил. 1949. № 9. С. 1.

³⁶ Горяев В.Н. Напоминание поджигателям войны // Крокодил. 1950. № 5. С. 1; Коновалов В.Я. Армия мира // Крокодил. 1951. № 5. С. 1.

³⁷ Коновалов В.Я. Точная примета // Крокодил. 1949. № 32. С. 1.

³⁸ Семёнов И.М. К тридцатилетию советского кино // Крокодил. 1950. № 1. С. 1; Генч Л.Г. Первый урок // Крокодил. 1950. № 24. С. 1.

³⁹ Горяев В.Н. Весна // Крокодил. 1949. № 10. С. 1.

⁴⁰ Горяев В.Н. Урожай // Крокодил. 1949. № 21. С. 1; Ефимов Б.Е. Урожай-богатырь // Крокодил. 1951. № 18. С. 1.

⁴¹ Горяев В.Н. Ужель та самая Татьяна? // Крокодил. 1949. № 15. С. 1.

⁴² Свиридова И.А. Константин Павлович Ротов. М., 1965. С. 88—89. Ротов (1902—1959) являлся мастером «внутренней темы», работал в журнале с момента его основания в 1922 г. до ареста и ссылки в 1940 г., после реабилитации в 1954 г. вернулся к работе.

⁴³ Абрамский И.П. Мастера сатиры // Творчество. 1963. № 2. С. 11.

⁴⁴ Наиболее ярко она проявилась в их совместном альбоме рисунков: Горяев В.Н., Семёнов И.М. Американцы у себя дома. М., 1959.

⁴⁵ Крюков Р. Иван Семёнов. С. 28.

⁴⁶ Беляев Д.Г. Областная строчка // Крокодил. 1948. № 27. С. 2.

⁴⁷ Черемных М.М. Говорят, товарищ режиссёр... // Крокодил. 1948. № 33. С. 9; Семёнов И.М. За и против техники // Крокодил. 1948. № 34. С. 11.

⁴⁸ Каневский А.М. Менделист-морганист на катке // Крокодил. 1948. № 34. С. 9.

⁴⁹ Щеглов Е.Б. Плоды воспитания // Крокодил. 1949. № 6. С. 14.

Однако «карикатура на внутреннюю тему переживала пору упадка»⁵⁰, главной причиной которого стала «теория бесконфликтности», первоначально относившаяся к литературе. Согласно ей общественно значимый конфликт в советском искусстве невозможен, его заменяет конфликт «хорошего» и «отличного»⁵¹. В результате «пафос борьбы с отрицательным, пафос разоблачения всего отсталого и пошлого, всего чуждого и враждебного часто подменялся слащавыми вздохами или мелкими выпадами против случайных носителей незначительных и малохарактерных пережитков прошлого»⁵². Яркий пример «теории» — рисунок Горяева, на котором изображён комбайнёр, общающийся с двумя девушками: «Что нового? — Всё по-старому! Каждый день новые рекорды ставим!»⁵³.

Для карикатуры это означало «отрицание самой её природы: права на преувеличение, на гиперболу... На страницы журналов пришла вереница скучных рисунков. Чаще всего изображалась беседа двух или трёх безликих статистов». Нередко происходящее могли разъяснить только подстрочные подписи, за громоздкость получившие у «крокодиловцев» прозвище «бизоны»⁵⁴. Например, изображалась беседа старичка-сторожа с детьми. Её сопровождали надстрочное пояснение и подстрочный диалог. Пояснение гласило: «Из-за нехватки новых одноактных пьес кружки сельской художественной самодеятельности вынуждены пользоваться устаревшим репертуаром». Диалог таков: «Дедушка, ты не знаешь, что сейчас ставит наш драмкружок? — Как не знать! Я весь их репертуар наизусть знаю! Ведь мы с этим репертуаром вместе здесь состарились!»⁵⁵. В отсутствие подписей рисунок терял сатирическую заострённость, но с ними отпадала необходимость в самом рисунке. В карикатуре соотношение текста и изображения должно быть паритетным, иначе пропадает смысл той или другой составляющей.

Обратной стороной «теории бесконфликтности» явилось развитие карикатуры на международные темы. Именно в конце 1940-х — начале 1950-х гг. достигла расцвета иконография «международного империализма»⁵⁶, был заложен фундамент образов и клише, на котором журнал просуществовал до середины 1980-х гг. Обрели новую жизнь классические клишированные образы США, Великобритании и Франции: дядя Сэм, Джон Буль и британский лев, Марианна и галльский петух⁵⁷. Кроме них активно изображались «герои дня» — американский госсекретарь Дж. Маршалл⁵⁸, глава Временного правительства

⁵⁰ Сыркина Ф.Я. Указ. соч. С. 97. Этот тезис справедлив с той оговоркой, что относится к содержанию карикатур, а не к их техническому исполнению.

⁵¹ Бесконфликтности «теория» // Краткая литературная энциклопедия. В 9 т. Т. 1. М., 1962. С. 577–580.

⁵² Ершов Л.Ф. Сатирический рассказ в «Крокодиле» (1946–1955) // Вопросы советской литературы. V. М.; Л., 1957. С. 185.

⁵³ Крокодил. 1951. № 25. С. 3.

⁵⁴ Сыркина Ф.Я. Указ. соч. С. 97, 100.

⁵⁵ Генч Л.Г. Ровесники // Крокодил. 1952. № 8. С. 14.

⁵⁶ Статистические подсчёты см.: Клинова М.А., Трофимов А.В. Политическая сатира и юмор в арсенале «холодной войны» 1946–1953 гг. // Уральский исторический вестник. 2019. № 3. С. 108–117.

⁵⁷ Например: Ганф Ю.А. Зоосад Крокодила // Крокодил. 1948. № 1. С. 3; Кукрыниксы. Два сапога — пара // Крокодил. 1948. № 4. С. 2; Ганф Ю.А. Услужливый дядя Сам // Крокодил. 1948. № 4. С. 12; Кукрыниксы. Чудеса дрессировки, или... // Крокодил. 1948. № 6. С. 12; Кукрыниксы. Не бойтесь мадам, он на цепи // Крокодил. 1954. № 11. С. 1; Ганф Ю.А. Для вашей же безопасности — немедленно подпишите! // Крокодил. 1954. № 21. С. 1.

⁵⁸ Кукрыниксы. Последнее слово американской техники // Крокодил. 1948. № 2. С. 16.

Франции Ш. де Голль⁵⁹ и министр иностранных дел Р. Шуман⁶⁰, глава британского МИД Э. Бевин⁶¹, югославский лидер И. Броз Тито⁶² и многие другие.

Политический кругозор журнала отличался широтой и разнообразием, чему способствовали регулярные внешнеполитические обострения и сопутствовавшие им информационные всплески. В то же время «своевременно откликаться на злободневные международные события» удавалось с трудом. Не будучи профессиональными журналистами-международниками, художники черпали вдохновение из передовиц «Правды» и «Известий», информационных сводок ТАСС, что приводило к запаздыванию реакций. Несмотря на это материалы на «международную» тему начали превалировать над рисунками и фельетонами, посвящёнными внутренним проблемам.

Следование актуальной повестке не уберегало журнал от критики «верхов». 28 сентября 1951 г. вышло новое постановление по «Крокодилу», указавшее на ряд недостатков даже более серьёзных по сравнению с упреками 1948 г. Это бессодержательность, малозначительность поднимаемых тем («единичные отрицательные факты выдаются за общие недостатки работы государственных, профсоюзных и других организаций, что создает у читателей неправильное представление о работе этих организаций»), примитивность, шаблонность и однообразие рисунков, выполненных узким кругом художников, даже «ошибки в освещении вопросов внутренней жизни страны и международных событий». При этом партийное руководство ограничилось лишь «постановкой на вид» и требованием устранить недостатки в кратчайшие сроки⁶³.

Осмелюсь предположить, что значение постановления 1948 г. выходило за рамки «одергивания». Перегруппировку редакционной коллегии вполне могла обусловить сложная система связей между сотрудниками журнала и представителями советской номенклатуры. Сохранение конфигурации сил по итогам постановления 1951 г. указывает, как представляется, на то, что состав новой редколлегии вполне удовлетворял ЦК, поэтому механизм чистки в этот раз решили не применять.

Одним из итогов названных решений, по мнению С.И. Стыкалина и И.К. Кременской, стало то, что «за сатирой не только признавалось право на существование — на неё возлагались большие обязанности»⁶⁴. Под ними, видимо, следует понимать появление постоянного спроса на сатирические рисунки со стороны власти. Художники-карикатуристы стали рассматриваться в качестве «верных помощников партии, всегда сражающихся на переднем крае, помогая беспощадным оружием смеха строить социалистическое государство»⁶⁵.

Второй этап. Середина 1950-х — середина 1960-х гг. 1953 г. оказался переломным не только для страны, но и для журнала. В апреле на партийном собрании сотрудников «Правды» Беляева раскритиковали за то, что во время

⁵⁹ *Кукрыниксы*. Гласит пословица... // Крокодил. 1947. № 20. С. 1; *Кукрыниксы*. Де Голль и социал-лакеи // Крокодил. 1951. № 15. С. 1.

⁶⁰ *Ганф Ю.А.* Всё выше... // Крокодил. 1948. № 2. С. 1.

⁶¹ *Кукрыниксы*. Подлинное лицо // Крокодил. 1948. № 5. С. 12; *Кукрыниксы*. Английская наседка // Крокодил. 1948. № 8. С. 1.

⁶² *Сойфертис Л.* У нас теперь с вами общие интересы... // Крокодил. 1950. № 1. С. 9; *Ефимов Б.Е.* Обласканный палач // Крокодил. 1952. № 24. С. 1.

⁶³ О партийной и советской печати... С. 621–622.

⁶⁴ *Стыкалин С.И., Кременская И.К.* Советская сатирическая печать. С. 207.

⁶⁵ *Абрамский И.П.* Смех сильных... С. 284.

«дела врачей» он выступил против члена редколлегии Д.И. Заславского. Главред «немедленно постави[л] перед ЦК вопрос об освобождении его от должности»⁶⁶. На смену Беляеву, который «не боялся брать на себя ответственность за публикацию... острых, “опасных” материалов», пришёл «осторожный», «боязливый» С.А. Швецов⁶⁷. Его имя в качестве главного редактора впервые фигурирует в № 18 (30 июня)⁶⁸. «Осторожность» Швецова выразилась, в частности, в том, что «программных» выпусков он не готовил, а его первое выступление в новой должности состоялось только спустя полгода и оказалось посвящено малозначительному вопросу⁶⁹.

Курс издания претерпел заметные изменения. С обложек журнала практически исчезли «положительные типы». Наступило время широкой критики, в первую очередь председателей колхозов, директоров совхозов, заводов, магазинов и проч.⁷⁰ «Хозяйственников» упрекали за вред, наносившийся государству, тогда как их личные недостатки (пьянство, грубость и т.д.) затушёвывались⁷¹. Лейтмотивом выступила борьба с бюрократизмом, волокитой, устоявшимися способами решения проблем. Хрестоматийным стал рисунок К.С. Елисеева, на котором начальник рассматривает жалобу подчинённого на самого себя. Комизм ситуации доведён до гротеска выбором персонажей: в роли начальника выступает кот, а подчинённого — мышонок⁷².

Международные проблемы отошли на задний план. В данном случае это не преувеличение: карикатуры, посвящённые событиям за рубежом, стали чаще выноситься на последнюю, 16-ю страницу. Её «завсегдатаями» стали канцлер ФРГ К. Аденауэр⁷³, американский сенатор Дж. Маккарти⁷⁴, англо-американские колониялисты⁷⁵, командование блока НАТО⁷⁶ и др. В целом идеологический пафос борьбы с империализмом остался прежним, на что указывает, например, серия рисунков, появившихся после начала Суэцкого кризиса. Однако заметны и изменения: так, например, с потеплением отношений с Югославией исчезли карикатуры на Броз Тито, с началом процесса деколонизации «пошли» рисунки, осуждающие не абстрактных империалистов, а конкретно колониялистов⁷⁷.

⁶⁶ *Лашина (Покровская) Н.С.* Дневник русской женщины (URL: <https://corpus.prozhito.org/note/320777>).

⁶⁷ *Ленч Л.С.* Указ. соч. С. 19.

⁶⁸ *Крокодил.* 1953. № 18. С. 15.

⁶⁹ *Швецов С.А.* В джунглях клеветы // *Крокодил.* 1953. № 33. С. 8.

⁷⁰ *Елисеев К.С.* Всюду новосёлов встречают хлебом-солью // *Крокодил.* 1954. № 13. С. 3; *Каневский А.М.* Как у вас с кормами? // *Крокодил.* 1955. № 13. С. 1.

⁷¹ *Клинова М.А., Трофимов А.В.* Конструирование негативного имиджа «хозяйственника» на страницах журнала «Крокодил» в 1953–1964 гг. // *Гуманитарные науки в Сибири.* Т. 24. 2017. № 3. С. 81.

⁷² *Елисеев К.С.* Мне министерство поручило расследовать вашу жалобу на меня // *Крокодил.* 1956. № 13. С. 1.

⁷³ *Кукрыниксы.* Новогодняя ёлка в Бонне... // *Крокодил.* 1953. № 36. С. 16; *Ефимов Б.Е.* У барометра международной погоды // *Крокодил.* 1955. № 25. С. 16; *Ганф Ю.А.* Яичница по-боннски // *Крокодил.* 1962. № 27. С. 16.

⁷⁴ *Кукрыниксы.* В наступательном азарте... // *Крокодил.* 1955. № 17. С. 16.

⁷⁵ Эволюция колониализма // *Крокодил.* 1956. № 5. С. 16; *Ганф Ю.А.* В моей душе горит огонь любви к тебе... // *Крокодил.* 1956. № 10. С. 16; *Ефимов Б.Е.* К вопросу о каналах // *Крокодил.* 1956. № 30. С. 16; *Ефимов Б.Е.* Паломники в Мекку // *Крокодил.* 1958. № 14. С. 16.

⁷⁶ *Кукрыниксы.* Ручная граНАТО // *Крокодил.* 1958. № 13. С. 16.

⁷⁷ Подробнее см.: *Червяков Р.Ю.* «К вопросу о каналах». Осмысление причин Суэцкого кризиса в советской карикатуре (1956–1957) // *Casus belli в международных отношениях XIX–XX вв.: дипломатия, идеология, военные приготовления.* СПб., 2023. С. 511–525.

Интересная черта времени — конкретных политических деятелей начали сменять страновые клише. Однако это правило распространялось на «звёзд» международной политики и, соответственно, мировые державы. «Марионеточные» и диктаторские режимы по-прежнему персонифицировались. Так, беспощадной критике подвергался испанский каудильо Ф. Франко, который нередко попадал на страницы журнала, предстывая перед читателями в образе «коротенького человека», обуреваемого «манией величия»⁷⁸. Схожими характеристиками наделялись Чан Кайши, Ли Сын Ман и др.

Парадоксально сложилась ситуация с отображением деятельности де Голля. Его первое «появление» в журнале относится к концу 1940-х гг., в образе марионетки США⁷⁹. После временного исчезновения генерала с политической арены в роли собирательного образа Франции выступали Марианна или галльский петух. Майский кризис 1958 г., приведший к падению Четвёртой республики, в Москве оценили негативно, советские газеты писали о «фашистском путче» в Париже. Триумфатор де Голль вновь стал героем многочисленных карикатур, высмеивавших его «диктаторские» замашки и «дружбу» с Аденауэром, который обвинялся в связях с неофашистами. Так, на рисунке Кукрыниксов, приуроченном к победе деголлевской коалиции на выборах в Национальную ассамблею в ноябре 1962 г., президент Франции изображён вносящим в свой кабинет кресло в форме буквы «Я»⁸⁰. В 1963 г., по следам испытания Францией атомного оружия, он даже удостоился обложки «Крокодила»: его голову изобразили в форме гриба ядерного взрыва⁸¹. Но со сменой руководства СССР и налаживанием межгосударственных отношений критика сошла на нет, а после визита французского лидера в Москву в 1966 г. его изображения и вовсе исчезли со страниц издания.

19 ноября 1958 г. комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международным партийным связям приняла постановление «О редакционной коллегии журнала “Крокодил”», содержанием удивительно напоминавшее постановление 1951 г. Указывалось, что журнал «утратил злободневность и свой авторитет», перестал разить врагов «оружием смеха»: «Вместо того чтобы сосредоточить огонь сатиры против недостатков, мешающих нашему движению вперед... основное внимание уделяет второстепенным, мелким темам». Акцент с внешнеполитических сюжетов предстояло перенести на проблемы народного хозяйства СССР («перестройка управления промышленностью и строительством, реорганизация МТС и борьба за крутой подъём сельского хозяйства, осуществление программы жилищного строительства, развитие химической промышленности»).

Швецова освободили от должности главного редактора (причиной стали проблемы со здоровьем, из-за которых «он не в состоянии серьёзно и глубоко заниматься делами редакции»⁸²). Его заменил переведённый из «Известий»

⁷⁸ Кукрыниксы. Парад «чемпионов» борьбы с коммунизмом // Крокодил. 1954. № 10. С. 16; Рыклин Г.Е. Коротенький человек в длинных штанишках // Крокодил. 1960. № 8. С. 10; Ефимов Б.Е. В моём правительстве не должно быть министров без портфелей! // Крокодил. 1962. № 16. С. 10; и др.

⁷⁹ Кукрыниксы. Дяденька, подсади! // Крокодил. 1948. № 30. С. 12.

⁸⁰ Кукрыниксы. Новое кресло для президента // Крокодил. 1962. № 33. С. 16.

⁸¹ Ушац М.Л. Истинное лицо президента де Голля // Крокодил. 1963. № 23. С. 1.

⁸² Записка отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС по союзным республикам // Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: документы / Сост. Е.С. Афанасьева. М., 1998. С. 112.

М.Г. Семёнов, ставший в своём роде рекордсменом: он руководил «Крокодилом» до 1975 г. Новый «главный» позже вспоминал, что его первым номером стал выпуск, посвящённый проблеме трудового воспитания школьников и студентов⁸³. Возврат к «тематическим» номерам, особенно популярным в довоенные годы, несколько оживил образ журнала. В стенах редакции начали проводить дискуссии по животрепещущим вопросам, в частности об экологии. Но продлилось это недолго: Семёнов «сник» после того, как получил выговор за чрезвычайно смелую, по мнению партийных инстанций, обложку⁸⁴. На ней председателя Государственного комитета Совета министров СССР по вопросам труда и заработной платы А.П. Волкова изобразили стоящим в очереди за зарплатой. Кассир отказывался выдавать ему деньги из-за того, что возглавляемый им комитет слишком медленно решал вопрос об упорядочении оплаты труда рабочим⁸⁵.

Получив нагоняй, редакция стала опасаться поднимать «острые» вопросы. Началось тиражирование «проходных», однотипных по теме и содержанию рисунков, обозначилось тяготение художников к «монументальным формам»⁸⁶, многофигурным изображениям со сложным сюжетным замыслом. «Злобу дня» стремились отразить максимально широким охватом проблем, однако такой подход довольно скоро начал приедаться. От журнала стали отворачиваться ранее сотрудничавшие с ним писатели и художники. Так, в 1964 г. С.Я. Маршак в беседе с художником Б.И. Пророковым грустно пошутил: «Можно ли из “Крокодила” сделать хороший журнал? Когда меня спрашивают — почему я отдаю сатирические вещи в толстые журналы, я отвечаю: могила на большой дороге всегда заметнее, чем на общем кладбище»⁸⁷.

Издание по-прежнему пользовалось спросом. Однако создавалось впечатление, что его творческий поиск если не прекратился, то очень сильно замедлился. Чем объяснить этот упадок? Представляется, что причин несколько. Во-первых, большую роль сыграли идеологические метания. Заявления об ускоренном строительстве коммунизма привели к переориентации пропаганды на внутренние проблемы. Хрущёв так обозначил роль сатиры: «Нам нужно поддерживать честных, передовых людей труда и обличать лодырей и тунеядцев, всех, кто мешает нашему продвижению вперёд. Стихи, басни, рассказы должны служить людям в великом и благородном деле строительства коммунизма»⁸⁸. Таковое вылилось в череду неоднозначных экономических кампаний, пропаганда которых стала делом официальной печати. С массовым внедрением в сельское хозяйство кукурузы «Крокодил» стал активно изображать кукурузные початки⁸⁹; появление совхнархозов⁹⁰ и переход на семилетний план разви-

⁸³ Семёнов М.Г. Крокодилские были. М., 1982. С. 96–97.

⁸⁴ Лашина (Покровская) Н.С. Дневник русской женщины (URL: <https://corpus.prozhito.org/note/320936>).

⁸⁵ Семёнов И.М. Без названия // Крокодил. 1959. № 20. С. 1.

⁸⁶ Кукрыникисы / Авт. текста Н. Соколова. М., 1955. С. 41.

⁸⁷ Пророков Б.И. О времени и о себе. М., 1979. С. 306.

⁸⁸ Хрущёв Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. В 8 т. Т. 6: октябрь 1961 г. — март 1962 г. М., 1963. С. 164.

⁸⁹ Семёнов И.М. С такой нянькой я не скоро вырасту! // Крокодил. 1956. № 16. С. 1; Семёнов И.М. Оседлаю я горячего коня!.. // Крокодил. 1959. № 1. С. 1.

⁹⁰ Черемных М.М. А вам в совнархозе делать нечего! // Крокодил. 1957. № 15. С. 1; Добровольский В. Лесная быль // Крокодил. 1959. № 21. С. 7.

тия народного хозяйства⁹¹, борьба за критику и самокритику, попытки усилить контроль над партийным и государственным аппаратом⁹² также сопровождались серией одобрительных публикаций. Знаковым стал рисунок И.М. Семёнова, на котором изображён человек, готовящийся к обеду. Рот едока представляет собой деревянную ложку, расписанную под хохлому. Превратно толкуя принцип «от каждого по способностям, каждому по потребностям», «дармоед» заявляет: «Я готов войти в коммунизм хоть сегодня»⁹³.

Но отдельные публицистические достижения не могли повлиять на общее кризисное состояние журнала, обусловленное, прежде всего, его подчинённой ролью в системе пропаганды. Немаловажным фактором также выступал возраст костяка сотрудников. Характеризуя «болевые точки» журнала в начале 1960-х гг., Абрамский в первую очередь указывал на молодое поколение, отмечая, что у них отсутствует творческая индивидуальность и что они склонны к «бездумному скольжению по поверхности темы»⁹⁴. На деле, однако, проблема заключалась в другом — а именно в застое, в который погружалось издание.

Его руководство отличалось стабильностью: с 1948 по 1986 г. сменились лишь пять главных редакторов (Д.Г. Беляев, С.А. Швецов, М.Г. Семёнов, Е.П. Дубровин, А.С. Пьянов). Сохранялась и редколлегия. Её «долгожителями» являлись Кукрыниксы — творческий союз художников М.В. Куприянова (1903—1991), П.Н. Крылова (1902—1990) и Н.А. Соколова (1903—2000). Их младший коллега Ю.А. Черепанов (1922—2016) вспоминал: «Как члены редколлегии они были строги. Приезжали всегда вовремя и непременно все вместе. Если кто-нибудь из них заболел, то все вроде тоже брали бюллетень. Но в ходе выступления, конечно, выступал кто-нибудь один»⁹⁵. Активными представителями «старой гвардии» являлись Б.Е. Ефимов (1900—2007) и М.А. Абрамов (1913—1994), мрачные рисунки которого стали лейтмотивом сатирической графики на международные темы в 1970—1980-х гг.⁹⁶

К середине 1960-х гг. ведущие карикатуристы достигли пенсионного возраста, их активное участие в работе редакции становилось всё более редким. При этом мэтры вовсе не собирались уступать дорогу молодым. Объяснялось это не в последнюю очередь нежеланием терять привычный заработок в условиях, когда признание советским руководством важности роли карикатуры позволило стабилизировать материальное и финансовое положение этой группы интеллигенции⁹⁷. Вопрос о доходах «крокодилцев» в полной мере осветить нельзя ввиду отсутствия доступа к бухгалтерской документации. Однако материалы промфинпланов типографии «Правда», в которой издавался журнал, свидетельствуют, что в 1947 г. оклад художника составлял 830 руб.⁹⁸ Отдельной статьёй начислялись гонорары за рисунки и рассказы. Например, Лашина (Покровская), некоторое время работавшая внештатным сотрудником, воспомина-

⁹¹ Абрамов М.А. Народный кандидат // Крокодил. 1959. № 6. С. 2.

⁹² Переориентация «Крокодила» шла в русле инициатив Хрущёва по созданию Комиссии партийно-государственного контроля и одёргиваний творческой интеллигенции за увлечение западной культурой (Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. М., 2007. С. 453–460).

⁹³ Семёнов И.М. Портрет дармоеда // Крокодил. 1959. № 6. С. 1.

⁹⁴ Абрамский И.П. Мастера сатиры // Творчество. 1963. № 2. С. 12.

⁹⁵ Черепанов Ю.А. Репортаж из «Крокодила». М., 2009. С. 81.

⁹⁶ Абрамов М.А. В «свободном мире». Зарубежный калейдоскоп. Альбом. М., 1981.

⁹⁷ Черепанов Ю.А. Репортаж из «Крокодила». С. 223.

⁹⁸ РГАСПИ, ф. 790, оп. 3, д. 12, л. 103.

ла, что в 1951 г. один рассказ оплачивался по ставке 1,5–2 тыс. руб.⁹⁹ По словам самих карикатуристов, после 1961 г. выплаты за рисунок в среднем составляли 180–200 руб.¹⁰⁰, что в разы превышало среднюю заработную плату по стране.

В письме от 24 марта 1971 г. Семёнов, приглашая воронежского писателя Е.П. Дубровина на должность руководителя экономического отдела журнала, указывал: «Зарплата, к сожалению, небольшая – 280 [руб.]. К ней в течение года добавляется тринадцатая зарплата в виде прогрессивки. И, естественно, гонорар, практически ничем не ограниченный. Когда Вы приедете в Москву, то, конечно, мы схлопочем Вам квартиру и прикрепим Вас и Вашу семью к поликлинике МК (Московского городского комитета КПСС. – *Р.Ч.*)»¹⁰¹. За самого Семёнова, переходившего в «Крокодил» с поста ответственного секретаря газеты «Известия», ходатайствовали перед ЦК о сохранении повышенного оклада и прикреплении к столовой лечебного питания и первой поликлинике 4-го главного управления при Министерстве здравоохранения СССР¹⁰². Таким образом один только заработок сотрудника, будь то художник-карикатурист, фельетонист или поэт-пародист, обеспечивал достаточно высокий уровень жизни.

Кроме того, они имели возможности зарабатывать большие деньги, используя свои профессиональные навыки. Как позже признался Черепанов, «социализм был не такой уж плохой вещью, как это принято говорить сейчас. Особенно для нас, художников-сатириков»¹⁰³. Многие из них сотрудничали с «Правдой», «Известиями», «Комсомольской правдой», «Огоньком», другими газетами и журналами, иллюстрировали книги, рисовали плакаты для художественного объединения «Агитплакат». Последнее, к слову, в 1966–1990 гг. возглавлял «крокодилец» Ефимов, а автор многих «добродушных» обложек издания Семёнов по совместительству занимал в 1956–1972 гг. пост главного редактора детского журнала «Весёлые картинки».

Конечно, доходы могли серьёзно различаться, и нередко чрезмерно успешная деятельность вызывала зависть у коллег по цеху. Характерный случай произошёл с художником-плакатистом А.М. Каневским (1898–1976). Руководство Московской организации Союза художников РСФСР попыталось исключить из её рядов создателя образа любимого многими поколениями советских детей Мурзилки за то, что «он разъезжает по Союзу, заключает какие-то договора на издание плакатов, гребёт кучи денег»¹⁰⁴. Каневскому, однако, удалось сохранить членство, что косвенно подтвердило законность его деятельности. По сути, единственным ограничителем становились творческие и физические возможности художника.

Наконец, видимыми и весомыми атрибутами успеха становились публикации альбомов карикатур, организация зарубежных командировок, награды,

⁹⁹ *Лашина (Покровская) Н.С.* Дневник русской женщины (URL: <https://corpus.prozhito.org/note/320709>).

¹⁰⁰ *Тютюненко Н.* На комической орбите // Коммерсантъ Деньги. 2003. 12 мая (URL: <https://www.kommersant.ru/doc/380916>).

¹⁰¹ Письмо М.Г. Семёнова Е.П. Дубровину от 24 марта 1971 г. Опубликовано в группе поклонников творчества Дубровина в социальной сети «ВКонтакте» (URL: https://vk.com/dubrovin_e?z=photo-74848529_374206774%2Fwall-74848529_116).

¹⁰² Идеологические комиссии ЦК КПСС... С. 111.

¹⁰³ *Черепанов Ю.А.* Репортаж из «Крокодила». С. 210.

¹⁰⁴ *Ефимов Б.Е.* Десять десятилетий. С. 563–564.

звания и премии. Они превращались в своеобразные «охранные грамоты», гарантировавшие личную неприкосновенность и безбедность существования вне зависимости от творческих усилий. Последние, между тем, давали всё меньшую отдачу. В свете необходимости постоянно шутить на злободневные темы арсенал каламбуров постепенно иссякал. Л.С. Петрушевская, проходившая в конце 1950-х гг. практику в журнале, делилась впечатлениями от присутствия на его редколлегии: «Маститые сидели вокруг огромного стола и буквально выжимали из себя нечто по капле... Михаил Ардов¹⁰⁵, плотный, горчичного цвета дядька с седой шевелюрой и козлиной бородкой, вёл себя очень живо, буквально, как дитя, вертелся, оглядывался, нервно смеялся и, наконец, родил: “Баптисты. Баптисты. Баб тискать”. Все охотно заржали, но затем быстро осеклись — какая ещё карикатура может быть при советской власти с такой подписью?». Впоследствии, утверждала писательница, она нашла эту шутку «у кого-то из сатириконовцев», в связи с чем пришла к выводу, что Ардов был «ходячей картошкой старых реприз»¹⁰⁶.

В такой обстановке проявить себя молодёжи становилось всё труднее. Более того, случалось, что места карикатуристов занимали их дети (например, сыновья П.Н. Крылова и Н.А. Соколова — Андрей и Михаил). Супруга Соколова-старшего Надежда Михайловна выступала в роли автора предисловия к альбомам Кукрыниксов¹⁰⁷. Конечно, династии художников или семейные союзы людей смежных профессий — дело обычное. Более того, наследственность положения не успела получить развития в «Крокодиле». Однако даже с учётом этого можно говорить о наметившейся монополизации ведущего сатирического журнала достаточно узкой группой художников.

Третий этап. Середина 1960-х — середина 1980-х гг. Пришедший на смену Хрущёву Л.И. Брежнев любил карикатуру¹⁰⁸, был знаком с художниками¹⁰⁹. Более лояльное отношение к интеллигенции в целом и к карикатуристам в частности создало условия для появления нового политического заказа. Политическая сатира вновь стала важнейшим орудием борьбы за мир, в особенности после принятия XXIV съездом КПСС «Программы мира» (1971) и постепенного затухания «разрядки» во второй половине 1970-х гг. Традиционные сюжеты этих лет: критика американской военщины, милитаристских устремлений блока НАТО¹¹⁰, германского неонацизма¹¹¹, реакционных режимов в странах Африки и Латинской Америки¹¹² и китайских маоистов¹¹³. Международные но-

¹⁰⁵ Речь идёт о фельетонисте Викторе Ардове.

¹⁰⁶ Петрушевская Л.С. Вилы в бок // Крокодил. 2000. № 4. С. 6–7.

¹⁰⁷ Семёнов М.Г. Крокодилские были. С. 69.

¹⁰⁸ Брежнев признавался, что и сам в молодости «баловался рисуночками» (Ефимов Б.Е. Десять десятилетий. С. 580).

¹⁰⁹ Косвенным подтверждением тому служит свидетельство сына Н.А. Соколова Владимира, который говорил, что в родительской квартире на Земляном Валу некоторое время жила Галина Брежнева (Гершкович Е. Московская династия: Соколовы // Журнал «Москвич». 2022. 12 января (URL: <https://moskvichmag.ru/gorod/moskovskaya-dinastiya-sokolovy/>)).

¹¹⁰ Червяков Р.Ю. Советские карикатуристы и формирование представлений о США...

¹¹¹ Червяков Р.Ю. «Вползает в юные умы микроб коричневой чумы»: (нео)фашизм в советской политической карикатуре 1970–1980-х гг. // История России с древнейших времён до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды. Сборник статей участников международной научно-практической школы-конференции молодых учёных (8–9 октября 2019 г.). М., 2019. С. 357–365.

¹¹² Червяков Р.Ю. Хроника «заднего двора»...

¹¹³ Гулёва М.А. Синий френч, дарёная шляпа...

ности вновь заняли ведущее положение, свидетельство чему — появление в середине 1970-х гг. рубрик «Вокруг света и тьмы» и «Иностранности», посвящённых критике западного образа жизни. В то же время нельзя не заметить, что многие клише имели многолетнюю историю использования. Так, например, образ чилийского диктатора А. Пиночета мало отличался от изображений Броз Тито рубежа 1940—1950-х гг., а те, в свою очередь, заимствовались из наработок военного времени¹¹⁴.

В 1975 г. новым главным редактором стал Дубровин — человек, по воспоминаниям современников, талантливый, но немногословный¹¹⁵. К этому периоду работы журнала относится появление ряда тематических рубрик. Например, «Иду, шагаю по стране...», посвящённой демонстрации достижений в свете 50- и 60-летий СССР, «Олимпийского календаря», приуроченного к Олимпиаде-80. Нарастающая проблема пьянства освещалась в «Под углом 40°», проблемы сельского хозяйства — в «Чтобы колос стал колоссом». Свою роль в их возникновении сыграл как опыт работы Дубровина в отделе экономики, где он заведовал подбором материалов по проблемам промышленности, аграрного сектора и управления народным хозяйством, так и то, что десятая пятилетка проходила под лозунгом «эффективности и качества».

Всё это время, впрочем, художники работали в рамках привычных форм и решений. Ефимов, к тому времени — старейшина цеха советских карикатуристов, декларировал: «Политическая сатира — особый жанр, которому чужды неясные, отвлечённые переживания и ощущения, подобные, к примеру, тем, которые испытывает художник-пейзажист или поэт. Карикатура требует максимальной точности. Это похоже на быстрое решение сложной задачи. Представьте, перед художником стоит цель — откликнуться на то или иное событие, явление, факт, по-своему прокомментировать его. Он должен решить, как наиболее выразительно раскрыть тему. У вас один-два часа. В то же время рисунок должен быть смешным и политически точным. Иногда говорят “вдохновение”, “самовыражение”, “сверхзадача” и другие громкие слова. А об этом некогда думать»¹¹⁶.

Интересно сопоставить это рассуждение с более поздними размышлениями того же Ефимова о неудачах пропагандистской работы в годы Первой мировой войны: «Уже никого не смешат залихватские карикатуры на кайзера, они уже приелись, так же как и стихи, где неизменно рифмуется “Вильгельма” и “шельма”»¹¹⁷. Молодой читатель и взрослый художник разошлись во взглядах на одну и ту же проблему. Возможно, даже сознавая её, пожилой карикатурист уже был не в состоянии пересмотреть методы работы. Как бы то ни было, злободневность рисунков безвозвратно терялась.

Вдобавок неожиданную проблему создало усилившееся в годы «разрядки» международное сотрудничество, которое открыло советским читателям иностранных авторов. Большое внимание привлекли выставки «Сатира в борьбе за мир» (1969, 1973, 1977, 1983)¹¹⁸, на которых выставлялись рисунки как совет-

¹¹⁴ Червяков Р.Ю. «Подлинное лицо реакции». Образ Аугусто Пиночета на страницах журнала «Крокодил» (1973—1990) // Латинская Америка. 2022. № 3. С. 40.

¹¹⁵ Киреев Р.Т. Пятьдесят лет в раю. Роман без масок. М., 2008. С. 259—262.

¹¹⁶ Крокодил. 1976. № 14. С. 8—9.

¹¹⁷ Ефимов Б.Е. Десять десятилетий. С. 22.

¹¹⁸ Сатира в борьбе за мир / Сост. М.А. Абрамов. М., 1972; Сатира в борьбе за мир. Международная выставка. М., 1973; Сатира в борьбе за мир. Третья международная выставка / Сост.

ских, так и зарубежных художников. В СССР активно публиковались сборники карикатур выдающихся графиков — датчанина Х. Бидструпа, француза Ж. Эффеля, американца А. Рефрежье и многих других. Они демонстрировали иной уровень раскрытия привычных сюжетов жизни в странах «капиталистического лагеря» — бедности, безработицы, всевластия монополий и т.д. К примеру, проблему расовой сегрегации находчиво и элегантно раскрыл Бидstrup. В первой половине рисунка на лавочку с надписью «для белых», где уже сидит белая женщина, присаживается чернокожий юноша. Женщина вскрикивает, и юношу арестовывает полиция. Напротив — другое изображение: на ту же лавочку садятся четыре чернокожих ребёнка, испуганная женщина убегает прочь. На спинах малышей нарисованы цифры «1961», тем самым автор выражает надежду, что в новом году разделению по цвету кожи будет положен конец¹¹⁹. На этом фоне рисунки Абрамова, на которых негров травят собаками, напрочь лишены оптимизма¹²⁰. Художественное чутьё зарубежных графиков левых взглядов оказывалось более острым и чутким, чем у их советских коллег.

Наконец, попытки творческого поиска наталкивались на открытое противодействие. Р.Т. Киреев, заведовавший в конце 1970-х гг. отделом литературы, вспоминал о критике, обрушившейся на журнал в феврале 1980 г. со стороны председателя Союза писателей РСФСР С.В. Михалкова. «Особенно досталось двум номерам — новогоднему и детскому, их литературной составляющей. А так как отделом литературы заведовал я, то ярлык безыдейности был приклеен к моей персоне». Речь шла о выпусках 35 и 36 за 1979 г. Нарекания вызвало отсутствие в них политически острых материалов: «детский» в основном содержал юмористические рисунки с изображением весёлых мальчишек и девчонок, в «новомодном» большую часть номера заняли пародии на классиков мировой литературы. В условиях нарастания международной напряжённости подобная безобидность рассматривалась как непростительная дерзость. Сам Киреев считал, что «проработка» объяснялась его независимой позицией, которая раздражала тех, кто считал журнал «своей вотчиной»¹²¹.

Четвёртый этап. Середина 1980-х — начало 1990-х гг. Очередные изменения произошли в журнале с началом перестройки. В январе 1986 г. сменился главный редактор: Дубровина перевели на должность руководителя журнала «Трезвость и культура»¹²², вместо него был назначен А.С. Пьянов, до того — заместитель А.Д. Дементьева в журнале «Юность», тесно связанный с ним ещё по работе в г. Калинин. Выбор кандидатуры нового руководителя издания явно увязывался с изменениями в общественно-политической жизни. Пресса мобилизовала сторонников проводимых реформ, а также играла роль своеобразной «оппозиции», критическими публикациями помогая очищать партийные ряды от оппонентов М.С. Горбачёва¹²³. «Крокодил», имевший большой опыт борьбы с недостатками советского общества, должен был выступить в авангарде новых идеологических кампаний.

В.Е. Гришина, И.Г. Смирнова. М., 1980; Сатира в борьбе за мир. Четвёртая международная выставка. М., 1986.

¹¹⁹ С Новым годом! // Херлуф Бидstrup. Избранное. М., 1976. С. 314.

¹²⁰ Собаководы // Абрамов М.А. В «свободном мире». С. 31.

¹²¹ Киреев Р.Т. Пятьдесят лет в раю... С. 306.

¹²² Там же. С. 262.

¹²³ Барсенков А.С. Введение в современную российскую историю. 1985–1991. Курс лекций. М., 2002. С. 83.

В журнале появились новые рубрики: «Беседа с государственным человеком» (интервью с руководящими работниками и депутатами; интересно, что первым оказался министр внутренних дел В.В. Федорчук¹²⁴), «Есть вопрос к министру» (в первом выпуске четырём союзным министрам задали вопрос, когда будут достроены пять картонных фабрик, без которых невозможна переработка макулатуры)¹²⁵, «Рыцарь отчётности» (посвящалась бюрократам, превзошедшим коллег в мастерстве отписок¹²⁶) и др. Все они демонстрировали углубление политики гласности. Сохранилась традиция тематических номеров «в духе времени». Активно публиковались материалы, связанные с антиалкогольной кампанией, проблемами научно-технического прогресса, экологии, неэффективности организационно-хозяйственного механизма на местах, бюрократизма, «стукачества», войной в Афганистане. На обложках появились карикатуры на Сталина. Однако следует признать, что «Крокодил» серьёзно уступал набиравшим популярность «Огоньку», «Московским новостям», «Комсомольской правде», «Аргументам и фактам». Язык карикатур и фельетонов выходил из моды, ему на смену шли репортажи и острые интервью.

Неожиданно уменьшилась доля публикаций, посвящённых внешней политике. «Новое мышление» и потепление отношений со странами Запада привели к деградации жанра международной изюмористики, строившейся на решениях в духе Кукрыниксов и уже давно ставшей пропагандистским рудиментом. Свообразным финалом стал рисунок Абрамова, изобразившего на боксёрском ринге Горбачёва и президента США Дж. Буша-старшего. Рефери, символизирующий земной шар, поднимает руки обоих боксёров вверх, обозначая их совместную победу над холодной войной¹²⁷.

Подводя итоги, следует констатировать, что «Крокодил» рассматривался как важный инструмент пропаганды, его деятельность сопровождалась материальной и моральной поддержкой. В то же время редакции приходилось колебаться вместе с «генеральной линией партии», попытки выйти за пределы наработанных шаблонов пресекались как сверху, так и изнутри, а статус орудия идеологической борьбы делал во многом бессмысленными поиски новых тем и сюжетов. Сотрудничество с журналом считалось почётным и хорошо оплачивалось, но оборотной стороной медали оказывались перестраховочные настроения среди сотрудников редакции и постоянная угроза идеологических разносов. Негативной чертой работы издания следует признать также крайне консервативный настрой большинства художников-карикатуристов, в рассматриваемый период достигших преклонных лет. Это мешало говорить с читательской аудиторией на одном языке, мир менялся, а «Крокодил» переставал за ним поспевать. Уход «старой гвардии» художников и распад Советского Союза в итоге предрешили судьбу журнала и самого жанра политической сатиры.

¹²⁴ Крепить правопорядок // Крокодил. 1985. № 26. С. 2–3.

¹²⁵ Есть вопрос министру // Крокодил. 1986. № 19. С. 4.

¹²⁶ См., например: Крокодил. 1988. № 21. С. 12.

¹²⁷ Абрамов М.А. Нокаут!!! // Крокодил. 1990. № 29. С. 1.

Становление советской спортивной дипломатии: структуры и практики

Антон Глушич

Formation of Soviet sports diplomacy: structures and practices

Anton Glushich

(HSE University, Moscow, Russia; Sevastopol State University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X23050097, EDN: OXFNNL

Культурная дипломатия — концепт, прочно вошедший в практику международных отношений с 1960-х гг.¹ Однако если подразумевать под ней «систематическое включение культурной составляющей в отношения с иностранными государствами», то можно констатировать, что СССР уже с начала 1920-х гг. применял культурные связи для решения внешнеполитических задач². Изначальная цель заключалась в преодолении международной изоляции страны через формально неполитические структуры. Во второй половине 1920-х гг., после дипломатического признания СССР большинством ведущих стран мира, на первый план выдвигались демонстрация достижений молодого государства и улучшение имиджа советского проекта.

На нужды культурной дипломатии работало множество ведомств: Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), Объединённое бюро информации при Президиуме ЦИК (ОБИ), Межрабпом, НКВД, иностранный отдел ГПУ, агитпроп Коминтерна. С их помощью организовывались выставки советского искусства за рубежом (например, в Берлине в 1922 г.), визиты западных интеллигентов в СССР (поездка Т. Драйзера в 1927–1928 гг.) и т.д.

Не остался в стороне и спорт. Уже в 1921 г. было создано особое подразделение Коминтерна — формально наднациональный Красный спортивный Интернационал (КСИ, Спортинтерн), который поставил своей задачей «сплачивать вокруг себя трудящиеся массы... с целью усиления их физической подготовки и культуры для того, чтобы они в качестве бойцов смогли принять участие в классовой борьбе пролетариата»³. КСИ выполнял функцию коммуникационного центра красного рабоче-спортивного движения. Важную роль играл Высший совет физической культуры (ВСФК), который руководил спортом в СССР, формально являлся членом КСИ, но на деле обладал намного большими финансовыми и организационными возможностями, чем Спортинтерн. Эти организации стали двумя опорами зарождающейся советской спортивной дипломатии. Главными же её противниками были по умолчанию все спортивные организации буржуазного толка, а также социал-демократический Люцернский спортинтерн

© 2023 г. А. М. Глушич

¹ Докучаева С. В. Аналитическая модель культурной дипломатии: перспективы уточнения исследовательского инструментария // Управление в современных системах. 2016. № 3(10). С. 41.

² Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 гг. М., 2015. С. 41.

³ Цит. по: Кун Л. Всеобщая история физической культуры и спорта. М., 1982. С. 267.

(ЛСИ), основанный в 1920 г. и не ставивший «боевые» задачи перед спортом, что привлекало на его сторону большее количество простых рабочих⁴.

Разделение обязанностей внутри ответственных структур представлялось следующим образом: КСИ объединял в своём составе как можно большее количество рабоче-спортивных ячеек по всему миру посредством переписки, договоров, методической и пропагандистской работы; играл роль коммуникационного центра движения. ВСФК же брал на себя решение прикладных задач — материальное обеспечение работы советской спортивной дипломатии. Однако на практике, как будет показано далее, эта конструкция не всегда была прочной.

Идеологическое противостояние «рабочего и буржуазного» спорта, равно как и конфликт по линии КСИ—ЛСИ, достаточно полно освещены в историографии. А.А. Васильев проанализировал эволюцию отношений двух Спортинтернов и изменения в дискурсе их руководителей, выделив периоды осторожного сотрудничества и попыток налаживания связей в середине 1920-х гг. и почти полной заморозки отношений в 1929—1933 гг.⁵ Д. Стейнберг обращал внимание на взаимное стремление КСИ и ЛСИ подчинить своего оппонента и стать единоличным лидером рабочего движения, что делало переговоры о сотрудничестве во многом формальными⁶. А. Гуно показал, как жёсткие идеологические позиции КСИ мешали пополнению Спортинтерна новыми клубами, так как на Западе спортсмены зачастую желали заниматься физкультурой и соревноваться, а не вести политико-пропагандистскую работу⁷. Глобальный взгляд на проблему влияния идеологии и политического строя на спорт внутри стран Европы в 1920—1930-х гг. отражён в монографии П. Арно и Дж. Риордана⁸.

А.В. Хорошева исследовала деятельность КСИ в довоенный период, выделила ключевые проблемы и противоречия в функционировании Красного спортинтерна, проистекавшие из его формального положения наднациональной организации, а также сложных взаимоотношений с советскими институтами, прежде всего с ВСФК⁹. Большое внимание она уделила знаковым персоналиям, которые определяли облик советской физкультуры и спорта: первому председателю КСИ, руководителю ВСФК в начале 1920-х гг. Н.И. Подвойскому и наркому здравоохранения Н.А. Семашко¹⁰. В работе Н.М. Боголю-

⁴ Там же. С. 266—267.

⁵ *Васильев А.А.* Зарождение и развитие международных связей советского спорта в 1920-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2001.

⁶ *Steinberg D.* The Workers' Sport Internationals 1920—28 // *Journal of Contemporary History*. Vol. 13. 1978. № 2. P. 233—251.

⁷ *Gounot A.* Sport or Political Organization? Structures and Characteristics of the Red Sport International, 1921—1937 // *Journal of Sport History*. Vol. 28. 2002. № 1. P. 23—39.

⁸ *Arnaud P., Riordan J.* Sport and International Politics: Impact of Fascism and Communism on Sport. N.Y., 1996.

⁹ *Хорошева А.В.* Деятельность Красного спортивного Интернационала в конце 1920-х — начале 1930-х гг. // *Вестник Московского университета. Сер. 8. История*. 2018. № 5. С. 86—105; *Хорошева А.В.* Деятельность Красного спортивного Интернационала в 1933—1937 гг. // *Российская история*. 2018. № 5. С. 105—115; *Хорошева А.В.* Высший совет физической культуры (1920—1936): от координации к жёсткому контролю // *Уроки Октября и практики советской системы (1920—1950-е годы)*. Материалы X международной научной конференции. М., 2018. С. 848—857.

¹⁰ *Хорошева А.В.* Николай Ильич Подвойский и советская физкультура в 1920-е гг. // *Труды исторического факультета МГУ*. Т. 171. Дискуссионные вопросы современной исторической науки: памяти академика РАН Юрия Степановича Кукушкина (1929—2019). СПб., 2020. С. 580—593; *Хорошева А.В.* Становление советской физкультуры и противостояние Н.А. Семашко и Н.И. Подвой-

бовой и Ю.В. Николаевой показано, что именно СССР начал на регулярной основе использовать спорт как дипломатическое орудие¹¹.

Тем не менее до настоящего времени историки уделяли гораздо меньше внимания реальным практикам деятельности КСИ и ВСФК. На мой взгляд, именно обращение к этим проблемам позволит более аргументированно ответить на вопрос, была ли внешнеполитическая деятельность Советского государства в сфере спорта системной практикой со своими принципами и методами работы.

В данной статье будут рассмотрены ключевые аспекты функционирования спортивной дипломатии: нормативный базис, инструментарий, а также взаимодействие управляющих спортивных органов с институтами внутри СССР и за рубежом. Сделать это позволяет делопроизводственная документация КСИ, ВСФК и спортивных отделов ЦК ВЛКСМ. Главное внимание уделено нормативным актам, двусторонним договорам о спортивном сотрудничестве, а также межведомственной переписке и отчётам о поездках команд за рубеж. Эти материалы дают возможность решить ключевую задачу статьи — осветить не борьбу дискурсов и риторик руководящих органов, но повседневные практики спортивного взаимодействия, а также определить соотношение должного порядка международного спортивного взаимодействия, предписанного в документах, и реального положения дел на спортивных площадках в 1920-х гг.

Нормативный базис советской спортивной дипломатии. Функционеры КСИ и ВСФК постепенно старались сводить к минимуму разногласия между собой и в контактах с другими секциями КСИ, определяя общие нормы и правила организации международных спортивных встреч. Их предвестником можно считать «Циркуляр об участии в Люцернских состязаниях». В архивах обнаружить этот документ не удалось, однако он упоминается в более поздних записях, а характер его, исходя из общего контекста отношений двух Спортинтернов в этот период, был достаточно сдержанным и позволял налаживать спортивные контакты, но с утилитарной задачей — привлечения на свою сторону как можно большего числа членов спортклубов ЛСИ. Сам факт создания такого циркуляра примечателен. Первым делом КСИ позаботился не об упорядочивании взаимодействия со своими секциями, а о регламентации соревнований с неприятелями из социал-демократического Спортинтерна.

Первый документ, касающийся собственно КСИ, был разработан только в январе 1925 г., издан Секретариатом КСИ и назывался «Порядок обмена представительными командами для международных состязаний»¹². Инструкция предусматривала следующий алгоритм действий. Если клубы или секции разных стран хотели провести международную встречу, то это становилось делом вышестоящих инстанций: принимающая секция обращалась в ЦК компартии своей страны, «который должен убедиться в том, что состязание соответствует основным принципам КСИ». Без такого посредничества обойтись было нельзя, так как «отдельные договоры между организациями и клубами

ского // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции. СПб., 2020. С. 79–84.

¹¹ Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Красный спортивный Интернационал и зарождение советской спортивной дипломатии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2012. № 2. С. 107–114.

¹² РГАСПИ, ф. 537, оп. 1, д. 99, л. 25–27.

не соответствуют дисциплине КСИ»¹³. Все финансовые вопросы следовало решить «до отъезда (выделено в источнике. — А.Г.) команды за границу между организаторами состязаний и ЦК их страны»¹⁴. Такой акцент был обусловлен усталостью руководителей КСИ от обращений к ним команд, оставшихся без билетов или средств на проживание. В такой ситуации управляющим органам приходилось срочно обращаться в ВСФК за субсидией, а в отдельных случаях даже форсировать процедуру через советские представительства за рубежом. Например, в 1924 г. удалось в чрезвычайном порядке получить 200 долларов для командировки немецкой команды в СССР только после обращения напрямую к советскому постпреду в Германии Н. Осинскому, который передал эту просьбу в Москву¹⁵. Наконец, ЦК компартии принимающей страны осуществлял «сопроводительную функцию» на протяжении всей поездки: по приезде спортсмены обязаны были явиться в ЦК и «представиться», в дальнейшем же любые споры и проблемы разрешались при содействии ЦК и приставленного к команде чиновника¹⁶.

Ряд положений документа относился к идеологической стороне состязаний. Так, при комплектовании команды «политическая благонадёжность её членов должна быть тщательно установлена. Это не обуславливает, однако, принадлежность к определённой организации»¹⁷. Критерии отбора в команду были предельно ясными: «во избежание т[ак] н[азываемого] “перебежничества”... по окончании поездки следует настаивать на членском стаже каждого представителя не менее 1 года в рабочем спортивном движении данной страны», а если само движение существует меньше года, то с момента его основания¹⁸. Такой стаж именуется в документе «необходимой квалификацией для участия представительной команды». Таким образом, по мнению КСИ, квалифицированный спортсмен — это не атлет, выигравший большое количество состязаний, но пролетарий, представляющий «рабочий класс вообще», например — путём «участия в рабочих демонстрациях» в ходе спортивной поездки¹⁹.

Члены выезжающей команды должны были ознакомиться с принципами КСИ и «отказаться от участия, если окажется противоречие упомянутым принципам»²⁰. Таким указанием руководители КСИ стремились жёстче контролировать те нередкие случаи, когда в ходе поездки спортсменам предлагали провести встречи не всегда «благонадёжные» местные спортклубы. Но этот факт не останавливал приезжих спортсменов, что впоследствии в негативном тоне отмечалось в отчётах. По поводу буржуазных организаций позиция была однозначной — никаких договоров не допускалось, причём даже с «рабочей оппозицией этих организаций»²¹. Единственное исключение сделал КСИ в 1925 г. для установления связей со странами Востока, где не существовало и не могло возникнуть в ближайшее время рабочего спортивного движения²².

¹³ Там же, л. 25.

¹⁴ Там же, л. 26.

¹⁵ Там же, д. 79, л. 24.

¹⁶ Там же, д. 99, л. 27.

¹⁷ Там же, л. 26.

¹⁸ Там же, л. 25.

¹⁹ Там же, л. 27.

²⁰ Там же, л. 26.

²¹ Там же.

²² Там же, д. 240, л. 70.

Важно отметить, что этот «идеологический блок» был применим лишь к встречам внутри членов КСИ. Зарубежные организации, которые входили в состав ЛСИ, договариваясь о соревнованиях с секциями КСИ, предпочитали пресекать любую возможность пропагандистской работы со стороны оппонентов. Например, в соглашении об организации состязаний от 27 декабря 1928 г. между ВСФК и ТУЛ (финским рабочим союзом, состоявшим в ЛСИ²³), оговаривалось: «Команды СССР являются исключительно гостями союза ТУЛ. Они должны воздержаться официально от спортивных и политических демонстраций, а также от официальных сношений с политическими партиями»²⁴.

Ряд положений документа касался собственно спортивных аспектов. Указывалось, что перед отъездом желательно проводить тренировки, если позволяют обстоятельства. Однако лучшие спортсмены могли вовсе быть лишены возможности регулярно демонстрировать своё мастерство за рубежом. Об этом свидетельствует следующий пункт документа: «Чтобы предотвратить опасность создания привилегированной группы случайно отличившихся членов спортивных организаций, чтобы предоставить возможность каждому активному члену участвовать в международных состязаниях и приобрести международный опыт, каждая представительная команда должна быть составлена лишь *на один раз* (выделено в источнике. — А.Г.). Где только возможно, следует при следующем составлении команды переменить половину состава или же составить совсем другую команду»²⁵. Как видно из этого фрагмента, руководство КСИ не считало приоритетом победу в соревнованиях и формально не признавало исключительности отдельных спортсменов, а их стабильно высокие результаты, опасаясь зарождения идеи профессионализма, объясняло случайностью, стечением обстоятельств.

В последнем пункте документа давались рекомендации относительно поведения спортсменов во время состязания. Так, «каждая команда должна придавать большее значение проведению своей методы, чем количеству выигранных очков», а «выдающаяся команда может обойтись без кунштштюков, но она должна стараться чему-то научить своих братьев-рабочих из другой страны». При возникновении несчастных случаев команда должна была немедленно приходить на помощь получившим травмы, а не пытаться «обычным буржуазным приёмом приписать себе кредит»²⁶ за счёт неудачи оппонентов.

Явное пренебрежение КСИ к победам противоречило позиции руководителей ВСФК, которые ратовали за то, чтобы советские команды занимались не только пропагандистской работой, но демонстрировали высокий уровень выступлений и доказывали, что советская система спортивной подготовки является лучшей в мире. Таким образом, рассматриваемое постановление Спортинтерна упорядочило способы налаживания спортивных контактов между её секциями, но не снимало разногласий с ВСФК, а также обусловило непопулярность КСИ в среде советских спортсменов высокого класса.

Второй ключевой документ — «Порядок составления и отправки спортивных команд за границу» (издан ВСФК в 1929 г.) — касался выездов советских спортсменов²⁷. Формально он не противоречил постановлению КСИ 1925 г., но

²³ Там же, л. 155.

²⁴ Там же, оп. 2, д. 109, л. 67–68.

²⁵ Там же, оп. 1, д. 99, л. 26.

²⁶ Там же, л. 27.

²⁷ Там же, оп. 2, д. 110, л. 98.

на деле был написан, по крайней мере отчасти, в противовес ему. Согласно документу, соревнования проводились по годовичному плану, который составлялся Комиссией внешних сношений и утверждался обычно осенью предшествующего года как Президиумом ВСФК, так и вышестоящими правительственными органами. Затем секция по тому или иному виду спорта представляла состав делегации «с учётом социальных и технических качеств как отдельных участников, так и коллектива или команды в целом». Из этого фрагмента видно, что ВСФК старался не забывать, что подготовленность команды должна учитываться при её комплектовании. Затем представленный список рассматривался Комиссией внешних сношений ВСФК, обычно в присутствии представителей секции. На этом же заседании назначался политический руководитель для команды со стороны ВСФК. После утверждения Комиссией информация о составе делегации передавалась иностранным коллегам, одновременно запрашивались визы и подавался запрос на оформление советских заграничных паспортов. На бумаге процесс составления команды выглядел отработанным и чётким. Однако «в большинстве случаев, по целому ряду не зависящих от Комиссии обстоятельств, поездки за границу проводятся в чрезвычайной спешке... Аппарату Комиссии приходится в таких случаях бросать все текущие дела и концентрировать всё своё внимание на проталкивании в ряде инстанций данной поездки. Причём необходимо указать, что мы игнорируем все нормальные установленные сроки для прочих командующих за границу учреждений и пользуемся безграничным содействием как наших правительств, так и посольств. Как пример, нужно указать, что обычный срок обеспечения выезда колеблется от 1,5 до 2 месяцев, мы же обеспечиваем его в течение одной, максимум двух недель»²⁸.

Этот пассаж ярко иллюстрирует, что КСИ стремился проводить под своей эгидой как можно большее количество состязаний, принимая все запросы в посредничестве от своих секций и передавая ВСФК просьбы принять эти приглашения. Кроме очевидных финансовых сложностей, это вызывало и множество трудностей организационного характера. Разумеется, Спортинтерн не упоминается здесь напрямую, но суть тех самых «не зависящих от Комиссии обстоятельств» была вполне ясна. ВСФК выказывал недовольство работой руководителей КСИ.

Методы работы советской спортивной дипломатии. Очевидно, что основным инструментом спортивной дипломатии было соревнование. Под эгидой КСИ проводилось множество состязаний. Встречались между собой сборные рабочих различных городов. Клубы, объединяющие рабочих одного рода деятельности (например, шахтёров), могли приглашать иностранцев той же профессии для товарищеских встреч. Нередко в СССР приглашались команды для полноценных турне по нескольким городам²⁹. Наиболее частой формой контактов были отдельные двусторонние встречи между клубами. Особенно тесные связи у советских спортсменов сложились с коллегами из Германии, Норвегии, Чехословакии³⁰.

Разумеется, оба Спортинтерна хотели проводить не только локальные соревнования, но и крупные спортивные форумы. Первенство здесь оказалось за

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, оп. 2, д. 94, л. 14.

³⁰ Там же, оп. 1, д. 142, л. 16–17.

ЛСИ. Уже в 1921 г. была проведена пробная встреча в Праге, а в 1925 г. состоялась первая мировая летняя Рабочая Олимпиада во Франкфурте-на-Майне³¹. КСИ желал дать ответ как можно скорее, но подготовить спортивную инфраструктуру Москвы для такого масштабного мероприятия, получившего название «Спартакиада», удалось только к 1928 г.³² Внешнеполитические цели проведения были сформулированы в открытом письме ЦК ВЛКСМ: «Поддержка единства рабочего спорта в мире и демонстрация иностранным гостям успехов Советского государства»³³.

Итоги форума для руководства СССР оказались положительными. Советский спорт показал, что не уступает зарубежным секциям и результатам спортсменов ЛСИ, а иногда и превосходит их. Удалось превзойти даже ряд рекордов Олимпийских игр³⁴. Всего в Спартакиаде участвовали 4040 советских спортсменов и 612 иностранцев³⁵. Самую значительную делегацию отправила Германия — 195 человек, среди которых было много сочувствующих из числа членов ЛСИ. Масштаб проведённых состязаний и организационный размах привлекли внимание зарубежной прессы, особенно в Великобритании, где после возвращения делегации прошли массовые митинги рабочих³⁶. Такой успех позволил КСИ ходатайствовать о средствах на проведения второй Спартакиады в Берлине в 1931 г. Однако впоследствии это состязание будет сорвано немецкими властями. Идея о проведении Спартакиады в 1934 г. также осталась нереализованной.

Часто проекты спартакиад оставались лишь на бумаге. Наиболее интересны идеи организации Восточной и Латиноамериканской спартакиад, а также задумка конца 1920-х гг. — организация в сотрудничестве с Коммунистическим интернационалом молодёжи (КИМ) и комсомолами европейских стран детской спартакиады в 1930 г.³⁷ На то время проект не имел аналогов. И хотя ни одна из этих инициатив не была реализована, очевидно, что в 1920-х гг. идеи спартакиад являлись для руководителей КСИ потенциально важным орудием активизации внешних сношений в регионах, поскольку обычные нерегулярные поездки спортсменов не обеспечивали должной интенсивности связей. В 1930-х гг. эта практика стала упоминаться значительно реже. Причиной тому было нежелание ссориться с ЛСИ, с которым как раз начал формироваться единый фронт борьбы против фашизации спорта, и осознание того, что проекты таких состязаний вдали от центров рабочего движения сопряжены с большими сложностями. В итоге соревнование 1928 г. так и осталось единственным выдающимся форумом «красного рабочего» спорта³⁸.

Таким образом, политику КСИ в этом вопросе в 1920-х гг. можно назвать смелой и даже утопической, а в 1930-х гг. — реалистичной. Со второй половины 1920-х гг. важными для укрепления связей стали меньшие по масштабам

³¹ Григоревич В.В. Всеобщая история физической культуры и спорта. Учебное пособие. М., 2008. С. 186.

³² Деметер Г.С. Физическая культура в социалистическом обществе. М., 1987. С. 24.

³³ Хорошева А.В. «Пролетарская» Спартакиада 1928 года и «буржуазное» олимпийское движение // Свободная мысль. 2018. № 2. С. 8.

³⁴ РГАСПИ, ф. 537, оп. 2, д. 240, л. 77.

³⁵ Хорошева А.В. «Пролетарская» Спартакиада... С. 7.

³⁶ РГАСПИ, ф. 537, оп. 2, д. 14, л. 14.

³⁷ Там же, оп. 1, д. 187, л. 43.

³⁸ Хорошева А.В. «Пролетарская» Спартакиада... С. 22.

многосторонние состязания — праздники физкультуры, которые зародились в СССР, а затем проводились и за рубежом, например, в Вене и Берлине³⁹.

Вместе с тем разного рода соревнованиями методы советской спортивной дипломатии не ограничивались. Развивались также несоревновательные формы взаимодействия, которые в историографии не рассматривались. Предпосылкой для их распространения была очевидная аморфность многих секций КСИ за рубежом. Они не несли никаких формальных обязательств перед Спортивным интерном, кроме уплаты членских взносов, зачастую оставались пассивными в вопросах расширения. Именно поэтому с середины 1920-х гг. советские спортивные органы начали применять во взаимодействии с зарубежьем практики из советской внутренней политики. Первой из них стало шефство, прикрепление зарубежных секций КСИ или отдельных спортивных клубов к советским физкультурным организациям.

Шефство в СССР зародилось в отношениях между РКСМ и созданным Рабоче-крестьянским Красным флотом в 1922 г.⁴⁰ Поэтому неудивительно, что инициатором перенесения этой практики в сферу спорта стал комсомол. Зачастую такой патронаж зарождался следующим образом: региональная организация комсомола налаживала связи с зарубежными ячейками, после чего выступала с инициативой принять шефство над ними. Вопрос рассматривался в Президиуме ВСФК и получал своё разрешение, как правило положительное. КСИ стал активно вовлекаться в такие соглашения лишь с конца 1920-х гг. Подобные договоры заключались, прежде всего, с теми странами, которые либо уже состоялись как секции КСИ, либо имели сильное сочувствующее КСИ движение.

Началом практики шефства в советских связях с зарубежьем можно считать 1926 г., когда руководители ВЛКСМ признали «целесообразным прикрепление русских организаций к отдельным заграничным организациям»⁴¹. Уже в начале года ВСФК постановил «считать целесообразным принять шефство над Рабочей спортивной федерацией Франции, установив деловую связь», а также распорядился «пригласить спортивную группу французской федерации в СССР на лето 1926 года»⁴². В постановлении не указано, какая организация выступала шефом, но, исходя из дальнейших встреч, можно предположить, что связь устанавливалась с физкультурниками Ростова-на-Дону. На конец 1926 г. было намечено прикрепление спортивных организаций Италии к Северному Кавказу⁴³.

Функцию шефов выполняли физкультурные организации не только РСФСР, но и Украины, Белоруссии и Закавказья. В том же 1926 г. белорусские физкультурники стремились укрепить связь с соратниками в Польше, договор о шефстве с которыми считали недостаточно конкретным: «Подшефным революционным спортивным организациям Польши от красных физкультурников Советской Белоруссии! Посылаем средства, собранные для вас физкультурниками Белоруссии. Просим сообщить, каким образом возможна связь с отдельными вашими красными объединениями для того, чтобы каждый из наших

³⁹ РГАСПИ, ф. 537, оп. 1, д. 175, л. 158.

⁴⁰ Моисеев В. И. Шефство над Красной армией и флотом в период 1921–1940 гг. // Учёные записки Новгородского государственного университета им. Я. Мудрого. 2018. № 4(16). С. 1.

⁴¹ РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 650, л. 94.

⁴² Там же, д. 648, л. 45.

⁴³ Там же, д. 650, л. 94.

10 округов мог быть прикреплен отдельно к вашей организации»⁴⁴. Договоры заключались и с Чехословакией: Богемию прикрепили к Закавказью, Моравию — к Белоруссии, Словакию и Закарпатскую Русь — к Украине⁴⁵.

Как видим, шефство заключалось не только в организации совместных состязаний и методической помощи, но и в материальной поддержке зарубежных движений. Также одной из его целей было проникновение на нижние уровни взаимодействия, когда соглашение заключалось не с органом-представителем всех рабочих физкультурников зарубежного государства, а с физкультурными организациями на местах, что способствовало более тесной координации усилий. Позже в дело вступил КСИ. Уже в 1927 г. его руководство издало «Положение о смычке»⁴⁶, а в ходе доклада на заседании Секретариата КСИ 4 февраля 1930 г. было констатировано «массовое прикрепление советских физкультурников на фабриках или даже целых районов к зарубежным спортивным организациям»⁴⁷. Заимствованная в сферу спорта практика шефства окончательно прижилась.

Аналогичным методом переноса внутренних советских практик на международные спортивные отношения стало социалистическое соревнование. В 1929 г. на волне набирающего силу «ударничества» был заключен первый договор о социалистическом соревновании в СССР, и тогда же в КСИ отметили, что именно спортивные организации наиболее приспособлены к реализации такой задумки⁴⁸. Правда, самим спортивным состязаниям в таких договорах нередко уделялось лишь несколько строк. Задачи были иными и лежали в сфере политической. Такие договоры можно считать шагом вперед по сравнению с достаточно размытыми соглашениями о шефстве. Соответствующие документы, помимо общих формулировок, включали в себя конкретные обязательства, заключенные в количественные или временные рамки. Благодаря новой практике КСИ и ВСФК стремились избежать ситуаций, когда секция, с которой удалось установить связь, оказывалась неактивной или вовсе исчезала, а вся материальная и методическая помощь ей оказывалась напрасной. Именно перспектива документального закрепления сотрудничества с зарубежными секциями привлекала советские руководящие органы.

В идеале, по мнению руководителей КСИ, договоры должны были включать обязательства в следующих сферах деятельности: увеличение количества членов (вербовка определённого количества физкультурников за год); усиление числа участия в общественно-политической жизни, в экономической борьбе (например, создание своего печатного органа); усиление спортивно-технической работы (т.е. проведение состязаний между секциями, заключившими договор); усиление пропагандистской и воспитательной деятельности; улучшение дисциплины. Все обязательства должны были базироваться на реальных возможностях секций. Договор заключался примерно на год, а через полгода следовало проверить ход исполнения обязательств⁴⁹. Обращают на себя внимание два характерных момента: стремление КСИ утвердить себя в роли не просто «коммуникативного центра» между секциями, но и контролирующего

⁴⁴ Там же, л. 35.

⁴⁵ Там же, ф. 537, оп. 2, д. 110, л. 30.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же, оп. 1, д. 190, л. 17.

⁴⁸ Там же, д. 189, л. 46.

⁴⁹ Там же, д. 175, л. 121.

органа, а также акцент на формирование из спортивных клубов крепких ячеек самообороны для решения локальных боевых задач.

Договоры о соцсоревновании заключались обычно в ходе проведения международных состязаний либо в случае визита зарубежной делегации. Примером может служить зимний праздник 1930 г. в Германии. В своеобразном анонсе к мероприятию говорилось: «Делегации берут с собой договора в двух экземплярах, и на зимнем празднике, на открытом и торжественном собрании происходит подписание и передача договоров»⁵⁰. Приводился и желательный пример: немецким физкультурникам в рамках договора было бы полезно поделиться с французскими коллегами опытом в деле организации рабочих спортивных газет и способствовать созданию таковых во Франции⁵¹.

Стремление заключить соглашение между двумя западноевропейскими секциями неслучайно: в КСИ в 1929 г. отмечали, что для движения в целом было бы куда полезнее применять социалистические соревнования не по линии «СССР–зарубежье», а среди менее развитых рабоче-спортивных организаций мира⁵². Однако подобные прецеденты были редкостью. Договоры заключались обычно по отголоскам традиции шефства, т.е. между регионами Советского государства и зарубежной секцией. В 1929 г. можно отметить два договора такого рода: между французскими велосипедистами и физкультурниками Ростова-на-Дону⁵³, а также между Грузией и Грецией, в рамках которого, в частности, планировалось отправить грузинскую футбольную команду на Балканский полуостров. За соблюдением договора было поручено следить Закавказскому комитету физкультуры⁵⁴.

Примечательный договор был заключён в начале 1930 г. между Рабочим спортивным союзом США и физкультурной организацией Сибирского края РСФСР⁵⁵. В том же году молодая американская организация стала секцией КСИ, поэтому данный документ — своеобразная «инструкция» по налаживанию тесных связей с новыми секциями. Договор был подписан во время визита делегации Рабочего спортивного союза в СССР в честь годовщины Октябрьской революции. Основополагающая цель заключения договора формулировалась так: «С растущей опасностью империалистической атаки на Советский Союз растёт необходимость укрепления международной связи рабочих физкультурников во имя защиты СССР». Свой вклад в эту задачу американские делегаты видели в «мобилизации рабочих ради свержения собственного империалистического правительства»⁵⁶. Этот тезис стал, очевидно, следствием обострения отношений СССР и США, которое обернулось экономической блокадой Советского государства в начале 1930-х гг. Физкультурники Сибири ответили заявлением о поддержке в борьбе против американской буржуазии.

Конкретные обязательства организаций оказались менее амбициозными. Первым из них было установление регулярной переписки и обмен материалами, в том числе по линии отдельных отраслей промышленности. Американские делегаты обязались знакомить рабочих своей страны с тем, что они увидели за

⁵⁰ Там же, д. 189, л. 45–46.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, д. 175, л. 120.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, д. 186, л. 17–18.

⁵⁵ Там же, оп. 2, д. 130, л. 33–35.

⁵⁶ Там же, л. 33.

время посещения СССР, бороться за спортивное единство чернокожих и белых рабочих (КСИ в планах работы на американском континенте делал особую ставку на чернокожее население как базис для расширения секций). Самое важное для КСИ обещание американцев заключалось в привлечении десяти тысяч новых рабочих спортсменов в течение 1930 г. Это число было немногим меньше, чем общее количество членов секций КСИ, например, во Франции⁵⁷. Советские физкультурники обязались в том же году за свой счёт отправить ответную делегацию в США, а также полностью собрать к 1 мая 1930 г. в Сибири интернациональный взнос, который планировалось передать в помощь американской рабочей организации⁵⁸.

Если подходить к содержанию договора по существу, то трудно не признать, что документ изобилует лозунгами и амбициозными идеями. Тем не менее в той или иной мере КСИ добивался своих целей — усиления секций КСИ путём роста количества рабочих спортсменов в их составе с целью формирования на их основе ячеек самообороны.

Таким образом, рассмотренные несоревновательные формы взаимодействия имели ряд отличий, обусловленных целями их применения. Шефство — это соглашение более свободного характера, служившее для символического укрепления связи с организациями тех стран, в которых рабочее спортивное движение было развито, а взаимоотношения налажены. Договоры же о социалистическом соревновании были нацелены на достижение конкретных, формально закреплённых тактических целей, либо на заполнение отдельных лакун в работе. Это соотносилось с корректировкой вектора работы КСИ на рубеже десятилетий. И раньше целью организации было прежде всего укрепление рабочего движения через спорт, но в конце 1920-х гг. в закрытых докладах лидеров Спортинтерна всё чаще стал появляться тезис о том, что «спортивные организации — это ядро создания дружин самообороны»⁵⁹. В направлениях работы на 1930 г. большое внимание уделено спортивным ячейкам как «боевому базису». Ставилась задача в связи с нарастающей фашистской угрозой и тотальной милитаризацией спорта на Западе дать ответ и как можно скорее «увязать боевые задачи на производствах с деятельностью спортивных клубов»⁶⁰. Переход к «договорной» форме взаимодействия должен был ощутимо усилить дисциплину внутри всего рабочего революционного спорта.

Организационное обеспечение международных спортивных мероприятий. Как говорилось выше, для организации поездки за рубеж нужно было собрать команду, обеспечить её подготовку, договориться с инстанциями в принимающей стране, наладить быт на время визита. Всё это невозможно сделать только силами физкультурных органов. Для обеспечения практического функционирования спортивной дипломатии необходимо содействие ведомств разного уровня и назначения.

Прежде всего, для КСИ на всём протяжении его деятельности остро стоял вопрос финансирования. Формально наднациональный, он не имел права получать деньги от какого-либо государства, поэтому статьями доходов являлись членские взносы секций (действительно значимыми были лишь средства от ВСФК как представителя советской секции), прибыль от проведения совеща-

⁵⁷ Там же, л. 34.

⁵⁸ Там же, л. 35.

⁵⁹ Там же, оп. 1, д. 188, л. 20.

⁶⁰ Там же, д. 189, л. 17.

ний под эгидой КСИ, а также дотации других наднациональных организаций⁶¹. До 1930 г. основными донорами выступали Коммунистический интернационал и КИМ, которые ежегодно выделяли КСИ по 10 тыс. руб., часть из которых — в валюте. Эти средства были критически важны, так как, согласно отчётам, Спортинтерн даже в относительно благополучном 1926 г. смог самостоятельно заработать лишь 8 тыс. руб.⁶² К 1930 г. КСИ готовился запросить значительное увеличение дотаций (до 100 тыс. ежегодно), но неожиданно для себя встретил крайне резкую реакцию. Коминтерн вовсе отказался выделять деньги и рекомендовал обратиться с этим запросом в ВЦСПС⁶³. Причина такого решения не вполне ясна. Возможно, в Исполкоме Коминтерна (ИККИ) остались недовольны результатами работы, ведь Спортинтерн за период с 1926 по 1929 г. практически не расширялся. Если это так, то метод кнута сработал — за 1930 г. КСИ активизировался и прирос сразу несколькими новыми секциями в США, Канаде, Великобритании, Греции.

Логично предположить, что КСИ, являясь структурным подразделением Коминтерна, должен был взаимодействовать с ним крайне активно. На деле руководители Коминтерна определяли направления работы для всего движения в ходе своих пленумов, а органы, ответственные за «рабочий спорт», действовали без строгих указаний. Единственный формальный итог взаимодействия двух Интернационалов в 1920-х гг. — запрет Президиумом ИККИ всем членам-компартиям любых контактов с буржуазными спортивными организациями, а также постановление об образовании спорткомиссии при Коминтерне для более оперативного решения запросов КСИ⁶⁴.

Для проведения отдельных встреч и мероприятий приходилось обращаться за помощью к госорганам СССР. Можно отметить ходатайство перед Наркоматом путей сообщения о 50-процентной скидке на проезд в пределах СССР для заграничных спортсменов, приглашённых ВСФК в 1926 г.⁶⁵, выделение жилья для делегаций, прибывающих на Спартакиаду-1928, а также полное обеспечение команды, если этот визит был стратегически важным. Яркий пример такого рода — первый приезд спортивной команды Персии весной 1926 г. Персы попросили о приглашении своей команды в Москву сами⁶⁶, однако на условиях полной оплаты проезда от Тегерана до Москвы и обратно, а также содержания и размещения команды в СССР. Соответствующую сумму по запросу ВСФК и НКВД выделил СНК, учитывая знаковый характер встречи — установление нового контакта на зарождающемся восточном направлении спортивной дипломатии⁶⁷.

КСИ, привычный к постоянной нехватке средств, иногда не стеснялся переступить формальные рамки делового взаимодействия. В 1924 г., когда у немецкой команды перед самым выездом возникли сложности с документами и снабжением, КСИ просил ВСФК связаться с представителем СССР в Германии и с его помощью срочно выдать визы и 200 долларов на дорогу. В Москве указали на чрезмерность такого требования, после чего КСИ смог изыскать

⁶¹ Там же, д. 188, л. 42.

⁶² Там же, д. 103, л. 1.

⁶³ Там же, д. 178, л. 5–5 об.

⁶⁴ Там же, д. 190, л. 4–5.

⁶⁵ Там же, ф. М-1, оп. 23, д. 648, л. 43.

⁶⁶ Там же, ф. 537, оп. 1, д. 120, л. 47.

⁶⁷ *Васильев А.А.* Зарождение и развитие международных связей... С. 171.

необходимую сумму из своих средств, не забыв потом, однако, потребовать компенсации у ВСФК⁶⁸.

Визовый вопрос неизменно вставал одним из первых, когда речь заходила о выезде за рубеж. Все визы оформлялись через НКВД. Утверждённый ВСФК список команды подавался прямо в Наркомат, что значительно ускоряло процесс их получения⁶⁹. Система была отработанной и проблем с получением виз в этих случаях почти не возникало. Если же какая-то страна принципиально не выдавала советским спортсменам визы (в 1920-х гг. таким государством являлась Швейцария⁷⁰), то встречи проходили на нейтральных полях, например, в Германии.

Единственный крупный промах произошёл в 1926 г. НКВД не сумел к сроку сделать въездные визы футболистам на встречу с союзом Нижней Австрии, что вызвало большой переполох, а своё недовольство австрийцы выразили в письме КСИ: оказывается, они взяли на себя все расходы по проживанию и рекламе матча, но из-за опоздания им пришлось содержать советскую команду дополнительные десять дней. Представитель ВАФО даже выезжал в Варшаву, чтобы успеть на аэропланах доставить советских футболистов в срок. Австрийцы искренне недоумевали, как такое могло произойти, учитывая весь опыт КСИ в получении виз⁷¹. Это событие оказалось заметным огрехом советской спортивной дипломатии — вскоре ВАФО попало под влияние секции ЛСИ в Австрии и связь с ними потерялась.

Реализация крупных стратегических инициатив КСИ требовала вмешательства органов высшего уровня. С середины 1920-х гг. Спортинтерн начал активную работу на Востоке, планируя использовать в качестве моста восточные советские республики. Однако уровень развития физкультуры в них был очень слаб. В силу этого ЦК РКП(б) в июле 1925 г. принял постановление об активизации физкультурной жизни на национальных окраинах СССР: усилились связи с центральными республиками, начался обмен делегациями, поставки спортивного инвентаря и методическая работа⁷².

Связи с ЦК РКП(б) подключались для демонстративного наказания провинившихся спортсменов. В 1925 г. встреча рабочих шахматистов во время поездки в Германию с буржуазным клубом «Маэстро» вызвала большой скандал в компартии Германии, из-за чего секретарь КСИ Г. Лемберг дважды обращался в Секретариат ЦК с просьбой показательно наказать шахматистов, запретив им выезд за рубеж в дальнейшем⁷³.

Иногда спортивным органам требовалась консультация по обстановке в стране с целью определить возможность налаживания там связей. В 1926 г. спорткомиссия при ЦК ВЛКСМ обратилась в посольство СССР в Англии с запросом о целесообразности отправки туда команды. В представительстве одобрили эту идею, после чего она стала позиционироваться как «принципиально необходимая»⁷⁴. Посольство оказалось право. Разрыв дипотношений с Британией в 1927 г., восстановленных в 1929 г., не помешал укреплению связей

⁶⁸ РГАСПИ, ф. 537, оп. 1, д. 79, л. 24.

⁶⁹ Там же, д. 120, л. 35.

⁷⁰ Там же, д. 118, л. 8.

⁷¹ Там же, оп. 2, д. 5, л. 164.

⁷² Васильев А.А. Зарождение и развитие международных связей... С. 52.

⁷³ РГАСПИ, ф. 537, оп. 1, д. 105, л. 40.

⁷⁴ Там же, ф. М-1, оп. 23, д. 648, л. 42.

с «рабочим» спортом. Британская делегация участвовала в Спартакиаде-1928, а уже в 1930 г. местный рабочий спортивный союз вышел из состава ЛСИ и присоединился к КСИ⁷⁵.

Как уже упоминалось, ключевую роль в организации спортивных встреч за рубежом играли местные ЦК компартий, которые выделяли сопровождающего для делегации и обеспечивали все её нужды. С некоторыми ЦК велись даже переговоры о вступлении местных спортивных секций в КСИ, например, в Австралии⁷⁶. Важную роль играли и комсомольские ячейки. В таких странах, как Болгария, Палестина, Аргентина, Канада комсомол являлся ключевым или вовсе единственным звеном для спортивного взаимодействия. Вместе с тем в государствах, где «рабочий» спорт был развит слабо или преследовался властями (особенно это касалось стран Прибалтики и Балканского полуострова) спортивные связи с коммунистическими организациями были затруднены. В них не могло идти и речи о создании централизованных советов физкультуры. Самим компартиям, действовавшим в тяжёлых условиях, зачастую было не до спорта. Там же, где условия позволяли, сотрудничество с коммунистическими организациями в основном осуществлялось без сбоев, хотя случались и конфликты. Так, громкий скандал произошёл во время поездки команды спортсменов-горняков в Германию в 1927 г. Представители делегации вдруг отказались встречаться с местными членами партии, заявив, что «они к партии отношения не имеют», а также потребовали организовать им спортивный матч в Берлине⁷⁷. По возвращении домой члены команды подверглись разгромной критике, и в дальнейшем такие громкие демарши в отчётах не встречались.

* * *

Спортивная дипломатия СССР в 1920-х гг. формировалась в результате взаимодействия различных партийно-государственных структур СССР и зарубежных коммунистических организаций. В вопросе регламентации международной спортивной жизни не наблюдалось полного единства между КСИ и ВСФК в силу разного видения приоритетов внешнеполитической работы. Стремление к пропаганде коммунистических идей и максимальному расширению связей со стороны КСИ наталкивалось на нацеленность ВСФК поддерживать на высоком уровне соревновательные возможности спортсменов и потенциал советского спорта. Тем не менее усилия по унификации правил проведения и организации состязаний оказывали позитивное влияние: структура, деятельность которой оставалась достаточно архаичной, начала принимать более чёткие формы. Была выработана нормативная база для формирования команд и проведения встреч, складывались принципы контактов с враждебными организациями (чётко соизмерять силы во встречах с секциями ЛСИ для недопуска поражений и избегать встреч с буржуазными клубами), хотя они оставались дискуссионными вплоть до начала 1930-х гг.

Советская спортивная дипломатия в рассматриваемый период оказалась достаточно адаптивной. КСИ снимал запреты на встречи с буржуазными организациями, если дело касалось работы на Востоке. Амбициозные проекты спартакиад не занимали всё внимание управляющих органов. На практике ак-

⁷⁵ Там же, ф. 537, оп. 2, д. 15, л. 31.

⁷⁶ Там же, д. 1, л. 1–3.

⁷⁷ Там же, д. 43, л. 35–41.

цент делался на относительно небольшие по масштабу, но регулярные спортивные встречи, что позволяло не терять связь с иностранными секциями, демонстрировать активность рабочего спортивного движения.

Руководители советского спорта не только стремились утверждать традиционные пути спортивного взаимодействия, но заимствовали новые формы из других сфер социально-политической жизни. К концу 1920-х гг. наметился переход от стремления объединить всё рабочее движение через широкомаштабные состязания к более реалистичной стратегии — путём двусторонних договоров устанавливать и укреплять связи с новыми секциями, а также решать конкретные задачи в тех регионах, где общая связь уже была налажена.

КСИ и ВСФК смогли наладить постоянный контакт с широким кругом институтов внутри СССР и вовне. Финансовые вопросы решались, главным образом, с наднациональными органами и высшим руководством в Москве, логистические — через НКВД и ЦК компартий, консультативные — через советские представительства за рубежом. Для каждой проблемной ситуации существовал свой алгоритм действий, и, что важно отметить, запросы от спорт-органов обычно разрешались оперативно.

Таким образом, уже к концу 1920-х гг. удалось превратить недавно зародившуюся спортивную дипломатию в комплексную практику со своими методами работы, нормативной базой и системой межведомственных взаимодействий, что позволяло решать прикладные задачи общего и локального характера, обеспечивать стабильность и непрерывность процесса налаживания международных спортивных связей. Всё это позволяет констатировать, что спортивная дипломатия СССР — не набор разрозненных случаев взаимодействия с внешним миром, но полноценная дипломатическая практика, которая в разной степени обеспечивала регулярность контактов с зарубежьем и стала частью внешней политики Советского государства.

Олимпийский дебют советского спорта

Александр Куприянов

Olympic debut of Soviet sports

Aleksandr Kupriianov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23050103, EDN: OXFSTL

Участие Советского Союза в Олимпийских играх кажется всесторонне изученным, однако это суждение справедливо лишь для московской Олимпиады 1980 г. Кроме того, большинство литературы по этой теме имеет научно-популярной и учебный характер. Есть все основания присоединиться к мнению А.К. Сорокина, который писал: «История участия нашей страны в Олимпийском движении до сих пор известна нам лишь в общих чертах»¹. До начала XXI в. её исследование находилось в парадигме традиционной истории спорта: «очки, голы, секунды». Политические, экономические, социокультурные, гендерные проблемы вхождения СССР в олимпийское движение оставались без внимания историков. В полной мере это относится и к дебютным для советских спортсменов Олимпийским играм 1952 г. в Хельсинки. Открытие для исследователей архивов советского времени, публикации комплексов документов создали благоприятные условия для изучения истории участия Советского Союза в Олимпиадах.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть организационные и политические проблемы подготовки и участия советских атлетов в Олимпийских играх 1952 г. Исследовательский фокус обращён в первую очередь на взаимодействия трёх субъектов: высшего партийно-государственного руководства страны; органов организации и управления физкультурным движением (ведомственного государственного учреждения — Комитета по физической культуре и спорту при Совете министров СССР (далее — Спорткомитет), ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ); и сообщества «спорт высших достижений». Последний представлен элитным слоем спортсменов — членов и кандидатов в сборные команды страны, их тренерами и руководителями всесоюзных секций по видам спорта.

Источниковой базой исследования послужили постановления и распоряжения Совета министров СССР, постановления и делопроизводственная документация ЦК ВКП(б), переписка Спорткомитета с ЦК ВКП(б), Советом министров СССР, а также с ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, общесоюзными министерствами. Материалы периодической печати представлены газетами «Правда» и «Красный спорт» («Советский спорт» с 19 марта 1946 г.). Другую значительную группу источников представляют воспоминания и интервью спортсменов, тренеров и руководителей, среди которых особое место занимают мемуары Н.Н. Романова², возглавлявшего советский спорт в 1945–1962 гг. (кроме апреля 1948 — декабря 1950 гг., когда он был снят с должности, но оставался в руководстве Спорткомитета).

© 2023 г. А.И. Куприянов

¹ Сорокин А. Олимпиада-52 в зеркале партийных документов // Родина. 2014. № 1. С. 66.

² Романов Н.Н. Трудные дороги к Олимпу. М., 1987.

Мемуары Романова, полные недомолвок и субъективных оценок, оказали большое влияние на историографию советского спорта 1940–1950-х гг. Автор следующим образом представил олимпийский курс советского спорта: «Уже в первые послевоенные годы руководство Комитета сочло возможным исподволь начать подготовку к XV Олимпийским играм (Игры 1952 г. в Хельсинки. — А.К.). К Олимпиаде 1948 г. советские спортсмены уже не успевали подготовиться. Да и развязанная к тому времени “холодная война” с её безудержной злобной антисоветской кампанией отнюдь не способствовала нашему участию в Лондонской олимпиаде»³. Именно по схеме Романова, замечу, лукавой схеме, и выстраивают изложение многочисленные учебные, научно-популярные, иллюстрированные издания и даже научные статьи по истории участия советских спортсменов в Олимпийских играх.

Романов допустил небольшую подмену: вместо «не успели» он написал «не успевали» подготовиться к Играм 1948 г. в Лондоне. О зимних же Олимпийских играх 1948 г. он совсем «забыл». Между тем документы свидетельствуют об обратном. В начале 1947 г. Спорткомитет направил на имя секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова обширную записку, в которой обосновывал необходимость участия советских спортсменов в Олимпийских играх: «Учитывая большую популярность Олимпийских игр в общественном мнении всех стран мира, непрерывное увеличение количества стран, принимающих участие в соревнованиях, а также и то обстоятельство, что по своей идее Олимпийские игры рассматриваются как символ мира (Олимпийские игры не проводятся в период войны), представляется особо желательным участие спортсменов Советского Союза в Играх 1948 года»⁴. Спорткомитет полагал «возможным» участие советских спортсменов в зимней Олимпиаде 1948 г. по лыжному, конькобежному спорту и «канадскому хоккею». В «летней основной части Олимпийских игр 1948 г.» Спорткомитет считал возможным принять участие во всех видах программы⁵, за исключением хоккея на траве. Однако зимние и летние Олимпийские игры 1948 г., как и зимние Игры 1952 г. в Осло, были пропущены советскими спортсменами. Причина очевидна — Спорткомитет не смог гарантировать руководству страны завоевание первого места в неофициальном командном зачёте, а никакое другое место кроме первого И.В. Сталина не устраивало.

По мере приближения 1952 г. мир спорта всё больше волновал вопрос — примут ли советские спортсмены, которые рассматривались спортивными экспертами как одни из сильнейших в мире, участие в Олимпийских играх? 18 апреля 1951 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о создании Олимпийского комитета СССР (НОК СССР) и о подаче заявки на вступление в Международный Олимпийский комитет (МОК). 23 апреля 1951 г. состоялась учредительная конференция НОК СССР, а уже 7 мая 1951 г. он был признан МОК. Таким образом, СССР получил возможность участвовать в Олимпийских играх, что должно было способствовать «пропаганде достижений советского спорта»⁶.

Едва не осложнило и без того нелёгкие условия подготовки к олимпийскому дебюту советских спортсменов страстное увлечение Романова физкультур-

³ Там же. С. 46.

⁴ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 1, д. 623, л. 4.

⁵ Там же, л. 6.

⁶ РГАНИ, ф. 3, оп. 36, д. 36, л. 7.

ными парадами. 27 ноября 1951 г. он внёс в ЦК ВКП(б) предложение о проведении в Москве всесоюзного парада физкультурников 22 или 29 июня 1952 г. В той же докладной записке сообщалось, что с 18 июля по 3 августа в Хельсинки состоятся Олимпийские игры, «в которых, возможно, примут участие советские спортсмены». 24 ноября Романов от имени Спорткомитета предложил ЦК ВКП(б) направить предварительную заявку об участии советских спортсменов в XV Олимпийских играх и разрешить с 15 декабря 1951 г. подготовку к ним, освободив спортсменов и тренеров от работы или учёбы. В записке предлагалось создать специальную комиссию для руководства подготовкой к Олимпиаде, в которую были включены руководители спортивной «тройки» (Спорткомитета, ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС) президент НОК СССР, первый секретарь Московского обкома ВКП(б), министр здравоохранения, замминистра иностранных дел и представители некоторых других ведомств⁷.

Чем можно объяснить такую близость записок в ЦК ВКП(б) и временное соседство двух масштабных мероприятий, запланированных на июнь–июль 1952 г.? Вероятно, опасаясь неблагоприятного исхода Олимпиады для советских спортсменов и для своей карьеры, Романов ещё надеялся, что Политбюро вновь не даст добро на олимпийский старт, поэтому и предложил провести физкультурный парад, который мог бы выступить в качестве своеобразной подушки безопасности, способной смягчить гнев начальства.

Романов в мемуарах объяснил отказ от дебюта советских представителей зимних видов спорта на Олимпиаде в Осло в 1952 г. нехваткой ресурсов для подготовки к летним и зимним играм. Но 27 ноября 1951 г. в записке на имя секретаря ЦК Г.М. Маленкова он предложил иррациональную трату огромных материальных средств и людских ресурсов на подготовку всесоюзного парада физкультурников. 30 ноября Маленков поручил М.Т. Помазневу разослать записку Романова членам Бюро Президиума Совета министров СССР и подготовить проект поручения. Бюро вынесло вопрос на рассмотрение в Политбюро ЦК ВКП(б), однако 20 декабря 1951 г. на сопроводительном документе появилась резолюция: «Снять вопрос»⁸. Причина — разрешение Совета министров, датированное 17 декабря 1952 г., подать предварительную заявку на участие советских спортсменов в Олимпийских играх в Хельсинки⁹. Здравый смысл всё же возобладали и в ЦК, и в самом Спорткомитете, поэтому в постановлении Совета министров от 11 июля 1952 г. № 3208 «О праздновании дня физкультурника в 1952 году» говорилось: «Принять предложение Комитета по делам физической культуры и спорта при Совете Министров СССР о том, чтобы в День физкультурника 20 июля 1952 года физкультурных парадов, массовых спортивных праздников и гимнастических выступлений не проводить. Организуемые в этот день спортивные соревнования и другие физкультурные мероприятия провести на общих основаниях без затраты средств и отрыва участников от работы»¹⁰.

В условиях, когда от Спорткомитета сталинское руководство требовало только победы, объяснимым выглядит отказ от участия в зимних Олимпийских играх 1952 г. В записке от 12 января, направленной Романовым секретарям

⁷ Астахова М., Кошелева Л. Дебют СССР на XV Олимпийских играх: Кто принимал решение об участии // Родина. 2014. № 1. С. 70.

⁸ РГАНИ, ф. 3, оп. 36, д. 19, л. 85.

⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 137, д. 557, л. 117.

¹⁰ РГАНИ, ф. 3, оп. 36, д. 19, л. 97.

ЦК ВКП(б) М.А. Суслову и Маленкову, содержалось показательное умозаключение: «Считая, что участие в зимних Олимпийских играх имеет особо принципиальный характер, на которых советские спортсмены должны обязательно добиться завоевания первых мест в ряде видов соревнований, а такой твёрдой уверенности нет, считаем участие в Олимпийских играх нецелесообразным»¹¹.

Утверждение об особо принципиальном характере зимних Олимпийских игр не имеет однозначной интерпретации. Если сравнивать эти Игры с чемпионатами мира по конькобежному спорту или лыжам, то оно не вызывает никаких возражений. Если же речь заходит о летних и зимних Олимпийских играх, то подобное заявление — банальная отговорка, абсолютно противоречащая всем реалиям. Достаточно сравнить масштаб крупнейших послевоенных международных спортивных форумов: в зимних Олимпийских играх 1948 и 1952 гг. приняли участие 28 и 30 стран, а в летних в те же годы — 59 и 69. США, которые до появления советских атлетов доминировали на летних Играх, не уделяли особого внимания зимним Играм. Так, в 1948 г. США оказались лишь четвёртыми в общекомандном зачёте, в 1952 г. — вторыми, а в 1956 г. — шестыми. Даже в 1960 г., когда Игры состоялись в Скво-Вэлли, американские атлеты остались третьими в общем зачёте.

Решение Спорткомитета о неучастии в Олимпийских играх в Осло вызвало резкую критику со стороны тренеров, спортсменов и руководства ряда всесоюзных «секций» зимних видов спорта. Особенно заметным был протест хоккеистов и лыжников. Суслов, курировавший ход подготовки советских спортсменов к Олимпийским играм, направлял коллективные письма спортсменов и тренеров Романову с пометой «разобраться». Последний в объяснительной записке от 17 января 1952 г. почти дословно повторил мотивацию из записки Маленкову и Суслову от 12 января: «Руководство Комитета считает, что на международных соревнованиях нужно выступать только наверняка добиваясь победы. Уверенности, что будут победителями советские спортсмены, у руководства Комитета нет. Поэтому мы считаем участие советских лыжников в Олимпийских играх нецелесообразным»¹².

Желание руководства Спорткомитета добиться победы в неофициальном общекомандном зачёте вело к тому, что в качестве кандидатов на поездку на Олимпиаду стали рассматривать не только тех, кто мог завоевать медали, но всех спортсменов, способных побороться за 4–6 места, приносившие от 1 до 3 очков в общую «копилку». В целях повышения конкуренции среди кандидатов спортивные функционеры попытались распространить практики назначения на оклады новых членов и кандидатов в сборные команды страны. В условиях разрастания бюрократического аппарата в последние годы сталинского режима «выбивание» Спорткомитетом новых ставок даже для членов сборных команд оказалось делом непростым. Так, в 1952 г. по поручению Совета министров СССР предложение Спорткомитета «об увеличении штатных единиц и персональных окладов для мастеров спорта и способных молодых спортсменов» было вынесено на рассмотрение и согласование заинтересованных ведомств: Министерства финансов, Государственной штатной комиссии при Совете министров СССР и работавшей при президиуме Совмина комиссии зарплаты и цен.

¹¹ Там же, ф. 5, оп. 16, д. 571, л. 20.

¹² Там же, л. 6.

Предполагалось выделение дополнительных 200 ставок (30 — по 2 500 руб., 30 — по 2 тыс. руб. и 140 — по 1 200 руб.), но чиновники вышеназванных органов так и не представили сколько-нибудь внятного ответа. Лишь Министерство финансов сочло необходимым аргументировать свою позицию: «В настоящее время на рассмотрении Совета министров СССР находится проект постановления “О подготовке советских спортсменов к участию в XV Олимпийских играх”, согласно которому руководители ведомств должны освобождать участников от работы или учёбы в период подготовки и участия в... Олимпийских играх сроком до 6,5 месяцев спортсменов, по спискам комитета... с сохранением заработной платы по месту их работы»¹³.

Впрочем, бюрократический механизм советской системы допускал сбои. К 9 февраля 1952 г. до 200 спортсменов и тренеров, включённых в состав сборных команд, не были освобождены от работы или учёбы. Особенно задерживали освобождение спортсменов и тренеров два министерства: военное и высшего образования¹⁴.

24 ноября 1951 г. Романов направил Маленкову обширную записку, в которой рассказал о работе Спорткомитета по подготовке к Играм: «Комитет в течение 1951 года провёл предварительную работу: по отбору кандидатов в сборные команды СССР по видам спорта; по подбору тренерского состава; разработал план подготовки сборных команд, а также определил необходимые места для организации подготовки спортсменов. По предварительным расчётам для подготовки к Олимпийским играм должно быть привлечено около 900 человек». Для подготовки спортсменов к Олимпийским играм требовалось «изготовление высококачественного спортивного инвентаря (велосипеды, оружие, боеприпасы, камеры), а также закупка за границей легкоатлетического инвентаря, оружия и патронов, академических судов и некоторого другого инвентаря»¹⁵.

Особое беспокойство вызывало техническое оснащение стрелков (оружие и патроны). В справке, подготовленной осенью 1951 — зимой 1952 г., отмечалось, что «имеющееся оружие отечественного производства, кроме пистолетов, хорошего качества, но всё же для олимпийской команды СССР необходимо изготовить оружие по специальному заказу. Необходимо также изготовить специальную партию особо высококачественных спортивных патронов (боевых и малокалиберных). Следует отметить, что только из-за отсутствия высококачественных патронов результаты наших стрелков несколько ниже, чем они могли бы быть»¹⁶. Для успешного выступления в стендовой стрельбе также требовалось изготовить по специальному заказу оружие, патроны и боеприпасы¹⁷.

В конце апреля 1952 г. Спорткомитет докладывал Маленкову, что Министерство вооружения СССР сорвало выполнение постановления Совета министров о производстве высококачественного оружия и патронов, не сдало ни одного образца и обещало выполнить заказ лишь в мае, что ставило стрелков в «тяжёлое положение». Подготовленные Министерством автомобильной и тракторной промышленности велосипеды также не соответствовали предъявленным требованиям. Изделия Министерства химической промышленности —

¹³ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 29, д. 100, л. 88–89.

¹⁴ РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 571, л. 42.

¹⁵ Астахова М., Кошелева Л. Дебют СССР на XV Олимпийских играх... С. 70.

¹⁶ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 2, д. 741, л. 27.

¹⁷ Там же, л. 28.

однотрубки для велосипедов — быстро лопались, «что привело к травмам у двух лучших велосипедистов»¹⁸.

В вопросах оснащения «сборников» современным импортным инвентарём и спортивным оборудованием прагматичный подход встречал довольно сильную критику и упреки в недостаточном патриотизме, особенно актуальные в контексте борьбы с «низкопоклонством» перед Западом. Это обстоятельство заслуживает особого внимания. В Спорткомитете и среди части председателей некоторых «всесоюзных секций» по видам спорта бытовали благие, но утопические представления о том, что выступать надо на изделиях советской промышленности. Подобную позицию разделяла и часть ответственных сотрудников ЦК и министерств, а также спортивные чиновники. Так, в марте 1952 г., когда подготовка к Олимпийским играм уже набрала ход, председатель всесоюзной секции велоспорта А.А. Куприянов заявил, что участие советской команды в гонке «Варшава—Берлин—Прага» могло быть допущено «только на велосипедах отечественного производства». Он считал, что вопрос имел «не только принципиальное, но и политическое значение»¹⁹. При этом Куприянов отмечал многочисленные недостатки отечественных велосипедов, устранить которые, как показали последующие четыре десятилетия, так до конца и не удалось.

Судя по документам, внешнеторговые организации в условиях хронической нехватки валюты и времени не смогли приобрести весь ассортимент необходимого оборудования. На совещании руководства Спорткомитета с руководителями команд и активом всесоюзных секций 5 июня 1952 г. тренер велосипедистов-шоссейников А.И. Кондрашков обратился с просьбой обеспечить его подопечных «высококачественным инвентарём»²⁰.

Как бы то ни было, но велосипедистам пришлось соревноваться на отечественных машинах, произведённых Харьковским велосипедным заводом. Об их качестве оставил нелицеприятный отзыв член сборной команды по велотреку, четырёхкратный олимпийский чемпион по конькобежному спорту Е.Р. Гришин: «Перед отъездом на Олимпийские игры было указание ЦК партии выступать только на отечественном инвентаре. Неважно, велосипед это или гребля — только на отечественном. Не дай бог, чтобы были какие-то иностранные буквы. И нам заказали велосипеды на харьковском заводе. По специальному заказу, даже по размеру каждого были подогнаны. Я попробовал эту чудо-технику, её поднять невозможно было. На одной из тренировок у меня оборвалась цепь, я и сам разбился напрочь, и машину разбил. К Олимпиаде, правда, восстановился, но ездил уже на своём велосипеде — фирмы “Доницетти”. Руководству доложили, что я единственный с импортным велосипедом. Вызвали “на ковёр”, говорят: “Вы же знали указание Центрального комитета”... Тут встаёт зампредседателя Спорткомитета СССР и начинает мне рассказывать, что мы должны пропагандировать не только наш лучший социалистический строй, но и лучшую технику. Я не выдержал, снял рубашку, приспустил до колен штаны, говорю: “Вот, смотрите, я уже допропагандировался. Если вы хотите, садитесь на этот велосипед и сами пропагандируйте”»²¹.

¹⁸ РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 571, л. 109.

¹⁹ Там же, д. 572, л. 27.

²⁰ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 20, д. 4, л. 18.

²¹ Цит. по: Гусев С. Первые тульские герои Олимпиады 1952 года умирали в безывестности (URL: <https://tula.aif.ru/sport/football/162702>).

Впрочем, мнение спортсменов и тренеров спортивных бюрократов особенно не интересовало, как и их собственное мнение мало влияло на обитателей кабинетов на Старой площади. Спорткомитет и министерства, выполнявшие его заказ, находились в разных «весовых» категориях, поэтому 17 июля 1952 г., за два дня до открытия Олимпийских игр, Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) бодро отрапортовал Маленкову: «Докладываем Вам, что все вопросы, поставленные в письме т. Романова, решены положительно. Министерство вооружения, Министерство автомобильной и тракторной промышленности, Министерство химической промышленности выделили и изготовили Комитету необходимое количество оружия, боеприпасов, велосипедов и резиновых покрышек»²². При таком отношении руководителей ведомств и партийных чиновников к оснащению членов сборной команды техникой неудивительно, что лучший из советских велосипедистов на Играх занял двенадцатое место.

«Импортозамещение» могло быть продиктовано позицией некоторых руководителей всесоюзных секций по видам спорта, а также, возможно, некоторых заместителей председателя Спорткомитета. Косвенным подтверждением существования такой псевдопатриотической позиции служит вердикт, вынесенный яхтсменам, из упомянутой справки о сравнительных результатах советских спортсменов с атлетами других стран: «Советские яхтсмены в международных соревнованиях не участвовали. *Ввиду отсутствия судов отечественного производства*, участие в олимпийских играх советских яхтсменов Комитет считает нецелесообразным (курсив мой. — А.К.)»²³. Позже Спорткомитет пересмотрел свою позицию, руководствуясь соображением, что, возможно, яхтсмены пополнят общую «копилку» двумя—тремя очками, поэтому они всё же участвовали в Хельсинкских играх.

Анализируя ситуацию с техникой и инвентарём, можно утверждать, что в целом преобладал прагматический подход. Так, в приложении № 3 к постановлению Совета министров от 22 февраля 1952 г. «О подготовке советских спортсменов к участию в XV Международных олимпийских играх в г. Хельсинки» перечислен разнообразный спортивный инвентарь, подлежавший закупке в Финляндии, Швеции, Италии, Швейцарии, Венгрии и ГДР²⁴. Однако выполнить этот заказ оказалось не так просто. Яхты трёх олимпийских классов удалось достаточно быстро приобрести за границей, но суда ещё одного класса к 1 мая только строились в Швеции. «Ходовые качества этих судов покажут только соревнования в Хельсинки», — говорилось в отчёте Спорткомитета о ходе подготовки к Играм²⁵. Особенно сложной проблемой стала закупка байдарок и каноэ. Минторг, выяснив, что в Швеции их закупить невозможно, лишь в апреле смог договориться об изготовлении лодок в Дании с поставкой в июне. Спорткомитет, пользуясь контактами с коллегами в Чехословакии и Венгрии, договорился о закупке байдарок и каноэ в этих странах. Но здесь тормозила дело специфическая социалистическая проблема — контрагенты Спорткомитета не могли назвать ни цену, ни сроки поставки. Зампред Спорткомитета А. Кривцов уведомил ЦК ВКП(б) 16 мая 1952 г., что спортивные суда

²² Астахова М., Кошелева Л. Дебют СССР на XV Олимпийских играх. С. 75.

²³ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 2, д. 741, л. 34.

²⁴ Там же, оп. 29, д. 88, л. 50—51.

²⁵ РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 571, л. 168.

должны были прибыть в СССР вместе с гребцами этих стран для «товарищеских встреч»²⁶.

Часть спортивного инвентаря (суда для академической гребли) поступили из Восточной Германии в счёт репараций. На одной из таких лодок одержал олимпийскую победу Ю.С. Тюкалов, который позже рассказывал о четырёх немецких лодках для одиночников, поступивших в сборную²⁷.

В феврале 1951 г. в записке на имя Маленкова Романов писал, что в связи с отсутствием собственных загородных спортивных баз Спорткомитет «вынужден сборные команды СССР по видам спорта готовить к международным соревнованиям кустарно в крайне ненормальных условиях». Согласно записке, подготовка сборников, как правило, проходила под Москвой в ведомственных домах отдыха, которые не имели ни спортивных залов, ни спортивных площадок и оборудования. «В каждом случае Комитету приходится примитивно оборудовать в домах отдыха места для занятий спортсменов или перевозить их за 20–40 км в Москву для тренировок. В большинстве случаев спортсмены тренируются два раза в день, а на поездки в Москву тратится много времени, в связи с чем вторая тренировка проводится на месте, в непригодных условиях и не даёт необходимой пользы», — отмечал Романов²⁸.

Размещение в домах отдыха имело и ряд других негативных моментов: трудно было обеспечить «соответствующий спортивный режим» и необходимый рацион питания. Отсутствовал необходимый медицинский контроль, оказалось невозможно оперативно провести лечение даже незначительных травм. Кроме того, при аренде домов отдыха Спорткомитет вынужден был «уговаривать и упрасивать ведомства о предоставлении путёвок, а в случае, если возникает необходимость ввиду задержки выезда за границу продолжить на несколько дней подготовку, как правило, мы вынуждены искать новое место для проведения тренировок, что нарушает тренировочный режим спортсменов». «Таким образом, — заключал Романов, — большой важности государственный вопрос решается не по-государственному, кустарно и уже в процессе подготовки сборных команд СССР к ответственным международным встречам снижается качество подготовки спортсмена»²⁹.

Романов просил обязать ВЦСПС создать в 1951 г. в одном из домов отдыха под Москвой «хорошую спортивную базу и построить там же к 1 октября с.г. спортивный корпус». В качестве альтернативы Спорткомитет предложил передать ему один из трёх домов отдыха: № 10 ВЦСПС «Правда», Госплана в Вороново, Министерства лёгкой промышленности «Правда»³⁰. Эта идея оказалась нереализуемой, но Отделу агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) удалось найти компромисс. 19 апреля 1951 г. В.П. Степанов и А.Л. Сушков в записке на имя Суслова сообщили, что в феврале 1951 г. секретариат ВЦСПС принял решение построить загородную спортивную базу на станции Зеленоградской, выделив на её строительство в 1951 г. 550 тыс. руб.³¹

²⁶ Там же, л. 137–138.

²⁷ Кузьмин А. Как первый олимпийский чемпион в СССР побеждал американцев на немецкой лодке из красного дерева (URL: <https://gorod-812.ru/kak-pervyy-olimpiyskiy-chempion-v-sssr-pobezhdal-amerikantsev-na-nemetskoj-lodke-iz-krasnogo-dereva/>).

²⁸ РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 498, л. 15–16.

²⁹ Там же, л. 16.

³⁰ Там же, л. 17–18.

³¹ Там же, л. 20.

Возвращаясь к записке Романова на имя Маленкова от 22 февраля 1951 г., нельзя не заметить, что из четырёх спортивных объектов, необходимых уже в 1951 г. для успешной подготовки сборных команд, три относились к зимним видам спорта. Это высокогорный каток и база для горнолыжного спорта в Медео, подъёмная канатная дорога в Бакуриани и искусственный ледовый каток в Москве, где могли бы круглогодично тренироваться конькобежцы, фигуристы и хоккеисты³².

Зачем надо было добиваться строительства трёх крупных и дорогостоящих объектов для зимних видов спорта в 1951 г., если Спорткомитет, по версии Романова, уже тогда решил не участвовать в зимних Олимпийских играх? Казалось бы, необходимо в первую очередь сконцентрировать ресурсы на подготовке к летним Играм в Хельсинки. Всё становится на свои места, если признать, что Романов в своих мемуарах лукавит с целью отвести от себя критику ведущих спортсменов и тренеров за боязливый отказ от участия в зимних Олимпийских играх 1952 г. в Осло.

Подготовка конников стояла особняком и также прошла в условиях, далёких от оптимальных. Спорткомитет, определив круг кандидатов в сборную, передоверил армии организационные вопросы, проведение сборов и весь тренировочный процесс. Романов честно признался, что он ничего не мог поделаться с авторитетом легендарных маршалов. Хотя, судя по документам, речь шла лишь об одном из них — С.М. Будённом. Для подготовки советских конников к дебюту на Олимпийских играх он избрал Краснознамённую высшую офицерскую кавалерийскую школу (КВОВО), носящую его имя. 16 марта 1952 г. начальник школы генерал-лейтенант Осликовский в справке о ходе учебно-тренировочного сбора по конному спорту бодро рапортовал о работе за 2 месяца: «Команда готовится точно по плану, и достигнутые результаты соответствуют заданию». Настораживало лишь число отчисленных спортсменов: 10 из 27³³.

К чему ведёт чрезмерная уступчивость, проявленная руководством Спорткомитета, Романов мог понять, получив в начале мая 1952 г. копию докладной записки В.И. Сталина Будённому. Василий Сталин подверг обстоятельной критике всю систему подготовки кандидатов на участие в Олимпийских играх. Офицеры ВВС — кандидаты в сборную страны прибыли на сборы вместе с четырьмя лошадьми, наиболее подготовленными к участию в ответственных международных стартах. Других лошадей, отвечающих международным стандартам, в распоряжении ВВС МВО не имелось, поэтому после отбраковки одной из лошадей мастер спорта Мишин, «находясь на сборе 10 дней, не участвовал в занятиях по верховой езде из-за отсутствия лошади»³⁴. В.И. Сталин видел в этом узкий, ведомственный подход Осликовского, который, зная о положении с конским составом в команде ВВС МВО, не выделил ни одной лошади, хотя «имеющие опыт выступлений в многоборьях классные, чистокровные жеребцы Исарт, Гребисит, Замир, Гриф и др. не включены в состав сборной команды СССР, а готовятся к предстоящему первенству Советской армии»³⁵.

Спорткомитет фактически устранился от контроля над процессом подготовки конников к Олимпийским играм. Инспектор Спорткомитета по конному спорту Станишевский, по мнению В.И. Сталина, контроль не осуществлял, так

³² Там же, л. 18, 20.

³³ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 20, д. 2, л. 37.

³⁴ Там же, оп. 1, д. 900, л. 24.

³⁵ Там же, л. 23.

как состоял «в должности начальника штаба сборной команды, подчиняется начальнику сбора и получает за это материальное содержание»³⁶.

В.И. Сталин привёл целый ряд «существенных организационных недостатков», из которых на первое место поставил тот факт, что во время трёхнедельного карантина прибывшие на сбор лошади редко выводились на плац (при наличии в КВОКШ второго манежа). После окончания карантина была допущена чрезмерная нагрузка, что привело к травмам ряда лошадей, принадлежавших разным командам («Спартак», ВВС МВО и ДОСААФ). Как утверждал В.И. Сталин, тренерский состав был назначен начальником сборов без учёта квалификации и опыта. В частности, тренер по многоборью лейтенант Шеленков ранее не занимался тренерской деятельностью. Тренерский совет сборов не интересовался методами тренинга лошадей, поступивших из других ведомств, не разработал перспективный план тренировок на весь период подготовки. Старший тренер полковник И.М. Чалый неоднократно проявлял «недружелюбное отношение» к офицерам ВВС МВО, включая публичные оскорбления. Кроме того, некоторые его приказания были «нелепыми». Так, он потребовал, чтобы офицеры ВВС надели кавалерийские погоны, и перевёл их на казарменное положение³⁷. Разделяя недовольство своих спортсменов, Василий Сталин отдал приказ вернуть со сборов всех четырёх членов команды ВВС — кандидатов в олимпийскую сборную СССР. Однако у Будённого этот демарш понимания не встретил, а Спорткомитет не рискнул вмешиваться в конфликт.

Нужно отметить, что влияние Будённого на подготовку сборной СССР к Олимпийским играм 1952 г. оказалось скорее негативным, прежде всего из-за непонимания тенденций мирового конного спорта и общего консервативного мировоззрения маршала. В частности, его сопротивление приходу женщин в конный спорт привело к тому, что кандидатки в команду были отчислены до контрольных стартов. Неуместным был и его ведомственный протекционизм при формировании сборной команды.

С проблемами при подготовке столкнулись, разумеется, не только в Советском Союзе, но и в МОК, и в Оргкомитете Хельсинской Олимпиады. Особое беспокойство у них вызывало количество участников и сопровождавших их лиц (всего 8,5 тыс. человек) после получения предварительных заявок. Президент МОК Ю.С. Эдстрём «приказал», чтобы оргкомитет сообщил НОК циркулярно, «что количество вспомогательного персонала для групп, превышающих 100 человек, должно быть сокращено приблизительно до 20%, считая от количества активных участников». На совещании с советскими представителями 27 мая 1952 г. глава оргкомитета Игр Э. фон Френкель заявил, что, поскольку количество активных спортсменов СССР — 400 человек, то число вспомогательного персонала, во всяком случае, не должно превышать 100 человек. Советские делегаты заверили, что учтут эти пожелания³⁸. «Учёт» оказался оригинальным. В Хельсинки приехали только 295 советских спортсменов, но сопровождающий «вспомогательный» персонал составил 125 человек. Характерно, что при почти равном количестве спортсменов (286 из США и 295 из СССР)³⁹, советское ру-

³⁶ Там же, л. 24.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, оп. 2, д. 741, л. 64.

³⁹ Official Report of the Organising Committee for the Games of the XV Olympiad, Helsinki, 1952. Porvoo. 1955. P. 221, 245.

ководство и вспомогательный персонал в полтора раза превысили аналогичные показатели американцев.

СССР обстоятельно и всесторонне готовился к Олимпиаде в Хельсинки. Для участников были изготовлены полные комплекты парадной и спортивной одежды с государственной символикой. За ношением этой униформы бдительно присматривали не только многочисленные чиновники, но и сотрудники МГБ. Двукратный олимпийский чемпион по академической гребле Ю.С. Тюкалов вспоминал: «Привезли нам, гребцам, шерстяную форму вместо хлопчатобумажной! На майке — большой картонный герб с серпом и молотом, углы которого больно кололи в грудь при гребке. Но это-то ладно, а вот на трусах, представь, была вставка из замши — на самом интересном месте! Того, кто такой дизайн формы придумал, самого в ней на банку (сиденье гребца. — А.К.) посадить грести неплохо было бы... Я схитрил — и «парадный комплект» сверху, и свой собственный (старую майку и обычные сатиновые трусы) на финал на себя надел. Но на берегу переодеться не получилось: стукач, сопровождавший сборную везде и всюду, ни на шаг от меня перед стартом не отходил. Пришлось фактически пожертвовать разминкой. Уехал я в шерстяной форме поглубже в залив, там с себя её содрал и бросил на дно лодки»⁴⁰.

Рацион питания для олимпийцев, предложенный оргкомитетом Игр, не устроил советских спортивных чиновников, поэтому было принято решение самостоятельно обеспечить советских спортсменов вкусной и калорийной пищей. В ходе совещания с оргкомитетом Олимпиады удалось договориться о возведении новой кухни на 500 человек и столовой на 250 человек, работавших в две смены⁴¹. Доставка продуктовых грузов из Ленинграда в Хельсинки осуществлялась поездками, а скоропортящихся продуктов — самолётами. Для питания и обслуживания советской делегации Минторг выделил 100 работников общепита, в том числе 30 официантов⁴².

В Хельсинки были созданы две деревни для проживания участников игр: одна для спортсменов из СССР и ряда других стран восточного блока, другая — для всех остальных. Советское руководство позаботилось о том, чтобы спортсмены и тренеры ни на минуту не забывали о родине (рядом с главным зданием был торжественно поднят красный флаг, на фасаде дома вывешены огромные буквы «СССР», в центре которых размещён государственный герб) и её вождях (фасад здания «украсила» картина со Сталиным, стоящим посреди поля, в столовой на одной из стен разместили портреты членов Политбюро). При этом попытка провести заключительный сбор олимпийцев в Выборге, климатические условия которого были такими же, как Хельсинки, провалилась. Имевшиеся там базы, построенные до войны финнами, требовали ремонта или коренной реконструкции в сжатые сроки. Часть объектов пришлось возводить с нуля, и к началу мая почти ничего сделать не успели. «Пришлось срочно перестраиваться и переводить спортсменов в Москву, Ленинград, Киев, Таллин. Часть спортсменов всё-таки разместились в Выборге», — вспоминал Романов. Он признавал, что это решение оказалось ошибочным, так как в те годы у городских властей «хватало собственных забот, связанных с восстано-

⁴⁰ Кузьмин А. Как первый олимпийский чемпион в СССР побеждал американцев на немецкой лодке из красного дерева.

⁴¹ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 2, д. 741, л. 65–68. Подобные договоры были заключены оргкомитетом с Францией и Италией.

⁴² РГАНИ, ф. 5, оп. 16, д. 571, л. 129, 175.

лением города, сильно пострадавшего во время войны. Но строители обещали, а мы поверили»⁴³.

Генерал-лейтенант Осликовский, отвечавший за подготовку конной команды олимпийцев, проявлял куда больше реализма и здравого смысла, глядя на темпы строительных работ: «До выезда в город Выборг остался только один месяц, между тем постройка конюшни и оборудование стадиона ещё не начаты, что вызывает опасение в своевременном начале тренировок в полевых условиях на местности, приближенной к месту проведения Олимпийских игр»⁴⁴.

Длительная изоляция советского спорта привела к тому, что в целом ряде дисциплин существенно отличались отечественные и международные правила. Для быстрого перехода требовался и соревновательный опыт с зарубежными участниками и судьями, что было крайне затруднительно в условиях требований побед от руководства страны. Отсюда последовали и досадные провалы у некоторых спортсменов, которым по силам было покорение олимпийского пьедестала.

В сборную включали не только по спортивным показателям, но и по критериям благонадежности. В число «неблагонадежных» могли попасть спортсмены, побывавшие в годы войны в плену, имевшие родственников за границей, выговоры по партийной или комсомольской линии, замечания по предыдущей поездке за границу, а также родившиеся в семье «бывших» — дворян, офицеров, предпринимателей, священников или «кулаков». К счастью, для спортсменов ни одно из этих «пятен» не стало приговором, поэтому военнопленные В.И. Чукарин и И.В. Удолов, прошедшие через лагеря смерти, смогли стать олимпийскими чемпионами. Первый советский чемпион мира в тяжёлой атлетике Г.И. Новак, ставший невыездным из-за встречи с родственником за границей, после раздумий сотрудников госбезопасности (его жена и дети оставались на родине) всё же был допущен на Олимпийские игры, где завоевал серебряную награду.

Некоторым спортсменам с «неправильной» анкетой повезло меньше, запретить поездку на Игры могли в последний момент, уже после прохождения всех отборочных стартов. Так, чемпиону страны по шпaге Д.А. Душману 1 мая 1952 г., в день отъезда на сборы в Венгрию, сообщили, что выезд ему не разрешён. На заключительный сбор перед Хельсинки, который проводился в Выборге, его не пригласили по причине отсутствия разрешения на выезд в Финляндию. В письме на имя Л.П. Берия Душман недоумевал: «Мне совершенно непонятно, почему мне не разрешают участвовать в международных соревнованиях. Единственной причиной может быть только то, что мой отец был арестован в 1938 году, в то время, когда мне было 14 лет. Неужели я должен отвечать за поступки отца и из-за этого страдать? В то время я был ещё ребёнком. Я как мастер спорта и чемпион СССР могу принести пользу своей команде в международных соревнованиях»⁴⁵. Однако обращение к Берии не помогло. Репрессированный отец, врач по специальности, в глазах госбезопасности перевесил всё: чемпионское звание Душмана, его фронтовой путь, два ранения, многочисленные боевые награды механика-водителя танков Т-34

⁴³ Романов Н.Н. Указ. соч. С. 148–149.

⁴⁴ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 20, д. 2, л. 77.

⁴⁵ Там же, оп. 1, д. 900, л. 47–48.

и ИС-2. Поэтому в том же 1952 г., на пике своей спортивной формы, Душман вынужден был перейти на тренерскую работу.

Более успешным оказалось ходатайство на имя Суслова от 7 июня 1952 г. другого отстранённого — фронтовика, вернувшего в спорт после тяжёлого ранения, многократного чемпиона страны, подполковника В.В. Вышпольского. Он успел войти в последний вагон «эшелона», как именовались в документах Спорткомитета поезда с олимпийцами, отбывавшими в финскую столицу, и даже выступил (неудачно) в командном турнире саблистов из-за того, что его заключительная подготовка к Играм была полностью сорвана. Вышпольский писал Суслову, что после отстранения от сборов в Венгрии он получил «моральную травму», был «представлен самому себе, оторван от коллектива, в то время как вся команда имела возможность совершенствоваться, повышать своё техническое и тактическое мастерство»⁴⁶.

Значение тренировок с венграми перед Олимпийскими играми действительно не следует недооценивать. Олимпийский чемпион М. Мидлер вспоминал: «Когда советское правительство приняло политическое решение участвовать в Олимпийских играх 1952 года в Хельсинки, к нам для обучения пригласили венгерских фехтовальщиков. Это было летом 1951 года. Они приехали, мы на них посмотрели: ну венгры и венгры, ничего особенного. Все подумали, что сейчас просто разнесём их, тем более у нас такая команда: все красавцы, здоровые, сплошь чемпионы СССР... Закончилось разгромом нашим... Сначала Вышпольский был. Двадцатикратный чемпион. Вышел против венгерского тренера — лысого, с таким животом. Вышпольский — красавец, стройный... А тот старик лысый, как Тартарен из Тараскона, с пузом. И этот дед в три минуты нашего бойца сожрал. За счёт знаний»⁴⁷.

Централизованная подготовка кандидатов для участия в Олимпийских играх осложнялась организационными проблемами, в частности — распределением зон ответственности между ведомствами за выдвижение кандидатов, проведением тренировочных сборов и отборочных соревнований, утверждением состава сборной. Официально ведущая роль отводилась Спорткомитету, с которым был аффилирован НОК СССР. Его председателем стал К.А. Андрианов — заместитель Н.Н. Романова, лишь секретарь НОК П.А. Соболев в какой-то степени не зависел от Романова, будучи штатным сотрудником МГБ. НОК занимался контактами с деятелями МОК и Оргкомитетом Игр, не принимая участия в подготовке олимпийцев. Руководство ВЦСПС возложенную на профсоюзы работу выполняло в целом добросовестно, находясь в контакте со Спорткомитетом, не обременяя его своими инициативами и фактически действуя по его указаниям.

Иную позицию занял ЦК ВЛКСМ. Тон задал первый секретарь ЦК Н.А. Михайлов. На упомянутом апрельском совещании у Суслова в 1948 г. он заявил, что Спорткомитет, в частности, предоставлял стипендии мастерам, достигшим «преклонного» для спорта возраста, и материально не поддерживал молодых атлетов. Эту критику слышали, но её результаты оказались неоднозначными. С одной стороны, были сокращены ставки для выдающихся мастеров, получавших от 2 до 3 тыс. руб., что вызвало в их среде понятное разочарование. С другой — введены дополнительные ставки для молодёжи. Это

⁴⁶ Там же, л. 54–55.

⁴⁷ Мидлер А.П. Марк Мидлер. Повесть о фехтовальщике. М., 2016. С. 21–22.

усилило конкуренцию за место в сборную команду на Игры 1952 г., но в конечном счёте при формировании олимпийской команды предпочтение было отдано ветеранам.

24 мая 1952 г. Михайлов направил записку на имя Романова, в которой сообщил о «серьёзных недостатках» в подготовке спортсменов к Олимпийским играм. Этот документ свидетельствует, что ЦК ВЛКСМ поддерживал контакты со спортсменами и тренерами по многим видам спорта. Наряду с мерами по укреплению дисциплины, замены части тренеров и лиц, занимавшихся материально-хозяйственной частью, Михайлов предлагал ускорить доставку импортных судов для гребцов, провести совместные тренировки отечественных яхтсменов с зарубежными соперниками, устроить просмотр документальных фильмов об Олимпийских играх 1948 г., а также организовать на сборах гимнастов в Выборге киносъёмку для анализа выступлений атлетов⁴⁸.

Михайлов мог вызвать в ЦК ВЛКСМ главного тренера прямо со сборов, проходивших далеко от Москвы, чтобы обсудить процесс подготовки спортсменов. При этом он не считал нужным согласовывать подобные действия ни с генерал-полковником А.Н. Аполлоновым, ни тем более с Романовым, которого по-прежнему считал своим «подчинённым». Во время руководства Спорткомитетом Аполлоновым (1948–1950) Михайлов последовательно боролся за снятие его с должности, рассылая докладные записки секретарям ЦК, в которых резко критиковал командующего спортом генерала. При этом он обращался в ЦК ВКП(б) и с конструктивными предложениями: в записке на имя Маленкова от 28 августа 1951 г. предлагал начать строительство ряда спортивных объектов в Москве и спортивной базы в Подмоскowie, мотивируя свои предложения как заботой о здоровье трудящихся, так и необходимостью подготовки к «мировым Олимпийским играм»⁴⁹.

Общая напряжённость, царившая в высших эшелонах партийно-правительственной власти в последние годы жизни Сталина, превращала любое международное соревнование в зону риска для спортивных чиновников. Руководство Спорткомитета лишь тогда решалось ходатайствовать об участии советских спортсменов в том или ином международном соревновании, когда было уверено в победном исходе. Однако прогнозы, сделанные специалистами (тренерами и руководителями секций по видам спорта при Спорткомитете), не всегда оправдывались. В этом случае у Романова и его соратников выработались две стратегии поведения. Одна состояла в том, чтобы обрушить кары на проигравших, посылая «пеплом» и свои головы, т.е. признавая организационные просчёты и недостаточный контроль за исполнителями. Классический пример — разгон команды ЦДСА после поражения сборной СССР от Югославии на футбольном турнире Олимпийских игр в Хельсинки в 1952 г. Были назначены и персональные виновные: футболисты К.И. Бесков и В.А. Николаев, а также тренер Б.А. Аркадьев, которых лишили звания заслуженных мастеров спорта⁵⁰.

Другая стратегия состояла в том, чтобы создать видимость благополучного исхода соревнований, в которых победный результат не был достигнут. Характерный, но значительно менее известный пример — создание видимости по-

⁴⁸ ГА РФ, ф. Р-7576, оп. 1, д. 900, л. 35–37.

⁴⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 132, д. 498, л. 185.

⁵⁰ Романов Н.Н. Указ. соч. С. 203–204.

бедного итога Игр 1952 г. Опасаясь гнева «хозяина», Романов уже в Хельсинки затеял свои «статистические» игры вокруг итогов Олимпиады. Много лет спустя в своих мемуарах он сетовал на «проамериканское судейство» в некоторых олимпийских дисциплинах, писал об исходе Игр как украденной американцами победе: «Когда речь заходит о победителе XV Олимпийских игр в неофициальном зачёте, то говорят: «Две команды — СССР и США — набрали по 494 очка и поделили 1-е место»⁵¹.

Вопрос об итогах Олимпийских игр, которые оказались далеко не очевидными, в августе 1952 г. волновал высшее руководство страны. Как свидетельствует Романов, по возвращении в Москву, когда он докладывал перед заместителями председателя Совета министров СССР о результатах Игр, «скрупулёзно проверялась точность подсчёта очков и медалей, завоёванных на Олимпийских играх нашими спортсменами и спортсменами США как по отдельным видам, так и в командном зачёте». Затем вместе с представителями «Правды» и «Известий» была подготовлена статья (в форме беседы с главой советской делегации на Играх Романовым) об итогах Олимпийских игр. Но прежде чем статья пошла в набор, как утверждает мемуарист, в третьем часу ночи ему позвонил Маленков, которого особенно волновала точность подсчёта количества медалей. Романову пришлось ещё раз подтвердить: «за точность мы рвёмся»⁵².

Поиски «правильной» презентации итогов прошедших Олимпийских игр не сразу принесли свои плоды. В докладной записке на имя Сталина зампред Спорткомитета С. Иванов писал: «Как сообщил руководитель советской спортивной делегации в Хельсинки т. Романов, советские спортсмены в итоге спортивных соревнований на Олимпиаде вышли на первое место, набрав 494 очка и заняв 124 призовых (с первого по шестое) места. Второе место заняли американцы, набравшие 490 очков и получившие 97 призовых мест»⁵³. Обращает на себя внимание, что призовыми названы места с первого по шестое, а не с первого по третье. Разумеется, никакие «призы» (медали) за четвёртое—шестое места не полагались. Крупно уступив американцам по числу первых мест — 22 против 40, — советские спортивные руководители нашли «спасательный круг» в виде неофициального командного зачёта, когда за первое место начисляется 7 очков, за второе и последующие места соответственно 5, 4, 3, 2 и 1 очко.

В тот же день, когда «Правда» объявила об одержанной советскими атлетами победе в неофициальном командном зачёте, за океаном «Нью-Йорк Таймс» заявила, что США превзошли СССР со счётом 614:553,⁵⁴. Эти цифры не были обманом, но рассчитывались по другой шкале, выгодной именно для американцев, когда за первое место начислялись не 7, а 10 очков. Используя выгодную для себя и более распространённую систему, команда Романова утверждала, что Советский Союз опередил США по этому показателю. Уточнённые результаты в неофициальном зачёте по очкам были объявлены как ничья: 494:494. Спустя полвека спортивный журналист и статистик А. Вартанян, пересчитав таблицы по видам спорта, впервые в СССР полностью опубликованные Б.Н. Хавиным

⁵¹ Там же. С. 276.

⁵² Там же. С. 280—281.

⁵³ РГАНИ, ф. 3, оп. 36, д. 36, л. 20.

⁵⁴ *Parks J. The Olympic Games, the Soviet sports bureaucracy, and the Cold War: Red sport, red tape.* Lanham, 2016. P. 22—23.

в 1979 г.⁵⁵, пришёл к выводу, что кочующие по всем российским справочникам итоги Олимпийских игр в Хельсинки не соответствуют действительности: у американцев 495 набранных очков, у советских спортсменов — 487⁵⁶.

В процессе подготовки к Олимпийским играм укрепилась роль Спорткомитета как доминирующего организатора спортивной жизни страны. Вместе с тем его руководство находилось под полным контролем ЦК ВКП(б), и все сколько-нибудь важные вопросы подготовки к Олимпийским играм согласовывались с отделом пропаганды и агитации ЦК и решались постановлениями Политбюро. Именно Политбюро дало разрешение на создание НОК СССР и участие сборной в Олимпийских играх в Хельсинки.

К организации подготовки и участия сборной страны в дебютной для СССР Олимпиаде власти подошли с размахом. Расходы по подготовке и участию в Играх составили 24,1 млн руб., включая 4,6 млн на «выезд и содержание» спортивной делегации, в том числе 1,2 млн в валюте. Для сравнения: общая смета расходов по XVI Олимпийским играм составила 13 млн руб., в том числе расходы на содержание делегации в Мельбурне — 7,2 млн, из них в иностранной валюте — 2,4 млн руб.⁵⁷ Таким образом, на подготовку к Мельбурну, несмотря на его крайнюю отдалённость, Советский Союз потратил лишь 54% от общих бюджетных расходов на свою первую Олимпиаду. Накопленный опыт подготовки к Играм и более эффективная система сборов позволили не только почти вдвое сократить расходы, но и опередить американцев по всем показателям в общекомандном зачёте, включая и золотые награды — 37 против 32.

В послевоенные годы спортивная бюрократия, испытывая беспрецедентное давление со стороны сталинского руководства, требовавшего победы в любых, даже самых незначительных международных соревнованиях, вынуждена была минимизировать число таких соревнований, а главное — допускать на них лишь те команды, которые «гарантированно» могли добиться победы. Эти тактические ухищрения спортивных бюрократов привели к тому, что на Олимпийских играх в Хельсинки многие спортсмены, способные бороться за награды (по мнению тренеров и руководства Спорткомитета), провалились, не имея никакого опыта участия в международных соревнованиях. Ещё хуже эта тактика сказалась в зимних олимпийских видах спорта: из-за отсутствия опыта участия в чемпионатах мира и Европы или борьбы с сильным соперником многих сильных спортсменов не пустили на Олимпийские игры 1952 г. в Осло. Их блестящий победный дебют состоялся лишь спустя четыре года, в 1956 г.

⁵⁵ Хавин Б.Н. Всё об олимпийских играх. М., 1979.

⁵⁶ Вартамян А. Нас обманывали 50 лет: Олимпиаду-52 всё-таки выиграли американцы // Спорт-Экспресс. 2002. 21 октября.

⁵⁷ РГАНИ, ф. 3, оп. 36, д. 37, л. 21, 29.

За политическими кулисами мирового спорта: СССР и международные спортивные организации во второй половине XX в.

Михаил Прозуменщиков

**Behind the political scenes of world sports:
the USSR and international sports organizations
in the second half of the 20th century**

*Mikhail Prozumenshchikov
(Russian State Archive of Contemporary History, Moscow)*

DOI: 10.31857/S2949124X23050115, EDN: OXGBYU

Изменение баланса сил на политической арене после Второй мировой войны отразилось и на международной спортивной системе. Прежде всего, в мире появилась новая сверхдержава в лице СССР, который не мог оставаться в стороне от всех значимых процессов, происходивших в том числе и в мире спорта. Советское руководство учитывало и пыталось использовать в своих целях тот факт, что спортивная жизнь в разрушенной послевоенной Европе неожиданно получила новый мощный импульс, став своеобразной отдушиной и напоминанием о прежней мирной жизни.

Несмотря на сохранявшиеся во второй половине 1940-х гг. изоляционистские тенденции во внешней политике, стремление СССР позиционировать себя как великую спортивную державу предопределило выход международных спортивных отношений на новый уровень. Спорт, долгое время остававшийся в Советском Союзе предметом «внутреннего потребления», становился одним из элементов внешней политики государства. До войны главный упор делался на подготовку через спортивные состязания будущих защитников страны и гармонично развитых строителей коммунистического будущего. В принципе, эти задачи оставались актуальными и в послевоенное время, но появились новые акценты. Теперь советские спортсмены должны были, прежде всего, достойно защищать честь своей страны на международных соревнованиях, побеждать иностранных соперников и устанавливать «мировые рекорды во славу нашей Родины»¹.

Поскольку СССР предстояло участвовать в крупнейших официальных соревнованиях, на повестку дня вновь, как и перед Второй мировой войной, встал вопрос о вхождении страны в официальные международные спортивные организации (МСО). Правда, не все из них восстановились. Так, Красный спортивный интернационал (КСИ) прекратил своё существование вслед за Коминтерном в 1943 г., и планов по возобновлению его деятельности у советского руководства не было. Видимо, поэтому в октябре 1945 г. СССР принял приглашение на созываемую в Париже Международную конференцию рабочих спортивных организаций, целью которой фактически было воссоздание Рабочего спортивного социалистического интернационала, который параллельно с КСИ

© 2023 г. М.Ю. Прозуменщиков

¹ Советский спорт. 1947. 20 августа.

функционировал в 1920–1930-х гг. Однако Москва уже не собиралась ограничивать свою спортивную деятельность только рабочим движением, и потому отправленная в Париж советская делегация должна была выдвинуть интересное, но абсолютно нереальное предложение: добиваться создания Международной демократической федерации спортивных организаций, в которую вошли бы «национальные спортивные организации, рабочие спортивные союзы и спортивные организации — члены Международного Олимпийского комитета и федераций по отдельным видам спорта, стоящие на демократических позициях»².

Одновременно в СССР поступали различные приглашения из МСО, которые хотели видеть Советский Союз в числе своих участников. Правда, вступать в «буржуазные» спортивные объединения Москва первое время не очень торопилась, как бы оставляя за собой возможность в нужный момент вернуться к классовому подходу в спортивном движении. Так, Международная легкоатлетическая федерация (ИААФ) с сентября 1945 г. в течение нескольких месяцев направила СССР шесть приглашений вступить в ряды организации³. Более того, несмотря на всем известную консервативность данной федерации, она сделала для Советского Союза беспрецедентное исключение из собственных правил — советские спортсмены были приглашены принять участие в чемпионате Европы по лёгкой атлетике летом 1946 г., т.е. тогда, когда СССР ещё не являлся членом федерации. Примерно такой же позиции придерживалась Международная федерация любительского баскетбола (ФИБА), руководители которой приглашали советских баскетболистов участвовать в официальных турнирах задолго до вступления СССР в её состав. В Москве особенно ценили тот факт, что в ФИБА «никогда не ставили под сомнение наше любительство»⁴, чего нельзя было сказать про другие федерации, где иногда возникали неудобные для СССР вопросы по поводу статуса советских спортсменов. Некоторые федерации, желая видеть СССР в своих рядах, заранее резервировали в своих исполнительных комитетах место вице-председателя для советского представителя⁵.

Иногда поддержку советским спортсменам оказывали освобождённые Советским Союзом от фашизма страны Восточной Европы. В 1946 г. СССР пригласили в Чехословакию для участия в соревнованиях между спортсменами славянских стран (Чехословакия, Югославия, Польша, Болгария) по водным видам спорта (в Брно) и боксу (в Праге). При этом чехословацкая федерация плавания серьёзно рисковала, приглашая ещё не вступивших в эту международную спортивную федерацию (МСФ) представителей СССР. В отличие от Международной ассоциации любительского бокса, которая смотрела на подобные нарушения сквозь пальцы, Международная любительская федерация плавания (ФИНА) заранее предупредила, что, хотя она тоже желает видеть

² РГАНИ, ф. 3, оп. 36, д. 26, л. 150.

³ Там же, д. 27, л. 82.

⁴ Там же, л. 84. В те годы вопрос о любительстве спортсменов социалистических стран ещё не вышел на первый план, и в МСО обычно рассматривались проблемы иного свойства. Так, на конгрессе ИААФ в 1946 г. больше всего обсуждалось заявление представителей Швеции, которые утверждали, что «существующее запрещение компенсировать спортсменам заработок, потерянный во время участия в соревнованиях, делает спорт привилегией богатых, противоречит демократизму спорта, и должно быть отменено». Шведы заявили, что в этом вопросе они будут действовать по своему усмотрению, вне зависимости от того, какое решение примет «консервативное большинство федерации» (Там же, л. 82–83).

⁵ Там же, л. 77.

представителей СССР в своём составе, но за участие советских спортсменов в этих состязаниях Чехословакия сама может быть исключена из МСФ. Что, кстати, и произошло, и только после вступления СССР в состав федерации был восстановлен и статус Чехословакии в этой организации.

Советским спортивным функционерам следовало на самом высоком партийном уровне получить согласие на вступление страны в международные спортивные организации⁶. Как и в любом бюрократическом механизме, процесс согласования, утверждения и принятия решений требовал большого количества времени. Только 9 января 1947 г. было принято постановление Политбюро, наконец, разрешавшее Всесоюзному комитету по делам физической культуры и спорту при Совете министров СССР принять приглашения и вступить в Международные любительские федерации лёгкой атлетики, плавания, баскетбола, борьбы (ИАВФ) и в Международный союз конькобежцев (ИСУ)⁷. В течение следующего года международное признание получили советские футболисты, гиревики, шахматисты, волейболисты, представители гимнастики, бокса и лыжного спорта. К началу 1950-х гг. СССР уже входил в состав более 20 МСФ⁸, и это число продолжало увеличиваться. Каждый раз чиновники, готовившие высшему начальству документы на вступление в то или иное международное спортивное объединение, не забывали отметить, что это будет способствовать «дальнейшему расширению международных связей наших спортсменов, повышению их мастерства, даёт возможность советским спортсменам принимать активное участие в международных федерациях и проводить необходимую работу по демократизации их деятельности»⁹.

Советские представители в МСФ сразу активно принялись за дело. Уже при вступлении в федерации они, согласно инструкции ЦК ВКП(б), выдвигали два основных условия: предоставление мест советским представителям в руководящих органах федераций и признание русского языка одним из официальных языков МСФ. Было и ещё одно условие, которое носило, правда, сугубо политический характер: в те годы СССР пытался добиться исключения из всех МСО представителей франкистской Испании. Если первые два требования были в большинстве случаев удовлетворены без особых проблем, то в отношении исключения Испании федерации, как правило, принимали уклончивое решение о необходимости обсудить этот вопрос в будущем. На волне успешного вхождения в международное спортивное движение советские спортивные функционеры заговорили даже о том, что неплохо было бы, чтобы членом различных МСФ стал не только СССР, но и входившие в него союзные республики¹⁰, что, однако, не нашло понимания в спортивном мире.

⁶ Большинство справок и писем по международным спортивным вопросам направлялось на имя секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова, а после его смерти в 1948 г. — М.А. Суслова. Кроме того, подготовку советской сборной к первой в истории СССР Олимпиаде 1952 г. лично курировали члены высшей партийно-государственной «пятёрки»: Л.П. Берия и Г.М. Маленков.

⁷ РГАНИ, ф. 3, оп. 36, д. 27, л. 79.

⁸ Поскольку в Олимпийских играх могли принимать участие только те спортсмены, чьи национальные спортивные секции (федерации) являлись членами МСФ, то накануне Олимпиады в Хельсинки СССР охватил настоящий «бум» вступления в различные международные федерации: только в 1952 г. Советский Союз стал членом сразу восьми МСФ, не считая ещё и вступления в этом же году в Международную федерацию спортивной медицины (Олимпийская энциклопедия. М., 1980. С. 197–198).

⁹ РГАНИ, ф. 3, оп. 36, д. 27, л. 159.

¹⁰ Там же, л. 81.

В сложившейся ситуации следующим шагом логично стало вступление СССР в члены Международного Олимпийского комитета (МОК). В Москве очень осторожно отнеслись к данному решению и, хотя имели все шансы вступить в МОК ещё до летней и зимней Олимпиад 1948 г. и направить на них свои спортивные делегации, предпочли повременить с этим. Вместо этого в августе 1948 г. на летние Игры в Лондоне была направлена советская спортивная делегация «для участия в конгрессах международных спортивных объединений и изучения зарубежной спортивной техники во время XIV мировой Олимпиады»¹¹. Очевидно, увиденное там вселило оптимизм в советских эмиссаров, и в СССР стали создавать собственный национальный олимпийский комитет, при наличии которого страна могла рассчитывать на признание со стороны МОК. Учитывая, что данный вопрос следовало решать на более высоком уровне, чем вступление СССР в различные федерации, необходимые документы были направлены на рассмотрение И.В. Сталину. Вождь не стал возражать против советского участия в олимпийском движении, запустив тем самым «ускоренный» механизм принятия решения по данному вопросу. 18 апреля 1951 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о создании Олимпийского комитета СССР и о подаче заявки на вступление в МОК. Уже в начале мая МОК принял Советский Союз в свои ряды. Таким образом, СССР включился в олимпийское движение и получил возможность участвовать в Олимпийских играх, что, как докладывали Сталину партийные функционеры, должно было способствовать «пропаганде достижений советского спорта»¹².

Как и при вступлении в МСФ, советские представители в МОК уже на первом заседании выдвинули ряд требований. В частности, СССР предложил перенести из летних олимпийских соревнований в зимние бокс, тяжёлую атлетику, борьбу и гимнастику¹³. Можно предположить, что таким образом Советский Союз пытался упрочить свои позиции на зимних Играх, так как в перечисленных видах спорта представители СССР уже в то время добивались значительных успехов.

Окончательное вхождение СССР в официальную мировую спортивную структуру автоматически подводило черту под его участием в «классовых» соревнованиях. Причина состояла даже не столько в том, что советские спортсмены были теперь не слишком заинтересованы в различных пролетарских турнирах, сколько в категорическом запрете на них, который содержался в уставах МСО. Москве приходилось выбирать между членством в этих организациях и декларируемым ею пролетарским интернационализмом, жертвуя, как правило, последним. Даже когда французская компартия, ближайший сподвижник советских коммунистов на Западе, попросила Москву принять участие в велокроссе, организованном в 1957 г. Французской рабочей спортивно-гимнастической федерацией, Советский Союз, после длительного обсуждения этого вопроса в ЦК КПСС, был всё же вынужден отказаться. Велокросс, проходивший по маршруту Париж—Руан—Гавр, не поддержали Международный союз велосипедистов (УСИ) и Французская национальная федерация велосипедного спорта,

¹¹ Там же, д. 36, л. 5. Первоначально в Англию планировалось направить группу советских спортсменов, однако затем на заседании Политбюро было принято решение использовать для ознакомления с достижениями зарубежного спорта спортивных функционеров, участвовавших в конгрессах МСФ, которые проходили в Лондоне в дни Олимпиады (Там же, д. 28, л. 40).

¹² Там же, д. 36, л. 7.

¹³ Там же, л. 18.

и, следовательно, любой иностранный участник-член УСИ, приехавший на эти соревнования, мог навлечь на себя большие проблемы¹⁴. Даже поездка в ГДР в 1951 г. футболистов ЦДСА для проведения товарищеского матча с командой Группы советских оккупационных войск в Германии организовывалась втайне от советской и иностранной общественности, так как формально также являлась нарушением требований ФИФА¹⁵.

Любопытно, что к идее проведения «пролетарских соревнований» в СССР едва не вернулись спустя 20 лет, в 1970 г. Тогда советские руководители были весьма раздосадованы тем фактом, что СССР не получил право провести летние Олимпийские игры 1976 г., проиграв борьбу за них канадскому Монреалю. В Москве усмотрели в этом заговор западных стран, и некоторые горячие головы поспешили предложить ответные меры. Одной из них стала идея Спорткомитета провести в отместку буржуазным деятелям в МОК очередную Спартакиаду народов СССР, в которой кроме советских спортсменов смогли бы участвовать только представители спортивных организаций социалистических государств и рабочих спортивных союзов стран Запада. В ЦК КПСС, однако, не поддержали это предложение, по сути, означавшее возвращение к состязаниям по классовому признаку, подчеркнув, что на спартакиады действительно следует приглашать спортсменов из-за рубежа, но при этом не ограничиваться представителями рабочих спортивных союзов.

В то же время активная деятельность представителей СССР в различных спортивных комитетах и федерациях не являлась гарантией того, что советские спортсмены будут столь же активно участвовать в турнирах по этим видам спорта. Главная причина заключалась в элементарном страхе советской партийной и спортивной номенклатуры перед возможными неудачными выступлениями¹⁶. В какой-то степени чиновники сами загоняли себя в угол, отождествляя победы в спорте с успехами политической системы. И хотя СССР вступал далеко не во все спортивные объединения, стараясь выбирать те, где советские спортсмены имели хорошие шансы на победу, избежать неудач было невозможно. Именно поэтому не слишком уверенные выступления советских футбольных клубов за рубежом привели к тому, что СССР отказался подавать заявки на участие в чемпионатах мира по футболу в 1950 г., а после неудачи на Олимпиаде в Хельсинки — и в 1954 г. Советским мужчинам-конькобежцам из-за неудачного дебюта на чемпионате мира 1948 г. на несколько лет закрыли вход на крупнейшие международные турниры. Да и отказ от участия в зимних Олимпийских играх 1952 г. во многом объяснялся тем, что в СССР, анализируя уровень подготовки

¹⁴ Рабочая спортивно-гимнастическая федерация Франции, пытаясь завлечь советских участников, предлагала в целях своеобразной «маскировки» прислать из СССР команду от имени газеты «Правда» или от какого-нибудь профсоюзного спортклуба. Но это всё равно не изменило решения советского руководства (РГАНИ, ф. 5, оп. 47, д. 221, л. 58–60).

¹⁵ Дав согласие на эту поездку, М.А. Суслов поставил обязательное условие, чтобы о ней ни в коем случае «не сообщалось ни в советской, ни в немецкой печати» (Там же, оп. 14, д. 3, л. 136).

¹⁶ Подобные опасения возникали и до войны. В 1935 г. чуть не сорвалось выступление советской команды борцов в Норвегии, поскольку у советского руководства не было «уверенности в том, что наша команда сумеет показать хорошие результаты и не будет побита норвежцами». Только обещание, что «во всяком случае советская команда поражения не потерпит», а также понимание того, что отказ от уже анонсированного выступления «произведёт неблагоприятное для нас впечатление во всей Норвегии и особенно среди рабочих», вынудили Политбюро дать согласие на поездку спортсменов (Там же, ф. 3, оп. 36, д. 26, л. 79–80).

и мастерства советских и зарубежных спортсменов, не без оснований опасались серьёзной неудачи советской сборной на соревнованиях в Осло.

Однако членство в МСО помимо прав предполагало и наличие ряда обязанностей, одной из которых являлось участие в официальных соревнованиях, проводившихся под эгидой данных организаций. Не желая выходить из федераций, Москва изыскивала различные уловки и оправдания для отказа от тех состязаний, где советские спортсмены явно не могли добиться какого-нибудь успеха. Получался ещё один замкнутый круг: с одной стороны, спортивные функционеры опасались санкций за отказ от участия в международных соревнованиях, с другой — боялись недовольства партийных руководителей. В ряде случаев советским представителям в МСФ открыто заявляли, что они допускают серьёзные нарушения, посылая команды на соревнования «лишь тогда, когда есть стопроцентные шансы на 1-е место»¹⁷. Поэтому иногда приходилось всё-таки принимать «непопулярные» решения: в 1960 г. с разрешения ЦК КПСС Советский Союз вышел из Международной федерации хоккея на траве, одновременно ликвидировав и внутрисоюзную секцию по этому виду спорта: крайне низкие результаты дали основание говорить о том, что хоккей на траве «не имеет развития в СССР» и его впредь «не будут культивировать»¹⁸.

Нежелание Советского Союза развивать отдельные виды спорта во многом объяснялось стремлением Москвы вкладывать силы и средства в те спортивные направления, которые приносили стране награды и зачётные очки на международных соревнованиях. Соответственно, в детско-юношеском и вообще в массовом спортивном движении занятия «непопулярными» видами спорта не поощрялись. В 1960–1970-х гг. по такому же пути пошли и некоторые социалистические страны, выходя из МСФ по «некультивируемым» ими видам спорта и перераспределяя средства на те направления, где была возможность добиться победы. Так, ГДР в конце 1960-х гг. вышла из МСФ по баскетболу и пятиборью, а в 1972 г. их участь разделил и хоккей с шайбой — внутренний чемпионат был ликвидирован, в стране остались только две хоккейные команды, которые время от времени играли между собой¹⁹.

Тем не менее число МСО, членом которых был Советский Союз, с каждым годом продолжало увеличиваться, причём в него входили как федерации по различным видам спорта, так и региональные организации (применительно к СССР, находившиеся в Европе), объединения по отраслям знаний (спортивной медицины, спортивной прессы) или по определённой принадлежности (университетского или армейского спорта, союза железнодорожников и др.). К моменту проведения в Москве летней Олимпиады 1980 г. в мире насчитывалось уже около 200 международных спортивных организаций, из которых почти 100 были МСФ по различным видам спорта, а Советский Союз являлся членом 72 из них, в том числе 15 европейских²⁰.

¹⁷ Там же, ф. 5, оп. 47, д. 167, л. 207. Такие претензии регулярно выслушивал И.П. Шрамков, советский представитель в Международной федерации настольного тенниса, в которую СССР вступил в 1954 г., но почти не принимал участия в официальных турнирах, понимая, что низкий уровень советских теннисистов не позволял им претендовать не то что на призовые, но и вообще на высокие места.

¹⁸ Там же, ф. 11, оп. 1, д. 488, л. 80.

¹⁹ Там же, ф. 5, оп. 62, д. 417, л. 296–297. Спортивные функционеры ГДР при этом всё время подчёркивали, что по тем видам спорта, которые в стране не получили развития, они сокращают до минимума команды на внутреннем, но отнюдь не на массовом уровне.

²⁰ Олимпийская энциклопедия. С. 196.

Вступление в международные спортивные объединения дало СССР возможность не только отстаивать свои интересы в мировом спорте, но и использовать эти организации в политических целях. В годы холодной войны МСО выступали одной из важных площадок для противостояния двух общественно-политических систем, что накладывало на советских представителей в этих организациях особую ответственность²¹. Многое зависело от их активности в работе спортивных федераций и комитетов, от того количества членов МСО, которых им удалось сделать союзниками, перетянуть на свою сторону в решении тех или иных вопросов. Конечно, каждый из членов международных спортивных федераций представлял конкретную страну, и его позиция напрямую зависела от политической линии, проводившейся руководством его государства. Однако и в этом случае советским спортивным функционерам, опиравшимся на всю мощь, влияние и финансовые ресурсы стоявшей за их спиной великой державы, зачастую удавалось добиваться нужного результата. В частности, при выборах президентов МСФ Советский Союз редко настаивал на кандидатурах своих представителей, предпочитая поддерживать нейтральных кандидатов, которые (по разным причинам) либо симпатизировали СССР, либо, по крайней мере, не являлись откровенными сторонниками Запада. Примеры президента Международной шахматной федерации филиппинца Ф. Кампоманеса или президента ФИФА Ж. Авеланжа, сменившего на этом посту в 1974 г. столь нелюбимого в СССР англичанина С. Роуза, можно продолжать и дальше.

Впрочем, в этом вопросе Советский Союз был не одинок: в условиях, когда спорт всё больше становился одним из элементов мировой политики, на многочисленных конгрессах, сессиях и форумах МСО организовывались различные союзы и блоки, постоянно кипели серьёзные баталии, за которыми скрывались политические устремления противоборствующих сторон. Например, в 1970-х гг. в Международной федерации по спортивной гимнастике (ФИЖ) было неофициально создано «сообщество по защите интересов федераций гимнастики западных стран», в которое вошли представители ФРГ, Бельгии, Дании, Норвегии, Испании, Швеции, Швейцарии и др. Главная задача этого «сообщества» состояла в отстранении со своих постов в руководстве ФИЖ представителей социалистических стран, прежде всего, президента федерации Ю.Е. Титова²².

Для советских представителей озвученное в партийных директивах требование «демократизировать» мировое спортивное движение было отнюдь не пустой декларацией. СССР действительно приложил немало усилий для этого. Достаточно отметить, что Москва регулярно выступала в защиту «женских» видов спорта, которые либо хотели сократить (в конце 1940-х гг. Финляндия предлагала убрать из программы Олимпийских игр женскую спортивную гимнастику²³), либо не допустить включение в программу соревнований новые виды спорта с участием женщин. Аналогичная ситуация складывалась и с представителями только что освободившихся от колониальной зависимости

²¹ В числе директив, которые ЦК ВКП(б) давал советским представителям, только что начавшим свою работу в МСО, фигурировала и такая: «Бороться против намерения американцев диктовать в международных спортивных объединениях и захватить руководство в них» (РГАНИ, ф. 3, оп. 36, д. 28, л. 69).

²² См.: Там же, ф. 5, оп. 77, д. 999, л. 6–7. Эта попытка, однако, не увенчалась успехом, а Титов пробыл на посту президента федерации почти 20 лет — до 1996 г.

²³ См.: Там же, ф. 3, оп. 36, д. 28, л. 92.

стран Азии и Африки. СССР рассматривал их в качестве своих потенциальных союзников и всячески содействовал им при вступлении в ряды международных спортивных организаций. Одновременно Советский Союз решительно боролся против участия в спортивном движении стран, проводивших политику апартеида, что поддерживалось не только представителями африканского континента, но и рядом капиталистических государств. Во многом под давлением СССР в 1964 г. МОК отказал ЮАР в праве участвовать в Олимпиадах, а большинство МСФ исключили её из своих рядов. Наконец, Советский Союз аккуратно старался изменить и само руководство МОК и МСФ, исподволь пропагандируя необходимость обновления руководящих структур этих организаций, в которых преобладали «титулованные особы», нередко весьма преклонного возраста²⁴.

Став полноправным членом международных спортивных организаций и войдя в состав руководства большинства из них, СССР мог оказывать существенное влияние на принимавшиеся ими решения. В первую очередь это касалось приёма в состав МОК и МСФ новых членов (или исключения старых), определения места проведения соревнований, участия в разрешении конфликтных и спорных вопросов. Конечно, здесь решающую роль играли установки, которые исходили со Старой площади в Москве и которые определялись общей внешнеполитической стратегией Советского государства. Иногда многое зависело от меняющейся мировой политической обстановки. Как уже упоминалось, Москва в 1946 г. с благодарностью приняла приглашение принять участие во Всеславянских соревнованиях по водным видам спорта и боксу в Чехословакии. Но тогда и в СССР ещё не до конца определились с необходимостью членства в международных спортивных федерациях, а в соревнованиях участвовала на тот момент ещё дружественная Советскому Союзу Югославия. Однако, когда в конце 1948 г. отношения между СССР и Югославией резко испортились, советские представители, ставшие к тому времени уже членами ряда МСФ, решительно выступили против идеи проведения балканско-среднеевропейских игр, мотивируя это тем, что они ведут «к изоляции спортивных организаций этих стран, отрыву их от международного спортивного движения и могут вызвать образование нежелательных спортивных блоков на Западе»²⁵.

По-другому складывалась ситуация вокруг легкоатлетического матча Европа—США, проведению которого в конце 1940-х гг. также воспротивился СССР, сознавая слабость европейских (в том числе советских) легкоатлетов в сравнении с американскими и не желая «подрывать национальный престиж европейских народов»²⁶. Однако, когда в середине 1950-х гг. советско-американские отношения заметно потеплели, а в Москве поняли, что по уровню мастерства советские спортсмены уже не уступают американским, Советский Союз не просто согласился на проведение легкоатлетического матча США—СССР, но и предложил сделать такие матчи регулярными, проводя их раз в два года²⁷.

²⁴ Несмотря на все усилия СССР, в конце 1960-х гг. в руководстве МОК всё ещё оставалось больше 20 «титулованных особ», в том числе графы, принцы, герцоги и даже короли.

²⁵ РГАНИ, ф. 3, оп. 36, д. 28, л. 76.

²⁶ Там же.

²⁷ Во второй половине 1960-х гг. СССР вновь отказался от участия в планируемом матче Европа—Америка, однако причины в данном случае были другими. Во-первых, Москва не хотела допустить объединения в командах спортсменов из социалистических и капиталистических стран, а во-вторых, существовала опасность, что своим участием в матче СССР даст лишние козыри КНР,

В директивах, которые Москва давала своим представителям в МСФ, даже в тех случаях, когда речь шла, казалось бы, о спортивных вопросах, в той или иной степени фигурировали политические мотивы. Посланцы Советского Союза должны были: «возражать против предложения об исключении немецкого языка из числа официальных языков федераций»²⁸; добиваться «отклонения предложений о переводе финансовых активов федераций в США»; требовать, чтобы «футболисты, покинувшие родину по политическим мотивам», лишались права выступать в футбольных командах других стран²⁹, и т.п. Иногда выполнить директивы, поступавшие из Кремля, было изначально невозможно, но, тем не менее, Спорткомитет СССР то и дело критиковался партийным руководством за то, что он «не проявляет необходимой настойчивости в борьбе против реакционных сил в международных спортивных федерациях, не использует всех возможностей для укрепления советского спорта на международной арене»³⁰.

Говоря о поддержке в МСФ и МОК спортивных организаций молодых независимых государств, следует отметить, что Советский Союз далеко не всегда твёрдо придерживался принципа, согласно которому ключевым в данном случае было слово «независимый». Многое опять же зависело от конкретной политической ситуации. В самом начале своей деятельности в международных спортивных организациях СССР требовал, чтобы ни в МОК, ни в МСФ не допускались Сингапур и Бермудские острова, бывшие на тот момент колониями Великобритании³¹. Советских представителей не смущал тот факт, что Бермуды были признаны МОК ещё в 1936 г., а Сингапур принят туда же в 1948 г. Позиция СССР объяснялась не столько тем, что эти страны находились в колониальной зависимости, сколько тем, что они контролировались Великобританией, наиболее враждебной СССР в годы холодной войны. Действия Москвы входили в явное противоречие с попытками советских представителей ещё в начале 1950-х гг. протестовать против внесённой в уставы некоторых федераций статьи, запрещающей колониальным и зависимым странам самостоятельно вступать в члены федераций «как нарушающей элементарные демократические права спортсменов этих стран»³².

Нетрудно догадаться, что СССР особенно решительно поддерживал те освободившиеся от колониальной зависимости государства, которые изначально заявляли о своей приверженности социалистическому пути развития. В этих случаях Москва использовала все имевшиеся в её распоряжении ресурсы, чтобы такие страны как можно скорее стали членами МСО, и впоследствии продолжала поддерживать все их спортивные начинания. Взамен советское руководство рассчитывало на полную поддержку своей политики в мировом спортивном движении, что, однако, происходило далеко не всегда. Иногда советская поддержка молодых государств объяснялась сугубо прагматическими целями. Перед Олимпиадой 1980 г., которая ознаменовалась бойкотом со сто-

которая давно заявляла, что Советский Союз является исключительно европейской державой и не может влиять на азиатские дела (Там же, ф. 4, оп. 20, д. 880, л. 99).

²⁸ Там же, ф. 3, оп. 36, д. 29, л. 115.

²⁹ Там же, л. 60.

³⁰ Там же, ф. 5, оп. 16, д. 649, л. 18.

³¹ Официально Сингапур стал независимым только в 1965 г. До этого он был колонией Великобритании, а затем с 1952 г. — самоуправляемым государством в составе Британской империи. Бермудские острова официально являются заморской территорией Великобритании.

³² Там же, ф. 3, оп. 36, д. 29, л. 115.

роны нескольких десятков стран, СССР сделал всё от него зависящее, чтобы принять в МОК как можно больше новых членов и этим увеличить число стран-участниц Игр.

Следует отметить, что, когда в середине 1950-х гг. политическая напряжённость в мире несколько ослабла, МСО нередко становились местом для налаживания контактов между государствами. Так, в июне 1956 г. заседание исполкома и конгресса ФИФА проходили в Португалии, у которой с Советским Союзом не было дипломатических отношений. Тем не менее советская делегация не только была отправлена в Лиссабон, но и, «руководствуясь полученными указаниями», провела двусторонние встречи со спортивными руководителями Португалии. Последние оказали гостям из СССР «хорошее внимание» и изъявили желание организовать совместные спортивные соревнования по ряду видов спорта³³. Тогда же состоялись встречи и с прибывшей в Португалию испанской делегацией, которые также, несмотря на, казалось бы, непримиримые противоречия между коммунистическим режимом и франкистской диктатурой, «проходили в тёплой, непринуждённой обстановке» и завершились заверениями в готовности проводить двусторонние соревнования³⁴. Конечно, последнее слово всё равно оставалось за политиками, и спортивные связи СССР с Испанией и Португалией в дальнейшем то и дело сталкивались с различными «неспортивными» проблемами, но сам факт таких контактов помогал в целом налаживанию международных связей и укреплению сотрудничества.

От советской позиции в XX в. многое зависело как на мировой политической арене, так и в международных спортивных организациях, где СССР играл всё более заметную роль. Это наглядно продемонстрировала история с уже упомянутой ЮАР, которая, пользуясь поддержкой на Западе, в конце 1960-х гг. заявила о создании «смешанной» олимпийской команды, всем спортсменам которой было разрешено на равных правах участвовать в состязаниях как внутри страны, так и за её пределами. Данного заявления оказалось достаточно, чтобы на 66-й сессии МОК в Гренобле ЮАР разрешили участвовать в Олимпийских играх 1968 г. Неудивительно, что это вызвало массовые протесты по всему миру, а Организация африканского единства заявила, что спортсмены Африки вообще не приедут на Олимпиаду в Мехико. Именно СССР, к которому мексиканские власти обратились с просьбой спасти положение и уж, во всяком случае, не присоединяться к бойкоту соревнований, смог добиться созыва экстренного заседания Исполкома МОК, на котором ЮАР всё-таки отказали в участии в Олимпиаде³⁵. Можно привести немало других примеров, когда советский голос в международных спортивных организациях оказывался решающим при рассмотрении различных актуальных проблем мирового спорта.

Конечно, немалое значение имел тот факт, что СССР в МСО, как правило, выступал единым фронтом вместе с представителями социалистических стран. Их сплочённая позиция часто позволяла добиться нужного Москве решения при обсуждении спорных вопросов. Так, государства социалистического лагеря сорвали в 1950-х гг. попытки принятия такого, казалось бы, невероятного с позиций сегодняшнего дня предложения, как ликвидация командных видов спор-

³³ Там же, ф. 5, оп. 47, д. 168, л. 74–75.

³⁴ Там же.

³⁵ После того, как удалось преодолеть угрозу бойкота Игр, президент Мексики Г. Диас Ордас, по информации КГБ, заявил в кругу своих ближайших соратников, что испытывает большое чувство благодарности к Советскому Союзу за решительную поддержку (Там же, оп. 62, д. 48, л. 28).

та в программах Олимпиад³⁶. Ими же блокировались регулярно выдвигавшиеся предложения (инициаторами которых почему-то чаще всего выступали скандинавские страны) об отмене исполнения гимнов и поднятия национальных флагов во время награждения победителей соревнований³⁷. В 1960-х гг. восточному блоку удалось отстоять Кубу, над которой нависла угроза исключения из МОК и некоторых международных федераций в связи с обвинениями (надо заметить, небезосновательными) во вмешательстве кубинского правительства в деятельность национальных федераций и олимпийского комитета Кубы, откровенной политизации спорта и нарушении Устава МОК³⁸.

Иногда СССР занимался своеобразным распределением ролей, которые должны были играть в МСО его союзники. Именно так произошло в 1958 г., когда страны социализма планировали выступить с заявлением в защиту КНР и требованием изгнания из МСО представителей Тайваня. По заранее разработанному плану соответствующие требования Болгария должна была направить в МОК, СССР — в ФИБА, Чехословакия — в ИААФ, Венгрия — в ФИНА, Румыния — в Международный союз стрелкового спорта, Польша — в Международную любительскую федерацию велосипедного спорта³⁹. Подобные акции не раз проводились и впоследствии.

Вместе с тем, как ни странно, СССР приходилось бороться в МСО не только со своими противниками времён холодной войны. Борьба социалистических стран со «старшим братом» не заканчивалась на стадионах, а продолжалась в чиновничьих кабинетах, что приводило порой к странным последствиям. С середины 1950-х гг. СССР организовывал ежегодные совещания руководителей спортивных ведомств социалистических стран, на которых, в том числе, обсуждались «вопросы участия в деятельности МОК, организаций национальных олимпийских комитетов и международных спортивных федераций», вырабатывались перспективные планы сотрудничества на международной спортивной арене в целом⁴⁰. Однако несмотря на совместно выработанные и согласованные решения, они далеко не всегда соблюдались всеми союзниками.

Чаще всего подобные «несогласованности» возникали в период внутренних политических кризисов, охватывавших социалистический лагерь (Венгрия и Польша в 1956 г., Чехословакия в 1968 г., Китай и Албания в начале 1960-х гг.). Однако возникали и локальные проблемы, связанные с желанием союзников позиционировать себя в глазах всего мира в качестве государств, независимых от СССР. Иногда спортивная «фронта» заходила так далеко, что советские представители в международных спортивных объединениях обраща-

³⁶ См.: Там же, оп. 50, д. 51, л. 93–94, 96.

³⁷ Если в конце 1950-х гг. эти предложения были вызваны желанием Запада снизить пропагандистский эффект от постоянно растущего количества побед представителей социалистического лагеря, то спустя десять лет главным раздражителем стало участие в международных турнирах спортсменов ГДР, которую многие западные страны категорически отказывались признавать в качестве самостоятельной политической и спортивной единицы.

³⁸ РГАНИ, ф. 5, оп. 55, д. 11, л. 60. Президент МОК Э. Брэндедж на заседании исполкома МОК в Лозанне в 1963 г. в качестве подтверждения справедливости обвинений в адрес Кубы привёл выдержки из кубинской официальной прессы, где спорт и политика рассматривались как одно целое, делались политические заявления в связи с участием кубинских спортсменов в международных соревнованиях и сообщалось о назначении правительственного чиновника руководителем национального олимпийского комитета страны, что также являлось грубейшим нарушением устава МОК.

³⁹ Там же, оп. 47, д. 282, л. 6.

⁴⁰ Там же, оп. 89, д. 97, л. 71.

лись в ЦК КПСС с просьбой, чтобы возникшие проблемы были урегулированы на партийно-государственном уровне, что, как правило, и происходило.

Особенно сложно СССР приходилось в МСО с решением вопросов, касавшихся стран, искусственно разделённых после Второй мировой войны: Германия, Вьетнам, Корея, Китай. Руководители каждой из «разделённых» стран при поддержке стоявших за их спиной сверхдержав претендовали на то, чтобы выступать в мировом спорте в качестве единственных и полноправных представителей всего государства, а с теми, кто пытался установить контакты с другой частью страны, зачастую разрывались все отношения, в том числе и спортивные. Официальное наименование «разделённых» стран, выступавших на международных соревнованиях, также долгое время являлось предметом споров, взаимных претензий и бойкотов. Те, кого поддерживал Запад и его представители в МСО, добивались для себя официальных наименований, которые должны были свидетельствовать о том, что они представляют всю страну, а не только её часть: ФРГ выступала под названием «Германия», Тайвань — «Китайская Республика», Южная Корея — «Республика Корея», Южный Вьетнам — «Республика Вьетнам». Это принижало статус их соседей, названия которых в ходе проведения международных соревнований давались либо аббревиатурами (ГДР, КНР, КНДР, ДРВ), либо по географическому принципу («Восточная», «Северная»). Для СССР это было ещё одним непростым испытанием, требовавшим использовать все имевшиеся в его распоряжении политические и дипломатические ресурсы для защиты своих союзников и восстановления спортивно-политического паритета.

Отстаивая интересы своих азиатских союзников, СССР то и дело приходилось принимать решения, в результате которых страдали его собственные интересы. Если в отношении ГДР речь шла, прежде всего, о борьбе с дискриминацией восточногерманских спортсменов, то КНР и КНДР сами выдвигали ультимативные требования, причём нередко они были направлены в адрес СССР и его союзников. По мнению Пекина и Пхеньяна, социалистические страны не только не должны были участвовать в соревнованиях с их главными антагонистами, но и бойкотировать любые спортивные мероприятия, проводившиеся на территории Тайваня и Южной Кореи. Это создавало дополнительные проблемы СССР и его союзникам в МСО, так как из-за неучастия в заседаниях федераций они не только подвергались критике со стороны других стран, но и не могли повлиять на решения, которые принимались в их отсутствие. Как результат — политические и спортивные цели СССР на международной арене нередко входили во взаимное противоречие. Советский Союз не мог поступаться идеологическими принципами, и советские функционеры в международных спортивных федерациях должны были реализовывать на практике генеральную линию партии, даже если это явно наносило ущерб интересам страны в мировом спорте. Однако, получая серьёзные имиджевые и финансовые дивиденды от успешного выступления советских спортсменов, СССР вовсе не стремился оказаться вне мирового спортивного сообщества. Поэтому советским спортивным функционерам постоянно приходилось балансировать между «политической целесообразностью» и сохранением своих позиций в МСО.

Апогеем политических баталий, бушевавших в мировом спорте во второй половине XX в., стали три массовых бойкота летних Олимпиад: 1976 г. (Монреаль), 1980 г. (Москва) и 1984 г. (Лос-Анджелес). В дальнейшем напряжение

стало спадать, что оказалось возможным во многом благодаря смене политических ориентиров советского руководства. Первой ласточкой новых веяний стала реакция в социалистических странах на избрание Сеула столицей летних Игр 1988 г. СССР и его сторонники не только не смогли помешать принятию этого решения, но и столкнулись в дальнейшем с ситуацией, когда многие соцстраны недвусмысленно дали понять, что не собираются бойкотировать эти соревнования из солидарности с режимом КНДР или безропотно следуя указаниям из Москвы⁴¹. Впрочем, провозгласившие «перестройку» и «новое мышление» советские лидеры были вполне солидарны с такой позицией, и потому у них не нашло поддержки выдержанное в традициях прежних лет заявление Ф. Кастро, который предложил в том случае, если Олимпиаду не перенесут из Сеула, «дать понять реакционным силам, руководству МОК, что соцстраны могут создать свою собственную спортивную организацию в международном масштабе»⁴².

Членство СССР в международных спортивных организациях на протяжении почти 40 лет приносило большие дивиденды как непосредственно в спортивной, так и в политической области. Советский Союз мог добиваться принятия нужных ему решений, касающихся организации спортивных соревнований, места их проведения, состава участников и т.п. Советские представители в МСО успешно блокировали обсуждение болезненной для СССР и его союзников темы профессионализма в социалистическом спорте, боролись с проявлениями «предвзятого» судейства, защищали интересы дружественных им государств «третьего мира». Даже в тех случаях, когда советским посланникам не удавалось добиться поставленной цели, их голос звучал очень весомо и с ним не могли не считаться представители других стран.

Кризис, поразивший СССР в конце 1980-х гг., отразился и на спортивной составляющей. Одновременно с уменьшением влияния Советского Союза в мире сокращались и возможности советских представителей в МСО. После развала социалистического лагеря Москва всё чаще оставалась в одиночестве при обсуждении и принятии важных решений в области мирового спорта. Обстановка ещё больше обострилась с крахом самого Советского Союза: некоторые представители новых независимых государств, образовавшихся на территории бывших союзных республик и ставших полноправными членами МСО, нередко целенаправленно выступали с откровенно антироссийских позиций. Какое-то время положение спасал высокий авторитет советских (российских) спортивных функционеров, много лет проработавших в МОК и МСФ, но в целом эпоха советского спорта и всего, что было с ним связано, безвозвратно ушла в прошлое. Это косвенно подтвердили и события 2022 г., когда российские члены международных спортивных организаций оказались неспособны эффективно противостоять масштабным атакам как на российских спортсменов, так и на весь отечественный спорт.

⁴¹ Решение об избрании Сеула столицей летней Олимпиады 1988 г. было принято ещё в 1981 г. Заявления ряда социалистических стран о том, что они в любом случае, несмотря на позицию СССР, будут участвовать в этой Олимпиаде, стали появляться в 1985–1986 гг., после того, как под давлением Москвы они были вынуждены в 1984 г. бойкотировать летние Игры в Лос-Анджелесе.

⁴² РГАНИ, ф. 5, оп. 90, д. 144, л. 93.

Сергей Мезин

Французское исследование о Петре Великом*

Sergey Mezin

(Saratov State University, Russia)

French Research on Peter the Great

DOI: 10.31857/S2949124X23050127, EDN: OXJPVN

Профессор Сорбонны Франсина-Доменик Лиштенан, уже зарекомендовавшая себя как крупный знаток истории России XVIII в.¹, опубликовала новую монографию по истории петровского времени. После издания в 2011 г. популярной книги о Петре I она завершила работу над научной биографией русского царя выпуском солидного (почти 700 страниц) тома «Пётр Великий. Первый император Всероссийский». Его перевод с изменённым названием «Пётр Великий. Окно в Европу. Рождение Российской империи» вышел в 2021 г. и стал, вероятно, самым весомым научным вкладом зарубежного историка в юбилейную литературу, появившуюся в канун 350-летия Петра I.

Русское издание, как отмечает автор, «немало отличается от первоначального французского текста». Наиболее заметное отличие — отсутствие в русской версии предисловия, где в сжатом виде представлен авторский взгляд на Петра I и его эпоху. Собственно, эта авторская позиция и реализована на страницах книги, но она оказалась как бы растворена в море фактов. Не стала ли острота и смелость авторских суждений причиной устранения первоначального предисловия, заменённого рекомен-

дательным предисловием А.С. Лаврова и Д.А. Редина? Что хотела сказать автор своим французским читателям?

Символическая картина петровского царствования представляется ей в виде святочного карнавала с участием членов «Всешутейшего и всепьянейшего собора» и самого царя, передвигавшегося по улицам Москвы на огромном фрегате, влекомом 16 лошадьми, — зрелища, причудливо соединявшего в себе «грубую стихийность, уходящую корнями в древние традиции, западноевропейскую театральность, не лишённую утончённости, и провокационное богохульство» (р. 12). Народные волнения, массовое дезертирство, коррупция и скандалы в высших кругах омрачали эпоху, в то время как услужливые пропагандисты превозносили царя до небес. Сам царь беспутной жизнью, пьянством и непредсказуемыми поступками постоянно приводил в недоумение и народ, и иностранных наблюдателей. Неустанный работник, Пётр модернизировал страну и создал могущественную империю, но оставался варваром, сформированным московитским прошлым. Его реформы не имели чёткого плана, шли рывками, приводили подчас к неожиданным результатам. Авторское предисловие завершается

* Liechtenhan F.-D. Pierre le Grand. Le premier empereur de toutes les Russies. P.: Tallandier, 2015. 688 p. Русское издание: Лиштенан Ф.-Д. Пётр Великий. Окно в Европу. Рождение Российской империи / Пер. с фр. В.А. Бабинцева; под ред. Е.С. Зашихина, С.В. Соколова. М.: Политическая энциклопедия; Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2021. 567 с.

попыткой провести параллель между петровским временем и современной Россией, в которой Пётр I стал главным историческим героем. В России вновь наступила «переходная эпоха», когда приходится отвечать на вызов времени. В условиях враждебности западных стран не будет ли заменён император-реформатор в качестве идеала Иваном Грозным? — задаётся вопросом автор. Уточнения заметны на многих страницах русского издания (с. 71, 83, 112, 126, 134, 135, 159, 205 и др.). Дополнены сведения о сражении 1700 г. под Нарвой (с. 162), но указанная здесь численность шведского войска (23 тыс. человек) не согласуется с документами. Некоторые фрагменты, базирующиеся на сомнительных источниках или слишком резко указывающие на личные пороки царя, в русском издании опущены (р. 131–132).

Структура, содержание и выводы книги Лиштенан во многом обусловлены особенностями её источниковой базы. В значительной степени исследование основано на записках и донесениях европейских посланников. К привычному кругу источников автор добавила ряд имён дипломатов, оставивших оригинальные сведения о деятельности Петра I. Перенесение акцента с аутентичных русских источников на свидетельства иностранцев не создаёт ли источниковедческих проблем, заслуживающих специального рассмотрения? Впрочем, солидная историографическая база, включающая исследования на основных европейских языках, позволяет автору создать выверенную фактическую канву повествования. Среди трудов, на которые она часто ссылается, особое место по праву занимает монография немецкого историка Р. Виттрама².

Начальные главы книги, описывающие детство и юность Петра, могут показаться вполне традиционными. Лишь некоторые акценты выдают

взгляд иностранного автора: отмечая роль флота во втором Азовском походе, исследовательница вместе с тем заявляет, что прибытие иностранных военных специалистов «спасло ситуацию» и позволило овладеть Азовом. Специфика авторского подхода ярче проявилась в главах, посвящённых Великому посольству, где отчётливей выступают необыкновенные черты натуры царя (грубость, неразборчивость в сексуальных связях) и подробно представлен дипломатический контекст его пребывания в Европе. Лиштенан явно преувеличивает экспансионистские планы Петра I в отношении Турции, приписывая ему цель «навязать неверным» христианского правителя (с. 46). Возвращение царя в Россию ознаменовалось жестокими казнями, показавшими «трудно переносимую свирепость», свидетельствующую о «маниакально-депрессивном психозе» и эпилепсии. Замечу, что автор часто ставит диагнозы герою и так же легко и смело реконструирует ход его мыслей. Репрессии вместе с первыми преобразованиями ознаменовали конец древнерусской цивилизации. При этом ближайшей мишенью в борьбе со стариной стала Церковь. В главе о религиозной политике царя («Верующий антиклерикал») проявилось глубокое изучение автором судеб русского православия и его взаимоотношений с другими ветвями христианства. Хотя заявления, что «царь запретил почитание икон» и «отрёкся от права контроля за религиозной практикой русских» (с. 102, 103), едва ли справедливы.

Вторая часть книги называется «Война». Исследовательница утверждает, что Пётр I любил войну. Заметно, что автор-француженка описывает Северную войну «с нашей стороны», как войну, отвечавшую насущным интересам континентальной страны. Вместе с тем объявление войны Швеции и её идеологическое обоснование выявля-

ет главную для автора черту характера Петра I — злопамятность. Война упорно трактовалась царём как отмщение шведам за обиды, нанесённые лично ему во время посещения Риги в 1697 г. В истории войны на первый план у автора выступают не описания битв, а дипломатические сюжеты. При этом Пётр-дипломат характеризуется такими понятиями, как «всегдашний провокатор», «игра на двух досках», «двойной язык», «ловушка», «уловка», «лукавство», что, впрочем, характерно для «кабинетной» дипломатии Европы XVIII в. Глава, посвящённая событиям, предшествовавшим Полтавской битве, носит в оригинале название «Украина, принесённая в жертву». Правда, кто виноват в бедствиях украинцев — царь, гетман Мазепа или шведский король, — из авторского текста понять трудно. Как в дальнейшем заметила исследовательница, «в Северной войне назначение на роли жертвы и палача оставалось сомнительным» (с. 429). В описании Полтавской баталии Лиштенан вслед за Е.В. Тарле допускает существенную неточность, отмечая, что Пётр I лично помешал шведам прорвать строй батальонов Новгородского полка³. В конечном счёте Пётр I предстаёт в книге как великий полководец.

Следствием знаменитой победы стали новые завоевания побережья Балтики. По мнению французской исследовательницы, мирная интеграция прибалтийских провинций «являлась одним из крупных успехов правления Петра Великого» (с. 233). Новая столица — Петербург — по устоявшейся традиции выступает как «самый замечательный символ» петровского правления, но перенесение столицы на периферию государства Лиштенан считает ошибкой: «Окна в Европу он добился, но получил удушение Москвы — лёгких своей огромной империи» (с. 269). Исследовательница утверждает, что сам Пётр придумал легенду о чудес-

ных предзнаменованиях (парящий орёл и проч.), сопровождавших основание города. Однако создателем этого мифа был не царь, а его почитатель и первый биограф П.Н. Крекшин⁴. Автор несколько преувеличивает регулярный характер застройки города в петровское время: ни Невского проспекта, ни «прямолинейных улиц» (кроме части Васильевского острова), ни зданий из мрамора тогда ещё не существовало.

Экономическая политика Петра I характеризуется как колеблющаяся между «дирижизмом, меркантилизмом и либерализмом». Под «дирижизмом», вероятно, следует понимать российский вариант протекционизма. Отмечая традиционную ориентацию царя на крепостной труд, автор не отрицает социальных сдвигов, произошедших в петровское время и способствовавших частному предпринимательству.

Выстраивая новую модель государства, царь, по мнению исследовательницы, взял за образец прусское «полицейское государство» с его нацеленностью на подчинение жизни подданных высшим интересам. Однако спешка, мелочный контроль, коррупция делали государственную машину далёкой от совершенства и вызывали сбой: «исполнение наказаний изнуряло даже самых садистских палачей» (с. 297). В своём стремлении преобразовать общество и государство, по мнению автора, царь забывал, что его представление о самодержавной власти было главным препятствием на этом пути. Церковные реформы не нарушали конфессиональную идентичность России, но в своей политике царь сближался с основами протестантизма (с. 326).

Сравнительно кратко и традиционно описав основные реформы Петра I в третьей части книги, Лиштенан возвращается к скрупулёзному исследованию внешнеполитических проблем в четвёртой части («Шахматная

партия в Европе»). В центре внимания оказывается второе европейское путешествие царя 1716–1717 гг. Союз («махинации») с герцогом Мекленбургским и ввод русских войск в Мекленбург автор считает серьёзной ошибкой Петра. Историк справедливо замечает, что союзники не хотели и боялись усиления России на севере Европы, но, кажется, не усматривает в этом причины отмены запланированного десанта союзников в южную Швецию. Едва ли справедлив её вывод, что пребывание царя в Дании «обеспечило подобие более крепкого согласия между союзниками» (с. 365). Напротив, отказ от десанта в Швецию поставил Северный союз на грань развала, что побудило Россию искать новых друзей в Европе в лице Пруссии и Франции. В книге Лиштенан внешнеполитическая деятельность Петра представлена в значительной степени глазами европейских дипломатов, и это приводит автора к выводу, что у русского царя была «интуитивная и спонтанная манера вести дипломатию, шокирующая иностранные правительства и коронованных особ» (с. 347). Визит в Париж, совершённый им в 1717 г., не мог не привлечь особого внимания французской исследовательницы. Однако некоторые утверждения автора, связанные с этим сюжетом, требуют уточнений. Так, субсидиарный франко-шведский договор подписал не регент Филипп Орлеанский, а Людовик XIV 3 апреля 1715 г.; самые ранние упоминания о решении Петра I отправиться в Париж относятся к 1717, а не к 1716 г.; во время посещения Парижской академии наук 19 июня (не июля!) не было избрания его в академию. Наконец, Пётр едва ли мог ассоциировать себя с дон Кихотом⁵. Нуждаются в критическом подходе и рассказы о его любовных авантюрах с парижскими «простолюдниками и проститутками». Автор называет подписанный по итогам ви-

зита русско-французский Амстердамский договор 1717 г. «торговым», однако на самом деле это был договор о политическом союзе, где лишь заявлялось о намерении заключить торговый договор (это намерение так и не осуществилось). Следует согласиться со сдержанной оценкой результатов парижских переговоров царя. К концу Северной войны в Европе всё чаще стали представлять Петра «ненасытным завоевателем». Однако тактика царя, сочетавшего мирные переговоры с карательными экспедициями на берега Швеции, привела к Ништадтскому миру — «гигантскому шагу вперёд» в упрочении международного положения России.

В центре внимания автора на протяжении всего повествования находятся самые разные проявления личности царя, его личная жизнь. Царь был неразборчив в любовных связях, оставаясь «заботливым мужем и любящим отцом, радеющим о легитимизации своих детей и обеспечении будущего своей “чухонской” жены» (с. 121). Вслед за французскими авторами XVIII в. современный историк развивает тему нетрадиционных сексуальных связей царя: «Со своим гомосексуальным темпераментом он не оставался равнодушным к прелестям слуги, солдата или офицера, не говоря уже о Меншикове» (р. 132). Надуманной выглядит авторская версия о связи царя с Абрамом Ганнибалом. Лиштенан подробно изложила перипетии дела царевича Алексея, вписав его в тонкости русско-австрийских отношений того времени. Осуждение Петром сына она характеризует как «расправу» и не сомневается в насильственной смерти царевича, чёрным пятном лёгшей на репутацию царя. Непомерный труд, распутная жизнь и пристрастие к алкоголю положили конец жизни великого реформатора. Следуя традиции французских авто-

ров, Лиштенау не сомневается, что непосредственной причиной кончины царя стали последствия «застарелой венерической болезни», усугублённые пристрастием к алкоголю, а «фатальной» для него оказалась крещенская купель на Неве.

Подводя итоги реформам Петра I, автор констатирует их половинчатость и незавершённость. По её словам, «Россия приобрела двойной облик, одновременно вестернизированный (в крупных городах) и погружённый в традиции предков» (с. 504). Крепостное право не позволяло «глубоко реконструировать страну». Вместе с тем в Россию пришло пусть и верхушечное Просвещение, она утвердилась как европейская держава и равноправный дипломатический партнёр. Однако царь сам затруднил прогресс русского общества, не позаботившись об образовании для простонародья, о создании «надёжной инфраструктуры», не обеспечив устойчивой преемственности власти. «Смерть Петра остановила страну на полпути между традицией и современностью» (с. 479). Французская исследовательница не задаётся старым вопросом о причинах и закономерности петровских реформ. Кажется, этот вопрос для неё решён: европеизация и секуляризация — это естественный путь России, оказавшийся для страны необычайно трудным. В петровское время он обернулся прогрессом, достигнутым через страдания народа (с. 454–455).

В заключении автор ставит вопрос: где и как родился миф о Петре I как о человеке прогресса, творце новой нации? Этот миф, утверждает она, «был русским продуктом». Сам Пётр присвоил себе титул «Великий», а дипломаты и путешественники укрепили данный «мираж» в европейском общественном мнении. По сути, Лиштенау подхватила идею А. Лортолари о «русском мираже», создаваемом на Западе⁶,

но инициатором и руководителем этого процесса она называет самого царя. Однако приведённые далее сведения о сочинениях Ж.Л. Боннака, Д. Перри, Х.Ф. Вебера не вполне подтверждают данную идею. Во-первых, эти записки иностранцев отнюдь не апологетичны по отношению к Петру, а тем более к России, во-вторых, они создавались не по указке царя. Сам Пётр I заботился о создании истории своего времени, но сочинения, прошедшие его обработку — в первую очередь «Гистория Свейской войны», — не выпячивали личную роль царя в событиях, рисовали его лишь добрым примером для своих подданных. Между тем французы едва ли не первыми применили к русскому царю формулу «творца». Уже в 1716 г. К.Н. Зотов после аудиенции у маршала и вице-адмирала д'Эстре писал царю из Парижа: «При мне господин маршал назвал ваше величество *творцом российского народа* (здесь и далее курсив мой. — С.М.), что может быть говорено в вашу государеву хвалу лутче сего»⁷. Эта идея приобрела законченный вид в похвальном слове царю Петру I Фонтенеля (1725): «Всё необходимо было делать заново в Московии, там нечего было улучшать. Речь шла о том, чтобы *создать новую нацию*; и то, что неразрывно с творением: действовать приходилось одному, без помощи, без инструментов»⁸. Сам же Пётр в 1721 г. несколько иначе интерпретировал эту идею: «Академии и школы *сочиняют новый народ и новый свет*, как мы во многих иных европейских нациях видим», а образование народа он почитал «единой из главных должностей» правителей⁹. Лиштенау завершает свою книгу вопросом: заслужил ли первый русский император титул «Великий»? Ответ на этот вопрос в книге остаётся открытым.

В своём масштабном повествовании автор не избежала отдельных фактических ошибок. Так, знаменитый

указ о ношении иноземного платья почему-то отнесён к 1698 г. (с. 293). Вопреки словам историка, Екатерина II не говорила Д. Дидро, что Пётр «писал свои реформы на спинах людей» (с. 298)¹⁰. На явном недоразумении основано утверждение автора, что в результате Астраханского восстания 1705–1706 гг. «три тысячи русских солдат убили десять тысяч астраханцев» (с. 188). Во-первых, указанное количество жертв едва ли не превышает тогдашнее городское население, во-вторых, известно, что после подавления восстания «всея колесовано, казнено и померло» 365 человек¹¹.

Восприятие книги зарубежного автора во многом зависит от качества перевода. В данном случае перевод В.А. Бабинцева в целом представляется профессиональным. Однако редакторы (Е.С. Зашихин и С.В. Соколов) могли бы избавить книгу от ряда неточностей и искажений, бросающихся в глаза читателю, знакомому с историей петровского времени. Так, «свейские (шведские) неправды» превратились в «светские неправды» (с. 158; р. 170), историк А.В. Шишов — в Сизова (с. 161). В рассказе о том, как в мае 1703 г. «30 русских кораблей захватили два шведских фрегата» (с. 174; р. 183) слово «bateaux» следовало бы перевести как «лодки», что прояснило бы суть неординарного события. В другом месте можно встретить странное утверждение, что отсутствие среднего класса, или буржуазии, «оказывало положительное воздействие на общество» (с. 310; р. 329). Для понимания авторской мысли слова «effet durable» следовало бы перевести как «долговременное воздействие». По недосмотру переводчика оказалось, что накануне Полтавы в Курляндии и в Риге шведы создавали военные магазины с припасами для «петровских» войск (с. 202; р. 209).

Книга Ф.-Д. Лиштенан обладает всеми качествами современного науч-

ного исследования и с точки зрения общих подходов к предмету, и с точки зрения солидной источниковой и историографической базы. Вместе с тем, это исследование продолжает традицию французской историографии Петра I с её интересом к личности реформатора и политическим сюжетам. Как и большинство её предшественников, начиная с Вольтера, Лиштенан видит в Петре I прежде всего человека с его достоинствами и недостатками и не считает русское самодержавие «естественной» формой правления.

Примечания

¹ Книги Ф.-Д. Лиштенан «Россия входит в Европу: Елизавета I и война за Австрийское наследство» (М., 2000) и «Елизавета Петровна. Императрица, не похожая на других» (М., 2012) переведены на русский язык. См. также: *Liechtenhan F.-D. Les trois christianismes et la Russie. Les voyageurs occidentaux face à l'Église orthodoxe russe XV–XVIII siècle.* P., 2002.

² *Wittram R. Peter I Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit.* Bd. 1–2. Göttingen, 1964.

³ *Кротов П.А.* Битва при Полтаве (К 300-летней годовщине). СПб., 2009. С. 317–322.

⁴ *Мезин С.А.* Об авторстве сочинения «О зачатии и здании царствующаго града Санкт-Петербурга» // Феномен Петербурга. Труды Третьей международной конференции, состоявшейся 20–24 августа 2001 года во Всесоюзном музее А.С. Пушкина. СПб., 2006. С. 289–307.

⁵ *Мезин С.А.* Пётр I во Франции. СПб., 2017. С. 50, 58, 82, 209–214.

⁶ *Lortholary A. Les «Philosophes» du XVIII siècle et la Russie. Le mirage Russe en France au XVIII siècle.* P., 1951.

⁷ РГАДА, ф. 9, отд. II, № 27, л. 96–96 об.

⁸ *Мезин С.А.* Пётр I во Франции. Приложение I. С. 272.

⁹ Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Сборник документов. В 3 т. / Сост. Н.А. Воскресенский. Т. 2–3. М., 2020. С. 241.

¹⁰ *Мезин С.А.* Дидро и цивилизация России. М., 2018. С. 136–137.

¹¹ Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века. Сборник документов / Подгот. Н.Б. Голикова. М., 2004. С. 380.

В 2020 г. Российский фонд фундаментальных исследований провёл большой конкурс на подготовку исследований к предстоящему 350-летию юбилею Петра Великого, мотивировав многих историков, десятилетиями накапливавших научный материал, превратить собранные данные в монографии. Одной из таких книг стала работа Е.В. Акельева, посвящённая вопросу брадобрития в России раннего Нового времени. Автор давно разрабатывает данную проблематику¹, которая, на первый взгляд, может показаться тематически узкой. Между тем рассмотренный в ней сюжет никак нельзя назвать маргинальным. Он хорошо известен историкам и любим ими, поскольку ношение бороды (или склонность к брадобритию) в контексте рассматриваемой эпохи являлось ярким символом мировоззрения и ценностной ориентации исторических персонажей. Исследователь, работая над биографией исторической личности и обнаружив, что его герой брился (или боролся с брадобрийцами) в XVI–XVII вв., или же отпустил бороду в XVIII столетии, обязательно остановится на этом сюжете. Достаточно вспомнить расхожие истории о том, как великий князь Василий III перед заключением брака с Еленой Глинской сбрил бороду, а протопоп Аввакум в 1648 г., ещё до начала церковной реформы, наотрез отказался благословить бреющего бороду сына

В.П. Шереметева Матвея, за что и пострадал от всесильного вельможи.

Не менее популярна тема изменения облика подбородков россиян в тех случаях, когда повествуется об истории русской культуры в масштабах страны. В обобщающих работах (от школьных учебников до многотомных историй России) сюжет с обрезанием бород после прибытия Петра Алексеевича из Великого посольства является чуть ли не обязательным. Слишком уж ярко это действие характеризует как нрав царя-реформатора, так и методы утверждения вводимых новшеств. Бороды становились предметом законодательного регулирования, объектом налогообложения. По сути, петровское брадобритие превратилось в устойчивый концепт, широко использующийся в самых разных сферах. Так почему же эта явно актуальная тема весьма слабо исследована, а зачастую и вовсе встречает внутреннее или даже открытое сопротивление коллег-историков?

Причин здесь, на мой взгляд, три. Первая из них — кажущаяся очевидность ситуации, подталкивающая к интерпретации связанных с ней событий, а не к анализу самого случая. Не погружившись в контекст исследования, нельзя понять, что здесь может найтись материал для изучения. Сама постановка столь сложной и неординарной задачи уже свидетельствует о широчайшей научной

* Акельев Е.В. Русский Мисопогон: Пётр I, брадобритие и десять миллионов «москвитов» М.: Новое литературное обозрение, 2022. 624 с.

эрудиции автора книги. Вторая — гигантская трудоёмкость такого исследования. Основной комплекс документов, отразивших историю борьбы с брадобритием (архив приказа Земских дел), утрачен, и искать материал приходится буквально по крупицам в собраниях различного характера и разных эпох. Написав около двух десятилетий назад статью о петровской реформе платья², я попытался собрать материал для аналогичного текста о брадобритии, но отказался от этой затеи именно из-за огромных трудозатрат. Главная же проблема с публикациями на рассматриваемую тему заключается в принципиально разных представлениях учёных о том, что же должно находиться в центре внимания историка? Если мы видим основное содержание исторического процесса в истории государства, то бороды кажутся очевидным «мелкотемьем», которому не пристало отнимать журнальные полосы у государственных институтов, политических партий, войн и т.д. Если же в центре внимания ставится конкретный человек с его частной жизнью, «мелкой» с точки зрения исторического процесса, но крайне ценной для него самого, то система ценностных координат меняется. История брадобрития оказывается достойным объектом не только для статьи, но и для монографии или диссертации.

Стремясь, вероятно, «легализовать» взятую для изучения тему, Акельев подчёркивает, что его книга написана в рамках возникших в прошлом столетии и сохраняющих актуальность на сегодняшний день направлений исторических исследований — микроистории и истории повседневности (с. 13–17). Действительно, теоретические подходы, в рамках дискурса которых «человекоцентричность» становится обязательной для историка, существуют уже давно. Ведь

борода — это классический знак/символ, изучаемый семиотикой. В самом начале повествования исследователь целенаправленно выдвигает на первый план тот факт, что любое символическое действие — это знак, наполняемый смыслом лишь в рамках его интерпретации людьми. Делается это на примере последнего императора-язычника Античности Юлиана Отступника, в ходе конфликта с христианами Антиохии написавшего памфлет «Мисопогон» (т.е. враг/гонитель бороды). В той исторической реальности борода являлась символом императора, противника христианства. Знаком же приверженности Христу стали бритые подбородки христиан-антиохийцев. Таким образом, содержание символического действия поменялось на противоположное. Этот факт исследователь вынес в заглавие книги, сделав его знаком в лучших традициях семиотики.

Однако в чистом виде теоретические подходы исторической науки эпохи постмодерна были характерны для Акельева на предыдущем этапе его исследований. В новой книге внимание автора радикально сместилось в область социальных отношений и политической истории, обычно рассматриваемых на ином, более традиционном материале. Стремясь разобраться в социальной механике исторических процессов, вызванных реформами Петра Великого, Акельев накладывает на привычную читателям повестку микроистории и истории повседневности концепции властвования. В результате в центре исследования оказываются механизмы работы государственного аппарата. Складывается впечатление, что автор целенаправленно экспериментирует с теоретическим наследием постмодерна. Не знаю, станут ли предложенные учёным теоретические новации вкладом в развитие россий-

ской науки, но его научные подходы кажутся интересными.

В итоге мы имеем в одной книге два тесно переплетённых исследования. Первое — классическая работа в рамках истории повседневности. Автор прослеживает, как в русской культуре формировалось отношение к бритью, начиная с XIII в. Отдельно изучен вопрос о том, как тема бритья становилась всё более острой: ближе к концу XVII столетия появлялось всё больше людей, ориентированных на культуру Нового времени. Акельев чётко показал, что обрезание бород на приёме в Преображенском (1698) оказалось не просто «пиар-акцией», рекламирующей западный образ жизни, а точкой острого, непримиримого столкновения систем ценностей. Царь продемонстрировал русской знати, что далее не потерпит в своей среде инакомыслия.

Не менее важен и анализ дальнейшего развития ситуации. До сих пор историкам казалось, что события 1698 г. стали точкой в истории с бритьем. Введённые в научный оборот Акельевым источники показывают, что Пётр собирался радикальным образом в массовом порядке менять облик жителей российских городов в 1698 г., но воплощать эту задумку на практике начали только в 1705 г. Почти сразу после появления соответствующего указа сферу его применения пришлось ограничивать и корректировать из-за массового сопротивления в отдельных регионах (вплоть до Астраханского восстания). Практическая реализация заявленных в указе 1705 г. целей проходила с переменным успехом. Царь попытался возобновить активную борьбу с бородами в 1724 г., но кончина монарха не позволила его планам воплотиться в жизнь. В итоге эта борьба трансформировалась в составную часть антираскольничьих мероприятий правительства и затянулась

до 1763 г., когда власти отказались от каких-либо попыток насильственно придать русским людям европейский облик. Таким образом, рецензируемое исследование радикально меняет представления историков о данной петровской реформе.

Не менее интересно и второе предпринятое в рамках книги исследование, в рамках которого учёный пытается выяснить, как в России рассматриваемого периода складывались отношения власти и подчинения. Эту тему применительно к вопросу о бритьи исследователи до сих пор рассматривали однозначно. Казалось, что обладающий абсолютной властью Пётр Великий составил для себя проект европеизации подданных и, действуя крайне жёстко, в краткие сроки добился своей цели. Акельев показал, что эта плоская схема далека от реальности. Во-первых, Пётр не действовал в качестве демиурга-одиночки. Из книги становится очевидно, что царь в борьбе с бородами выражал стремления значимой части русского общества. Чаянья же его идейных противников поддерживались патриархами Иоакимом и Адрианом. Автор успешно доказывает, что в 1690-х гг. в России существовали (и конкурировали) две властные вертикали. В этом контексте более понятно стремление Петра ликвидировать патриаршество.

Однако на моменте ликвидации патриаршества перипетии событий в контексте власти/подчинения не закончились. Акельев обращает наше внимание на то, как при практической реализации государственной политики изначальные распоряжения корректируются исполнителями — их идейным принятием или непринятием указаний «сверху», бескорыстием или корыстолюбием, текущими частными интересами, личными и групповыми связями, амбициями, стремлением сделать карьеру или нажиться.

Парадоксальным образом, для такого подхода к исследованию механизмов работы государства тема бородобрития представляется наиболее удачной. С одной стороны, она в достаточной мере обеспечена источниками, с другой — политически безобидна.

В ряде разделов монографии мы видим причудливую смесь привычных для изучения истории государства методов анализа скорости прохождения распорядительных документов с попытками учёного погрузиться в проблемы личностного восприятия этих документов конкретными людьми. Безликая государственная машина «очеловечивается». Из книги становится понятным, почему «лёгкая победа» Петра в вопросе бородобрития не может быть ничем иным, как историографическим мифом — царь без особых проблем расправился с бородачами в своём окружении, однако на остальном пространстве страны непосредственная воля государя растворилась во множестве «малых волей» исполнителей. Под пером Акельева стройная картина «окультуривания диких москвитов царём-прогрессором» превращается во множество личностно окрашенных столкновений, в которых победа оказывалась то на одной стороне, то на другой. Таким образом, рецензируемая книга не только рассматривает конкретный исторический вопрос трансформации русской культуры, но и позволяет по-новому взглянуть на феномен власти в России конца XVII — начала XVIII в. Подозреваю, что аналогичную картину можно выявить и для других эпох.

Нетривиально поставленная задача заставила Акельева затрагивать самые разные темы, в том числе остававшиеся вне поля зрения учёных. Как следствие, кроме рассмотрения основных сюжетов, у книги есть и другие, «побочные» результаты. К примеру, автор сделал ряд ценных наблюдений

над рукописным наследием патриарха Адриана. Окружное послание патриарха, где говорится о бородобритии, до сих пор было известно по списку, выявленному Н.Г. Устряловым и опубликованному Г.В. Есиповым. В рецензируемой монографии отмечено 25 списков данного памятника (в том числе вариант с правкой Евфимия Чудовского) и показано, что используемый исследователями поздний список имеет значительные искажения.

Акельев существенно расширил наши знания о взаимодействии таких деятелей русской книжности, как Евфимий Чудовский и братья Лихуды: как оказалось, они совместно трудились, готовя для Адриана аргументацию в борьбе против бородобрития (с. 76–99). В целом анализируемая книга (особенно раздел о следствии над книгописцем Г.В. Талицким и несколько последующих) позволяет расширить представления о повседневной жизни русских книжников и любителей чтения. Вслед за исследователем мы узнаём, как люди встречались, обменивались мыслями и книгами, списывали для себя наиболее интересное из прочитанных произведений. Обычно эта сторона жизни русских книжечеев недоступна для наблюдения.

Учёный обратил внимание на крайне любопытную связь между началом бородобрития, активизировавшейся «агитационной» деятельностью духовенства и некоторыми особенностями начального этапа церковной реформы Петра. Как правило, первую фазу преобразований в управлении Церковью рассматривают с точки зрения экономических интересов правительства³ или же более широко, в рамках лишения церковного руководства «традиционного набора властных полномочий и административно-хозяйственных привилегий»⁴. Однако Акельев отметил, что в целом ряде

документов 1701–1702 гг.⁵ фигурирует запрет на несанкционированное передвижение монахов между монастырями и даже просто на написание любых текстов вне контроля монастырской администрации (с. 319–321). Получается, что реформа изначально имела политическую составляющую. Из материалов рецензируемой книги становится очевидным, что власти, изымая церковное имущество, параллельно стремились пресечь агитацию духовенства против культурных преобразований 1688–1700 гг.

Работа Акельева позволяет по-новому взглянуть на такие сюжеты, как «стрелецкий розыск» 1698 г., отмена патриаршества, свержение правительства царевны Софьи в 1689 г. Последнее событие в историографии трактуется как государственный переворот⁶. Акельев же развивает эту историографическую тенденцию, добавляя понятие церковной «контрреволюции» 1689 г. (с. 155–168). Мне такой термин кажется слишком радикальным, однако общая оценка событий представляется верной.

Монография снабжена обширным приложением, имеющим самостоятельную ценность. В нём опубликовано почти два десятка источников по исследуемой тематике, которые, безусловно, будут востребованы специалистами в дальнейших исследованиях. В них имеется значительный объём информации, не использованной автором в основной части. По сути, приложение продолжает книгу. Рассматривать последнее замечание в качестве упрёка не следует. Подробно рассмотреть все сделанные находки в рамках одной работы невозможно.

Переходя к критическим замечаниям, дополнениям и размышлениям, обязательным для любой рецензии, отмечу своё категорическое несогласие с изложенным в разделе «Патриарх Адриан vs “младший

царь”» тезисом автора о том, будто бы «в исторической литературе сложился консенсус относительно незаинтересованности Петра I в политических делах в первый период его самостоятельного правления. Считается, что после августовского переворота 1689 г. “младший царь” в целом не изменил своих привычных занятий, интереса к государственным делам не проявлял» (с. 169). Акельев подвергает данное представление обоснованной критике и указывает, что цепочка действий и контрдействий в отношениях между царём и патриархом тянется с начала 1690-х гг. Однако в реальности постулируемого консенсуса нет. К примеру, мне уже случалось критиковать утверждения о изначальной «политической пассивности Петра», показав что юный царь после свержения царевны Софьи пытался взять управление государством в свои руки, однако вдовствующая царица Наталья Кирилловна не пустила его к кормилу власти, сосредоточив усилия на обучении сына делам правления (в том числе в вопросах внешней политики). Это стало причиной острого конфликта между ней и Петром. В данном контексте «состоявшееся 1 января 1692 г. по воле Петра I в Преображенском “поставление в патриархи” Н.М. Зотова, известного впоследствии как “вся Яузы и всего Кокуя патриарх”, стало своеобразным ответом царя на совершённое помимо его воли поставление Адриана»⁷. Приведённые Акельевым данные не разрушают «сложившийся консенсус», а подтверждают мои наблюдения, хотя базовым мне кажется всё-таки конфликт между матерью и сыном; противостояние же с патриархом стало производной от семейных столкновений.

Общему пониманию исследуемого материала мешает то, что в книге нет развёрнутого анализа начального этапа истории русского брандштита.

У рецензента складывается впечатление, что существовавшие в Московском государстве XVI–XVII вв. представления о бороде сложились довольно поздно. Побившийся к свадьбе с Еленой Глинской Василий III ещё явно не понимал, что он уничтожает бритвой своё подобие Богу. Это видно из материалов, приведённых самим Акельевым, и ещё более очевидно из статьи В.В. Пенского⁸. В качестве дополнительной аргументации позднего появления «Адриановских» взглядов на бранобритие можно привести факт отсутствия бороды в ранней иконографии сюжета изгнания Адама и Евы из Рая. Ведь если ориентироваться на характеристику бороды как признака подобия Богу, то Адам изначально должен был иметь бороду. Между тем сюжет изгнания из Рая с бородатым Адамом — редкость. Это говорит о том, что изобразительная традиция не вполне «догнала» тексты. Представляется, что изучаемая Акельевым система взглядов стала складываться из разрозненных направленных против бранобритцев текстов в ходе обсуждения голого подбородка Василия III. Концепция развивалась по мере обострения противостояния традиционалистов и сторонников модернизации, кульминация которого пришлась на время патриаршества Адриана и, соответственно, актуальность данного концепта усилилась.

Сюжет о конце бранобрития также выглядит в рецензируемой книге незаконченным. Развитие законодательства в этой области продолжалось. Достаточно вспомнить о знаменитом указе Николая I «О неношении лицам, имеющим придворные звания, усов и бород» (1837)⁹. Однако в указе запрет на ношение усов, столь любимых самим императором, объяснялся тем, что это признак людей, находящихся на военной службе, новое же

гонение на бороды не аргументировано. Если же обратиться к исследованию А.И. Куприянова, тщательно анализировавшего причины ношения бород в конце XVIII — первой половине XIX в., то окажется, что причин для ношения/бритья бороды к началу 1860-х гг. было множество: «Купечество и мещанство в большинстве своём сохранило народную традицию отношения к бороде. Славянофильски настроенная часть образованных слоёв в поисках национальных корней, “почвы”, ещё раньше обратилась к бороде как символу русскости. Либерально настроенная молодёжь с её помощью (как и длинными волосами, “вольностями” в одежде) выражала свою оппозиционность правящим кругам. Наконец, на молодых и людей среднего поколения (отчасти и представителей старшего поколения, носивших бороды в 1830-х гг.) повлияли европейские моды на бороды»¹⁰. Как видим, носить бороду можно было даже для того, чтобы выглядеть, как европейцы. Между тем продвигаемая патриархами Иоакимом и Адрианом аргументация, убеждающая носить бороды, явно потеряла свою актуальность. Она продолжала использоваться разве что в старообрядческой среде. В целом же система семиотических знаков в конце XVIII — XIX в. явно поменялась. Можно предположить, что к 1763 г. страна уже прочно свернула на проложенный Петром путь. В результате старый знак-символ потерял значение знамени в борьбе за старый мир. Сторонники бранобрития и их противники наполнили этот символ своими смыслами.

В заключение отмечу, что предлагаемое нашему вниманию издание является не только научным текстом, но и в какой-то мере литературным произведением. Автор, специально или неосознанно, предлагает читателю игру смыслов и сюжетов в стиле

«Игры в бисер» Г. Гессе или «Имени розы» У. Эко. Элементом такой игры являются обширные цитаты из документов и других исследований. Их сопоставление с текстом Акельева заставляет читателя создавать собственные интерпретации представленного материала. Характерно, что книга увидела свет не в узко специализированном издательстве, а в «Новом литературном обозрении», которое, имея большой опыт публикации научной исторической литературы, всё-таки ориентируется на научно-популярные и интеллектуальные художественные тексты. Это делает рецензируемую монографию доступной как для специалистов-историков, так и для широкого круга читателей, интересующихся прошлым нашей страны. Работа автора с данным издательством положительно сказалась на качестве книги. Следует отметить и «звёздный» состав специалистов, работавших с нею. Научный редактор (О.Е. Кошелева) — известный специалист по русской истории и культуре XVII–XVIII столетий; пользуются заслуженным уважением коллег и рецензенты — Е.В. Анисимов и А.В. Жуковская.

Впрочем, достоинства представленного исследования в какой-то мере являются и его недостатками. Сложное переплетение сюжетов и смыслов не позволяет читать его бегло или просто заглядывать в конкретные разделы в справочных целях. Многочисленные подзаголовки часто являются художественными образами, разобраться в которых можно, только изучив текст. Следя за одной мыслью автора, порой теряешь из виду остальные сюжеты. Чтобы воспринять весь потенциал текста Акельева, к нему необходимо обратиться не раз, что, однако, не составляет проблемы, поскольку книга очень интересна.

Примечания

¹ Акельев Е.В., Трефилов Е.Н. Проект европеизации внешнего облика подданных в России первой половины XVIII в.: замысел и реализация // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.). Сборник статей. СПб., 2013. С. 153–173; Акельев Е.В. Из истории введения брадобрития и «немецкого» костюма в петровской России // Quaestio Rossica. 2013. № 1. С. 90–98; Akelev E.V., Wilson L. The barber of all Russia: Lawmaking, resistance, and mutual adaptation during Peter the Great's cultural reforms // Kritika. Vol. 17. 2016. № 2. P. 241–275.

² Шамин С.М. Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1. С. 23–38.

³ Шамина И.Н. Практическая реализация первого этапа церковной реформы Петра I (1701–1703) // Российская история. 2021. № 4. С. 60–71; Башнин Н.В., Устинова И.А., Шамина И.Н. Высшее духовенство в начале церковной реформы Петра I: правовой статус и имущественное положение. М.; СПб., 2022.

⁴ Устинова И.А. Начальный этап церковной реформы Петра I: преобразование патриарших приказов // Вестник церковной истории. 2022. № 3/4(67/68). С. 232.

⁵ Шамина И.Н. Опись имущества вологодского Павлова Обнорского монастыря 1701–1702 годов // Вестник церковной истории. 2010. № 1/2(17/18). С. 17–107; Шамина И.Н. Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренёва и Брусенского монастырей 1701 г. // Вестник церковной истории. 2017. № 3/4(47/48). С. 96–226; Шамина И.Н. Переписная книга вологодского Спасо-Нуромского монастыря и его вотчины 1701–1702 гг. // Вестник церковной истории. 2020. № 1/2(57/58). С. 5–37.

⁶ Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682–1689 гг. М., 1999. С. 157–190.

⁷ Шамин С.М. Формирование внешнеполитических представлений Петра I и куранты 1690–1693 гг. // Российская история. 2012. № 4. С. 111–120.

⁸ Пенской В.В. «Яко блудницам обычай есть...»: казус с бородой Василия III // Наука. Искусство. Культура. 2017. № 3(15). С. 119–128.

⁹ Волков Н.Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. СПб., 1900. С. 96.

¹⁰ Куприянов А.И. Городская культура русской провинции. Конец XVIII — первая половина XIX века. М., 2007. С. 367.

**Правящая бюрократия и реформы в России
в середине XIX в.: взгляд американского историка***

Vsevolod Voronin

(Moscow State Pedagogical University, Russia)

**The ruling bureaucracy and reforms in Russia
in the middle of the 19th century: the view of an American historian**

DOI: 10.31857/S2949124X23050140, EDN: OLNDOG

Исследователям политической истории пореформенной России хорошо известна книга Д. Орловского «Пределы реформ», освещающая организацию и роль МВД в системе государственного управления империи в 1855–1881 гг. Она появилась ещё в 1981 г.¹, но только теперь её перевод стал доступен в России как специалистам, так и широкому кругу читателей. Фактически для исследования Орловского началась новая жизнь в отечественной историографии. И это не просто даёт приятный повод его перечитать, но и заставляет присмотреться к нему внимательнее.

Орловский принадлежит к замечательной плеяде американских русистов второй половины XX в., много сделавших для изучения институтов императорской России, её чиновничества, в том числе — «просвещённой бюрократии», готовившей и проводившей Великие реформы 1860–1870-х гг. Среди тех, кто помогал ему в работе, автор с благодарностью упоминает Р. Пайпса, М. Раева, Э. Кинана, У.Б. Линкольна, У. Пинтнера, Д.К. Рони, Т. Тарановского, Р. Уортмана, Г. Фриза. Сам Орловский, уроженец Чикаго, служил в Корпусе морской пехоты США, изучал русский в Военном институте иностранных языков в Монтерее, окончил Гарвард-

ский университет, стал профессором Южного методистского университета в Далласе. В 1973–1974 гг., занимаясь в архивах СССР, он проходил стажировку в Москве у профессора П.А. Зайончковского² и консультировался в Ленинграде с Н.Г. Сладкевичем и В.Г. Чернухой, которую считал «ведущим историком Русской эпохи реформ»³. Благодаря столь широкому кругу общения его работа впитала в себя лучшие традиции как институционального подхода зарубежных учёных, так и позднесоветских научных школ.

В своей книге Орловский прежде всего проанализировал структуру и штат МВД, пытаясь выяснить их способность влиять «на внутриполитическую ситуацию». Исходя из представления о «доминирующей роли» правительственных учреждений «во всю многовековую историю российской государственности», он проследил, «как традиционное, бюрократически выстроенное государство столкнулось с проблемой стремительно меняющегося исторического ландшафта второй половины XIX столетия». Особенно его интересовала трансформация чиновничества, появление в нём «новых образований» и то, «как они справлялись с возложенной на них двойной ролью — охранителей традиции и про-

* Орловский Д. Пределы реформ. Министерство внутренних дел Российской империи в 1802–1881 годах / [Пер. с англ. А. Чёрного]. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. 431 с. (Серия «Современная западная русистика» / «Contemporary Western Rusistika»).

возвестников обновления». По мнению автора, «именно в истории императорской бюрократии следует искать ключ к пониманию революционных потрясений первых десятилетий XX века». При этом в своих поисках он использует прежде всего «структурный» метод, состоящий «в обнаружении глубинных закономерностей институциональной жизни, которыми определяются границы человеческих действий в известном историко-культурном контексте» (с. 10–11).

Как утверждает Орловский, «после Крымской войны» МВД сделалось «наиболее влиятельным правительственным органом», отвечавшим за положение в стране и игравшим «ключевую роль» при разработке и проведении Великих реформ. К середине 1860-х гг. оно осуществляло контроль над местной администрацией, полицией, цензурой, инославными и иноверными конфессиями и сектами, отвечало за организацию здравоохранения, обеспечение населения продовольствием и т.д. Тем самым, как считает историк, МВД стало «настоящим государством в государстве» с «распорядительной властью и целой чиновничьей армией», фактически управлявшей Россией. Соответственно и министр внутренних дел как приближённое к царю лицо и «в ещё большей степени» как глава «громадного ведомства», участвуя во всех важных совещаниях и «непосредственно влияя на политический курс и законодательство», оказался «одним из могущественнейших людей в государстве». Более того, П.А. Валуев, гр. М.Т. Лорис-Меликов и П.А. Столыпин, возглавляя МВД, даже пытались объединить «царское правительство» и с помощью реформ «приспособить самодержавие к меняющимся политическим, социальным и экономическим условиям». Правда, действия «менее харизма-

тичных» министров внесли «немалую лепту в стремительное угасание... старого режима». Именно поэтому, по словам автора, особого внимания историков заслуживало «определение тех институциональных слабостей, что способствовали радикальным решениям 1917 года» (с. 11–12).

Со своей стороны, Орловский отмечал, что даже при Александре II МВД не следовало «в полной мере» по пути «реформ», а после отмены крепостного права в 1861 г. «стало ещё более зримым символом застывшего консерватизма». В то время, пишет исследователь, в среде политической элиты «принцип гегемонии административной и полицейской власти стал идеологией, которая в самой сердцевине своей по иронии являлась совершенно антиинституциональной в своей вере в примат личной власти над силой закона». В самом ведомстве это привело к «стремительной перемене: от локомотива освободительной реформы и прибежища для чиновников прогрессивных взглядов к консервативной опоре самодержавия и дворянства, бескомпромиссно поддерживающей административную власть», и породило «феномен возвышения в министерской иерархии таких фигур, как А.Е. Тимашев, Д.А. Толстой, В.К. фон Плеве и П.Н. Дурново». Данная тенденция, как полагает автор, выявляет тесную взаимосвязь «между судьбой МВД после Крымской войны и судьбой русского самодержавия в целом» (с. 12–13).

«Эпохе Великих реформ» историк отводит «центральное место в политической истории последнего периода Российской империи». В дальнейшем пороки «правительственной системы», вызванные «незавершёнными реформами и неадекватными политическими решениями», «структурные недостатки» и «консервативно-державническая идеология» вылились

в «обширный кризис русского самодержавия, не прекращавшийся все последние десятилетия империи». И тут «Россия сильно отстала не только от европейских, но даже и от азиатских режимов», поскольку её властям не удалось «обратить социальные перемены во благо, придя к политическому консенсусу через расширение политического участия доминирующих социально-экономических групп» (с. 13–14). Исходя из этого, автор стремился «на примере МВД прояснить политическую историю правления Александра II» и показать «его последствия для самодержавия». Заявленное же им намерение «рассмотреть аналогичные ситуации, имевшие место... в “консервативно-обновляющихся режимах” Европы и Азии в конце XIX века» (с. 14), нашло отражение лишь на нескольких страницах заключения (с. 362–367).

Кратко охарактеризовав создание министерств при Александре I, Орловский указывал на начавшееся в чиновничьей среде «накануне Великих реформ» соперничество между «институционалистами» («просвещёнными бюрократами», по выражению У.Б. Линкольна), отстаивавшими идеи «порядка» и легальности, и «традиционалистами», верившими «в сакральность личной власти, нисходящей от царя и проистекавшей вдаль и вширь». Именно в этом «традиционалисты» и видели «“дух” русской государственности». Они также поддерживали «бюрократическую систему и принцип державности, однако выше их ставили самодержавную власть царя и в менее явном виде традиционные — клановые и персонифицированные — формы политических отношений и власти», уходящие во времена Московской Руси (с. 15–16). Не случайно в конце первой главы автор высказал «предположение», согласно которому «в любом политиче-

ском образовании — особенно в России, где бюрократическая традиция столь глубоко укоренена, — правительственные институты являются хранилищем традиций и глубоко укоренённых догм политической культуры». Однако министерства изначально играли «двойную роль», будучи «двигателем не только традиционной политической культуры, но и перемен в ней». Вследствие этого возникало «напряжение», которое «самым пагубным образом сказалось на политической стабильности империи» (с. 30).

Вместе с тем у «министерской системы» изначально были «видные оппоненты», обвинявшие её в «бюрократизации», деспотизме, неэффективности и враждебности «интересам русского народа». Постепенно её начали воспринимать как «идеальное отражение радикальной разобщённости государства и общества — давно привычного факта русской жизни» (с. 18–19).

При Александре II критика министерского управления и обособленности ведомств заставила задуматься о создании «единого» правительства. В 1857 г., «параллельно с Комитетом министров», возник Совет министров, остававшийся, однако, до 1861 г. секретным, а впоследствии игравший «относительно скромную роль». В его появлении Орловский усматривает «конфликт органов политической власти с личной властью самодержца», чьи мнения продолжали доминировать на нерегулярных заседаниях нового учреждения. По сути, главным противником его полной институционализации выступил сам Александр II, который, подобно своему отцу и сыну, оставался «абсолютно чужд и враждебен любым властным институтам, угрожавшим ослабить личную власть монарха, и «наотрез отказался дозволить создание Кабинета министров

под председательством кого-либо, помимо самодержца» (с. 19–22).

Говоря о «министерской власти», Орловский во многом развивает идеи, изложенные в 1906 г. либеральным публицистом и сторонником «Союза освобождения» С.П. Покровским⁴. Тот обвинял её в деспотизме и отказе от «реформ Александра II», во враждебности обществу и длительном игнорировании необходимости государственного переустройства. Несмотря на явную поверхностность и расплывчатость суждений Покровского, Орловский заимствовал его формулировки, облёк их «в понятия, охватывающие как институциональные, так и идеологические аспекты Русского государства», и превратил в некую «доктрину тогдашней министерской власти» в России, которая будто бы представляла собой «сплав традиций и укладов Московской Руси, европейских идей о полицейском государстве XVII – начала XVIII века и наполеоновской Франции» (с. 22–25). В основе же её лежало представление о «легитимности государственного вмешательства практически в любые аспекты социальной и экономической (а равно интеллектуальной и религиозной) жизни». Сложившаяся в результате «русская традиция интервенционизма полицейского государства выражалась в понятиях “попечительство” или “опека” применительно как к обществу в целом, так и к конкретным группам внутри него» (с. 26).

Между тем, по мнению Орловского, к середине XIX в. правовые нормы, сложившиеся в «классических бюрократических империях», уже показали «весьма слабую адаптируемость к новым политическим реалиям». Однако в России по-прежнему «всякое политическое движение вне канцелярских стен полагалось также и вне закона, если не настоящей изменой», управление оставалось уделом «админи-

страции», которая не доверяла обществу – варварскому и себялюбивому» участвовать в государственной жизни. При этом «царь считался символом легитимности и средоточием всех отношений с персонифицированной властью» (с. 27–28).

Валуев однажды посетовал на то, что министры для царя всё равно значат не более, чем «какие-нибудь азиатские рабы или личная прислуга». Орловский описывает такую «ситуацию» как «в высшей степени аномальную», ибо «речь идёт о главах крупнейших правительственных учреждений». Но в то же время историк без малейшего сомнения признаёт подобные отношения «непреложным фактом», хотя они плохо согласуются с его словами об МВД как «государстве в государстве» и могуществе «министерской власти» (с. 29–30).

Действительно, зависимость царя, не способного лично уследить за каждым делом, от «аппарата» во многом уравнивалась прерогативой назначать и увольнять сановников, возвышать любых лиц, даже далёких от государственной службы, утверждать или отвергать мнения советников и целых коллегий. В то же время «персонифицированная форма политической власти» охотно «воспроизводилась» сверху донизу – от царя до «чиновников и околичинных служащих на всех уровнях», вызывая «сильнейшее напряжение между государственными лицами и государственными институтами». А «массовая поддержка персонифицированной власти» во многом объясняла упорное сопротивление последних русских императоров «необходимым и очевидным политическим изменениям» (с. 28–29). Утратив реальное полновластие из-за усложнения административной системы и набравшей силу «институционализации», они ещё могли препятствовать «развитию правительственных институтов»

и защищать принцип самодержавия. И тут «оборонительная стратегия» как Александра II, так и «более консервативного» Александра III, «была примерно одинаковой». Руководствуясь усвоенной с детства идеей «долга» и «патриархально-патерналистскими образами», Александр II «упорно» противился «институциональным и политическим переменам». Используя реформаторов «для укрепления системы», он «успешно сталкивал правительственные группы друг с другом, никогда не допуская фактической институционализации, то есть увековечения ситуативных побед министров или чиновничьих кланов» (с. 29–30).

Во второй главе книги подробно рассматривается структура МВД и изменения, происходившие в ней в 1802–1881 гг. Анализируя процесс «министерской эволюции», автор пытается выяснить, «как и когда министерства стяжали политическую гегемонию» (с. 31), но в итоге констатирует, что ведомство, казалось бы, достигшее в 1860–1870-х гг. пика своего могущества, в то же самое время переживало глубокий кризис, погрязло в формализме, противилось собственному обновлению и уделяло много внимания «мелким вопросам», спорам о «границах ведомственной юрисдикции», переименованиям различных подразделений, «распределению ограниченных ресурсов». Высшему начальству всё труднее было контролировать деятельность департаментов, перегруженных перепиской. Чиновники обычно вели дела по-старинке, следуя «формальным правилам». Штаты с конца 1860-х гг. практически не менялись, за исключением некоторой корректировки, произведённой при поглощении III отделения Собственной е.и.в. канцелярии в 1880 г. Орловский видит в этом «инновационный провал» и неспособность провести «структурно-оперативные преобразо-

вания» (с. 98–100). Характерно, что, принимая предложенную Зайончковским концепцию «кризиса самодержавия» в 1878–1881 гг.⁵, Орловский рекомендует «по-новому взглянуть на идею институционального кризиса, пусть тот и начался задолго до 1878 года» (с. 100).

В третьей главе представлены краткие, но ёмкие биографии министров внутренних дел 1855–1881 гг. — С.С. Ланского, П.А. Валуева, А.Е. Тимашева, Л.С. Макова и гр. М.Т. Лорис-Меликова. Сам автор объясняет это тем, что исследование «институциональной истории требует от нас подробнее остановиться на персоне лидера», «скорее на делах, идеях и в целом лидерских качествах министров, нежели на правовой регуляции их власти и полномочий» (с. 101). Впрочем, историк предсказуемо обнаружил у них «совершенно различные характеры», взгляды и опыт. При их назначении решающее значение, по мнению Орловского, придавалось «личной преданности», причём «в трёх из пяти случаев» (Ланской, Тимашев, Маков) Александра II вообще не интересовали «политические навыки кандидата в министры». Правда, обстоятельства и мотивы, которыми руководствовался царь, описаны в книге довольно скупо. В итоге, если выбор Ланского и Валуева повышал роль МВД в правительстве, то Тимашев и Маков, не имевшие должного «авторитета» и необходимых способностей, напротив, ослабили ведомство. Личное, а не институциональное начало оставалось по-прежнему определяющим в министерской деятельности, и «потенциал бюрократии в качестве инициатора политического обновления был сильно подорван». Это проявилось и в решении царя сделать ставку «на энергию, харизму и не раз доказанные миротворческие навыки Лорис-Меликова», наделив его в 1880 г. диктаторскими полно-

мочиями, для того чтобы потушить «общественно-политический пожар». Тем самым Александр II надеялся «компенсировать изъяны в структуре министерского правительства и во всей самодержавной системе», которые прежде не раз усугублял. Но Орловский сомневается, могла ли «диктатура сердца» гр. Лорис-Меликова долго продолжаться без решения монарха об ограничении «собственной державной власти», если бы, конечно, царствование Александра II не прекратилось в 1881 г. (с. 189–192).

В четвёртой главе прослеживают карьеры 87 чиновников среднего звена, занимавших ключевые посты в МВД. На основании их формулярных списков автор выделил шесть устойчивых групп: «кадровые сотрудники МВД» с профильным образованием и квалификацией (медики, знатоки иностранных исповеданий и т.п.); «управленцы-универсалы», прошедшие через другие ведомства; офицеры; цензоры; «специалисты широкого профиля, долгое время служившие в губернских ведомствах или дворянских собраниях»; полицейские и юрисконсульты (с. 220–226). Характерно, что, несмотря на приток с 1840-х гг. «молодых и образованных сотрудников», в МВД остро ощущалась нехватка «способных людей», которые могли бы занимать «наиболее ответственные посты». При этом больше всего ценились «умение выполнить поставленную задачу в установленных системой рамках, полученный за время службы опыт, политическая благонадёжность и личные взаимоотношения с начальством». Появившиеся в министерстве в 1840–1860-х гг. «просвещённые бюрократы» образовали в нём своё «скромное, но чрезвычайно влиятельное меньшинство» и «кратно» увеличили его «административные и законотворческие возможности», содействуя «общему подъ-

ёму политической значимости МВД». Однако уже при Валуеве, в 1861–1868 гг., их вытеснило «безмолвное, большей частью либо вовсе аполитичное, либо же радикально консервативное большинство». Это были «идеальные “аппаратчики” — верные стражи системы, без особых амбиций, но с готовностью усердно трудиться за политической кулисой». Они отвергали обширные планы «преобразований сверху», и благодаря им МВД дрейфовало «к идеологии полицейской власти» (с. 226–228).

«Политике охранителей» автор посвятил пятую главу (с. 229–307). В ней говорится, что несмотря на недолгий период «некоторого дрейфа к правительственному конституционализму» (связанного с увлечениями шефа жандармов гр. П.А. Шувалова), в 1870-е гг. наблюдался «явный триумф полицейского авторитета и министерской власти». Это исключало возможность «самодержавного обновления» страны, и для того, чтобы изменить ситуацию, «потребовался разразившийся кризис и возвышение фигуры Лорис-Меликова» (с. 307).

Основная часть книги завершается рассказом о гр. Лорис-Меликове, его «диктатуре сердца» и «правительственной системе» 1880–1881 гг. Орловский не строит предположений о том, «как бы видоизменилось русское самодержавие и его министерское правительство, если бы система Лорис-Меликова устояла в 80-е и последующие годы». При этом «политика Лориса» представляется ему чем-то «совершенно иным в политической традиции России», доказательством чему служит и враждебность к ней «как крайне левой, так и большинства правой части русского политикума». И те, и другие обвиняли графа в популизме и властолюбию. Кроме того, «левые» опасались, что он «снимет остроту назревших социально-экономических

кризисов и поможет в достижении общественного консенсуса, необходимого для обновления самодержавной власти». По мнению Орловского, гр. Лорис-Меликов попал «главные догматы министерской власти», нарушив «границу» между легальной «политической деятельностью» высшей бюрократии и европейской «политической культурой» с её «партиями», выборными органами, «постоянным взаимодействием» правительства и общественных сил. Взяв курс «на обновление самодержавия», Лорис, «возможно», добился бы преобразования «прежнего режима» в такую же «самодержавную систему», но «более эффективную, справедливую и политически сознательную» и к тому же «поддерживаемую формирующимися группами социальных и экономических интересантов, влияющих на процессы посредством квазирепрезентативных институций». Историк не исключает, что «Лорису удалось бы сформировать более гибкое правительство с известной степенью общественного участия». Правда, и тогда сперва «превалировала бы административно-полицейская власть, сосредоточенная исключительно в руках правительства» (с. 352–353).

МВД стало для гр. Лорис-Меликова «политической опорой», обеспечивавшей строительство его «правительственной системы». При этом, как когда-то М.М. Сперанский, он рассчитывал «преобразовать или, по крайней мере, напитать новым духом бюрократические учреждения и самих чиновников». После отставки графа в 1881 г. МВД сохранило роль «одного из многих конкурирующих между собой центров власти и влияния», но «его глава более не мог претендовать на статус премьер-министра». Как полагает Орловский, «столь крутой разворот продемонстрировал всю шаткость преобразований, происходящих

за счёт союза царя с единственным министром». В итоге «единственной институциональной переменной», осуществлённой в МВД в 1880–1881 гг., осталось объединение полиции. И эта мера оказалась «роковой», поскольку именно она закрепила в стенах ведомства полицейский взгляд на стоящие перед ним задачи. Между тем под влиянием «ярких апологетов традиционного самодержавия и идеалов министерской власти» Александр III максимально сузил «область легальной политической жизни» (с. 353–355). Тем самым «поражение Лориса» обернулось «трагедией России» и стало поворотным моментом в судьбе империи, которой понадобилась «ещё четверть столетия» для появления «нового столь же амбициозного лидера» — П.А. Столыпина (с. 356–369).

Конечно, уверенность автора книги в пригодности для России западных политических образцов и в отсутствии у империи «реформаторской альтернативы» на рубеже XIX–XX вв. представляется по меньшей мере спорной. Сильно преувеличено им и могущество МВД, существенно ограничивавшееся как другими ведомствами, так и высшими государственными учреждениями. Вместе с тем рациональность, аргументированность и меткость многих суждений и наблюдений Д. Орловского позволяют надеяться на то, что затронутые им сюжеты вновь станут поводом для научных дискуссий.

Нельзя не сказать несколько слов и о труде переводчика. А. Чёрный тщательно и зачастую изящно проделал большую кропотливую работу. Не ограничившись переводом, он сопроводил текст собственными примечаниями, поясняющими смысл отдельных понятий и содержащими дополнительные сведения о некоторых лицах и учреждениях, упоминаемых автором. Но, к сожалению, эти

комментарии не всегда точны. Так, Главный комитет по крестьянскому делу, действовавший в 1858–1861 гг., характеризуется переводчиком как «“наследник” одного из николаевских секретных комитетов» (с. 107), тогда как он был сформирован на основе Секретного комитета, созданного Александром II в январе 1857 г. Встречаются ошибки и в самом переводе. Пожалуй, наиболее досадная из них — упоминание о наличии в структуре МВД некоего «Совета министров» (с. 79) вместо Совета министра (в английском оригинале, разумеется, говорится про «Council of the minister»⁶). Эту ошибку можно было бы легко исправить при обращении к справочникам⁷. Появившиеся в начале XXI в. издания⁸ помогли бы устранить и фактические неточности, например, в биографиях государственных деятелей, вполне извинительные для книги 1981 г., но в настоящее время буквально режущие глаз.

Всё это наглядно свидетельствует о том, что перевод монографии, даже при добросовестном и неравнодушном отношении к делу, требует, помимо прочего, и научного редактора. Возможно, он обратил бы внимание и на некоторые не совсем удачные выражения. Так, «тусклая фигура» («obscure figure») Тимашева становится «скорее обскурантистской» (с. 160). «Твёрдые» (или даже «твердолобые» — «hard-line») консерваторы превращаются в «ригористичных» (с. 131), конная сельская стража («taunted rural guard») — в «верховых уездных надзорных» (с. 178), сторонники «официальной народности» («official nationality») — в «поборников “титульной нации”» (с. 186), гр. Лорис-Меликов назван не «харизматичным» («charismatic»), а «прирождённым» лидером (с. 309), русско-турецкая война 1877–1878 гг. именуется «триумфальной» (с. 187), тогда как у автора речь

идёт всего лишь о победах, одержанных в ней тем же гр. Лорис-Меликовым («his Turkish War victories»), и т.д., и т.п. Иногда даже формально корректный, но неловкий перевод вызывает недоумение. К примеру, сказано, что «одним из первых же своих указов по восшествии на престол Александр II назначил Ланского министром внутренних дел» (с. 103). Между тем это случилось только в августе 1855 г., т.е. через полгода после начала нового царствования. Орловский же имел в виду то, что этот шаг стал одним из первых вполне самостоятельных действий («acts») царя⁹.

Но несмотря на подобные недочёты, А. Чёрный и издатели серии «Современная западная русистика. История» взяли за важное и нужное дело и заслуживают всяческой поддержки и благодарности читателей. Хочется надеяться, что их начинание будет продолжено «на пользу Отечеству и благое просвещение».

Примечания

¹ Orlovsky D.T. The limits of Reform: the Ministry of Internal Affairs in Imperial Russia, 1802–1881. Cambridge (Mass.); L., 1981. Подробнее о книге см.: *Большакова О.В.* Власть и политика в России XIX — начала XX века. Американская историография. М., 2008. С. 111–113.

² Пётр Андреевич Зайончковский. Библиографический указатель / Под ред. Л.Г. Захаровой. Изд. 2. М., 1995. С. 61.

³ Orlovsky D.T. Op. cit. P. VII.

⁴ *Покровский С.П.* Министерская власть в России. Историко-юридическое исследование. Ярославль, 1906.

⁵ *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов. М., 1964. С. 475.

⁶ Orlovsky D.T. Op. cit. P. 38–39.

⁷ См., в частности: Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917 гг. / Отв. сост. Д.И. Раскин. Т. 2. СПб., 2001.

⁸ Прежде всего, конечно: *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917 гг. Библиографический справочник. СПб., 2002.

⁹ Orlovsky D.T. Op. cit. P. 53.

Книги о реформах и реформаторах Российской империи в последнее время выходят всё реже. Исследовательские интересы так или иначе отражают воздействие исторического самосознания общества, его ожидания и разочарования не проходят бесследно. В какой-то момент бунтовщики и пламенные революционеры словно бы отошли в тень, уступив место (во всяком случае, на книжных полках) более или менее удачливым преобразователям, либералам и консерваторам. Изучение их взглядов и деятельности не просто заполняло огромные лакуны, искусственно оставленные в советское время при освещении русской истории, но одновременно как будто давало надежду на нечто иное, несомненно лучшее, хотя и непременно несбывшееся. Но увеличение знаний, в том числе и научных, как и положено, лишь умножало печаль. И теперь, похоже, уже никто не ждёт ничего хорошего ни от реформ, ни от революций, причём и в настоящем, и в прошлом. Не случайно юбилеи и крупные даты, какими бы чествованиями они ни сопровождались, не вызывают больше и тени тех дискуссий, которые сравнительно недавно велись так увлекательно и жарко.

Конечно, это сказывается и на постепенно слабеющем внимании к эпохе Великих реформ 1860–1870-х гг. и её ключевым фигурам.

Сейчас о них известно несоизмеримо больше, чем 30–40 лет назад. Картина стала значительно сложнее, но теперь, как ни странно, сама эта сложность оказывается препятствием на пути её осмысления, а круг аспектов и нюансов, которые необходимо учитывать, продолжает расширяться. Неудивительно, что за прошедшие десятилетия так и не появилось новых фундаментальных биографий Александра II и его сотрудников, за исключением вел. кн. Константина Николаевича¹. В частности, на русском языке до сих пор нет сколько-нибудь обстоятельного исследования, в котором очерчивался бы жизненный путь Н.А. Милютин (1818–1872). Между тем в отечественной историографии ещё в 1980-е гг., во многом благодаря Л.Г. Захаровой², было признано, что решающую роль в преобразованиях 1860–1870-х гг. играли всё же не «революционные демократы», а «либеральные бюрократы» и в том числе один из наиболее авторитетных их лидеров — Николай Алексеевич Милютин. При этом за границей его оценили гораздо раньше. Ещё в конце XIX в. о нём рассказал своим читателям А. Леруа-Больё, а в 1977 г. был издан небольшой (всего 130 страниц), но охвативший всю жизнь «просвещённого русского бюрократа» очерк Б. Линкольна³. В России же сведения о Милютине по-прежнему приходит-

* Морозова Е.Н. Н.А. Милютин: замыслы и результаты (от полицейской реформы к созданию проектов эффективного местного управления). Саратов: Издательство Саратовского университета, 2019. 208 с., ил.

ся искать в справочниках, мемуарах, популярных статьях и исследованиях, посвящённых различным сюжетам⁴.

В этой ситуации выход новой монографии профессора Саратовского университета Е.Н. Морозовой не может не радовать. Она уже не одно десятилетие работает над темой и известна ценными трудами по истории преобразования местного управления в Российской империи в середине XIX в.⁵ Теперь эти сюжеты рассмотрены ею в связи с формированием мировоззрения Н.А. Милютина и развитием его замыслов в 1840–1850-е гг. (с. 199). Книга основана на глубоком знании существующей литературы (с. 5–12), документов государственных учреждений и отдельных чиновников, мемуаристики и публицистики. Некоторые сравнительно компактные и наиболее выразительные тексты, выявленные в архивах (например, замечания Милютина о статье В.П. Безобразова «Аристократия и интересы дворянства» или «Соображения» Николая Алексеевича о проекте П.А. Валуева), хорошо бы смотрелись в качестве приложения.

Характеризуя взгляды Милютина, Морозова показывает влияние на будущего реформатора семейной обстановки, обучения в гимназии и благородном пансионе Московского университета (с. 17–33). Доверительные отношения, существовавшие в семье, заставляли его острее переживать выпавшие на её долю невзгоды, а не просто дававшаяся учёба (особенно на фоне успехов старшего брата) задевала самолюбие увлекающегося подростка с ярко выраженными литературными наклонностями. Возникшая у него предрасположенность к «французскому байронизму» и даже некоторой театральности вполне естественно смотрелась на закате позднего романтизма (с. 27–30, 49), и лишь на рубеже 1830–1840-х гг. её медленно

сменили серые сумерки позитивизма с его модой на статистические изыскания и политическую экономию⁶. Так постепенно складывался его неровный, нервный, но скорее привлекательный своей живостью характер (с. 48–49), в котором причудливо сочетались острые рациональные суждения, частые сетования на жизнь и её несправедливость, самоирония и боевой задор. Он был одновременно и избалован судьбой, и хорошо знаком с её переменчивостью. Чего стоили хотя бы неоправдавшиеся расчёты окончить пансион с чином X класса.

Один из разделов первой главы книги освещает «начальный этап карьеры Н.А. Милютина в МВД» (с. 48–64). И здесь, как известно, не обошлось без участия семьи. Преданная забота о заболевшем брате, находившемся в «почти безнадёжном состоянии», буквально вырвала Николая Алексеевича из намеченной для него (и совершенно бесперспективной) колеи, предполагавшей прозябание в канцелярии московского генерал-губернатора, где он уже заранее хоронил «свою будущность», и в одночасье перенесла осенью 1835 г. в столицу⁷.

Обычно вслед за П.П. Семёновым считается, что «высокопоставленный дядя, П.Д. Киселёв, исключительно преданный высокому служению государственным интересам, не обладал душевной теплотой и стоял очень далеко от семейных интересов ближайших своих родных, вследствие чего он приблизил к себе своих племянников не ранее начала 1850-х гг.»⁸. На деле всё, конечно, было несколько сложнее. И хотя Милютины ощущали (и на всю жизнь запомнили) «какую-то натянутость и холодность» со стороны дядюшки, тот, утешая сестру, муж которой к тому времени совершенно разорился, сообщал ей, что не только старший её сын «на счету отличных офицеров», но и Николай «помещён

выгодно», и «будет приятно ходатайствовать о нём у его начальства». Поместил же Киселёв племянника к своему ближайшему сотруднику В.И. Карнееву, в то время возглавлявшему Хозяйственный департамент МВД. Павел Дмитриевич являлся тогда одним из ближайших сотрудников императора и создавал V отделение Собственной е.и.в. канцелярии и Министерство государственных имуществ (МГИ). Причём бессменным управляющим V отделением в 1836–1856 гг. служил именно Карнеев. Но, покидая МВД, Милютина к себе он не взял, «указав на неудобство и даже невыгоды службы под прямым начальством близкого родственника». Судя по тому, что «в том же смысле высказался» и Киселёв, данное решение принимал отнюдь не Карнеев⁹. Внешне это могло казаться отговоркой и желанием дистанцироваться. Но формулярный список Милютина наглядно свидетельствует, что Карнеев и Киселёв не лукавили: все чины с X по V класс Николай Алексеевич получал «за отличие» (т.е. до требовавшейся выслуги лет) и к 1849 г. был уже статским советником. Если бы это происходило в ведомстве его дяди, никто бы даже не сомневался в подоплёке такого повышения.

Кстати, среди деятелей Великих реформ далеко не только Милютины пользовались покровительством высших сановников и придворных николаевского царствования в силу своих семейных связей. Можно вспомнить и А.В. Головнина, которому всячески содействовали кн. А.С. Меншиков и гр. Ф.П. Литке (и только позднее — вел. кн. Константин Николаевич), сохранившие добрую память о его отце — В.М. Головнине, и М.Х. Рейтерна — двоюродного брата жены В.А. Жуковского, даже в отставке игравшего совершенно уникальную роль в жизни царской семьи,

и кн. Д.А. Оболенского и Ю.Ф. Самарина — внуков Ю.А. Нелединского-Мелецкого, одного из приближённых вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны. Все эти либеральные чиновники, имевшие репутацию опасных радикалов, «красных» и т.п., были вписаны в правящую элиту империи ничуть не менее, а иногда и более прочно, чем их титулованные оппоненты из «аристократической партии» — графы Шуваловы, Толстые, Бобринские, Палены и др.

Морозова удачно сопоставляет карьеру Милютина и его единомышленников и будущих оппонентов, рассказывает об интеллектуальных кружках и салонах 1840-х гг., об особом значении Императорского Русского географического общества для расширения кругозора и обмена опытом просвещённых столичных чиновников (с. 32–48, 60–64). Правда, об известном столкновении «немецкой» и «русской» партий, образовавшихся среди его членов (с. 46–47), следовало бы сказать подробнее. Этот конфликт так или иначе не раз упоминался в историографии¹⁰. Но в нём, помимо прочего, отчётливо проявились русофильские и даже националистические черты мировоззрения Милютина, не менее важные для понимания его деятельности, чем юношеское увлечение романтизмом или симпатии к либерализму.

Более детальной характеристики заслуживали, пожалуй, и взаимоотношения Милютина с его начальниками. По свидетельству Д.А. Милютина, на которое ссылается Морозова, сменивший Карнеева на посту директора Хозяйственного департамента М.И. Лекс благоволил к Николаю Алексеевичу, и тот, будучи старшим помощником столоначальника, вскоре «сделался в его семье почти домашним» (с. 50). Стоит отметить, что подобные отношения длились более 15 лет, после чего

Лекс стал товарищем министра, а Милютин занял в ведомстве его место.

Руководил МВД тогда Д.Н. Блудов, и в должности министра остававшийся скорее литератором, чем администратором. Любопытно, что во второй половине 1830-х гг. молодому начинающему чиновнику практически невозможно было жить на жалование и приходилось «зарабатывать средства существования»¹¹, но даже при загруженности канцелярской работой у него оставались время и силы писать статьи для «Отечественных записок», «Коммерческой библиотеки» и т.п. (с. 50–51). И тут на помощь Милютину пришёл другой близкий сотрудник его дяди — А.П. Заблоцкий-Десятовский, ушедший вместе с Карнеевым в V отделение, но поддерживавший тесную связь с кн. В.Ф. Одоевским, А.А. Краевским и чуть ли не всем литературно-журнальным миром Петербурга, который в то время, как иронизировал С.П. Шевырёв, весь помещался «на диване Одоевского»¹². Со своей стороны, Лекс включил Милютину в группу чиновников МВД и МГИ, в 1837–1838 гг. занимавшихся под руководством академика П.И. Кеппена описанием Таврической губ. Но эта командировка, ставшая для Николая Алексеевича своего рода «боевым крещением» на государственной службе, в книге почему-то ошибочно отнесена к 1841 г., хотя тут же верно отмечено, что в тот год он изучал организацию продовольственного дела в Новгородской, Тверской, Ярославской и Московской губерниях (с. 51).

При преемнике Блудова — гр. А.Г. Строганове староначальник Милютин выполняет всё более ответственные задания. Так, в том же 1841 г. ему было поручено составить для министра записку с возражениями против строительства Московской (будущей Николаевской) железной дороги, с чем прогрессивный бюрократ успешно

справился. Но при анализе формирования его мировоззрения данный хорошо известный, в том числе и автору книги, эпизод¹³, к сожалению, совершенно стусевался. Сама по себе такая позиция в то время не являлась чем-то оригинальным или архаичным: в целесообразности строительства железных дорог сомневались не только в МВД, но и главноуправляющий путей сообщения гр. К.Ф. Толь, и министр финансов гр. Е.Ф. Канкрин, и вице-президент Департамента уделов Л.А. Перовский, и др. Раздавались голоса скептиков и в Европе¹⁴. Однако стоит отметить, что Киселёв (ставший в 1839 г. графом) не разделял этих опасений, о чём едва ли мог не знать его племянник.

Весьма непростым оказалось положение Милютина после того, как осенью 1841 г. Николай I передал МВД в руки Перовского, оставшегося при этом и товарищем министра императорского двора и уделов кн. П.М. Волконского. Поскольку в удельном ведомстве, порядки которого считались образцовыми¹⁵, ревниво относились к управлению казёнными крестьянами, в МГИ полагали, что Лев Алексеевич «втайне питал нерасположение к Киселёву» и, заняв министерский пост, «стал высказывать» свои чувства. Их соперничество осложнялось ещё и тем, что оба они на взлёте своей карьеры многим были обязаны кн. Волконскому. Но если Перовский подчёркнуто демонстрировал лояльность и даже прямую подчинённость своему патрону, то независимость и апломб Киселёва вызывали у князя раздражение. Считаясь с князем, царь даже официально (через шефа жандармов) объявлял Павлу Дмитриевичу выговор¹⁶.

Неудивительно, что новый министр, встретив Милютину «благосклонно», не сразу с ним «сблизился»¹⁷. Для Перовского был характерен

своеобразный «вотчинный» подход к администрации. В отличие от Блудова, занимавшегося преимущественно редактированием служебных бумаг, он «по-хозяйски» вникал в мелочи управления. В начале 1840-х гг. основное внимание его сосредотачивалось на городских и прежде всего петербургских делах. По выражению барона М.А. Корфа, Перовский стал буквально «полицмейстеровать» в столице — лично устанавливал цены на хлеб и мясо, оценивал скот, штрафовал лавочников, следил за толщиной обёртки, своевольно запрещал музыку в трактирах и т.п. При этом он не только завёл в Петербурге «свою контр-полицию... из разных чиновников особых поручений и мелких послужников»¹⁸, но и создал весной 1842 г. в Хозяйственном департаменте МВД «временное» отделение из четырёх столов для устройства городского управления (с. 52–53). Начальником же этого отделения был назначен коллежский асессор Милютин, которому не исполнилось тогда и 25 лет. На такой должности, при беспокойном и охочем до мелочей министре, легко было как сделать, так и погубить карьеру. Работать приходилось на износ, расстраивая желудок и нервы, но к середине 1840-х гг. молодой чиновник уже «пользовался расположением и доверием» Перовского¹⁹. Позднее супруга реформатора даже писала, будто «Перовский... не произнёс ни одной речи, не представил ни одного возражения и объяснения по Государственному совету, которые не были бы писаны рукою Николая Алексеевича» (с. 80). Скорее всего, это могло относиться лишь к городским делам, но и того было немало.

Как указывает Морозова, в 1840-х гг. МВД провело по единому плану статистическое описание хозяйства 130 губернских городов, уделив особое внимание столицам,

а также Риге и Одессе. Анализировался и европейский опыт, в частности, городские уставы Англии, Франции и германских государств (с. 53–55). «Промежуточным результатом» этих трудов стало преобразование в 1846 г. общественного управления Петербурга. По словам Морозовой, «эта реформа была высоко оценена современниками и послужила своего рода моделью будущих проектов Н.А. Милютина в сфере местного управления». Действительно, Д.А. Милютин называл её в мемуарах «первым шагом к самоуправлению, получившему в позднейшие времена широкое развитие в городских и земских учреждениях» (с. 58). Но не случайно он вспоминал о столь важном событии лишь мимоходом, ограничившись буквально одним предложением. Насколько удачным был сделанный тогда «первый шаг», судить достаточно сложно.

После реформы состав избираемой горожанами Общей думы резко увеличился, число её гласных могло теперь достигать 750 человек, включая 300 дворян и почётных граждан, тогда как в начале 1840-х гг. в ней насчитывалось 38 купцов, мещан и ремесленников. Правда, на практике осенью 1846 г. избрать удалось лишь 586 гласных, поскольку из 6 170 лиц, получивших избирательные права, в выборах приняли участие менее половины (2685). При этом дума оставалась сословной, а вопросы, касавшиеся всех сословий, по сути, обсуждались только в I отделении, состоявшем из 120 потомственных дворян (вместо полагавшихся 150), после чего принятое ими решение просто передавалось для подписания всем остальным. Полномочия думы распоряжаться городским бюджетом по-прежнему были крайне ограниченными, а контроль со стороны губернатора — более чем жёстким (им, в частности, утверждались все журналы Распорядительной думы —

112 гласных, избравшихся для исполнения принятых решений, городского головы и члена от правительства). Тем не менее даже создание подобного учреждения, устройство которого уже в 1847 г. пришлось корректировать, сделало городское хозяйство несколько более прозрачным, позволило сразу же погасить накопленные им долги и начать понемногу увеличивать доходы. Так или иначе, в МВД к концу 1850-х гг. были довольны полученным опытом и собирались понемногу распространять его на другие города империи. В то же время петербургский генерал-губернатор П. Н. Игнатьев постоянно воевал с думой, не спешившей удовлетворять его требования, и в конце 1850-х гг. резко критиковал слишком громоздкое и трудно управляемое представительство. И хотя Морозова рассматривает эту критику прежде всего в контексте «борьбы между просвещённой и консервативной бюрократией», в ней было немало вполне здравых соображений. Во всяком случае, во второй половине XIX в., по мере того как дума станет полноценным работающим органом городского самоуправления, число её гласных будет сокращаться (до 250 в 1862 г. и до 160 в 1892 г.) (с. 56–58)²⁰. Более того, при изучении истории реформы 1846 г. стоило бы учесть не только идейные споры, но и институциональные противоречия между центральной и генерал-губернаторской властью в столице.

В книге практически ничего не говорится про время, когда МВД руководил Д. Г. Бибилов (1852–1855). Вероятно, это объясняется тем, что при нём не принималось каких-либо мер, связанных с реорганизацией местного управления. Однако для Милютин это был исключительно важный период, который, кажется, недооценивается его биографами. С середины 1851 г. Милютин управ-

лял Хозяйственным департаментом, а весной 1853 г. стал его директором. Согласно воспоминаниям его жены, Бибилов говорил гр. Киселёву, интересовавшемуся успехами племянника в новой должности: «Вы лучше спросите его, доволен ли он мною; я же могу только сказать, что если б государь мне велел уйти из министерства и самому назначить преемника, я без всякого колебания указал бы ему на Милютину»²¹.

Однако у столь лестного отзыва имелась обратная сторона. Бибилов, будучи киевским генерал-губернатором, на рубеже 1840–1850-х гг. уже осуществил введение в Юго-Западном крае инвентарей, определявших размеры наделов и повинностей помещичьих крестьян. Переехав в Петербург, он по воле Николая I готовил проведение инвентарной реформы в Северо-Западном крае, вскоре, впрочем, отложенной из-за начала Восточной войны. Между тем противники министра убедили наследника престола вел. кн. Александра Николаевича в том, что «он хочет поссорить государя с дворянством»²². При этом жёсткий административный стиль Бибилова вызывал у цесаревича отторжение. Когда Александр II вступил на престол, Бибилов полгода посылал новому монарху свои доклады, но не просил об аудиенции, ожидая неминуемой отставки, последовавшей в августе 1855 г. По словам Милютиной, её муж «мало ценил и уважал нравственные достоинства Дмитрия Гавриловича», «держал себя в стороне и ограничивался лишь официальными сношениями, избегая видеть министра иначе, как на докладах», но «в первое время падения своего старого начальника он сблизился с ним более, нежели во времена его могущества, и стал посещать чаще прежнего, уже в качестве простого знакомого». Бибилов же «всё более и более

кидался в оппозицию» и под конец «сделался... реакционером», что и заставило Николая Алексеевича от него дистанцироваться²³. Неудивительно, что подобное поведение отразилось на отношении Александра II, отличавшегося цепкой памятью. Теперь Милютин прочно ассоциировался у него с теми, кто пытался посорить монарха с дворянством.

Но если о Бибикове в книге лишь пару раз бегло упомянуто, то о пришедшем ему на смену С.С. Ланском и его сотрудничестве с Милютиным рассказано весьма обстоятельно (с. 77–82). Автор приводит достаточно жёсткие отзывы о министре М.Е. Салтыкова, кн. П.В. Долгорукова, А.М. Унковского. Впрочем, гораздо более верным Морозова признаёт тот привлекательный образ, который создали в своих мемуарах П.П. Семёнов, Я.А. Соловьёв, Д.А. и М.А. Милютины. Ланской представлен ею как «декабрист» и гуманист, неизменно защищавший Николая Алексеевича от нападков консерваторов и с незаурядным упорством добивавшийся его назначения товарищем министра, в то время как другие его коллеги «из чувства самосохранения выдвигали людей бездарных» (с. 77–78). Сам же «приход в Министерство» Ланского назван «звёздным часом» Милютина (с. 80).

В целом, тут всё верно, но есть нюансы. Ланской, хотя и состоял по молодости в «Союзе благоденствия» (как, кстати, и Перовский), но к планам военного мятежа был совершенно непричастен. Во главе ведомства он очутился скорее случайно, как антипод Бибикова по своим личным качествам, к тому же в 1851 г. около полугода уже замещавший Перовского в МВД. Причём и в 1851, и в 1855 г. едва ли обошлось без поддержки гр. А.Ф. Орлова (с 1848 г. Ланской являлся его ближайшим помощником

по Обществу попечения о тюрьмах и Комитету для призрения и разбора нищих). Милютина министр принял доброжелательно — опытный директор со связями и покровительством вел. кн. Елены Павловны мог пригодиться, — но вплоть до 1858 г. особо не приближал, предоставив изучать и менять порядки на Нижегородской ярмарке и проч. Наследством же Бибикова по крестьянскому делу с декабря 1855 г. предстояло заниматься новому товарищу министра — А.И. Лёвшину, служившему в 1844–1855 гг. директором Департамента сельского хозяйства МГИ.

В первом же своём циркуляре Ланской объявил себя представителем дворянства у престола и обещал «ненарушимо охранять» сословные права²⁴. Патриархальная гармония помещиков и крестьян импонировала ему гораздо больше любых преобразований, а намерение императора инициировать подготовку реформы стало для министра весной 1856 г. неприятным сюрпризом²⁵. Ланской понимал, что если он не проявит должного рвения, то царь найдёт других исполнителей своей воли, а энтузиазм Лёвшина показывал, насколько легко это будет сделать. К тому же о положении крестьян уже начал рассуждать в своих записках, поступавших к Александру II, М.П. Позен, явно стремившийся вернуться в правительство и ставший в 1856–1858 гг. едва ли не главным антагонистом МВД.

Для того чтобы сохранить пост, Ланскому следовало самому взяться за подготовку реформы или, по крайней мере, стать её незаменимым участником. А поскольку своих идей, как её провести, у него не было, он полностью зависел от Лёвшина. Тот же, учитывая специфику различных регионов России, полагал, что будущая реформа не может быть единовременной и однообразной. Это естественно

вело к мысли о составлении особых проектов для каждой губернии, что, в свою очередь, требовало усиления местной власти, способной не только подавлять ожидавшиеся беспорядки, но и ориентироваться в особенностях края. Отсюда оставался всего один шаг до решения разделить страну на генерал-губернаторства, принятого Александром II весной 1858 г.

Тут-то «звёздный час» Милютина и пробил. Дело в том, что в случае повсеместной передачи контроля за губернской администрацией генерал-губернаторам, подчинявшимся непосредственно императору, существование МВД теряло всякий смысл. Министру попросту нечем было бы управлять, кроме своей канцелярии. Именно поэтому Ланской, обычно уступчивый, не умевший настоять на своём, «человек-кисель», по выражению Салтыкова (с. 77), проявил строптивость и упорство, которых от него не ожидал никто. Он даже готов был уйти в отставку, понимая, что остаться всё равно будет негде. Морозова детально анализирует известную записку, в которой Ланской и его сотрудники (предположительно — Милютин, кн. Оболенский и В.А. Арцимович) доказывали нецелесообразность учреждения новых генерал-губернаторств. По её мнению, в основе их аргументации лежало противопоставление законности административному произволу. Однако не менее отчётливо в ней звучало предостережение о том, что реализация данной меры, направленной на усиление власти, на практике приведёт к дезорганизации правительственного аппарата и хаосу (с. 116—121). Именно этот довод мог если не переубедить императора (судя по оставшимся на докладе пометкам, он не изменил тогда своё мнение), то поколебать его первоначальную уверенность. Осенью 1858 г. Александр II и высшие санов-

ники империи окончательно признали, что проект реформы, со всеми региональными вариантами, должен быть разработан в Петербурге, а руководить её осуществлением надлежит центральным учреждениям.

Ланской удержался, но теперь уже не мог обойтись без Милютина. Министру нужен был товарищ, который не побоялся бы пойти на конфликт с дворянством, отстаивавшим свои губернские проекты (а Лёвшин этого решительно не желал), сможет обеспечить лидерство МВД при подготовке реформы и в то же время ни при каких обстоятельствах не станет соперником. Как ни парадоксально, но именно предубеждённость Александра II против Милютина побуждала Ланского выдвигать его кандидатуру после того, как Лёвшину пришлось покинуть ведомство. Расчёт оправдался, и Николай Алексеевич был назначен только «временно исправляющим должность товарища министра». А в конце 1860 г., когда заседания Редакционных комиссий закончились, Ланской, словно пытаясь уравновесить влияние Милютина в МВД, назначил директором Департамента общих дел гр. П.А. Шувалова.

Политические споры гр. Шувалова и Милютина, если верить воспоминаниям Семёнова, начались ещё в конце 1850-х гг., когда оба они входили в состав Комиссии об уездных и губернских учреждениях²⁶. Однако в историографии их обстоятельства, к сожалению, до сих пор ещё не выяснены. Между тем в книге Морозовой тщательно освещены занятия Комиссии и их результаты. Автор прослеживает их связь с первыми проектами преобразования уездной полиции, составлявшимися в 1856—1858 гг. (с. 104—114), и предложениями «Первой милютинской комиссии» в МВД, которая осенью 1858 г. не только обобщила мнения

губернаторов о проблемах местного управления, но и наметила собственный план его изменения (с. 121–126). Очертив состав и принципы деятельности Комиссии об уездных и губернских учреждениях (с. 127–144), исследовательница раскрывает причины и внутреннюю логику выделения и ускоренного проведения полицейской реформы и, в частности, создания института судебных следователей. Морозова показывает, как стремление усилить эффективность полиции заставляло упорядочивать и упрощать её функции, передавая их новым следственным и хозяйственно-распорядительным органам. Причём «реорганизация практически любого из уездных учреждений неизбежно затрагивала и губернские» (с. 143–161).

Анализ милютинских проектов «коренной реорганизации губернского управления» в новой книге Морозовой отчасти перекликается с её монографией 2000 г.²⁷ При этом автор дополняет и развивает сделанные ранее наблюдения, обращая основное внимание на внутреннее единство задуманной, но так и не воплощённой полностью реформы, предусматривавшей, помимо устройства выборного земского самоуправления, существенную трансформацию административных структур (с. 162–187). Морозова тонко сравнивает и обоснованно противопоставляет подходы Милютина и Валуева, по-разному видевших роль и характер местной власти (с. 178–187). Особый интерес вызывает не реализованный замысел создания губернского совета, призванного координировать действия чиновников и земства (с. 187–189). Впоследствии к этой идее вернутся (впрочем, также безуспешно) гр. М.Т. Лорис-Меликов и М.С. Каханов.

Обстоятельства удаления Ланского и Милютина из МВД изложе-

ны в книге особенно ярко. Их весьма почётную отставку Морозова связывает со «сменой правительственного курса» (с. 190–191) и стремлением Александра II «достичь консенсуса и примирить интересы враждующих сторон», для чего ему пришлось «пойти на очередной компромисс» (с. 197). Тем не менее, по её словам, «просвещённая бюрократия, потерявшая свои ключевые посты, безусловно, была недовольна назначением П.А. Валуева на пост главы Министерства внутренних дел» (с. 198). Но едва ли «просвещённую бюрократию» следует отождествлять исключительно с одной из её групп²⁸. Те же Валуев, Игнатьев (многолетний директор Пажеского корпуса) или гр. В.Н. Панин были ничуть не менее «просвещёнными» государственными деятелями, чем Милютин и его единомышленники. Но и собственно «либеральная бюрократия» в начале 1860-х гг. отнюдь не теряла, а скорее усиливала свои позиции: как раз в 1861–1862 гг. министерские посты заняли Д.А. Милютин, Головин, Рейтерн. Едва ли справедливо писать о «трагедии реформатора» в 1861 г. и применительно к Н.А. Милютину. Конечно, в пылу борьбы он болезненно переживал удаление от дел. Однако длительный отпуск после напряжённой 25-летней работы был ему совершенно необходим и, вероятно, на несколько лет отсрочил тот действительно роковой удар, который постиг Николая Алексеевича на пике карьеры и влияния в 1866 г.

Монография Е.Н. Морозовой несомненно принадлежит к числу лучших современных исследований, посвящённых политической истории эпохи Великих реформ. Впрочем, и в ней встречаются, к сожалению, досадные ошибки и неточности. Так, слова из дневника кн. Оболенского о Ланском приписаны кн. В.П. Ме-

щерскому, причём в сноске указан «князь Вяземский» (с. 76). Не раз можно обнаружить опечатки в инициалах, особенно не повезло почему-то В.П. Буткову (с. 116, 123, 204). «Виленский генерал-губернатор» И.Г. Бибииков в именном указателе «слился» со своим братом Дмитрием Гавриловичем (с. 124, 204); смешались там и упоминания о графах П.А. и П.П. Шуваловых (с. 155, 207). «Мелкий, бисерный и очень трудно читаемый» почерк Н.А. Милютин (с. 88), возможно, не всегда удавалось прочесть правильно. К примеру, в одном из его писем говорилось будто бы о «страшном положении временного товарища» (с. 192), тогда как упоминание о «странном» звучало бы гораздо естественнее и понятнее; в другом случае Бутков превратился в «Бутковского» (с. 191). При описании событий 1840–1850-х гг. П.Н. Игнатьев назван «графом», хотя этот титул он получил лишь в декабре 1877 г. (с. 56). Более того, из текста может показаться, будто Игнатьев находился на посту столичного генерал-губернатора не в 1855–1861 гг., а уже в 1846–1847 гг. (с. 57). Весьма неудачным и запутывающим читателя является утверждение, будто подготовка первых проектов полицейской реформы началась «практически одновременно с “назимовским” рескриптом уже в октябре 1856 г.» (с. 106). Всё же рескрипт В.И. Назимову был подписан 20 ноября 1857 г., хотя предварявшая его переписка действительно велась в МВД более года, что, скорее всего, и имелось в виду.

Тем не менее Е.Н. Морозовой сделан ещё один важный шаг в изучении биографии Н.А. Милютин и того реформаторского опыта, без которого невозможно создать верное представление ни об императорской России, ни о судьбах российской государственности в целом.

Примечания

¹ О нём см.: *Воронин В.Е.* Великий князь Константин Николаевич: становление государственного деятеля. М., 2002; *Воронин В.Е.* Польское восстание 1863 года: опыт «примирительной политики» русского правительства. М., 2008; *Воронин В.Е.* Русские правительственные либералы в борьбе против «аристократической партии» (середина 60-х – середина 70-х гг. XIX в.). М., 2009; *Воронин В.Е.* Русская самодержавная власть и либеральная правительственная группировка в условиях политического кризиса (конец 70-х – середина 80-х гг. XIX в.). М., 2010; *Воронин В.Е.* «Путешествие есть лучшее средство для окончательного образования юношества»: молодые годы великого князя Константина Николаевича. М., 2019.

² *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861. М., 1984. См. также: *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011.

³ *Leroy-Beaulieu A.* Un homme d'état russe (Nicolas Milutine) d'après sa correspondance inédite. Étude sur la Russie et la Pologne pendant le règne d'Alexandre II (1855–1872). Paris, 1984; *Lincoln W.B.* Nicolai Miliutin: an enlightened bureaucrat of the 19th century. Newtonville (Mass.), 1977.

⁴ См., в частности: *Кизеветтер А.* Николай Алексеевич Милютин // Освобождение крестьян. Деятели реформы. М., 1911. С. 233–266; *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. М., 1962; *Комзолова А.А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005.

⁵ *Морозова Е.Н.* У истоков земской реформы. Саратов, 2000; *Морозова Е.Н.* Формирование концепции земской реформы (середина 1850-х – начало 1860-х годов) // Земское самоуправление в России, 1864–1918. М., 2005. С. 77–175.

⁶ Подробнее см.: *Христофоров И.А.* Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. С. 71–100; *Христофоров И.А.* Самая либеральная из наук: политическая экономия и кружок либералов-фритредеров в эпоху Великих реформ // Историк и художник. Сборник воспоминаний и статей памяти профессора Сергея Сергеевича Секиринского. М., 2013. С. 157–170.

⁷ *Милютин Д.А.* Воспоминания 1816–1843 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 1997. С. 142–144.

⁸ *Семёнов-Тян-Шанский П.П.* Мемуары / Публ. И.Е. Дронова. Т. 3. М., 2018. С. 35.

⁹ Милютин Д.А. Воспоминания 1816–1843. С. 153–156.

¹⁰ См., в частности: *Lincoln W.B.* In the vanguard of reform. Russia's enlightened bureaucrats, 1825–1861. DeKalb (Ill.), 1982. P. 95–100; *Матвеевская Г.П.* Яков Владимирович Ханьков, 1818–1862. М., 2006. С. 129–161; *Стафёрова Е.Л.* А.В. Головин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860-х гг.). М., 2007. С. 32–36, 44–46.

¹¹ Милютин Д.А. Воспоминания 1816–1843. С. 166.

¹² Подробнее см.: *Голубева О.Д.* В.Ф. Одолевский. СПб., 1995. С. 50.

¹³ *Lincoln W.B.* Nicolai Miliutin... P. 17–19.

¹⁴ Подробнее см.: *Кислинский Н.А.* Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров. Исторический очерк. Т. 1. СПб., 1902. С. 1–26.

¹⁵ «Россия под надзором»: отчёты III отделения 1827–1869 / Сост. М.В. Сидорова, Е.И. Щербакова. М., 2006. С. 214, 240, 265.

¹⁶ *Заблюцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселёв и его время. Материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. Т. 2. СПб., 1882. С. 87–88, 158–159.

¹⁷ Милютин Д.А. Воспоминания 1816–1843. С. 421.

¹⁸ *Корф М.А.* Дневник. Год 1843-й / Публ. И.В. Ружицкой. М., 2004. С. 125–127, 296–297. См. также: *Корф М.А.* Записки. М., 2003. С. 214–218.

¹⁹ Милютин Д.А. Воспоминания 1843–1856 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2000. С. 121–122.

²⁰ Петербургская городская дума, 1846–1918. СПб., 2005.

²¹ Из записок Марии Аггеевны Милютинной // *Русская старина*. 1899. № 1. С. 43.

²² *Фишер К.И.* Записки сенатора. М., 2008. С. 279.

²³ Из записок Марии Аггеевны Милютинной. С. 43.

²⁴ Московские ведомости. 1855. 1 октября. № 118. С. 1047. См. также: Из записок сенатора Кастора Никифоровича Лебедева // *Русский архив*. 1889. № 1. С. 146–147.

²⁵ Достопамятные минуты в моей жизни. Записка Алексея Ираклиевича Лёвшина // *Русский архив*. 1885. № 8. С. 477.

²⁶ *Семёнов-Тян-Шанский П.П.* Мемуары / Публ. И.Е. Дронова. Т. 4. М., 2018. С. 176–177.

²⁷ *Морозова Е.Н.* У истоков земской реформы. С. 177–205.

²⁸ См., в частности: *Ружицкая И.В.* «Просвещённые бюрократы» — новый тип российских чиновников: опыт характеристики // *Вестник РУДН. Сер. История России*. 2008. № 1. С. 36–43; *Ружицкая И.В.* Просвещённая бюрократия (1800–1860-е гг.). М., 2009; *Долгих А.Н.* О «либеральной» и «просвещённой» бюрократии в России первой половины XIX века // *История: факты и символы*. 2017. № 2(11). С. 95–101.

Михаил Роднов

Банк и люди*

Michail Rodnov

(Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences)

Bank and people

DOI: 10.31857/S2949124X23050164, EDN: OKMNTT

Известный петербургский учёный В.В. Морозан выпустил фундаментальный труд о Санкт-Петербургской конторе Государственного банка. После исследований А.В. Бугрова¹ это первая обстоятельная работа по данной тематике. О деятельности фили-

алов Государственного банка имеется лишь несколько описательных сочинений. Во многом это объясняется тем, что в региональных архивах сохранились относительно небольшие собрания документов, тогда как основной фонд Государственного банка в РГИА

* Морозан В.В. Санкт-Петербургская контора Государственного банка и её клиенты (1894–1917 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2021. 608 с., ил.

(ф. 587) — очень большая и сложная коллекция, требующая длительного изучения. Можно сказать, что автору «повезло»: документы столичной конторы составляют отдельный фонд (ф. 588), который и был основательно проанализирован.

Получившаяся в результате монография достаточно необычна. Как правило, «классическая» структура подобных книг отражает лишь саму деятельность финансовых учреждений — кредитование, вексельную политику, обороты капиталов и проч.² Так и здесь автор реконструирует организацию обслуживания клиентов и последовательно раскрывает функционирование всех подразделений конторы: учётно-ссудного комитета, бухгалтерии, кассы, главного контроля, канцелярии, архива, не забыто и внутрихозяйственное обслуживание. Однако в центре внимания Морозана — человек, причём не только клиентура, но и личный состав крупнейшего в империи филиала, где 1 января 1909 г. числились 620 человек (с. 137).

Впервые в отечественной историографии перед читателем проходит целая галерея рядовых банковских сотрудников (в том числе женщин), рассказывается об условиях их службы и жизни, семейном положении, жалованье, обеспеченности жильём, трудовой нагрузке. Вообще же такие издания начинаешь смотреть... с конца. Внушительное, почти на 200 страниц приложение включает интереснейший биографический справочник, списки служащих и клиентов. Тут чувствуется стиль Морозана, издавшего ранее уникальную персональную базу данных по дворянству Бессарабии³.

Вторая глава посвящена операционной деятельности столичной конторы. В ней показан состав клиентуры, а это промышленники, частные банки, сельские хозяева, владельцы золотых приисков, торговцы и предпри-

ниматели, причём не только местные, поскольку Петербургская контора обслуживала всю Россию. Безусловно, книга станет ценным пособием для тех, кто изучает развитие предпринимательства в той или иной губернии и сталкивается с большими трудностями при попытке выяснить масштабы и характеристики иногороднего бизнеса. В то же время автор изящно вставляет в текст историю отдельных купцов и фирм, о которых в архиве Санкт-Петербургской конторы сохранились точные сведения. Так, ещё И.Ф. Гиндин обратил внимание на то, что через столичный филиал финансировалось огромное горнозаводское имение с тремя предприятиями кн. К.Э. Белосельского-Белозерского в Уфимской губ. (с. 282–285). Подробно говорится о делах Лензолота и других компаний.

Крайне любопытен материал, относящийся к сельскохозяйственным кредитам. Сначала Санкт-Петербургская контора обслуживала преимущественно помещиков соседних губерний. Судя по таблице 69, из 32 землевладельцев, получавших ссуды, удалось идентифицировать 24 помещика Новгородской (13) и Санкт-Петербургской (11) губерний (с учётом уточнения фамилий по рукописным текстам). Среди них, в частности, П.П. Лиленфельд-Тоаль, которому в Петергофском уезде принадлежало 1683 десятин⁴. А к 1909 г. там кредитовались даже помещики Казанской и Уфимской губерний. Несмотря на небольшие объёмы заимствований (до 10 тыс. руб.), это важный показатель модернизации дворянских имений.

Небольшое, но насыщенное заключение вызывает, однако, ряд сомнений. Автор отмечает консервативный характер политики Санкт-Петербургской конторы. Но для государственного банка это естественно, и вряд ли целесообразно сравнивать

его с частными, нередко занимавшими преимущественно спекулятивными операциями. Морозан отдаёт дань либеральной и народнической традиции, упрекая руководство филиала в слабом кредитовании мелких предпринимателей. Но почему собственно именно их непременно следовало поддерживать и опекать? Ведь вся экономическая история XX — начала XXI в. свидетельствует о решающей роли крупного и среднего бизнеса.

Историк справедливо указывает на то, что консервативная, а точнее — осторожная политика Государственного банка (как и наиболее значимых коммерческих) стимулировала появление обществ взаимного кредита, а также, кстати, и небольших городских банков⁵. Конечно, это приводило к удорожанию кредита для тех же мелких предпринимателей. Но и риски их были выше.

В целом же новая книга В.В. Морозана может служить образцом для изучающих провинциальные отделения Государственного банка, а представленный в ней огромный факти-

ческий материал делает её солидным справочником по экономической истории России. Количество обнаруженных в тексте погрешностей минимально. И в этом нельзя не увидеть заслугу издательства «Дмитрий Буланин», которое давно уже специализируется на выпуске настоящих шедевров книжной продукции.

Примечания

¹ Бугров А.В. Московская контора Государственного банка и экономика Центрального промышленного района, 1860—1914. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. См. также: Бугров А.В. Московская контора Государственного банка Российской империи. М., 1999; Бугров А.В. Государственный банк в Москве. 1860—1917 гг. М., 2010.

² Лебедев С.К. С.-Петербургский Международный коммерческий банк во второй половине XIX века: европейские и русские связи. М., 2003.

³ Морозан В.В. Бессарабия и её дворянство в XIX — начале XX в. Т. 1—2. СПб., 2018.

⁴ Никулин В.Н. Помещики Северо-Запада России во второй половине XIX — начале XX века. Калининград, 2005. С. 231—315.

⁵ Кириллов А.К. Городские банки Западной Сибири (вторая четверть XIX — начало XX в.). Новосибирск, 2003.

Сергей Войтиков

Новая книга о Леониде Красине*

Sergey Voytikov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

New book about Leonid Krasin

DOI: 10.31857/S2949124X23050176, EDN: OKYAJP

Исследователи истории РСДРП нередко попадают под обаяние личности Л.Б. Красина, ставшего, наряду с В.И. Ульяновым (Н. Лениным), А.А. Малиновским (Богдановым) и А.М. Пешковым (М. Горьким), одним из основателей большевистской

фракции. Не случайно его жизненный путь освещался чаще, чем, к примеру, Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева или А.И. Рыкова. Новую его биографию создал кандидат исторических наук В.В. Эрлихман, ранее более известный своими переводами Беды Достопо-

* Эрлихман В.В. Леонид Красин: Красный лорд. М.: Вече, 2022. 416 с. (Серия «Страницы советской и российской истории»).

ченного и книгами о короле Артуре, Робине Гуде, Ж. д'Арк, М. Нострадамусе и С. Кинге.

В Прологе справедливо сказано, что при И.В. Сталине Красина, по сути, «объявили “небывшим”» (с. 18), и только в конце 1950-х гг. его имя «стало появляться в опубликованных воспоминаниях таких ветеранов партии, как Н. Крупская, Г. Кржижановский, Н. Буренин» (с. 19). В 1960-х гг. Леонида Борисовича изображали «истинным “бойцом ленинской гвардии”, лишённым страха и сомнений твердокаменным большевиком», умалчивая про факты, не укладывавшиеся в оттепельный канон¹, которому «образ Красина оказался удивительно созвучен». При этом «особых находок» биографы «не совершали, просто пересказывая с разной степенью беллетризации воспоминания героя и его современников». Когда же вышел роман В.П. Аксёнова «Любовь к электричеству», Красин «впервые стал героем художественной книги, во многом вернувшей ему популярность» (с. 19). В этом произведении он, по словам Эрлихмана, «исподволь представляется не только героем революции, но и её жертвой, новым Фаустом, которого заманивает в свои сети Ленин — Мефистофель» (с. 20). Однако к концу столетия интерес к биографии Красина в России, как ни странно, угас. Лишь отдельные её «страницы», связанные с иностранными концессиями и кредитами, получили освещение в монографии С.С. Хромова. Правда, по словам Т.Л. Тарасовой-Красиной, дочери большевика, «из всего, что написано» о её отце, это «самое глубокое исследование жизненной позиции, его поступков, мыслей и стремлений»². Гораздо чаще появлявшиеся в 1990-х гг. «откровения» отличались «дешёвой сенсационностью и оголтелым антикоммунизмом» (с. 21). Разумеется, Эрлихман не отрицает, что

Красин «делал бомбы для терактов, создавал дружины боевиков, пытался печатать фальшивые деньги и ввозить в Россию оружие из-за границы», он лишь призывает всё это «рассматривать в историческом контексте, в рамках кровавого революционного противоборства, участников которого можно осуждать, но нельзя навязывать им мелкоуголовные ярлыки нашего времени» (с. 21).

Характеризуя зарубежную историографию (в библиографии перечислены более дюжины англоязычных публикаций 1970–1992 гг. (с. 406–407)), Эрлихман упоминает лишь написанную в 1992 г. работу Т. О'Коннора³. «Объективная, написанная на базе множества источников и к тому же неплохо переведённая», она «практически не касается личности Красина, его быта и личной жизни», но всё же «остаётся лучшей его биографией», хотя и «не учитывает документов, открытых или рассекреченных в более поздний период» (с. 19). Среди этих материалов Эрлихман особо выделяет письма Леонида Борисовича Горькому и своей жене — Л.В. Красиной (Миловидовой), её мемуары, а также воспоминания советских невооруженцев С. Либермана, А. Нагловского, М. Ларсона (Лазерсона) и старого друга Красина Г. Соломона (Исецкого), который, сообщая «множество занимательных подробностей», в то же время «нередко путает факты или сознательно искажает их», представляя своего приятеля в невыгодном свете (с. 43, 208–209). Действительно, каждое свидетельство Соломона нуждается в тщательнейшей проверке. Тем не менее Эрлихман настаивает на ценности этого источника.

Так или иначе, нельзя не согласиться с тем, что «жизнь Красина, как и других руководителей и активистов большевистской партии, нуждается в новом, внимательном прочтении на

основе всех имеющихся документов» (с. 23). Стремясь к этой цели, Эрлихман изучил не только опубликованные источники, но и 30 дел из 12 фондов четырёх архивов (РГАСПИ, ГА РФ, РГАЭ и РГАЛИ). В разделе «Библиография» указан ещё фонд компании «Сименс-Шуккерт», хранящийся в ЦГИА Санкт-Петербурга (с. 399), однако ссылок на него в примечаниях нет (с. 374–388). Судя по ссылкам, больше всего было использовано дел из фондов Наркомата внешней торговли (6), Особого отдела Департамента полиции МВД (4), а также личного фонда Л.Б. Красина в РГАСПИ (4). Но чаще всего автор ссылается на мемуары Соломона (ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 658).

Книга разделена на четыре части (по 3–4 главы в каждой), и в них Леонид Борисович последовательно предстаёт как «волонтёр» (1870–1902), «инженер» (1902–1908), «пенсионер» (1908–1918) и «коммерсант» (1918–1927) революции.

Революционер вырос во вполне благополучной дворянской семье, будучи примерным сыном властной и умной матери, любившей стихи М.Ю. Лермонтова и Н.А. Некрасова. Впрочем, будучи «технарём», сам «Леонид вообще не был усердным читателем» и «относился к литературе немного свысока, как к чему-то необязательному» (с. 30–35). С детства он, по свидетельству его младшего брата Германа, «отличался большой общительностью», «играл между товарищами организаторские и командные роли... и при всяких официальных выступлениях и торжествах... неизменно бывал в первых рядах как наиболее разбитной и толковый из учеников» (с. 38).

Выявленная в архивах переписка Красина с родителями отражает ход его знакомства с марксизмом. «По части чтения нами за этот год сдела-

но много, — сообщал он в октябре 1889 г. о своих занятиях в нелегальном студенческом кружке, — прочли уже почти всего Маркса — книжища в 600 страниц, причём по составлению конспектов к этому самому Марксу на мой пай выпала львиная доля — страниц 300» (с. 58). В то время большая часть мыслей Красина, по собственному его признанию, была «направлена преимущественно на эту книгу». Молодые люди явно спешили найти себе применение в жизни: «Нынешним годом мы покончили с теорией политической экономии, а с будущего — примемся за экономическое положение России, изучение которого покажет или, по крайней мере, должно показать, куда лучше направить свою деятельность» (с. 58–59). Уже в январе 1890 г. Красин уверенно заявлял: «С Марксом мы, к немалому многим удивлению, покончили, и теперь по общественным наукам трудных книг на русском языке для нас не существует» (с. 60). Ему даже посчастливилось, как утверждает Эрлихман, в одной из дискуссий одолеть П.Б. Струве (с. 61).

Ещё во время первой ссылки у Красина проявились задатки будущего лидера «примиренцев» и, по выражению Ленина, «финансового самодержца» ЦК РСДРП. Присоединившись к революционному Красному Кресту, помогавшему политическим арестантам, Леонид Борисович, как вспоминал Соломон, «в скором времени был избран в кассиры и являлся, по существу, почти единственным практическим его деятелем». В частности, «он находился в связи с пересыльной тюрьмой, и ни один этап не проходил без того, чтобы Красин не встретил его и не помог ссылкой деньгами, вещами, провизией, советами и разными хлопотами» (с. 85).

Видимо, уже тогда складывались такие черты его характера, как отмеченные современниками педантизм

(с. 97), прагматизм (с. 244), высокомерие и злопамятность (с. 90). Довольно рано частью его натуры стало и некое раздвоение личности «подпольщика» и «светского льва» (с. 99). Исходя из прагматических соображений, Красин (как и Ленин), был готов к заключению почти любых тактических союзов. Подпольная типография под его руководством за деньги печатала материалы эсеров и других антиправительственных организаций, а на «протесты зарубежных искровцев» он отвечал, что «все революционеры должны помогать друг другу в решении главной задачи — свержения царизма» (с. 105–106).

Не изучив достаточно основательно материалы съездов и конференций РСДРП, автор книги не смог в полной мере показать реальный вес Красина среди большевиков после 1903 г. (с. 107). О'Коннор совершенно верно видел в нём «серьёзного конкурента Ленина» (с. 109). А в начале Первой русской революции Красин фактически оказался «единственным лидером социал-демократов в России: все остальные были под арестом или в эмиграции» (с. 118). Более того, он «настаивал, что пока РСДРП руководят из-за границы эмигранты-литераторы, партия поставленных целей не добьётся. В этом отразилось его всегдашнее презрение к “болтунам”, не способным ни к какому практическому делу» (с. 120). Данная фраза отражала давний конфликт, существовавший между «литераторами» (идеологами, публицистами) и «практиками» в РСДРП.

Говоря о финансировании большевистской партии, Эрлихман отрицает причастность Красина к самоубийству С.Т. Морозова и гибели Н.П. Шмита (с. 130–139), но признаёт, что «немалая часть большевистских финансов добывалась криминальными с общепринятой точки зрения методами. По той же

причине Большевистский центр после 1906 года тщательно скрывал сведения о своём бюджете» (с. 139). Впрочем, в целом эти сюжеты по-прежнему остаются недостаточно изученными. Гораздо лучше в тексте показано, как Красин руководил Боевой технической группой: «Несколько раз он лично во время испытаний “панкластита” бросал бомбы и с секундомером в руках следил за временем взрыва и затем бегал измерять радиус поражения. Он был очень увлечён “панкластитными” бомбами и считал, что они должны сыграть роль основного оружия в борьбе пролетариата с царизмом» (с. 155). Не случайно именно Красин являлся основным разработчиком плана проведённого 13 февраля 1906 г. «экса», в ходе которого погибли четыре человека (с. 159). Вместе со Сталиным он готовил и самый громкий «экс», осуществлённый 13 июня 1907 г. в Тифлисе и сопровождавшийся «стрельбой и взрывами» (с. 167).

С ответственностью за финансирование партии автор книги отчасти связывает отход Красина от революционной деятельности. «Держать десятки подпольщиков, — вспоминал Леонид Борисович, — оплачивать квартиры, занимавшие иногда несколько смежных владений с тайниками и прочими техническими фокусами, а главное и самое ужасное, оплачивать бумагу и ежедневные расходы по транспорту печатных изданий во все уголки тогдашней России, — всё это требовало весьма и весьма значительных сумм, а между тем через мои руки как главного финансиста партии проходили в то время буквально гроши» (с. 165). Но сказывалось, конечно, и то, что, «как и большинство социал-демократов после поражения революции, он с пессимизмом смотрел на возможность скорого повторения событий 1905 года и готовился к долгим годам жизни на чужбине, вдали от

близких, от родных мест, а главное — от живого, настоящего дела. Впрочем, последнее Красину не грозило: он, в отличие от многих революционеров, имел профессию, любил её и был готов заниматься ею не только дома, но и за границей» (с. 174, 175). В итоге, после 1908 г. он предпочёл дистанцироваться от политической борьбы и стал одним из видных «менеджеров» Российской империи.

Тем не менее Красин поддержал Богданова в его конфликте с Лениным (с. 177), высказавшись за бойкот Думы и рекомендовав сосредоточиться не на легальной работе, а на подготовке новой революции (с. 181). Когда же Богданова исключили из руководства фракции, Красин отправил ленинской группе возмущённое письмо: «Впредь до отмены этих беззаконных, нарушающих все партийно-организационные нормы и бьющих в лицо постановлением и избраниям большевистской части съезда, актов и восстановления нормального состава коллегии Б[ольшевистского] ц[ен]тра, я не могу рассматривать ваших собраний иначе, как собрания частной группы, хотя и хорошо спевшихся друг с другом товарищей» (с. 186). Как полагает Эрлихман, «Красин с его упорным нежеланием беспрекословно подчиняться чужой воле мог эффективно работать только в условиях нелегальной деятельности, где он был сам себе хозяин. В эмиграции необходимость подчиняться политической линии Ленина, которая то и дело менялась, вызывала у него протест, а потом и вовсе привела к его отходу от большевиков» (с. 190–191). Вскоре он поссорился с Богдановым.

После Февральской революции основную опасность Леонид Борисович видел «не в большевиках и не в немцах, а в развале экономики», в «неорганизованности» и всеобщем страхе за будущее. Поэтому он сравни-

тельно быстро восстановил отношения с ЦК партии и прежде всего с Лениным. В книге убедительно доказано, что «водоразделом в отношениях Красина с новой властью стали переговоры о мире с Германией» (с. 214–221). Он выступал тогда одним из консультантов советской делегации.

Таким образом, бывшие разногласия не помешали Красину оказаться ленинским наркомом. Свою задачу он изначально видел в мобилизации «всех лояльных спецов-коммунистов» (с. 234). Характерно, что основной причиной падения национального дохода страны в те годы он считал «не революцию и вызванную ею Гражданскую войну, а иностранную интервенцию» (с. 242). При этом, не стремясь к популярности, Леонид Борисович «пользовался авторитетом только в среде старых большевиков и технических специалистов». Видимо, именно на их отзывы ориентировалась американская журналистка Л. Брайант, утверждавшая в 1920 г., что многие считают Красина лучшим из возможных преемников Ленина. Данное мнение повторилось затем во многих зарубежных газетах (с. 243–244). Но оно свидетельствовало лишь о том, как мало иностранцы знали о расстановке сил в руководстве РКП(б).

Как отмечает автор, Красин ценил Ленина более других большевистских лидеров периода Гражданской войны и перехода к нэпу (с. 268). Но и у Сталина, Каменева, Зиновьева и Дзержинского Леонид Борисович вызывал почти не скрываемое раздражение (с. 245). Его подозревали «в попытках оспорить руководящую роль партии и даже реставрировать капитализм, в отрицательном отношении к теории мировой революции и “соглашательстве” с российской и западной буржуазией» (с. 245). С Зиновьевым у Красина помимо идейных разногласий наблюдалась стойкая личная вза-

имная неприязнь. В начале 1920-х гг. они активно обменивались колкостями. Сталин едва ли мог простить то, что в 1922–1923 гг. Леонид Борисович, несмотря на запрет врачей, снабжал Ленина информацией о политической жизни. Напротив, отношения Каменева и Красина представляются далеко не столь мрачными, как они описаны в книге. Они нередко занимали схожие позиции. Так, в 1917 г. оба выступали за образование «однородного социалистического правительства», а в 1922 г., как заметил на XI съезде РКП(б) Ленин, вдвоём могли бы успешно разрешить все советско-хозяйственные проблемы⁴. Как бы то ни было, после смерти Ленина Леонид Борисович смягчил критику партийного руководства, в том числе и в дискуссии о монополии во внешней торговле (с. 282–283, 296). Но, по-видимому, тут сказывалось как осознание «шаткости своей позиции», так и наступление старости (с. 296). Проследивая попытки Красина «поладить с ГПУ, которое то и дело арестовывало его сотрудников, собирая компромат на его самого», Эрлихман вслед за Соломоном считает, что Красин спасал себя (с. 341). Между тем он скорее надеялся с помощью уступок спасти от чекистов близких ему людей, включая двух братьев. Непосредственно же Леониду Борисовичу репрессии не угрожали.

Красин угасал долго и мучительно, однако чувство юмора не изменяло ему до конца. Незадолго до смерти он иронизировал в письме: «Я отправляюсь с докладом к Ильичу...» (с. 351). «Не оставив потомков, носящих его фамилию, Красин не написал ни научных трудов, ни обстоятельных мемуаров, ни яркой публицистики, — констатирует Эрлихман. — Как верно отмечали знавшие его люди, он был прежде всего практиком, нацеленным на скорейшее достижение результа-

та. Каждое дело, которое ему поручалось, он выполнял добросовестно, не забывая при этом о своей выгоде и удобстве. Если многие его коллеги по революции стремились прежде всего разрушить старое (а часто только это и умели), то он всегда стремился создавать новое и трезвым взглядом инженера видел его ростки даже в самой неприглядной действительности» (с. 365). Однако приведённый в книге материал не позволяет судить о том, «верил ли он в социализм» и насколько «он верил в великое будущее России, на благо которой работал всю жизнь» (с. 365). В Эпilogе автор вспоминает о красинской мечте построить страну, в которой «люди могли бы свободно делать своё дело без окрика сверху» (с. 373). Но в советское время она уж точно не стала реальностью.

При всех своих достоинствах исследование Эрлихмана несомненно выиграло бы, если бы он больше внимания уделил протоколам и стенографическим отчётам съездов и конференций РСДРП и РКП(б). Тогда ему удалось бы точнее очертить роль Красина как одного из большевистских вождей и избежать курьёзных промахов. В частности, прибывшие на II съезд РСДРП бакинские товарищи не могли стать «свидетелями свар и склок между сторонниками Ленина и Г.В. Плеханова, получившими вскоре прозвища большевиков и меньшевиков» (с. 106), поскольку «отец русского марксизма» перешёл в меньшевистский лагерь не во время съезда, а *после* него. Партия большевиков в 1923 г. именовалась не ВКП(б), а РКП(б) (с. 293). Наконец, досадные опечатки допущены в сносках 139, 234, 283, 323 (указана первая опись ф. 124 вместо третьей), 261 и 284 (ошибочно стоит «Там же»).

И всё же книга В.В. Эрлихмана, вышедшая в серии «Страницы советской и российской истории», которую издаёт АФК «Система», будет полезна

не только специалистам, но и всем, интересующимся политической историей XX в. Вероятно, она оживит интерес к фигуре Л.Б. Красина и стимулирует дальнейшее её изучение.

Примечания

¹ См., в частности: *Могилевский Б.Л.* «Никитич». М., 1963; *Могилевский Б.Л.* Призвание

инженера Красина. М., 1970; *Могилевский Б.Л., Прокофьев В.А.* Три жизни Красина. М., 1968; *Кремнев Б.Г.* Красин. М., 1968; *Зарницкий С.В., Трофимова Л.И.* Советской страны дипломат. М., 1968.

² *Хромов С.С.* Леонид Красин: Известные страницы биографии, 1920–1926 гг. М., 2001. С. 3.

³ *О'Коннор Т.Э.* Инженер революции: Л.Б. Красин и большевики. 1870–1926. М., 1993.

⁴ *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 45. М., 1970. С. 101.

Анатолий Кононенко

Рец. на: А.В. Сушков. Империя товарища Кабакова. Уральская партноменклатура в 1930-е годы. Екатеринбург: Альфа Принт, 2019. 292 с.

Anatoly Kononenko
(Tyumen State University, Russia)

Rec. ad op.: A.V. Sushkov. Imperiya tovarishcha Kabakova. Ural'skaya partnomenklatura v 1930-e gody. Yekaterinburg, 2019

DOI: 10.31857/S2949124X23050188, EDN: OKZGVT

Политические репрессии в СССР 1930-х гг. — традиционный объект интереса историков. Тем не менее исследований чисток номенклатурных работников регионального и городского уровня сравнительно немного, а феномен «кадровой революции» 1937–1938 гг. остаётся в тени «Большого террора». Новая книга екатеринбургского историка А.В. Сушкова затрагивает именно эту проблематику. Она посвящена ликвидации всего регионального партийно-государственного аппарата Свердловской обл. в 1937 г. Автор поставил перед собой задачу изучить и отразить повседневную жизнь и управленческие практики структур власти Урала в период, когда их возглавлял И.Д. Кабаков (1929–1937). Источниковой базой исследования стали документы, хранящиеся в фондах Центра документации общественных организаций Свердловской области, Государственного архива ад-

министративных органов Свердловской области, РГАСПИ, материалы съездов и пленумов ЦК ВКП(б), пленумов и конференций Свердловской партийной организации, контрольной комиссии ЦК ВКП(б) при Свердловском обкоме, периодическая печать. Книга состоит из предисловия, шести глав, заключения и примечаний.

Первая глава повествует о кадровой политике, основу которой составляли назначение и кооптация. С середины 1930-х гг. с высоких трибун звучали призывы покончить с кумовством, сватовством и протекционизмом, ставилась задача пресечь кооптацию городских, районных и областных руководителей. По справедливому замечанию автора, Кабаков на публике поддерживал все инициативы руководителя партии И.В. Сталина, но на деле не стремился преодолеть эти пороки. Он окружил себя представителями «тульского земляче-

ства», расставив их на ключевые посты партийно-советской иерархии. Данная практика, впрочем, была характерна для всех большевистских организаций ещё с конца Гражданской войны.

Второй аспект проблемы заключался в том, что местную партийно-советскую номенклатуру представлял единственный тип партийного работника — агитатор-пропагандист. Изучение их анкет и автобиографий показало, что «большинство партийных руководителей Урала объединяло наличие лишь начального образования, специальное было не у всех и только партийное. На заводах если и работали, то в юные годы и на рабочих местах, к тому же весьма непродолжительное время по сравнению с работой партийной» (с. 22). Призывы Сталина к овладению техническими и научными знаниями они игнорировали.

Вторая глава посвящена биографии Кабакова. Он много ездил по Уралу, произносил пламенные речи, складывалось впечатление, что он не только хорошо знает парторганизации региона, но и прекрасно разбирается в сельском хозяйстве и промышленном производстве. «Однако вникать в детали производственных и строительных технологий самому Кабакову, получившему лишь церковно-приходское образование и имевшему полуторогодичный опыт административно-хозяйственной работы во главе Воронежского горисполкома, даже при всём желании было весьма непросто» (с. 28). За громкими пропагандистскими лозунгами стояли «детские болезни» становления новых заводов, недоработки и огрехи при реконструкции старых производств, недостаток финансирования, узкая сырьевая и строительная база, нехватка комплектующих, низкий уровень квалификации рабочих и инженеров (специалистов), некомпетентность

и коррумпированность партийных и хозяйственных начальников, их увлечённость парадностью и шумихой, высокий процент брака (на Нижнетагильском вагоностроительном заводе во второй половине 1934 г. он составил 99,4% всей продукции!), ужасающие жилищно-бытовые условия рабочих, колоссальные масштабы аварий и пожаров. Не лучшим образом обстояли дела и в сельском хозяйстве области (по совету наркома земледелия Я.А. Яковлева для вспашки и боронования стали использовать коров). Обычной практикой была фальсификация отчётов и докладов в ЦК ВКП(б). Так, вместо обещанного Сталину 1 млн пудов зерна отгрузили лишь 207 тыс. Тем не менее именно за успехи в сельском хозяйстве Кабаков получил в 1935 г. орден Ленина.

В третьей главе рассказывается о формировании регионального культа личности Кабакова. Видя перед собой пример становления культа личности Сталина, уральский «вождь» усиленно насаждал собственный и копировал систему патрон-клиентских отношений. Заметим, что в этих начинаниях он был не одинок — аналогичная ситуация сложилась в Казахской АССР при Л.И. Мирзояне, Омской обл. при Д.А. Булатове, Западной обл. при И.П. Румянцеве. Очевидно, что это общая тенденция партийно-политической жизни 1930-х гг. Автор раскрывает характерные для неё процессы, в частности переименования объектов городской и районной инфраструктуры области (например, присвоения городу Надеждинск имени Кабакова), выясняет, кто инициировал переименования, кто подхватывал инициативу, кто утверждал. По мнению Сушкова, уже в 1935 г. Сталин начал выказывать недовольство формированием культов местных «вождей», тем не менее на сигналы из Кремля они не реагировали (с. 45).

Четвёртая и самая масштабная глава — о привилегированной жизни партийно-хозяйственной номенклатуры. Приведены описания строившихся роскошной загородной дачи Кабакова и фазенд его ближайших соратников, проанализированы системы льгот и привилегий, продовольственного и вещевого обеспечения. Центром распределения благ выступало хозяйственное управление (ХОЗУ) Свердловского облисполкома. Оно обеспечивало руководителей работников обкома и облисполкома бесплатными завтраками, льготными обедами, отоварками, пайками, тканями, обувью, автотранспортом, обслуживало квартиры, дома отдыха и т.д. Значительная часть мебели, часов, патефонов, фотоаппаратов и других предметов роскоши закупалась у частных лиц и в антикварных магазинах Ленинграда, куда направлялись специальные курьеры. Для обслуживания банкетов высших должностных лиц области нанимались метрдотели и официанты из Москвы.

Сверхплановое финансирование управления обеспечивалось постановлениями облисполкома и распоряжениями его председателя В.Ф. Головина, избранного по рекомендации Кабакова. Не менее важным источником поступления средств являлись «многочисленные хозяйственные организации и государственные учреждения, расположенные на территории области» (с. 81). Под предлогом проведения различного рода мероприятий и совещаний ХОЗУ обложило их банальной данью. В обмен на это руководители предприятий (известных всей стране Уралмаша, Уралэнерго, Верх-Исетского завода, Востокостали, Уралцветмета и даже облсобеса и издательства «Уральский рабочий») получали свою долю в виде материальных услуг, путёвок в санатории ЦК ВКП(б), стройматериалов и т.д. Есте-

ственно, процветали грубейшие нарушения финансовой дисциплины — средства «отмывались» при помощи «чёрных касс», подставных контор, счетов, уничтожения документации и др.

Сушков привёл многочисленные примеры «самоснабжения», пьянства, круговой поруки городских и районных работников всех уровней, от низового до высшего, областного. Бесконтрольное расходование бюджетных средств выливалось в массовые пьянки, асоциальное поведение, аморальные поступки, которые покрывались руководством. «Многочисленное партийное, советское и хозяйственное начальство при всём желании не могло скрыть свой достаток и образ жизни. Проживали они в уютных, отремонтированных, обставленных мебелью квартирах. Даже в голодные 1932—1933 гг. их столы не пустовали. Часто устраивали банкеты и вечера, где могли общаться с такими же избранными, как они. Ходили в дорогой, модной одежде и обуви. Пьянствовали, веселились и хулиганили. Их семьи отдыхали на дачах и южных курортах, в средствах не стеснялись» (с. 156).

Наряду с этим автор отметил меры, предпринимавшиеся контрольно-ревизионными органами ВКП(б). Так, по результатам работы областной комиссии партийного контроля, возглавляемой Л.А. Папардэ, ряд руководителей исключили из партии и привлекли к уголовной ответственности. Впрочем, согласно сведениям, собранным Сушковым, большинству фигурантов этих уголовных дел удалось избежать реального наказания: предъявлявшиеся прокуратурой обвинения при непосредственном участии Кабакова переквалифицировались на менее тяжкие.

Можно ли говорить о столь высокой степени коррумпированности

руководства Свердловской обл. как об уральском феномене? Судя по публикациям газеты «Правда», утверждает автор, подобная картина наблюдалась во многих регионах Советского Союза.

В пятой главе рассматривается деятельность Свердловского обкома после февральско-мартовского (1937) пленума ЦК ВКП(б). Смысл докладов и выступлений на нём заключался в том, что страна наводнена заговорщиками, шпионами, диверсантами и вредителями, «пролезшими» на самые высокие посты. Говорили и о внутрипартийной демократии, альтернативных выборах, тайном голосовании, праве отвода любого кандидата, отмене принципа кооптации. Кабаков и его окружение демонстрировали поддержку решений пленума. Однако «патрон-клиентские связи, крепко опутавшие управленческий корпус Свердловской области, являлись основой материального благополучия партноменклатуры, её привилегированного положения в обществе. Отсюда стремление уральского вождя любой ценой... сохранить лично преданных ему людей на ключевых позициях в партийно-государственных структурах» (с. 175).

Как известно, уже в январе 1937 г. наиболее одиозные фигуры, в том числе председатель облисполкома Головин, были арестованы. На состоявшемся вскоре пленуме ЦК Кабакову задали неллицеприятные вопросы, на которые он не смог дать вразумительного ответа. Более того, его подвергли персональной критике не только А.А. Жданов, но и сам Сталин. Но какова же реальная причина ареста Кабакова и последовавшей за этим «кадровой революции»? Сушков придерживается концепции, заявленной А. Гетти¹: партийные «вельможи» — активные участники революции, легендарные герои Гражданской войны, чьи имена носили города и районы,

заводы и вузы, — были уверены, что «вождь» не посмеет их тронуть. Однако за три года, прошедшие после XVII съезда партии, мнение Сталина об этих кадрах претерпело изменение. Избирательная ротация в результате перевыборов оказалась несостоятельной, и тогда значительную часть управленцев областного, городского и районного уровней обвинили в пособничестве бывшим деятелям оппозиции. Последние давно состояли на оперативном учёте, а в 1936–1937 гг. их арестовали как шпионов иностранных разведок, террористов и убийц. Руководители региональных партийных, советских, экономических структур теперь обвинялись не в привычных хозяйственных преступлениях, а в контрреволюционных: троцкизме и буржуазном перерождении. В подтверждение своей трактовки Сушков ссылается на современника событий, американского инженера Дж. Скотта: «Политические ярлыки на преступления воров, мошенников и бандитов были навешаны только из соображений пропаганды и назидательности» (с. 261). В качестве примера приведено дело бывшего заведующего Свердловским ХОЗУ Л. Капуллера, обвинённого не в растратах и «самоснабжении», а в участии в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации. Постановлением особого совещания при НКВД СССР его приговорили к пяти годам тюремного заключения.

16 мая 1937 г. Кабакова принял Сталин. На встрече также присутствовали В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов и Н.И. Ежов. О чём шёл разговор, разумеется, неизвестно, но, полагает автор, «Сталин убедился в невозможности исправления Кабакова и в нецелесообразности использования его на другой, пусть даже низовой работе». 17 мая Политбюро приняло постановление «О Кабакове», обвинив

его в принадлежности к «контрреволюционному центру правых». После голосования (опросом) членов ЦК ВКП(б) его вывели из состава высшего партийного органа, дело передали в НКВД и в 20-х числах мая арестовали. Ему инкриминировали создание и руководство «Уральским повстанческим штабом», и уже 30 октября расстреляли. Такая же участь ожидала его многочисленных выдвиженцев из числа обкомовских, облисполкомовских, городских и районных аппаратчиков.

Автор монографии пришёл к выводу, что коррупция к середине 1930-х гг. приняла масштаб, угрожавший существованию самого государства. Денежные поступления в карман представителей правящего слоя значительно снижали возможности индустриализации. Стиль жизни правящего слоя дискредитировал советскую систему, способствовал распространению двойной морали, поскольку «провозглашаемые ими лозунги о все-

общем равенстве и справедливости, горячее одобрение установок партии и правительства — всё это было не более чем декорацией, лишь неизбежной повинностью советского чиновника» (с. 268). Сталин, в свою очередь, «столкнулся с молчаливым сопротивлением местных вождей, не желавших расставаться со своими куклами, возвращенными в первой половине 1930-х, становиться лишь частью безликой партноменклатуры, подвергаться критике как сверху, так и снизу, наряду с простыми смертными; они не хотели проходить через унижительную процедуру тайного голосования, рискуя быть неизбранными». Чистка элиты закончилась физическим уничтожением значительного количества её представителей.

Примечание

¹ Гетти А. Практика сталинизма. Большевики, бояре и неумирающая традиция. М., 2016.

Владимир Булдаков

Сатира и Сталин*

Vladimir Buldakov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Satire and Stalin

DOI: 10.31857/S2949124X2305019X, EDN: OLBBXN

А.Л. Юрганов, известный специалист по русскому Средневековью, предложил весьма необычное исследование, в котором попытался связать сатирические образы советской действительности с процессом становления культа личности И.В. Сталина. Замысел выглядит интригующе. Однако начинает Юрганов вовсе не

с сатиры. В апреле 1926 г. состоялась персональная выставка К. Редько (1897–1956) — художника почти неизвестного и не самого оригинального. Среди 200 его картин нашлось место необычному полотну под названием «Восстание». В центре изображён В.И. Ленин в позе, напоминающей регулировщика дорожного движения

* Юрганов А.Л. В кривом зеркале сатиры. Культ вождя партии большевиков и официальная сатира в середине 20-х — начале 30-х годов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 496 с.

(правая указующая рука направлена вверх на 45°, левая — горизонтально в ту же сторону). «Вождь» с четырёх сторон окружён сподвижниками, взятыми в каре рядами прочих партийцев.

Говорить о достоинствах картины не имеет смысла. Редько, начинавший как иконописец, длительное время пародировал авангардистов и, наконец, попытался выступить как певец электричества и света. Однако Юрганова занимает не необычная световая гамма картины, а расстановка фигур. Оказывается, что ближе всех к Ленину стоит Л.Д. Троцкий, тогда как Сталин — лишь на девятом месте. Историку данная композиция кажется многозначительной: «Необходимо выяснить, является ли картина плодом только личного умозрения художника или она свидетельствует о какой-то типичности в объяснении ситуации» (с. 51). Редько вряд ли намеревался выстроить иерархию революционных руководителей — они, скорее всего, представлялись тогда усреднёнными исполнителями воли почившего Ленина. Для того времени — дело обычное. Продолжая линию использования «нетрадиционных» источников, процитирую стихотворные строки, приписываемые хулиганствующему поэту А. Тинякову: «Чичерин растерян, и Сталин печален, / Осталась от партии кучка развалин. / Стеклова убрали, Зиновьев похерен, / И Троцкий, мерзавец, молчит, лицемерен. / И Крупская смотрит, нахохлившись, чортом, / И заняты все комсомолки абортom. / И Ленин недвижно лежит в мавзолее, / И чувствует Рыков верёвку на шее»¹. Чем не отражение переживаемой неопределённости?

Однако Юрганов уникальности социально-политической ситуации не заметил. Он взялся разглядеть в художественной композиции призрак будущего тирана. При этом его беспокоит вопрос: «Как могли люди

допустить, что человек, не отличавшийся особой яркостью публичного политика и государственного деятеля, превратился в настоящего идола?» (с. 6). В своё время таким же вопросом задавался Троцкий, называвший Сталина «серой кляксой». Впрочем, судя по косвенным данным, он со временем нашёл ответ: психосоциальному истощению масс, неизбежному на нисходящей волне революционного цикла, соответствует именно «бесцветный» руководитель — вкрадчивый интриган, обладающий «инстинктом власти». Юрганов настаивает, что Сталина создал *сам* Сталин. Между тем приведённый им материал свидетельствует, что соответствующий образ в значительной степени формировался «снизу».

Образованные люди склонны считать, что и в прошлом *все* мыслили по их «рациональным» шаблонам. Увы, в постсоветской России было иначе: разрыв между носителями «модерного» и традиционного сознания оказался велик. Неудивительно, что некоторые участники Гражданской войны, претерпев неудачу в нэповской жизни, взывали к Сталину как к «отцу» и спасителю². Впрочем, порой его называли «братом» и «учителем»: так инстинктивно преодолевалось ощущение социального сиротства. Одна 18-летняя комсомолка из г. Ельня Смоленской губ. в 1926 г. обращалась к «многоуважаемому, многоповелительному, многозаступительному тов. Сталину» с просьбой поддержать её «совершенно упавшую энергию»³. Кое-кто находил в самом слове «Сталин» вдохновляющее начало. В 1924 г. молодая учительница из Ташкентского уезда сообщала, что селение Богородицкое переименовано в Сталино, и теперь его название звучит «чеканно» — в противоположность отменённому, «от которого так и отдаёт поповщиной»⁴. Конечно, в подобных

случаях не обходилось без лукавства. Тем не менее в стремлении обрести поддержку сверху люди чаще обращались именно к Сталину, причём вовсе не как к партийному лидеру. Очевидно, сказывалась кажущаяся психическая изоморфность вождя и массы: он представлялся «своим» человеком, способным войти в положение «униженных и оскорблённых».

Юрганов старается доказать, что в 1920-х гг. ранжирование «вождей» эффективно осуществлялось с помощью сатиры. На деле вряд ли тогдашние — относительно независимые — *mass media* могли решить подобную задачу. Художники «перекрашивались». Так, «эстет из “Аполлона”» Н.Э. Радлов «вдруг оказался одним из самых боевых советских карикатуристов, халтурящих в “Бегемоте”, “Смехаче” и в “Красной”»⁵. Подобных примеров — в избытке. Не случайно иллюстративный материал этого времени заметно уступает по выразительности карикатурным плакатам времён революции и Гражданской войны. Тот факт, что на протяжении 1925 г. Троцкий упоминался в «Крокодиле» намного чаще, чем Сталин (с. 55), мало что значит (к тому же непонятно, насколько репрезентативны приводимые автором цифры). То, что в декабре на XIV съезде ситуация внутри партии ощущалась как «раскол» (с. 61), также не играло роли в массовом сознании. Другое дело, что в этих условиях выигрывал тот, кто смог создать образ «злонамеренной» оппозиции. И здесь автор прав: существенную роль *могла* сыграть сатирическая печать. Другое дело, насколько осознанно она подыгрывала Сталину.

Всякое общественное разочарование усиливает склонность к злословию. Сатирическая печать старалась удовлетворить эту потребность, а для этого не стоило вникать в политические интриги в верхах. Дело не в том,

что Троцкий «искажал» ленинизм. Одной части партийных функционеров он был непонятен, другой становился не нужен. Троцкий, вопреки этому, призывал вернуться к Ленину. Трактовка им победы Октября кажется противоречивой. С одной стороны, он вроде бы показывал стихийность движения масс, с другой — допускал наличие у Ленина бланкистских замашек и «ошибок». Так, тот «требовал немедленного приступа к правильному заговору: застигнуть противника врасплох и вырвать власть, а там видно будет»⁶. Тем самым предполагалось нейтрализовать колебания в большевистских верхах. В результате «мы сами для себя не уяснили того, что совершали и как совершили»⁷. Говорить такое в условиях нэповских неопределённостей было, по меньшей мере, опрометчиво.

На ситуации 1920-х гг. не могло не сказаться и поведение «инертной» массы, чего современные исследователи склонны не замечать. Неслучайно у Юрганова вызывает недоумение то, что в 1925 г. критика Троцкого вдруг сошла на нет. Он приписывает это сговору Сталина и Троцкого, последовавшему в результате их тайной встречи. Однако встречаться лично не имело смысла: и тому, и другому стало ясно, что идейная сумятица в верхах обостряет социальную агрессивность низов и прямо угрожает партии.

К этому добавлялось недовольство интеллигенции. Чекисты убеждали, что «сменовеховские» настроения ушли в прошлое, однако отмечали, что появились «фашистские и террористические настроения»⁸. В Воронеже профессора-«реакционеры» якобы развернули борьбу с левыми преподавателями, а в Москве студенты издавали подпольный антисоветский журнал⁹. В конце 1924 г. «допризывники Костромской губ. заявляли: “К весне нас обучат — пойдём Троцкого защи-

щать, воевать заодно с ним»¹⁰. В ноябре 1924 г. в городской среде ходили слухи «о предполагаемом, будто бы, исключении Троцкого из партии»¹¹. Говорили также о скорой войне и падении советской власти (Ленинградская губ.); в Белоруссии, на Украине и в Сибири фиксировались антисемитские высказывания в адрес правительства¹².

Противоречивая неопределённость становилась взрывоопасной и в других слоях общества. В январе 1925 г. в Тульской губ. крестьяне недоумевали: «Почему нам не говорят правды о троцкизме-ленинизме? Почему партия не выгонит негодяев?»; «На каждом собрании спрашивают о Троцком — он был с нами на фронте и защищал советскую власть». Кое-где «с антисемитским азартом» снимали портреты Троцкого в школах, в других местах, напротив, говорили, что «Троцкий подметил, что без Ленина партия стала хуже». Утверждали также, что население «понимает троцкизм как отмену всех налогов и сборов», а «все разговоры о Троцком связаны с недовольством крестьян рабочими». Возмущённо спрашивали: «Почему Троцкого не сажают в тюрьму, а крестьян за маленькое преступление сажают?»¹³. В декабре 1925 г. в Тамбовской губ. звучали призывы: «Да здоровствует товарищ Троцкий с Красной армией, да здоровствует Учредительное собрание!». В Московской губ. коммунистов упрекали: «Троцкий хотел освободить крестьян от налога, а вы его арестовали. Он хотел принять крестьян в партию, а вы боитесь этого»¹⁴. Из Северо-Кавказского военного округа докладывали: «Распространены слухи о том, что Троцкий выступал за крестьянство; Троцкому симпатизируют». На Кубани говорили: «Лучше всего идти за Троцкого, он освободитель народа от налога»¹⁵. Сообщали, что «в связи с увольнением Троцко-

го одни говорят, что “жидам нельзя было доверять”, другие, напротив, заявляют: “Троцкого жиды убрали, он хоть и жид, но хороший работник”»¹⁶. Между прочим, в апреле 1925 г. ходили слухи, что Троцкий «реабилитирован и будет председателем СТО и наркомом просвещения, а Луначарский, по одной версии, посол в Риме, по другой — для него создаётся Министерство изящных искусств»¹⁷.

Звучали и такие заявления: «Согласен со Сталиным, а не Троцким по поводу построения социализма в одной стране». Обычно они исходили от молодых коммунистов, а члены партии «страстно желали понять суть ошибок т. Троцкого». Им казалось, что «вопрос о крестьянстве освещён одинаково у Ленина и у Троцкого»¹⁸. Некоторые партработники высказывались так: «Я очень благодарен Льву Давидовичу... благодаря ему я теперь и троцкизм хорошо знаю». Другие были уверены: «Мы на распутье, у двух дорог», а потому «шельмование тов. Троцкого» приведёт к несчастью¹⁹. Случались характерные стычки: «Один коммунист с кулаками бросился на другого, сказавшего, что Троцкий был меньшевиком». При этом подчёркивалось, что «к пониманию отхода тов. Троцкого партию надо готовить не один год». А пока некоторые коммунисты поднимали тосты «за вождей и Троцкого»²⁰. В середине декабря 1925 г. прозвучало и такое мнение: «Совершенно ясно, что не может быть и речи о главенствующей роли Троцкого в руководстве Партией, но вместе с тем возможность сохранить его, как одного из вождей Партии, было бы лучшим решением вопроса». Однако некоторые комсомольцы недоумевали: «Почему Троцкий занимает такой большой пост?»²¹. В сущности, лидерам приписывались востребованные черты. Этот процесс мог ускориться в ходе перерастания в верхах

доктринально-схоластических споров в личностные нападки.

В настоящее время суть устремлений Сталина у исследователей сомнений не вызывает. С 1921 г. он мечтал о преобразовании большевистской партии в своеобразный «орден меченосцев»²². Естественно, это не соответствовало навыкам и амбициям лидеров, привыкших экспериментировать в хаосе революции. Между тем «наследниками» Ленина могли быть только те, кто, подобно ему, «не ошибался». Но могла ли «разрулить» эту ситуацию тогдашняя пропаганда?

В 1925–1926 гг. сатирические журналы по отношению к партийно-государственным делам вели себя осторожно. В 1926 г. «Крокодил» поместил лишь одну карикатуру на Троцкого, Л.Б. Каменева, Г.Е. Зиновьева (с. 104–105), а в следующем году их стало 11 (с. 134). Но как реагировали на происходящее другие журналы («Бегемот», «Бузотёр», «Чудак», «Смехач», «Красный перец», «Мухомор», «Крысодав» и др.), Юрганов не упоминает. Известно, однако, что их переполняли злословие и осмеяние всех «чуждых»: нэпманов, «буржуазных специалистов», «назначенцев», «перерожденцев» и проч. Со временем число объектов критики пополнялось, а сами они превращались в объекты ненависти. Но применительно к партийным верхам это происходило с явным запозданием.

Во второй половине 1920-х гг. количество проклятий в адрес власти — в том числе и со стороны разочарованных коммунистов — увеличилось²³. В начале 1928 г. в Армении обнаружили прокламации с призывом: «Долой всех большевиков-нэпманов, да здравствует оппозиционная ветвь партии... Рабочие, крестьяне, освободитесь от коммунистического капитализма... Народ, Троцкий и Зиновьев — твои защитники, защищай их

беззаветно!». В Казахстане некоторые баи призывали местную молодёжь записываться в «армию Троцкого», а не в «армию коммунистов»²⁴. Отсюда навязываемые сверху «чистки». Не следует, однако, думать, что к ним подходили серьёзно. Сатирический журнал поместил карикатуру: к предстоящей чистке некоторые «дальновидные» коммунисты подают заявление о выходе из партии из-за «некоторых политических разногласий», чтобы, «исправившись», снова вступить в неё²⁵. На этом фоне оказывались особенно востребованы «главные» виновники.

Юрганов считает, что эту задачу активно решал «Крокодил». По его мнению, суггестия «правильности» партийной линии велась в журнале от лица «мнимого и безразличного большинства», которую он понимает как «категорию вполне иррациональную», а потому претендующую на «законность» (с. 143). На деле в глазах низов партия сама по себе превращалась в нечто метафизическое и даже трансцендентное (подобно *исторической* российской власти), в принципе не подлежащее критике. Эффект «непогрешимости» усиливался, поскольку верхи вроде бы действовали от лица «единственно верной» марксистской теории. Юрганов утверждает, что Сталин стал гарантом её «истинности» с 1929 г. На деле с подобной претензией он безуспешно выступил ещё в 1917 г., на VI съезде²⁶. Вряд ли стоит абсолютизировать этот момент, экстраполируя ситуацию нелегального существования партии на период её господства. В новых условиях собственно теория становилась не нужной: её подменяла вера в чудо «строительства социализма в одной, отдельно взятой стране». Сталину важнее было предстать «самым авторитетным практиком строительства социализма». Это по-своему отразила одна из карикатур 1927 г.: крупная

фигура Сталина-«строителя» скептически внимает словам малорослого Бухарина-«инженера» (с. 156–157). Соответственно, избавившись от мелкого и суетливого Бухарина, можно было предстать в роли единственного «чудодея».

События тех времён не следует прочитывать буквально: за теоретической схоластикой копошились старые, как мир, надежды и суеверия. Получилось бы адекватно передать это средствами сатиры? Вряд ли. Во всяком случае, сопоставление споров в партийных верхах с их карикатурными отражениями в этом вполне убеждает. Сатира могла лишь внушить отвращение к тем, кто делал что-то «не так».

Чем в действительности являлись «экзотические» акты самокритики? Представляется, что людская масса инстинктивно пыталась сделать «мутное» (по традиционалистским представлениям) городское (или заводское) социальное пространство «прозрачным» — на манер сельской общины (в границах которой, как известно, утверждался особый верноподданнический этос). Юрганов считает, что «в мире кривозеркальных отражений рождалась какая-то своя субкультура, её можно даже условно назвать народным сталинизмом» (с. 283). Скорее это просто традиционная культура, что оказалось на руку власти: обычно авторитаризм старается так «высветить» социальное пространство, чтобы самого его разглядеть стало невозможно.

В декабре 1928 г. сатирический журнал поместил на обложке зевающего спросонья обывателя с партбилетом. Он беспокоился: «Сегодня самокритика, завтра чистка, а послезавтра — того и гляди пошлют мировую революцию делать»²⁷. На деле основные идеологические кампании — критика и самокритика, чистка партийного и государственного ап-

парата, наконец, борьба с «оппортунизмом» — заменяли мировую революцию поклонением существующей власти. Этому способствовало особое советское двоемыслие — специфическая форма адаптации к не вполне понятному культу.

В какой степени этому помог «Крокодил»? Представляется, что Юрганов преувеличил его возможности. Во всяком случае, из параллельного изложения длинных дискуссий в верхах и карикатурных комментариев в журнале видно, что квазирелигиозный культ утверждался в ином — не политическом, а психосоциальном — измерении. Страха перед будущим тираном ещё не существовало, зато появились опасения проглядеть «врагов». Отсюда — надежда на единственного носителя «генеральной линии партии».

Из сказанного, конечно, не следует, что попытка разглядеть нарождающийся сталинизм через «подобострастную» сатиру бесперспективна. Культ «вождя» в России имел сложную природу. Чем более разнообразные источники привлекаются для выяснения его происхождения, тем отчётливее просматривается механика власти в России.

Примечания

¹ Тиняков А. Без привкуса морали. М., 2005. С. 119.

² Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2012. С. 104–106, 147; РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 645, л. 446; д. 859, л. 76–77.

³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 494, л. 9.

⁴ Там же, ф. 558, оп. 11, д. 717, л. 5.

⁵ Чуковский К. Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 253, 362.

⁶ Троцкий Л. Д. О Ленине. Материалы для биографа. М., 1924. С. 61.

⁷ Троцкий Л. Д. Уроки Октября. СПб., 1991. С. 70.

⁸ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.).

Сборник документов. Т. 2 / Сост. Н.М. Перемышленникова и др. М., 2001. С. 388.

⁹ Там же. Т. 1. Ч. 2 / Сост. Н.М. Перемышленникова и др. М., 2001. С. 879, 901.

¹⁰ Там же. Т. 2. С. 351.

¹¹ ОР РГБ, ф. 165, карт. 1, д. 14, л. 49 об.

¹² «Совершенно секретно»... Т. 4. Ч. 2 / Сост. Н.М. Перемышленникова и др. М., 2001. С. 773, 721.

¹³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 745, л. 66, 68–69.

¹⁴ Там же, д. 858, л. 41; д. 859, л. 38.

¹⁵ Там же, д. 950, л. 31, 38, 40.

¹⁶ Там же, д. 1013, л. 4 об.

¹⁷ ОР РГБ, ф. 165, карт. 1, д. 14, л. 60 об.

¹⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 1013, л. 63; д. 1032, л. 138.

¹⁹ Там же, д. 1025, л. 33; д. 1027, л. 172–172 об.

²⁰ Там же, д. 1032, л. 25 об.

²¹ Там же, д. 1030, л. 17 об., 40.

²² См.: Павлюченков С.А. «Орден меченосцев». Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М., 2008.

²³ Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть... С. 516, 681.

²⁴ «Совершенно секретно»... Т. 6 / Сост. Н.Е. Быстрова и др. М., 2002. С. 96, 154–155.

²⁵ Чудак. 1929. № 6. С. 4.

²⁶ Шестой съезд РСДРП (большевики). Август 1917 года. Протоколы. М., 1958. С. 181.

²⁷ Чудак. 1928. № 1. С. 1.

Николай Смирнов

Постигая российские революции*

Nikolay Smirnov

(Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)

Comprehending the Russian revolutions

DOI: 10.31857/S2949124X23050206, EDN: OLEHVK

Благодаря ряду фундаментальных трудов¹ В.П. Булдаков известен отечественным и зарубежным учёным как один из крупнейших современных историков российского революционного процесса. Его наблюдения и выводы вызывали и вызывают страстные споры среди профессионалов. Однако сложно представить серьёзную работу о России 1917–1922 гг., в которой не учитывалась бы концепция автора «Красной смуты».

Яркому полемисту Булдакову всегда было тесновато в рамках как советской, так и постсоветской историографии. С благодарностью вспоминая школу академика И.И. Минца, он тем не менее никогда и ни на кого не желал походить. Его творческий

почерк неизменно отличается редкой по широте эрудицией, глубоким знанием русской и зарубежной литературы и философии, ярко выраженной индивидуальностью. В полной мере эти черты проявляются и в тех 59 публикациях 1991–2022 гг., которые он включил в свою новую книгу.

Любопытно, что она «задумана около 30 лет назад». Тогда, при пересмотре «мифов, легенд, предрассудков и идеологических клише», «предполагалось, что собрание текущих полемических публикаций на актуализировавшиеся темы позволит объяснить, почему прежние подходы к российскому — не только советскому, но и дореволюционному — прошлому должны быть отброшены. Такое наме-

* Булдаков В.П. Историк и XXI век. Статьи, рецензии, выступления, интервью. 1991–2021 гг. М.: Новый Хронограф, 2023. 712 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00266, «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны, феномен, значение и региональная специфика».

рение было связано с непосредственным профессиональным интересом» (с. 9).

Статьи, интервью и рецензии, в том числе вышедшие в малотиражных и труднодоступных изданиях, объединены в четыре части, каждой из которых предпослано авторское предисловие. В результате сборник воспринимается как интеллектуальный манифест, излагающий взгляды Булдакова на историческую науку, на судьбы России и мира. Нередко заявления автора характерно полемичны. В частности, он ещё в начале 2009 г. решительно утверждал, что «Россия никогда не имела традиций демократии», поскольку «трудно ожидать успеха демократии в стране, где крепостное право было отменено менее 150 лет назад», а сама «европейская демократия — скорее уникальный, нежели всеобщий феномен» (с. 75). Надо ли понимать это так, что рабство — как античное, так и возрождённое колониальными империями и довольно долго державшееся в США — гораздо лучше соответствует демократическим порядкам?

В первой части под рубрикой «Историк и современность» собраны доклад, рецензия, два интервью, четыре выступления на научных форумах, три реплики, прозвучавшие в дискуссиях с коллегами (с. 17–161). Так, комментируя в 2001 г. доклад А.Н. Аринина «На пути к подлинно федеративному государству — гаранту соблюдения прав и свобод личности», Булдаков обратил внимание на то, что «российский федерализм — это квинт-эссенция кризисного своеобразия нашего утомительно сложного развития. Все наши нелепости — вовсе не случайны. Более того, они несут на себе сложную функциональную историческую нагрузку» (с. 135–136).

Семь лет спустя, после доклада А.И. Неклессы «Мир индиго. Эпо-

ха постмодернизма и новый цивилизационный проект», он рассуждал: «Не паникуем ли мы, оценивая вызовы современности? Из собственного опыта могу сказать, что *всякая* “революция ожиданий” чревата у нас грядущей смутой. Вероятно, мы не столь оригинальны. Можно согласиться с автором, что сегодня во всём мире возникла ситуация вселенской растерянности, но из этого не следует, что мы страшимся будущего по неким универсальным законам» (с. 142). По мнению историка, «всякое современное “стабильное” общество словно забывает своё прошлое. Оно им ни к чему, они живут в комфортном настоящем и не думают о нём. У нас же всё настолько неустойчиво, что из этого состояния мучительно хочется выбраться на социальную твердь. В результате мы барахтаемся в собственных эмоциях — в том числе и применительно к истории» (с. 37).

При этом «главный историографический итог» изучения «революционной повседневности» видится ему в том, что «былая “безальтернативная” история стала историей “случайно” несостоявшихся альтернатив», а «“монопартийная” историография трансформировалась в апологетику “многopартийности”» (с. 17–18). И, судя по авторским наблюдениям, так происходит уже не одно столетие: «Очень соблазнительно представить Петра обычным реформатором, успешно воплотившим в жизнь продуманную систему преобразований. На деле всё было с точностью наоборот: его дела — это серия спонтанных и противоречивых экспериментов. За ними стояло настоящее буйство эмоций, движимое желанием вырвать Россию даже не из “отсталости”, а из “застойной” предопределённости» (с. 108–109). В целом же «скучная проза исторического бытия состоит в том, что в нём нет и не может

быть ни нормы, ни всех устраивающего порядка. Мы, подобно песчинке в водовороте, не можем даже определить, куда и зачем движемся. Человек живёт верой, знание скорее омрачает его существование» (с. 51). Но это не останавливает учёного, анализирующего проблемы территориального обустройства и разреженности населения, веры и сомнений, доходящих до нигилистического глумления, государственности и внутренне противоречивых взаимоотношений власти и населения, насилия и его природы, деморализации российского общества предреволюционной поры, системных кризисов и поисков выхода из них (с. 54–70).

Раздел «История и историки» объединяет 14 очерков, большая часть которых посвящена жизни и творчеству видных историков, с которыми долгие годы работал или дружил Булдаков. Среди них: А.Я. Грунт (с. 220–233), П.Н. Зырянов (с. 234–244), Л.М. Иванов (с. 252–268), П.В. Волобуев (с. 278–299), С.А. Павлюченков (с. 314–329), А.П. Корелин (с. 330–333). Говоря о том, можно ли использовать воспоминания академика Ю.А. Полякова как исторический источник, о чём «забыл» и что умело «подправил» их автор, Булдаков признаёт: «Невольно вступая в скрытый, бесконечный и безрезультатный спор с мемуаристом, как-то забываешь главное. Текст написан блестяще, с необходимой долей юмора» (с. 313).

Всё это ведёт «к переосмыслению сложившихся представлений». Ведь «сегодня мы оказались в ситуации своеобразного напластования различных *мета-* и *микронаративов* — как старых, так и подновлённых... К тому же революцию и современность связывают застарелые “иллюзии прогресса”: вопреки тревожному дрожанию почвы под ногами люди вновь ожи-

дают прорыва в “светлое будущее”» (с. 337). И поскольку «нам постоянно подсовывают не *те* ценности» (с. 217), постольку «“нормальному” историку остаётся одна задача — воевать с мифами прошлого и особенно настоящего. История — это искусство отделения в прошлом подлинных реальностей от всевозможных симулякров» (с. 215).

Третья часть книги («История, литература, искусство») посвящена отражению коллизий революции и Гражданской войны в памятниках отечественной культуры, в частности поэзии 1917–1920 гг. (с. 436–445). Как пишет Булдаков, «в обобщающих работах историков, касающихся любого периода прошлого, культура почему-то оказывалась на последнем месте. Куда важнее казались показатели производства чугуна и стали. Напротив, на Западе исследователи уделяли не только русской, но и советской культуре особое внимание». Впрочем, «советская художественная литература в понимании революции оказалась, за немногими исключениями, бессильна. И дело не только в том, что события Гражданской войны “стёрли” предыдущие события. Если взять такое эпическое произведение, как “Тихий Дон”, то выяснится, что в описании *политических* событий 1917 г. М. Шолохов как-то беспомощно следовал за текстами большевистской историографии» (с. 349–350). Историк констатирует: «Серебряный век (в широком смысле слова) всегда разрывался внутренними противоречиями, а в целом болезненно угасал вместе с судорогами всей эпохи Просвещения» (с. 415). Между тем «с помощью войн и революций XX век, в сущности, похоронил логос и этос эпохи Просвещения. Однако в XXI в. мы всё ещё пытаемся мыслить категориями ушедших веков. А это значит, что мы рискуем

вновь наступить на грабли, коварно притаившиеся в траве забвения» (с. 364).

Завершает книгу рубрика «История. Философия. Социология», демонстрирующая методологический тупик современности: «Нынешняя понятийно размытая российская историография на фоне географической беспредельности и вместе с тем темпоральной уплотнённости своего “непредсказуемого прошлого” смотрится эвристически беспомощной. А потому речь идёт всего лишь о её интеллектуальной свободе и научном достоинстве» (с. 498).

Однако Булдаков убеждён, что эти сложности преодолимы: «Многообразные нелепости переходного времени могут показаться неисчислимыми. Однако по мере их накопления, через коллизии творческого недо-

умения и исследовательских метаний рано или поздно прорежется воля к истине. Так будет, ибо только этим жива История. Мысль исследователя непременно осилит XXI век» (с. 682). Видимо, в этом и заключается кредо замечательного учёного, в течение многих десятилетий с непостижимым упорством прокладывающего дорогу к истине.

Примечание

¹ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007; Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010; Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930. М., 2012.

Виталий Тихонов

Советская империя наций Франсин Хирш*

Vitaly Tikhonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Francine Hirsch's Soviet empire of nations

DOI: 10.31857/S2949124X23050218, EDN: OLFLNI

Оригинальное (англоязычное) издание книги Ф. Хирш вышло по академическим меркам достаточно давно — в 2005 г.¹ К тому времени западная советология отошла от прямолинейных представлений о советском строе как сугубо репрессивном, приносившем интересы национальностей в жертву классовой идеологии и постоянно проводившем массовые репрессии по этническому принципу.

Новое поколение историков, не отрицая факта репрессий, обратило внимание на несиловые методы управления: культурные технологии и микропрактики управления. Отталкиваясь от известной идеи Б. Андерсона о том, что ключевыми элементами нациестроительства выступают перепись, карта и музей, и дополнив её теорией дискурсивных практик М. Фуко, они принялись изучать роль культуры и науки

* Хирш Фр. Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза / Авториз. пер. с англ. Р. Ибатуллина. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 472 с., ил.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00303 «Советский исторический нарратив: содержание, акторы и механизмы конструирования».

в советской «национальной» политике. Этот этап развития историографии можно назвать временем торжества конструктивистского подхода, постулирующего активную и даже решающую роль институтов и интеллектуалов в процессе нациестроительства. На этом фоне и вышла рассматриваемая монография.

Она вызвала заслуженный интерес², однако несколько потерялась на фоне ряда других книг на схожую тему, опубликованных приблизительно в то же время. В частности, монументальной и концептуально «нахрапистой» монографии Т. Мартина «The affirmative action Empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939» (2001), которая в переводе на русский язык получила название «Империя “положительной деятельности”»: нации и национализм в СССР, 1923–1939» (2011). Напомню, что в ней автор сравнивал этнополитику первых советских десятилетий с политикой «позитивной дискриминации», активно продвигавшейся в странах Запада с 1970-х гг. Разумеется, такие броские аллюзии, помноженные на солидную источниковую базу и множество интересных наблюдений, обеспечили книге шумный успех. Не меньший резонанс вызвала книга Д. Бранденберга «National Bolshevism: Stalinist mass culture and the formation of modern Russian national identity, 1931–1956» (2002)³, автор которой предложил принципиально иную интерпретацию проблемы. Он утверждал, что Сталин сформулировал русоцентричную идеологию, обеспечившую успешную мобилизацию населения в сложных условиях второй половины 1930-х – 1940-х гг.

Между тем Хирш предложила свой взгляд на советскую модель нациестроительства, которую назвала «поддерживаемым государством развитием». Его целью «было не развитие “национальных меньшинств” за счёт “нацио-

нального большинства”, а ускорение прогресса всех народов (и больших, и малых) через воображаемые стадии марксистской исторической шкалы от феодализма и капитализма к социализму и далее к коммунизму» (с. 153).

В центре внимания автора – «культурные технологии управления». Это, прежде всего, этнографическое знание, игравшее значительную роль в интеллектуальном и информационном обеспечении большевистского курса. Оно сыграло одну из ключевых ролей в национально-территориальном строительстве 1920–1930-х гг., проведении демографических переписей и т.д. Большой интерес также представляет исследование роли и значения музейных экспозиций в конструировании советских наций.

Необходимо отметить важное наблюдение: советская власть активно использовала в своих интересах «имперских экспертов» и их научную компетентность. Благодаря этому наблюдалась известная преемственность с дореволюционным управлением и регулированием национальных процессов. Данное утверждение вызвало активную критику. Так, М. Могильнер высказала сомнение в том, что этнографов, сотрудничавших с большевиками, уместно называть «имперскими экспертами», поскольку большинство из них имели народническое или иное революционное прошлое⁴. Это мнение поддержал А.И. Миллер, заявив, что книга Хирш слаба в концептуальном отношении⁵. Солидарную позицию высказал и А.А. Воронович⁶.

Мне кажется, что критики излишне категоричны. Не стану вступать в спор насчёт этнографов, поскольку никогда не занимался данной проблемой. Однако наблюдения Хирш подтверждаются примерами создания советского исторического нарратива. Кстати, она не уделила специального внимания историописанию, но отметила, что

оно, «подобно переписи, карте и музею», оказалось «важной культурной технологией управления и помог[ло] большевикам осуществить их преобразовательные программы и консолидировать советскую власть» (с. 415).

Известно, что многие «историки старой школы» стали жертвами «Академического дела» конца 1920-х — начала 1930-х гг. Но затем их вернули из ссылки и сделали важными участниками процесса концептуального и фактографического оформления исторического нарратива, обосновывавшего «советский патриотизм» и культ Сталина. Подчеркну, что абсолютное большинство из них не имели революционного опыта. Напротив, их можно рассматривать как сторонников сильной государственной власти, т.е. в конечном итоге тех самых «имперских экспертов».

Кроме того, они посодействовали отказу от антиколониалистского пафоса раннесоветской историографии⁷. В 1920-х — первой половине 1930-х гг. русская колонизация оценивалась преимущественно как история кровавого завоевания, экономического порабощения и национального гнёта. Но такой взгляд всё меньше соответствовал задачам сплочения и мобилизации многонационального населения СССР, поэтому от него постепенно стали открепляться — и во многом под влиянием и по инициативе «историков старой школы». Например, С.Б. Веселовский писал в 1937 г. в рецензии на знаменитый учебник по истории СССР авторства А.В. Шестакова: «Двухвековой процесс продвижения русского народа от берегов Оки до Чёрного моря, так наз[ываемое] наступление на степь, “проглочены”, если можно так выразиться, авторами учебника. Я считаю это большим пробелом, так как в этом наступлении великорусы и украинцы совершили большое культурно-ценное дело и проявили большую силу духа и упорства, временами доходящие до

героизма, заселяя под ударами кочевников никем не занятые и не обрабатываемые пустые земли»⁸.

Традиции отечественной дореволюционной историографии, тесно связанные с мифологией культуртрегерской миссии Российской империи, пусть постепенно и частично, но становились важной частью советского исторического нарратива. Впрочем, необходимо учитывать: степень восприимчивости власти к этим идеям зависела не столько от компетенции экспертов и их умения убеждать, сколько от того, вписывались ли они в идеологическую повестку, которая менялась довольно быстро. Следовательно, процесс следует анализировать как неравноправное и динамичное взаимодействие власти и экспертов, а среда последних отличалась неоднородностью и конфликтогенностью.

Концепция Хирш неоднозначна, но и подходы её оппонентов не менее спорны. Многообразие и динамика национальных процессов в СССР не позволяют предложить общую и универсальную формулу их исследования. Можно вспомнить уже упомянутого Миллера, предложившего ситуационный подход к исследованию Российской империи. Его суть заключается, во-первых, в отказе от изучения явления в строго очерченных административно-территориальных рамках, во-вторых, в фокусировании внимания на взаимодействии акторов⁹. Анализ процессов в динамике и меняющихся контекстах позволяет адекватнее понять и национальные процессы в советское время.

В заключение хотелось бы отметить фактографическое богатство книги, делающей её незаменимым источником информации по истории советской этнографии, вопросам проведения переписей и межевания границ в 1920–1930-е гг. Можно надеяться, что публикация на русском языке сделает книгу

и заложенные в ней идеи гораздо более востребованными российскими историками, чем это было ранее.

Примечания

¹ Hirsch F. Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca; L., 2005.

² Рецензии появились в том числе и в России: Могильнер М. [Рец.] // *Ab Imperio*. 2005. № 3. С. 544–545; Абашиш С. [Рец.] // *Этнографическое обозрение*. 2006. № 2. С. 165–168.

³ На русском языке книга издавалась дважды: Бранденбергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956 / Пер. с англ. Н.Г. Алёшиной, Л.Н. Высоцкого. СПб., 2009; Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм. Советская массовая

культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956) / Пер. с англ. Н.Г. Алёшиной, Л.Ю. Пантиной, Л.Н. Высоцкого. М., 2017.

⁴ Могильнер М. [Рец.].

⁵ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006. С. 206.

⁶ Воронович А.А. Противоречивые истории советского национального государства: некоторые проблемы советской национальной политики в современной зарубежной историографии // *Прошлый век. Сборник научных трудов*. Вып. 1. М., 2013. С. 374–375.

⁷ См.: Советский национальный проект в 1920–1940-е гг.: идеология и практика / Д.А. Аманжолова, К.С. Дроздов, Т.Ю. Красовицкая, В.В. Тихонов. М., 2021. С. 453–484.

⁸ Архив РАН, ф. 638, оп. 4, д. 24, л. 9.

⁹ Подробнее см.: Миллер А.И. Империя Романовых и национализм... С. 28–29.

Ирина Пушкарёва

Советский историк послевоенного поколения профессор А.М. Сахаров*

Irina Pushkareva

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The Soviet historian of the post-war generation, Professor A.M. Sakharov

DOI: 10.31857/S2949124X2305022X, EDN: OJPQKG

В этом году исполнилось 100 лет со дня рождения профессора Анатолия Михайловича Сахарова (1923–1978), выдающегося отечественного историка, талантливого учёного, педагога, организатора науки, отдавшего 30 лет жизни историческому факультету МГУ им. М.В. Ломоносова. Долгие годы А.М. Сахаров был непосредственно связан и с коллективом Института истории СССР АН СССР – участвовал в заседаниях секторов и Учёных советов, а последние три года жизни входил в состав редколлегии журнала «История СССР». К юбилею выдающегося историка выпущена книга, написанная его сыном – профессором

Николаем Анатольевичем Сахаровым, доктором политических наук, советником дирекции Российской государственной библиотеки.

Меня с А.М. Сахаровым связывали возникшие ещё в послевоенные годы товарищеские отношения, что позволяет добавить важные штрихи к образу учёного, каким его знали коллеги и друзья. Анатолий Михайлович принадлежал к поколению историков-фронтовиков, до конца жизни сохранивших творческий потенциал, работоспособность, увлечённость профессией, верность принципам и самим себе. Дорогу к мечте – стать историком – преградила война. В 1941 г.

* Сахаров Н.А. Профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.М. Сахаров. К 100-летию со дня рождения (1923–1978). М.: Буки Веди, 2023. 270 с.

Анатолий Сахаров ушёл защищать Родину, в 1942 г., благодаря знанию немецкого языка, стал переводчиком. Он побывал на семи фронтах, дошёл до Германии, был награждён орденами Отечественной войны II степени, двумя — Красного знамени, медалями «За взятие Кёнигсберга» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». На фронте Сахаров вступил в Коммунистическую партию и сохранил верность её идеалам до конца дней. Своё отношение к ленинскому наследию и марксизму он выразил, в частности, в непростой период отторжения с середины 1950-х гг. в науке «сталинской концепции», выступив категорически против стремления упростить методологию марксизма¹.

В 1946 г. Сахаров вернулся на истфак МГУ и был зачислен на второй курс, а в 1949 г., сдав экзамены за четвёртый и экстерном за пятый курс, получил диплом с отличием. Курировал его первую курсовую о философских взглядах немецкого историка-гуманиста XVI в. С. Франка профессор М.М. Смирин. Работа эта оказалась лучшей из студенческих на факультете за 1947 г. и была удостоена грамоты деканата. Диплом же Сахаров писал под руководством профессора М.Н. Тихомирова (с. 11–12). В Институте истории СССР Анатолий Михайлович, работая над кандидатской диссертацией, положил начало многолетним научным контактам с профессором Л.В. Черепниным, заведовавшим Сектором истории периода феодализма (с. 14, 15, 36). Первой печатной работой Сахарова (1950) стала рецензия на издание Института истории «Исторические записки» (с. 12–13). Впоследствии он многократно выступал рецензентом, редактором и соавтором в трудах Института (с. 35, 38, 44, 50, 51, 55, 57).

Впечатляет список работ учёного (более 300): семь монографий, коллек-

тивные труды в соавторстве, статьи, рецензии, общественно-политические издания (с. 34–71). Рецензируемая книга отмечает вклад А.М. Сахарова в развитие отечественной науки по разным направлениям: предыстория петровских реформ; героическая защита страны от иноземных захватчиков; рост и развитие русского средневекового города; становление Русского централизованного государства; роль Церкви в истории страны; развитие русской культуры (с. 105, 111, 113, 117, 126, 131, 135).

Интересу Анатолия Михайловича к истории культуры способствовало и влияние супруги — искусствоведа по профессии (с. 113). Его усилила возникшая с подачи Черепнина идея создания фундаментального обобщающего труда о культурном богатстве России с древнейших времён до XVII в. В рецензируемой книге отражены этапы воплощения этого замысла в жизнь: приглашение от ректората МГУ войти в авторский коллектив А.В. Арциховского по подготовке «Очерков русской культуры XIII–XV вв.», осмысление внутренних закономерностей развития культуры в статьях и книгах (с. 41–53). В 1970 г. появился первый том «Очерков русской культуры», а к началу 1979 г. вышли все шесть томов. В 1982 г. издание было удостоено Государственной премии СССР. «Очерки» стали первым в отечественной историографии масштабным трудом, основанным на изучении российской духовной и материальной средневековой культуры в их синтезе. Почерк Сахарова как ответственного редактора и автора вводных статей по вопросам исторического знания, истории религии, отличает новаторство в подходе к исследованию форм идеологической борьбы, общественно-политической мысли. Очерк Анатолия Михайловича в заключительном томе издания

знакомит читателей с историей страны того времени в её противоречиях и контрастах в экономической, политической и духовной жизни общества (с. 114–117).

В статье-некрологе об А.М. Сахарове, напечатанной в 1979 г. в журнале «История СССР»², отмечен его огромный вклад в утверждение историографии как самостоятельной дисциплины с её направляющей ролью в науке. Сахарову удалось дать чёткие определения историографическому факту, историографическому источнику. Он исходил из того, что история — наука конкретная и должна строиться в соответствии с методологическими принципами, а задача учёного — «следить, как происходил процесс накопления и изучения фактического материала, развивались приёмы и методы обработки источников»³. Историк придавал чрезвычайную важность принципу историзма в историческом исследовании как основополагающему методу познания. Его доклады на эту тему собирали большие аудитории слушателей; некоторые статьи и книги Анатолия Михайловича отразили содержание этих сообщений⁴. Отклик на его выступления имел место и среди учёных за рубежом; последний доклад о формировании историзма в историографии Сахаров сделал в Мюнхене в марте 1978 г., всего за три недели до кончины. Жизнь учёного оборвалась, когда многое из задуманного им ещё не было заверше-

но. В 1981 г. в память о выдающемся историке издательство МГУ опубликовало сборник его избранных лекций и выступлений.

Убеждённый патриот своей Родины, Сахаров в далёких столетиях ощущал «связь времён», отстаивая исключительное место России в мире. Анатолий Михайлович жил и работал, будучи твёрдо убеждённым, что «история принадлежит к числу самых современных наук в прямом смысле этого слова. Она работает на современность... Нельзя идти в будущее, забыв прошлое» (с. 138). Книга о вкладе А.М. Сахарова в историческую науку имеет несомненную ценность как для новых поколений историков, так и для тех, в ком интерес к отечественной истории ещё только пробуждается.

Примечания

¹ Теория и методология истории. Учебник для вузов / Отв. ред. В.В. Алексеев и др. М., 2014. С. 55.

² Краснобаев Б.И. Анатолий Михайлович Сахаров (1923–1978). Историографические заметки // История СССР. 1979. № 3. С. 113–128.

³ Сахаров А.М. Предмет и содержание университетского курса историографии истории СССР // Вопросы истории. 1962. № 8. С. 23.

⁴ Сахаров А.М. Некоторые вопросы методологии историографических исследований // История СССР. 1974. № 3. Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978; Сахаров А.М. Методология истории и историография (статьи и выступления). М., 1981.

Виктор Захаров

Профессор, исследователь, организатор науки А.М. Сахаров*

Viktor Zakharov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Professor, researcher, organizer of science A.M. Sakharov

DOI: 10.31857/S2949124X23050231, EDN: OLHUNA

В последние десятилетия доброй традицией стало издание книг, посвящённых памяти видных историков. Их отличительной особенностью является сложное содержание, которое вовсе не ограничивается публикацией статей коллег и учеников. Последние скорее дополняют основной состав книги, где видное место занимают труды самого учёного, зачастую из неопубликованного наследия, а также материалы, раскрывающие научный и жизненный путь исследователя, в том числе воспоминания, документы, сведения о профессиональной деятельности. Каждая из таких книг с точки зрения состава отличается своеобразием¹. Своё место в этом ряду, несомненно, займёт и недавно увидевшее свет издание, посвящённое 100-летию со дня рождения видного советского учёного, специалиста по истории средневековой Руси Анатолия Михайловича Сахарова (1923–1978). Оно подготовлено сыном Анатолия Михайловича — Николаем Анатольевичем Сахаровым, доктором политических наук, одним из ведущих специалистов по современной истории США.

Особое внимание в книге уделено деятельности А.М. Сахарова как преподавателя исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. На поприще подготовки специалистов в высшей школе ярко проявили себя многие выдающиеся деятели

отечественной исторической науки. Они оставили после себя не только фундаментальные труды, но и лекционные курсы, разработки семинарских занятий, учебно-методические пособия. Нередко они выступали как организаторы учебного процесса, руководили кафедрами, что было напрямую связано с руководством научно-исследовательской работой в рамках небольшого коллектива. Наконец, сама обстановка и атмосфера университетской работы обеспечивает постоянный контакт между учёным и студентом и создаёт условия для возникновения и развития научной школы. Это в полной мере относится к научному и творческому пути А.М. Сахарова.

В книге мы находим разнообразные материалы, содержащие информацию о текущей работе кафедры истории СССР периода феодализма (повестка дня заседаний, тематика курсов и спецкурсов), которые являются ценным источником по истории высшей школы, истории исторической науки, организации подготовки историков-профессионалов в одном из ведущих вузов страны в 1950–1970-х гг. Они, несомненно, привлекут внимание специалистов в данной области, прежде всего благодаря своей конкретике и «первичности» по уровню отражения учебного и научно-исследовательского процесса. Достаточно обратиться к повесткам

* Сахаров Н.А. Профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.М. Сахаров. К 100-летию со дня рождения (1923–1978). М.: Буки Веди, 2023. 270 с.

заседаний кафедры. В работе этого небольшого коллектива гармонично сочетались проблемы подготовки студентов и аспирантов и собственно научная деятельность. Только за один семестр, с февраля по июнь 1976 г., под руководством А.М. Сахарова состоялось восемь заседаний, были обсуждены шесть научных докладов, в том числе — известного польского историка А. Поппэ о принятии христианства на Руси. Кафедра обсудила кандидатскую диссертацию Н.В. Заварюхина, в дальнейшем одного из ведущих историков Республики Мордовия, отчёты преподавателей для переизбрания на должность (доцента А.К. Леонтьева и профессора А.Д. Горского), утверждались темы диссертаций аспирантов. Много внимания и времени уделялось защите дипломных работ (с. 162–164). На каждой защите выступали по два оппонента — преподаватель кафедры и аспирант (последние ощущали свою ответственность и волновались не меньше самого дипломника). Эти материалы находятся в приложении к книге.

В основном её составе имеется очерк, посвящённый работе Сахарова на факультете, где прошла практически вся его жизнь, начиная с поступления на первый курс в 1940 г., за исключением периода Великой Отечественной войны, когда будущий учёный был на фронте. Автору-составителю удалось не только подробно рассказать о творческом пути отца, но и передать атмосферу, царившую в университете, сказать о роли выдающихся учёных, способствовавших её формированию, в том числе Б.А. Рыбакова, первого заведующего созданной в 1953 г. кафедры истории СССР периода феодализма, М.Н. Тихомирова, Л.В. Черепнина, Г.А. Новицкого. Мы видим, как формировался состав кафедры, определивший её лицо в 1960–1980-х гг., когда большую роль играли учёные,

вернувшиеся с фронтов Великой Отечественной войны: М.Т. Белявский, А.Д. Горский, П.П. Епифанов, А.К. Леонтьев. Прослеживается связь учебной работы кафедры с реализацией важных научных проектов, в их числе работа над многотомной серией очерков по истории русской культуры, для координации которой была создана специальная лаборатория во главе с Анатолием Михайловичем. Можно отметить и участие кафедры в создании серии работ по истории Московского университета, написании учебников для средней и высшей школы. В 1975 г. А.М. Сахаров, за плечами которого уже имелся большой опыт в налаживании учебной и научной работы, стал заведующим кафедрой. В этой должности он мог бы продолжить и завершить многие проекты, начатые при его участии, задумать новые, но срок ему был отпущен недолгий. В апреле 1978 г. Анатолий Михайлович скоропостижно скончался. Я тогда учился на четвёртом курсе, специализировался по кафедре истории СССР периода феодализма и отчётливо помню, насколько глубоко поразила эта трагическая весть всех нас — от преподавателей до студентов. Профессор Н.Б. Голикова сказала кратко и точно: «Мы осиротели!».

Вклад А.М. Сахарова в изучение истории средневековой Руси значителен, о чём свидетельствуют и материалы книги. Нельзя не отметить очевидную связь научных интересов историка с теми сюжетами и проблемами, с которыми он постоянно соприкасался в качестве профессора университета. Кандидатская диссертация Сахарова посвящена истории городов Северо-Восточной Руси на протяжении двух столетий. По нынешним временам это была бы уже вполне докторская диссертация. Работая на факультете, он вышел на ещё более обширные темы, требующие серьёзного обобщения.

Эти темы практически с исчерпывающей полнотой рассмотрены в очерке «Вклад А.М. Сахарова в развитие отечественной исторической науки» (с. 105–141). По большому счёту, речь идёт о целых направлениях научной и университетской деятельности. Среди них следует выделить три: образование Российского государства, история русской средневековой культуры, историография истории средневековой России. Именно в данных областях вклад Сахарова является не только существенным, но и актуальным. Его труды значимы не только и не столько в связи с накоплением исторического материала, сколько с реализацией проблемного подхода, дискуссионным напряжением, что уже тогда способствовало продвижению научной мысли и ныне сохраняет большое значение для специалистов.

Важнейшим этапом в осмыслении темы образования Российского государства и его дальнейшего развития вплоть до XVIII в. стала книга А.М. Сахарова «Феодалы города в средневековой России»², основанная на диссертации, защищённой им под руководством Л.В. Черепнина. Показательно, что как раз в те годы Черепнин завершил работу над своим фундаментальным трудом об образовании Русского централизованного государства, увидевшим свет через два года после выхода монографии Сахарова³. Черепнин, определяя социально-экономическую основу объединения русских земель вокруг Москвы, практически в равной мере оценивал значение как развития феодального землевладения, так и роста городов, на базе чего формировались экономические (прежде всего торговые) связи между отдельными княжествами. В известной мере эта концепция отвечала установкам классиков марксизма о том, что преодоление феодальной раздробленности происходило на

основе развития товарно-денежных отношений, а также роста экономических связей и раннебуржуазных элементов⁴. Однако Сахаров утверждал, что города не сыграли в процессе объединения страны роли «центров купеческого и торгового капитала». В очерке Н.А. Сахарова приводится отзыв Черепнина, объявившего вывод ученика неверным. Составитель полагает, что замечание академика необоснованно, поскольку А.М. Сахаров говорил об экономических связях между городами и их роли в борьбе за свержение ордынского ига (с. 106). На мой взгляд, Черепнин был точен в оценке позиции Сахарова, поскольку расхождение между ними состояли не в общем взгляде на роль городов в борьбе за единство русских земель, а в определении значения в данном процессе товарно-денежных связей.

Эта идея Сахарова получила развитие в его дальнейшем научном творчестве. Учёный стремился выйти за пределы известных схем, довлевших над исторической наукой, поскольку видел, что объективный анализ имевшихся данных приводит к иным выводам. Конечно, речь ни в коей мере не идёт об отрицании марксизма в качестве основы научной методологии. Сахаров стоял за творческое применение идей исторического материализма в осмыслении истории, развитие и совершенствование этой теории, чтобы она способствовала продвижению научного знания, а не воспринималась как догма, сковывающая мысль исследователя.

Проблема развития товарно-денежных отношений оказалась наиболее острой в рамках активно развивавшихся в то время в советской науке дискуссий о сущности социально-экономического и политического строя Российского государства при переходе от «феодализма к капитализму». Сторонники так называемого раннего генезиса капитализма,

или «рыночники», отмечали, что достигнутый Россией уровень товарно-денежных отношений свидетельствовал о генезисе капитализма в стране в XVII, а иногда и в XVI в. Сахаров оставался последователен в своих оценках. В ходе дискуссии о стадиях феодализма, развернувшейся по инициативе М.В. Нечкиной, он настаивал, что в XVII в. феодально-крепостнический строй ещё не вступил в «нисходящую стадию», а в дискуссии об абсолютизме не переоценивал уровень развития буржуазных отношений. Можно полагать, что в споре о генезисе феодализма Сахаров был на стороне большинства его коллег, сотрудников исторического факультета МГУ, поддерживавших идею о «позднем генезисе капитализма». Как отмечается в очерке, Сахаров считал, что заявлять об активном развитии буржуазных отношений и генезисе капитализма XVI–XVII вв. преждевременно. Правда, здесь же говорится, что учёный заявлял и «о зарождении буржуазно-капиталистических отношений» (с. 108). В этом видится очевидное противоречие, поскольку «генезис» и «зарождение» — понятия весьма близкие. Очевидно, Сахаров был осторожен в формулировках в отличие от некоторых коллег, склонных отрицать всякие элементы капитализма в XVII в. Впрочем, детальный анализ социально-экономических отношений в XVII столетии, на основании чего можно сделать более определённые выводы, всё же оставался за пределами основных научных интересов учёного.

Тем не менее нужно отметить, что взвешенная и объективная оценка Сахаровым уровня развития русского города, купечества, товарно-денежных отношений нашла дальнейшее развитие в исследованиях кафедры истории СССР периода феодализма и факультета, в частности в трудах Н.Б. Голиковой, Н.В. Козловой, А.С. Орлова, а также Л.В. Милова, заведовавшие

кафедрой в 1990–2000-х гг. Идею о преимущественно феодальной основе объединения русских земель вокруг Москвы развил в своих трудах А.Д. Горский, соратник А.М. Сахарова по школе Л.В. Черепнина и его преемник в качестве заведующего кафедрой.

Не меньшее значение имеют выводы и наблюдения Сахарова по другим важнейшим научным проблемам. Он стоял у истоков создания фундаментального многотомного труда по истории русской культуры, издание томов первой серии которого (до XVIII в. включительно) заняло несколько десятилетий, и работа над ними продолжается до сих пор. Разделяя высказанную в книге оценку впечатляющего вклада Сахарова в создание этого труда, за что он вместе с коллегами был удостоен Государственной премии СССР, отмечу, что отражённое во всех томах понимание культуры как исключительно ёмкого и обширного процесса, объединяющего все стороны человеческой деятельности в материальной и духовной областях с точки зрения качества, формы и результата. Тем самым история культуры равна истории как таковой. Недаром первая часть «Очерков» открывается предисловием Сахарова, где даётся характеристика истории России того периода. Цитата оттуда приводится и в рецензируемой книге (с. 116).

Как большой учёный и наставник студентов и аспирантов Сахаров успешно работал и на поприще историографии. К середине XX в. советскими историками был накоплен большой опыт в данной дисциплине, появилось немало обобщающих работ и учебных пособий. Приступив к изучению и преподаванию историографии, Сахарову следовало сформулировать верный и современный подход к пониманию её предмета. Оставаясь в рамках доминировавшей тогда

марксистской парадигмы и выделяя этапы «дворянской» и «буржуазной» историографии, историк тем не менее определил главное: эта отрасль знания в качестве предмета имеет прежде всего «историю изучения отечественной истории в нашей стране». Предмет историографии, по его мнению, вовсе не сводится к истории научного творчества отдельных историков и, тем более, к истории изучения какой-либо темы. Важно напомнить ещё один завет Сахарова из вводной лекции опубликованного курса историографии: «Оценивая историческую науку в до-революционной России, мы не можем становиться ни на позиции её нигилистического отрицания, ни на позиции некритического восприятия её достижений»⁵. Эта максима сохраняет значение и в наши дни, когда речь идёт об ушедшем периоде историографии советской.

В том же очерке о вкладе Сахарова в развитие исторической науки сказано и о его обширных международных связях, о совершенствовании высшего исторического образования, работе над школьным учебником. При этом создаётся впечатление, что Анатолий Михайлович и коллектив кафедры, где он работал, были органически связаны с обширной средой отечественной

исторической науки и гуманитарного знания вообще, куда входили академические институты (прежде всего Институт истории СССР АН СССР) и вузы, издательства, архивы, библиотеки. Об этом свидетельствует также отдельный очерк о друзьях и коллегах Сахарова.

В книге об Анатолии Михайловиче Сахарове не только достойно и основательно представлены достижения учёного и организатора науки, но и на должном уровне отражены основные тенденции в развитии исторических исследований и высшей школы в нашей стране в середине XX в.

Примечания

¹ См., например: Пётр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка / Сост. Л.Г. Захарова, С.В. Мироненко, Т. Эммонс. М., 2008; *Червонов С.Д.* Испанский средневековый город. СПб., 2018.

² *Сахаров А.М.* Города Северо-Восточной Руси XIV–XV веков. М., 1959.

³ *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

⁴ *Энгельс Ф.* О разложении феодализма и возникновении национальных государств // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 21. М., 1961. С. 443.

⁵ *Сахаров А.М.* Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978. С. 5.

Наши авторы

Буддаков Владимир Прохорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Войтиков Сергей Сергеевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Воронин Всеволод Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор Московского педагогического государственного университета

Глушич Антон Михайлович, аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», преподаватель Севастопольского государственного университета

Захаров Виктор Николаевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Захарченко Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ

Кононенко Анатолий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор Тюменского государственного университета

Котов Александр Эдуардович, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Куприянов Александр Иванович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Кучкин Владимир Андреевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Магарамов Шарафутдин Арифович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН (Махачкала)

Майоров Александр Вячеславович, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Мамонов Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Мезин Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского

Прозуменщиков Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, заместитель директора Российского государственного архива новейшей истории

Пушкарёва Ирина Михайловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Роднов Михаил Игоревич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Смирнов Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Степанов Валерий Леонидович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, ведущий научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Тихонов Виталий Витальевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Федоров Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент Челябинского государственного университета

Шамин Степан Михайлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Червяков Руслан Юнадиевич, аспирант исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, старший научный редактор издательства «Большая российская энциклопедия»

СОДЕРЖАНИЕ

История власти

<i>А.В. Майоров</i> «Умиротворение и контроль»: монгольское правление на Руси в середине XIII в. . . .	3
<i>В.А. Кучкин</i> Наследование городов в Русском государстве сыновьями Ивана III по его завещанию 1503 г.	23

Сюжеты и эпизоды

<i>Ш.А. Магарамов</i> Визит дербентского правителя Имама Кули-бека в Петербург	41
---	----

Лица и взгляды

<i>В.Л. Степанов</i> Министр финансов И.А. Вышнеградский и голод 1891–1892 гг.	47
<i>А.Э. Котов</i> Инженер К.О. Де-Скроховский: консерватор против бюрократии	70

Институты и общности

<i>А.В. Захарченко</i> Госплан и проблема конверсионного перехода в военной промышленности СССР во второй половине 1940-х гг.	84
<i>А.Н. Федоров</i> Злоупотребление и взыскание: коррупция региональных руководителей СССР в 1946–1952 гг.	103

Идеи и образы

<i>Р.Ю. Червяков</i> «Надо бить смехом»: журнал «Крокодил» и советские карикатуристы в годы холодной войны (конец 1940-х — начало 1990-х гг.)	121
---	-----

«О спорт, ты — мир!»

<i>А.М. Глушич</i> Становление советской спортивной дипломатии: структуры и практики.	139
<i>А.И. Куприянов</i> Олимпийский дебют советского спорта	154
<i>М.Ю. Прозуменчиков</i> За политическими кулисами мирового спорта: СССР и международные спортивные организации во второй половине XX в.	170

<i>С.А. Мезин</i> — Французское исследование о Петре Великом	183
<i>С.М. Шамин</i> — Брадобритие в эпоху Петра Великого — политика и культура	189
<i>В.Е. Воронин</i> — Правящая бюрократия и реформы в России в середине XIX в.: взгляд американского историка	196
<i>А.В. Мамонов</i> — Реформатор и его замыслы	204
<i>М.И. Роднов</i> — Банк и люди	214
<i>С.С. Войтиков</i> — Новая книга о Леониде Красине	216
<i>А.А. Кононенко</i> — А.В. Сушков. Империя товарища Кабакова. Уральская партноменклатура в 1930-е годы	222
<i>В.П. Булдаков</i> — Сатира и Сталин	226
<i>Н.Н. Смирнов</i> — Постигая российские революции	232
<i>В.В. Тихонов</i> — Советская империя наций Франсин Хирш	235
<i>И.М. Пушкарёва</i> — Советский историк послевоенного поколения профессор А.М. Сахаров	238
<i>В.Н. Захаров</i> — Профессор, исследователь, организатор науки А.М. Сахаров	241
Наши авторы	246

CONTENTS

History of power

<i>A.V. Maiorov (Saint Petersburg State University, Russia)</i>	
«Pacification and Control»: Mongol rule in Rus' in the mid-13 th century	3
<i>V.A. Kuchkin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Inheritance of cities in the Russian state by the sons of Ivan III according to his will of 1503	23

Scenarios and episodes

<i>Sh.A. Magaramov (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences, Makhachkala)</i>	
Visit of the Derbent ruler Imam Kulibek to Saint Petersburg	41

Persons and views

<i>V.L. Stepanov (Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow; Saint Petersburg State University, Russia)</i>	
Finance Minister I.A. Vyshnegradsky and the Famine of 1891–1892	47
<i>A.E. Kotov (Saint Petersburg State University, Russia)</i>	
Engineer K.O. De-Skrokhovsky: conservative versus bureaucracy	70

Institutions and communities

<i>A.V. Zakharchenko (Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow)</i>	
Gosplan and the problem of conversion in the Soviet military industry in the second half of the 1940s	84
<i>A.N. Fedorov (Chelyabinsk State University, Russia)</i>	
Misuse and punishment: corruption of regional leaders of the USSR in 1946–1952 . . .	103

Ideas and images

<i>R.Yu. Chervyakov (Lomonosov Moscow State University, Russia; Great Russian Encyclopedia, Moscow)</i>	
«Must strike with laughter»: «Crocodile» magazine and Soviet cartoonists during the Cold War (late 1940s – early 1990s)	121

«Oh Sport, you are peace!»

<i>A.M. Glushich (HSE University, Moscow, Russia; Sevastopol State University, Russia)</i>	
Formation of Soviet sports diplomacy: structures and practices	139
<i>A.I. Kupriianov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Olympic debut of Soviet sports	154
<i>M.Yu. Prozumenshchikov (Russian State Archive of Contemporary History, Moscow)</i>	
Behind the political scenes of world sports: the USSR and international sports organizations in the second half of the 20 th century	170

Reviews

<i>S.A. Mezin (Saratov State University, Russia)</i>	
French Research on Peter the Great	183
<i>S.M. Shamin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Shaving in the era of Peter the Great – politics and culture	189
<i>V.E. Voronin (Moscow State Pedagogical University, Russia)</i>	
The ruling bureaucracy and reforms in Russia in the middle of the 19 th century: the view of an American historian	196
<i>A.V. Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
The reformer and his ideas	204
<i>M.I. Rodnov (Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences)</i>	
Bank and people	214
<i>S.S. Voytikov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
New book about Leonid Krasin	216
<i>A.A. Kononenko (Tyumen State University, Russia)</i>	
Rec. ad op.: A.V. Sushkov. Imperiya tovarishcha Kabakova. Ural'skaya partnomenklatura v 1930-e gody	222
<i>V.P. Buldakov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Satire and Stalin	226
<i>N.N. Smirnov (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)</i>	
Comprehending the Russian revolutions	232
<i>V.V. Tikhonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Francine Hirsch's Soviet empire of nations	235
<i>I.M. Pushkareva (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
The Soviet historian of the post-war generation, Professor A.M. Sakharov	238
<i>V.N. Zakharov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Professor, researcher, organizer of science A.M. Sakharov	241
Contributors to this issue	246

РЕДАКЦИЯ

Круглов В.Н., к.и.н.	— Отдел Новейшей истории
Богомолов И.К., к.и.н.	
Мамонов А.В., к.и.н.	— Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н.	— Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В.	— Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н.	— Литературный редактор